

ISSN 0134-8515

СЕВЕРНО
РУССКИЕ
ГОВОРЫ

19

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Published since 1969

Volume 19

Editor-in-chief
E. Puritskaya

ST. PETERSBURG
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 19

Ответственный редактор
Е. В. Пурицкая

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

2020

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Севернорусские говоры. Вып. 19 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. — 440 с.

Сборник «Севернорусские говоры» (вып. 18 вышел в 2019 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. Это научное издание посвящено проблемам диалектологии, а также межъязыковым и межэтническим контактам. Статьи сборника отличает широкий сравнительно-исторический фон, внимание к фактам этнографии и древнерусской региональной письменности. Сборник предназначен для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ISSN 0134-8515

DOI: 10.30842/013485152020

Northern Russian dialects. Vol. 19 / Ed.-in-chief E. Puritskaya. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2020. — 440 p.

The «Northern Russian Dialects» is an academic collection focusing on the problems of dialectology, the inter-ethnic and inter-language contacts in the Russian North, particularly Russian, Baltic and Finnish contacts. The Collection is published once a year from 1969 by the Interdepartmental Lexicographical Studio named after Prof. Larin at Philological Faculty, St. Petersburg State University (SPSU) and from 2015 by the Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences. The Collection was founded by the famous Russian philologist prof. Boris Larin. The publications are mostly based on the extensive fieldwork with the focus on the regional vocabularies. The Collection is characterized by the wide comparative and historical background, draws attention to the ancient Russian regional literature, and highlights the issues of historical geography.

© ИЛИ РАН, 2020

© Авторы статей, 2020

Ответственный редактор: к. ф. н., ст. науч. сотр. *Е. В. Пурицкая* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).

Редакционная коллегия: д. ф. н. проф. *Н. В. Богданова-Бегларян* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), к. ф. н. *Р. И. Воронцов* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН), к. ф. н. *Р. В. Гайдамашко* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена), к. ф. н. доц. *И. С. Лутовинова* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), к. ф. н. доц. *Л. П. Михайлова* (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет), член-корреспондент РАН, д. ф. н. проф. *С. А. Мызников* (Москва, Институт славяноведения РАН; С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена).

Редакционный совет: д. ф. н. проф. *Н. Г. Зайцева* (Петрозаводск, Карельский научный центр РАН), член-корреспондент РАН, д. ф. н. проф. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск, Карельский научный центр РАН), д. ф. н. проф. *Е. А. Нефедова* (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), д. ф. н. проф. *А. Н. Ракин* (Сыктывкар, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН), PhD проф. *Я. Саарикиви* (Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский университет), д. ф. н. проф. *Н. С. Сергиева* (Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), д. ф. н. проф. *Г. В. Судаков* (Вологда, Вологодский государственный университет).

Editor-in-chief: *E. Puritskaya* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia).

Executive Board: *N. Bogdanova-Beglaryan* (Dr., Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *R. Gaidamashko* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, A. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia), *I. Lutovinova* (Cand. Philol., Assistant Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *L. Mikhailova* (Cand. Philol., Assistant Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia), *S. Myznikov* (Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr., Prof., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, A. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia), *R. Vorontsov* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia).

Editorial Board: *I. Mullonen* (Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr., Prof., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia), *E. Nefedova* (Dr., Prof., M. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *A. Rakin* (Dr., Prof., Komi Research Centre, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia), *J. Saarikivi* (PhD, Prof., Helsinki University, Helsinki, Finland), *N. Sergieva* (Dr., Prof., Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia), *G. Sudakov* (Dr., Prof., Vologda State University, Vologda, Russia), *N. Zaitseva* (Dr., Prof., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

А. Е. Аникин

Русская колонизация в зеркале языка (к 60-летию одноименной публикации М. Фасмера) 11

С. А. Мызников

Саамизмы в русскоязычном саамском сказочном фольклоре 53

А. А. Петров

Русско-эвенско-якутские языковые контакты 77

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

Е. И. Сьянова

Имена существительные четвертого склонения в украинских говорах Воронежской области 99

Т. В. Шалаева

К этимологизации русской диалектной лексики (*прусак* 'заяц-русак, *Lepus eugoraeus*, *птичка-зверобой*) 124

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Большакова, З. В. Митченко

Мир детства в мифологических рассказах южной Псковщины (к вопросу о народной педагогике) 140

Е. Н. Варникова

Названия мастей лошадей в Словаре русских народных говоров 158

О. В. Васильева

Оценка человека через номинации и сравнения в псковских говорах (на материале предметной лексики) 182

Н. С. Ганцовская

Общенародная лексика в говорах костромского Приволжья: функциональная расслоенность 209

<i>Н. А. Красовская, Л. В. Кильмаматова</i>	
Отражение локуса севера и юга в диалектной лексике бытовой культуры	226
<i>О. Н. Крылова</i>	
Лексико-семантическая группа наименований верхней женской одежды в новгородских говорах	244
<i>А. Н. Левичкин, О. Н. Крылова, Р. В. Гайдамашко</i>	
Фольклорные материалы Пинегы II. Загадки о материальной культуре	261
<i>О. В. Попова</i>	
Лексико-семантические особенности диалектизмов анатомической тематики (на материале архангельских говоров)	279
ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
<i>М. В. Боброва, Е. В. Колосько</i>	
Принципы лексикографического описания слова <i>чѣ</i> в диалектном словаре	294
<i>И. А. Кобелева</i>	
«Новгородский областной словарь»: потерянная фразеология	315
<i>Е. Б. Кузьмина</i>	
О грамматической помете <i>без доп.</i> (без дополнения) в «Псковском областном словаре с историческими данными»	330
<i>А. В. Приображенский</i>	
Проект «Словаря оленеводческой лексики деловых документов севера Карелии»	343
НАРОДЫ СЕВЕРА: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	
<i>А. Н. Ракин</i>	
Лексика лугового ландшафта в коми языке	357
ПАМЯТИ КОЛЛЕГ	
Людмила Александровна Ивашко (1928–2019)	374
Людмила Александровна Ивашко. Библиография	378
Любовь Петровна Михайлова (1939–2020)	398
Любовь Петровна Михайлова. Библиография	403

CONTENTS

LANGUAGE CONTACT

Alexandr Anikin

Russian colonization as reflected in the language (to the 60th anniversary of M. Vasmer's publication of the same name) 11

Sergey Myznikov

Saami loan words in the Russian-language Saami fairylore 53

Alexander Petrov

Russian-Even-Yakut language contacts 77

DIALECT DYNAMICS AND STABILITY

Elena Syanova

Fourth declension nouns in Ukrainian dialects of the Voronezh region 99

Tatiana Shalaeva

On the etymologization of the Russian dialect vocabulary (*prusak* 'european hare, *lepus europaeus*, *ptichka-zveroboy*) 124

LEXICON OF FOLK CULTURE

Natalia Bolshakova, Zinaida Mitchenko

The world of childhood in mythological stories of the Southern Pskov region (on the issue of folk pedagogy) 140

Evgeniya Varnikova

Horse color names in the Dictionary of Russian folk dialects 158

Olga Vasilieva

Assessment of a human through nominations and comparisons in Pskov dialects (a case study in presentive vocabulary) 182

Nina Gantsovskaya

Common vocabulary in the dialects of the Kostroma Volga region: functional stratification 209

Nelli Krasovskaya, Lubov Kilmamatova

Reflection of the locus of North and South in the dialect vocabulary of household culture 226

<i>Olga Krylova</i>	
Lexical and semantic group of names of women's outwear in Novgorod dialects	244
<i>Alexander Levichkin, Olga Krylova, Roman Gaidamashko</i>	
Folklore materials from Pinega. Part 2. Riddles about material culture	261
<i>Olga Popova</i>	
Lexical and semantic peculiarities of the dialect words pertaining to the body parts (based on the Arkhangelsk dialect)	279
DIALECT LEXICOGRAPHY	
<i>Maria Bobrova, Elena Kolosko</i>	
Principles of lexicographic description of the word <i>cho</i> in the dialect dictionary	294
<i>Irina Kobeleva</i>	
Novgorod regional dictionary: lost phraseology	315
<i>Elena Kuzmina</i>	
On the use of grammatic label <i>bez dop.</i> (without object) in Pskov regional dictionary with historical data	330
<i>Andrey Priobrazhenskiy</i>	
The dictionary of reindeer herding lexis used in business documents of North Karelia: a project	343
PEOPLES OF THE NORTH: LANGUAGE AND CULTURE	
<i>Anatoliy Rakin</i>	
Vocabulary of meadow landscape in the Komi language	357
IN MEMORIAM	
Lyudmila Aleksandrovna Ivashko (1928–2019)	374
Lyudmila Aleksandrovna Ivashko. Bibliography	378
Lyubov Petrovna Mikhailova (1939–2020)	398
Lyubov Petrovna Mikhailova. Bibliography	403

А. Е. Аникин

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА (К 60-ЛЕТИЮ ОДНОИМЕННОЙ ПУБЛИКАЦИИ М. ФАСМЕРА)

Цитирование: Аникин А. Е. (2020) Русская колонизация в зеркале языка (к 60-летию одноименной публикации М. Фасмера). *Севернорусские говоры*, 19: 11–52.

Сведения об авторе. Аникин Александр Евгеньевич. Институт филологии Сибирского отделения РАН. Новосибирск, Россия.
<alexandr_anikin@mail.ru>

Аннотация. Статья написана по случаю 60-летия одной из последних работ Макса Фасмера, в которой он обобщил итоги своих (и других ученых) исследований по ономастике и этимологии в связи с проблемами лингвоэтнической истории России. Делается попытка кратко ответить на вопросы о том, насколько продвинулись с 1960 г. наши знания по тем проблемам, которые наметил в своей публикации М. Фасмер, и о том, что из его открытий сохраняет свое значение до сих пор. В статье Фасмера ставятся и обсуждаются следующие темы (проблемы): I. Иранский языковой элемент на юге России; II. Уральскоязычные (прибалтийско-финские, саамские, пермские, мордовские, мерянские) субстратные и заимствованные элементы в русской лексике и топонимии; III. Топонимы и топоосновы тюркского происхождения в русском языке; IV. Древнейшие места обитания восточных славян. Голядь и балтийское лексическое наследие в русском языке. Перенос гидронимов и топонимов в процессе славянской колонизации Восточной Европы;

V. Лексические различия восточнославянских языков и русских диалектов; VI. Севернорусская и новгородская колонизация Севера и Сибири. Финно-угорские заимствования в русский язык как индикаторы русской колонизации; VII. Антропонимы севернорусского происхождения в Сибири.

Комментарии к названным темам (проблемам) даются в настоящей статье с преимущественным вниманием к литературе «послефасмеровского» периода. Обобщая, можно сказать, что несмотря на относительную малость имевшегося в его распоряжении материала, Фасмер намечал верные пути исследования, а его конкретные этимологические решения и по прошествии 60 лет по большей части оцениваются как надежные или конкурентоспособные.

Ключевые слова: иранизмы, уралоязычный субстрат, балтизмы, севернорусская и новгородская колонизация, русизмы в языках Сибири.

(1)

Макс Фасмер известен прежде всего как автор «*Russisches etymologisches Wörterbuch*» [REW], одного из наиболее авторитетных этимологических словарей по индоевропейским языкам. В России и странах бывшего СССР эту книгу знают по преимуществу в русском переводе (четырёхтомный «Этимологический словарь русского языка» [Фасмер]) О. Н. Трубачева, который сделал к словарю множество ценных дополнений. Однако научная деятельность Фасмера отнюдь не исчерпывается REW и отраженными в нем многочисленными публикациями Фасмера по русской и славянской этимологии, особенно в основанном им журнале «*Zeitschrift für slavische Etymologie*». Ему принадлежит также ряд важных трудов по лингвоэтнической истории, топо- и гидронимии Восточной Европы, в той или иной мере также отразившихся в REW. В этой связи уместно вспомнить о следующем событии.

В 1960 г. в Мюнхене были опубликованы материалы VI Международного конгресса по ономастике, состоявшегося в том же городе в 1958 г. В них содержалась статья (доклад) М. Фасмера

«Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache»¹, подведшая итог его (и других ученых) исследований² по ономастике и этимологии в связи с проблемами лингвоэтнической истории территорий европейской, а отчасти и азиатской России. Эти итоги можно расценить и как отправной пункт для последующих поколений исследователей.

Настоящая публикация дань памяти упомянутой статье М. Фасмера, а тем самым и ему самому. Оптимальным способом отметить юбилейную дату были бы подробные ответы на вопросы о том, насколько продвинулись с 1960 г. наши знания по тем научным темам (проблемам), которые отметил в своем тексте Фасмер, и о том, что из его открытий сохраняет свое значение до сих пор. Но для полного освещения этой темы, вероятно, потребовалась бы целая монография. Здесь будут даны лишь выборочные соображения (по большей части обусловленные интересами автора этих строк), и минимум библиографических ссылок. Для целей данной статьи подачу материала пришлось несколько изменить в сравнении с тем, как он дается у Фасмера, а также ввести нумерацию, которой у Фасмера нет. Следует учесть, что его изложение очень лаконично и сопровождается минимумом примеров.

Обсуждаемые в [Vasmer 1971] темы (проблемы) топонимическо-этимологических исследований в самом общем виде можно представить так:

1. Иранский языковой элемент на юге России.

---

¹Статья [Vasmer 1960] здесь и далее цитируется по переизданию в [Vasmer 1971], точнее, [Vasmer 1971, 2: 776–785]. Автора этих строк с данной публикацией познакомил в 1995 г. проф. В. Феенкер, в то время директор Института финно-угроведения Гамбургского университета. Публикация Фасмера попала также в поле зрения Е. А. Хелимского и В. Л. Васильева, работы которых цитируются ниже.

²Перечень литературы в [Vasmer 1971, 2: 785] включает всего около 20 пунктов, что может быть обусловлено небольшим объемом публикации. Это труды самого Фасмера, К. Бути, Я. Калимы, К. Виклунда, А. Каннисто, Т. Итконена, М. Эберта, Д. К. Зеленина, С. В. Бахрушина, С. Ф. Платонова, В. О. Ключевского, М. К. Любавского.

II. Уральскоязычные (прибалтийско-финские, саамские, пермские, мордовские, мерянские) субстратные и заимствованные элементы в русском языке (топонимии).

III. Топонимы и топоосновы тюркского происхождения в русском языке.

IV. Древнейшие места обитания восточных славян. Голядь и балтийское лексическое наследие в русском языке. Перенос гидронимов и топонимов в процессе славянской колонизации Восточной Европы.

V. Лексические различия восточнославянских языков и русских диалектов.

VI. Севернорусская и новгородская колонизация Севера и Сибири. Финно-угорские заимствования в русский язык как индикаторы русской колонизации.

VII. Антропонимы севернорусского происхождения в Сибири.

Далее следуют некоторые комментарии к названным темам (проблемам) с преимущественным вниманием к литературе «послефасмеровского» периода. Эта задача облегчается описанием и оценкой (сугубо позитивной) вклада М. Фасмера в изучение субстратной топонимии лесной зоны Европейской России, которую дал В. В. Напольских [Напольских 2015: 26–27 и др.].

I

Лаконично излагая в своей статье историю иранского элемента в северном Причерноморье, М. Фасмер пишет о длительном пребывании там скифо-сарматов. Самые северные иранские следы в топонимике, по его мнению, — гидронимы *Осмось* (иран. *astanyu*- ‘каменистый’) и *Ропша* (она же *Лисичка*) на юге России. Для понимания значения данных этимологий М. Фасмера уместно привести оценку О. Н. Трубочева: в бассейне Сейма Фасмер открыл такие несомненные иранские названия, как *Осмось*, *Каменная Осмонька* и др. В бассейне Десны находится балтийская

*Лопанка*³, связанная отношением калькирования, с одной стороны, с иранской *Ропией* (согласно В. И. Абаеву, из скифск. *rauraša ‘лисица’), с другой стороны — со славянской *Лисичкой* [Трубачев 1967: 13]. Открытие Фасмера, развитое В. И. Абаевым, стало основой для тезиса о балто-иранских контактах [Топоров, Трубачев 1962: 225, 231]. В другом месте О. Н. Трубачев расценил как «классические» положения Фасмера в его «этапном» труде [Vasmer 1923] о 8 названиях рек иранского происхождения (включая наиболее правдоподобные *Ропиша* и *Осмонь*) в Среднем и Нижнем Поднепровье [Трубачев 1968: 277]. Правда, в важной работе Г. Шрамма [Шрамм 1997: 138] их оценка скептическая.

Отвлекаясь от статьи [Vasmer 1960], можно вспомнить другое яркое открытие Фасмера, вполне сохраняющее свое значение: греческое название Черного моря *πόντος Ἰσθμικὸς*, букв. ‘Негостеприимное море’, как эвфемистическое переосмысление иран. *axšaēna ‘темный’⁴. Рус. *Черное море* соответствует новогреч. Μαύρη θάλασσα, итал. *Mar Nero*, тур. *Kara Däniz* [Фасмер 4: 344].

Из исследований иранского (скифского) наследия в Восточной Европе resp. славянских и других языках⁵ (труды В. А. Абаева, А. А. Зализняка, О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, Й. Речека, В. В. Напольских и др.) здесь следует выделить упомянутую книгу Г. Шрамма [Шрамм 1997] и книгу Д. И. Эдельман [Эдельман 2002] с подробным описанием славяно-иранских исторических связей на всех уровнях языка.

С рассматриваемой тематикой косвенно связаны поиски «нескифских» или неиранских следов в Скифии, главным образом, — поиски индоарийского языкового наследия в Северном Причерноморье [Трубачев 1999]. Это направление, развиваемое после кончины О. Н. Трубачева А. К. Шапошниковым (например,

---

³Ср. лит. *lãpẽ*, прус. *lape* ‘лиса’.

⁴Интересна передача греческого названия (у Еврипида, «Ифигения в Тавриде») как *суровое море* в переводе Анненского, что откликнулось в его стихотворении «Черное море» [Аникин 2013].

⁵В частности, балтийских. Ср. тему *Golthescytha* у Иордана и понимание этого этнонима как ‘голядо- / галиндо-скифов’ [Топоров 1983: 45].

[Шапошников 2005]), нашло поддержку у некоторых ученых, но в основном расценивается как весьма спорное.

II

II.1–2. Согласно [Vasmer 1971, 2: 776], одними из свидетельств наличия финского субстрата на «русифицированных» территориях могут служить форманты: фин. *-joki* ‘река’, *-järvi* ‘озеро’, *-lahti* ‘залив’, *-selkä* ‘горный хребет’, *-salmi* ‘морской пролив’, *-vuori* ‘гора’, *-oja* ‘ручей’. Область распространения топонимов с такими компонентами, по Фасмеру, охватывает Архангельскую область (на востоке до Пинеги), Олонец (на востоке до Каргополя), Новгород, Тверь, а к югу простирается до Клина. О древнем саамском населении напоминают форманты: саам. кольск. *-čualm* ‘морской пролив, водный путь’ (ср. фин. *salmi*), *-ñal'm* ‘устье’.

Исследование субстрата на севере и северо-западе Европейской России достигло после Фасмера огромного прогресса, затронувшего и количество топонимических детерминантов или топоформантов и реконструкцию их облика и ареалов. Данные Фасмера (а также его современников Я. Калимы, И. А. Попова и др.) в пользу наличия в топонимике Русского Севера прибалтийско-финского и саамского компонентов, как выяснилось, были весьма фрагментарными, многие важные аспекты проблематики мало разработаны, в частности, тема вымерших финно-угорских языков. Но нельзя утверждать, что разработки Фасмера по рассматриваемой проблематике представляют только исторический интерес. Бесспорная его заслуга, сохраняющая свое методологическое значение, в том, что Фасмер начал движение в правильном направлении: усовершенствовал выделение топоформантов, определяя по их ареалу бывшее расселение уралоязычных (и не только их) народов. Во второй половине XX и в XXI вв. эта работа интенсивно продолжалась в трудах многих ученых, подтвердивших и развивших положения Фасмера на огромном материале: А. К. Матвеевым и некоторыми его учениками, И. И. Муллонен, А. Л. Шиловым, С. А. Мызниковым и др. Выделены разные типы уральского субстрата в севернорусских диалектах. Используя при

анализе мозаичной картины топонимии Русского Севера ареальный анализ наряду с этимологическим анализом дифференцирующих топооснов и топоформантов, А. К. Матвеев показал, в частности, существование древнего пласта топонимов «севернофинского» происхождения (см. об этом [Напольских 2015: 29]), восходящих к промежуточным языкам финско-саамско-волжского типа; на эту древнюю топонимию позднее наложились карельский и вепсский слои [см. об этом Шилов 2009: 76–101; Аникин 2001]. Обобщение многих важных работ по данной тематике содержится в одной из последних статей Е. А. Хелимского [Хелимский 2006], где анализ обширного материала, включая топоформанты *-(й)га*, *-ньга*, *Ухта*- и др., позволил построить новую (отличную от «матвеевской») картину древнего диалектного членения финно-угорских языков. Тенденция к рассмотрению субстрата на Русском Севере (во всяком случае, его древнейших пластов) не как финского и саамского (как у Фасмера) или финно-саамского, а как более общего «Западно-Уральского» (финский — саамский — мордовский), прослеживается и в работах некоторых финских ученых (Я. Саарикиви, Я. Хэкиннен, П. Калвио).

Из топонимического наследства пермского населения Фасмер отмечает в своей статье форманты коми *-va* ‘река’ (ср. *Колва*, букв. ‘рыбная река’, и под.), *-šor* ‘ручей’, удм. *-šur*, *-vaj* ‘разветвление’, *-jol* ‘ручей’ и др. [Vasmer 1971, 2: 777]. Однако речь здесь идет об относительно поздних явлениях [Матвеев 1995: 39].

II.3. Остается в силе основополагающее соображение Фасмера о близком родстве этнонимов *мари* (рус. *марийцы*) и *меря*, локализуемого в ареале, соответствующем позднейшим Москве, Подмосковью и Суздалью (Владимирской области). Он обратил в этой связи внимание на форманты *-ner* ‘мыс, коса, холм’, *-nur* ‘поле’, *-äñar* ‘ручей’ [Vasmer 1971, 2: 777]. Развивая идеи Фасмера, А. К. Матвеев не отождествлял мерю и мари (черемисов), но, подобно Фасмеру, видел в марийцах ближайший к мере финно-угорский этнос. Обобщая результаты многих исследователей, А. К. Матвеев использовал меряную гипотезу для объяснения субстратной топонимии к югу от зоны сплошного распростране-

ния финско-саамской топонимии, а также для обоснования наличия топонимии мерянского происхождения на Русском Севере, в бассейне среднего течения Устья⁶ (оценку работ А. К. Матвеева как «прорыва» в исследовании мерянского языка и топонимии Центра см. в [Напольских 2015: 25]).

III

Исследование топонимов тюркского происхождения (топонимического наследия хазар, печенегов, куманов и др.) Фасмер расценил как задачу, которую исследователям, вероятно, предстоит еще долго решать. Как наиболее выразительные, согласно Фасмеру, выделяются форманты чувашского (т. е. болгаро-чувашского) происхождения: *širma* ‘река’ и *poś, boś* ‘источник’ (ср. тюрк. *baş* ‘голова’). Из прочего материала он указал тюрк. *-su, -suy* ‘вода, река’, *göl* ‘озеро’, *jalan* ‘равнина’ и др. Разумеется, эти наблюдения отражают лишь очень малую часть соответствующего материала. «После Фасмера» появилось множество работ по отдельным ареалам топонимии и этимологии топонимических тюркизмов в восточнославянских языках (в работах К. Менгеса, И. Г. Добродомова, Е. С. Отина, В. А. Никонова и др.). Правда, большой обобщающей работы этого рода пока нет, как нет и полноценного словаря апеллятивных тюркизмов в русском языке (словарь [Шипова] хотя и полезный, не удовлетворял с самого своего появления).

IV

IV.1. Локус наиболее раннего расселения восточных славян Фасмер определил в своей статье там, где по его данным группируются древние исконнославянские гидронимы на *-aj* (типа *Бережай*), *-oč* (*Белоч*⁷), *-ostь* (*Мокрость*, *Черность*, *Добрость*) и гидро-

---

⁶Обобщение дискуссии (А. К. Матвеев, А. Альквист и др.), возникшей по поводу возможных топонимических индикаторов мери, в частности, *-хта / -гда, -бол / -бола*, дал А. Л. Шилов [Шилов 2001].

⁷Ожидалось бы *-očь* (*Белочь*) но у Фасмера дается без *-ь*.

нимы на *-va*, восходящие к *ǫ*-основам (*Багва* и под.): территории на Днестре бывших Киевской, Черниговской, Волынской, Минской и Могилевской губерний. По верхнему Днепру и прилегающим рекам бассейна озера Ильмень славяне, как пишет Фасмер, пробились к землям, где позднее возник Новгород [Vasmer 1971, 2: 777–778]. Их путь лежал через земли, населенные балтами, которые простирались от позднейшей Восточной Пруссии до нынешнего Можайска. В летописях они фигурируют под именем *Голядь*, которое исторически тождественно имени *Галиндов* на западе древней Балтии (Γαλίνδοι Птолемея) и на территории в районе нынешних Калуги и Смоленска. Этноним *Голядь* / Γαλίνδοι правдоподобно сравнивается с лит. *gālas* ‘конец’, что предполагает понимание ‘крайние, пограничные’ (ср. подобный смысл этнонима *маркоманы*). *Голядь* слилась с восточным славянством, оставив характерные гидронимы на *-esa* (ср. лит. *Laukesà* при *laiikas* ‘поле’) и на *-apė* (ср. прус. *Angerapp* ‘Угревая река’), *-upė* ‘река’ [Vasmer 1971, 2: 778].

Продвижение славян из исходного ареала («Kerngebiet») на Среднем Днестре сопровождалось, как пишет Фасмер, переносом названий из этого ареала на новые места: Беломорье, верхнюю Волгу, Северо-Восток и др. Ссылаясь на Д. К. Зеленина, он предполагает, в частности, перенос гидронима *Двина*: *Западная Двина* (впадает в Балтийское море) → *Северная Двина* (впадает в Белое море). Подобные переносы отмечаются для гидронимов *Ока*, *Цна* (< ? *Тъсна, ср. прус. *tusna* ‘тихий’ [Фасмер 4: 303]), а также для некоторых топонимов [Vasmer 1971, 2: 778]. К примерам этого рода у Фасмера можно добавить, между прочим, топоним *Галич* в Костромской земле⁸, ранее *Галичь Мер(ь)ский* (*Владимирский*) — ср. др.-рус. *Галичь Червеньский* (*Старый*), центр Галицкой (Галицко-Волынской) земли; также *Галич* как название города в Ивано-Франковской обл., на Днестре [РЭС 9: 356].

---

⁸Следует учитывать и топоним *Солигалич*, также в Костромской земле [Васильев 2012: 49].

Разумеется, этимологии, основанные на допущении переноса названий, могут иметь альтернативы. Так, в отношении Северной Двины А. К. Матвеев отмечал, что для такой значительной реки немотивированный перенос маловероятен [Матвеев 1987а: 70; Матвеев СТ 1: 43] и допускал лишь влияние названия (*Западная Двина*) при адаптации иноязычного гидронима.

Как свидетельство против переноса названия Двины можно истолковать отраженное в летописи и в текстах ученых XVI–XVIII вв. (С. Герберштейн и др.) убеждение, что (*Северная*) Двина этимологически от *два*, т. к. эта река возникает от слияния двух рек, Юга и Сухоны. Ср. местный гидроним *Двойня: река... образуется из двух ручьев, зовут Двойня* [НОС: 211]. Б. А. Ларин [Ларин 1959: 231] развил данное объяснение в связи со ст.-рус. *dwīna* в записях Ричарда Джемса. Такую этимологию не исключал и А. К. Матвеев [Матвеев 1987а], т. к. восточные славяне могли довольно рано узнать о Северной Двине. В этом случае предполагается упрощение *dv-* > *v-* в анлауте карел. *Viena*, фин. *Vienanjoki* (см. подробнее [РЭС 13: 39–40], здесь же о Западной Двине).

Вкратце изложенные в IV.1 соображения Фасмера из его статьи 1960 г. были значительно дополнены и переосмыслены другими исследователями, но в той или мере выдержали испытание временем. Это касается положения о «прорыве» («Durchstoß») славян на будущие псковско-новгородские земли со Среднего Днепра через земли, занятые балтами, и более частных суждений, например, о конкретных суффиксальных образованиях ранневосточнославянского ареала. Успешные исследования древненовгородского диалекта, выявившие его «особость» на фоне восточнославянских языков и близость к западнославянским, прежде всего к лехитским языкам, привели к гипотезе о западном пути славян в ильменско-псковские земли, а именно, из Повисленья. Вместе с тем, анализ топонимических архаизмов Новгородской земли наряду с другими лингвистическими данными свидетельствует скорее в пользу прихода славян на Новгородскую землю не западным путем, а с юга, из галицко-волынских земель, на что ука-

зывают, согласно В. Л. Васильеву [Васильев 2012: 680]⁹, многочисленные новгородско-южнославянские топонимические изоглоссы без участия или при малом участии западных славян.

Топонимическим маркерам экспансии славян на территорию Подмосковья посвящена одна из работ А. Л. Шилова [Шилов 2010].

Дополняя Фасмера, можно сказать, что территория, занимаемая двумя современными балтийскими языками, окружена славянским ареалом с запада, юга и востока, причем славянский ареал несравненно шире балтийского. Однако в древности, в эпоху, предшествовавшую балканской и другим миграциям славян, т. е. до середины I тысячелетия н. э., когда носители праславянского языка, согласно наиболее распространенному мнению, занимали «довольно узкую полосу между верховьями Вислы и Средним Днепром», территория Славии была в несколько раз меньше территории Балтии [Топоров 1988: 275]. Радикальные изменения этого соотношения стали происходить около V–VI вв. н. э., когда началась экспансия славян и славянизация аборигенного балтийского и финно-угорского населения, а также процессы межъязыковой и междиалектной интерференции, в определенных исторических условиях приведшие к формированию древнерусского и позднее (с XIV в.) (велико)русского, белорусского и украинского языков. Несмотря на различия во взглядах исследователей последних десятилетий (труды О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, Р. А. Агеевой, Г. А. Хабургаева, В. В. Седова, П. Арумаа, Г. Краэ, В. П. Шмида, Ю. Удольфа и др.), исходя из топонимических и археологических данных можно полагать, что балтийская речь, перемежаясь на севере и востоке балтийского ареала с финно-угорской (а на юге и с иранской), до прихода славян звучала, помимо Прибалтики, на территории, включавшей юг и юго-запад современных Псковской и Новгородской областей до Тве-

---

⁹Здесь нет возможности остановиться на многочисленных работах А. С. Герда (нередко в соавторстве с археологами), посвященных движению миграционных потоков восточных славян, в том числе со Среднего Днепра на север.

ри, Смоленщину и Брянщину, Белоруссию, Северную Украину, Волго-Окское междуречье и прилегающие к бассейну Оки земли, Подесенье и Посеймье, а на западе доходившей, возможно, до средней и нижней Вислы. Этот ареал постоянно корректируется. Неоспоримым считается ядро балтийской гидронимии, включающее бассейны Немана, Березины, Сожа, Волго-Окское междуречье, бассейны верхнего Днепра, Десны, Нарева и левобережье Припяти [Дини 2002]¹⁰. В «послефасмеровское» время поставлена и решается сложная проблема дифференциации гидронимии днепровских балтов в зависимости от ее связей с западно- или восточнобалтийской гидронимией, а также другие проблемы древнего диалектного членения и контактов балтийских (балто-славянских) языков [Напольских 2015: 30–31].

В последнее время необходимость пересмотра северо-восточной границы балтийского гидронимического слоя доказывает В. Л. Васильев [Васильев 2008: 78, 84] (ранее см. [Агеева 1989]), в чьем фундаментальном исследовании топонимических древностей Новгородской земли есть обширная балтийская (балто-славянская) компонента [Васильев 2012]. В. В. Напольских [Напольских 2015: 163–180] обосновывает наличие балто-славянского языкового компонента в Нижнем Прикамье середины I тысячелетия н. э.

IV.2. Фасмер справедливо отмечает в своей статье, что в современном русском литературном языке апеллятивные балтийские заимствования (балтизмы) единичны. Наиболее надежные: *ковши*, *янтарь*, *скирд*, *ендова* [Vasmer 1971, 2: 780], также *клеть*, *кувшин*, *пакля*. Справедливо и его указание на то, что большинство балтизмов русского языка представлены в диалектной лексике, из которой он приводит рус. *балáнда* ‘вид лебеды’ (лит. *balánda* ‘марь, съедобное растение’, лтш. *tāji baluoda* ‘то же’), *твань* ‘болото’ (лит. *tvānas* ‘половодье, разлив воды’) и несколько других (см. Фасмер 1–4, s. vv. *баланда*, *лаума*, *пеледа*, *пусма*, *твань*), которые

---

¹⁰Из работ, посвященных выявлению древней балтийской гидронимии, следует отметить прежде всего [Топоров, Трубачев 1962].

Фасмер толкует как языковые реликты балтийского населения, отступившего под давлением вятичей на восток [Vasmer 1971, 2: 780]. Все-таки Фасмеру была известна лишь малая часть балтизмов. Кроме того, в его статье они даются недифференцированно.

Исследование славянских балтизмов обогатилось «после Фасмера» обширной литературой, из которой здесь следует выделить словарь славянских балтизмов Ю. Лаучюте [Лаучюте 1982], а также публикации на эту тему В. Урбутиса, В. Н. Топорова (прежде всего в теоретическом плане), Ю. В. Откупщикова, В. Н. Чекмана, А. П. Непокупного. Попытку представить балтизмы русского языка в виде словаря см. [Аникин 2005].

Русские балтизмы могут быть стратифицированы по принадлежности к следующим периодам [Anikin 2011: 50]:

А) праславянский (не позднее VI в. н. э.);

Б) славянизация восточными славянами балтов (VI в. – начало II тысячелетия н. э.);

В) эпоха Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (XIII–XVIII вв.);

Г) пребывание большей части литовцев и латышей в составе Российской империи и СССР (XVIII–XX вв.).

Древнейшие пласты балтизмов в славянских языках, т. е. (А) и (Б), поддаются выделению с наибольшим трудом из-за отсутствия формальных критериев отличия этих балтизмов от генетических параллелей. Эта трудность касается не только лексических, но и (вероятно, в еще большей степени) гидронимических балтизмов [Васильев 2008: 83]. В этой связи указано, что в славянских языках приходится считаться с категорией «невидимых» балтизмов [Топоров 1995: 50]. Трудности выделения ранних балтизмов в славянских языках обусловили положение, когда, согласно Ю. В. Откупщикову, безусловными балтизмами признаются лишь принадлежащие к периодам (В) и (Г). Словари Ю. Лаучюте [Лаучюте 1982] и автора этих строк [Аникин 2005] сосредоточены по преимуществу именно на фактах этого рода. Примерами правдоподобных ранних балтизмов в русском языке могут служить лексемы *дѣготь*, *клеть*, диал. *перть* ‘жилая изба; баня’ (А);

деревня, диал. *áлес*, *алёс* ‘мокрое, топкое место’, *му́ма* ‘страшило’, ‘вошь’, упомянутое у Фасмера *нүсма* ‘пук, связка’ (Б).

В славянской этимологии используется понятие праславянского диалектизма. Теоретически многие русские (восточнославянские) слова, трактуемые как диалектизмы праславянского, могут быть определены и как балтизмы эпохи (Б). Славянская этимология, включая этимологические словари праславянского языка [ЭССЯ; SP], допускает существование балтизмов периодов (А) и (Б) весьма неохотно. Практически доминирует мнение, что балтийские элементы в праславянском вообще невозможно выделить. Но даже следуя этой осторожной традиции, рус. *дѣготь* можно определить как вполне вероятный древний балтизм. Это слово, нередко толкуемое как севернославянский диалектизм **degъть*, скорее всего происходит от балтийского имени **deguti-* от балт. **deg-* ‘гореть’ [Būga RR 2: 164–165]. Несмотря на попытки найти в славянском следы этого корня (давшего слав. **žeg-*, рус. *жечь* и др.) с начальным **d-*, на вопрос о сохранении **deg-* в славянском следует ответить в целом отрицательно. Согласно В. Кипарскому [Кипарский 1973: 68], ожидалось бы слав. **жѣготь*, а не *дѣготь*.

Редкий пример отклонения от общей тенденции неприятия ранних балтизмов периода (Б) в славянской этимологии дает рус. *деревня*. В «Праславянском словаре» реконструируется восточнославянский диалектизм **dъrvъn'a* ‘раскорчеванный участок, пашня’ (значение ‘деревня, селение’ вторично) с генетическими параллелями в лит. *dir̃vinis*, *dir̃vinis* м. (*dir̃vinė*, *dir̃vinė* ж.) ‘пашенный’, ‘пригодный для вспашки поля’ [SP 5: 226–227], лит. *dirvā* ‘пашня, возделываемая, «раздираемая» земля», лтш. *dirva* ‘нива’, лит. *dirti* ‘драть’. Но в ЭССЯ реконструкция **dъrvъn'a* отсутствует, что сделано намеренно, как следствие этимологического решения О. Н. Трубачева и В.-П. Шмида, которые квалифицировали рус. *деревня* как субстратный элемент балтийского (голядского) происхождения в русском языке (балт. **dirvinē*).

Если *деревня* может быть отнесено к периоду (Б), то рус. диал. *дырван*, *дѣрван* ‘залежь, целина’, блр. *дзірван* ‘дерн’, усвоенные

из лит. *dirvónas, dirvõnas* ‘залежь, целина’, лтш. *dirvāns* ‘вновь поднятое поле, бывшее под паром’ (< балт. **dir-v-*, к лит. *dir̃ti* ‘драть’) может быть отнесено к эпохе (В). Есть и другие примеры полихронии заимствований. Рус. *въятерь* ‘вид рыболовной ловушки’ с отражением носовой гласной относится к периоду (В), но *вѣнтерь* с тем же значением — к периоду (В), ср. лит. *vėñteris* ‘то же’. Выявление всех потенциальных русских и иных славянских слов, относящихся к периодам (А) и (В), далеко не завершено. Говоря о балтизмах в русском языке, обычно имеют в виду балтизмы периода (В) [Anikin 2011: 52].

Что касается балтизмов периода (Г), а именно балтийских элементов, известных преимущественно в диалектах русских старообрядцев Литвы и Латвии, то они за редким исключением не представляют большого интереса, будучи поздними заимствованиями вроде *алектрѣня* ‘электрическая станция’ из лит. *elektrinė*. Лишь косвенное отношение к проблематике балтизмов имеют севернорусские финнизмы балтийского происхождения типа рус. сев. *гѣрвас* ‘северный олень’ < фин. *hirvas* < балт. *širvas.

Исключая поздние балтизмы в старых русских говорах Прибалтики, а также этнонимы, антропонимы и опосредованные, можно назвать около 70 надежных балтизмов русского языка. Менее строгий подход, с включением ряда этимологически неспорных случаев, позволяет дать цифру около 150. Для сравнения: приблизительное число балтизмов в белорусском — около 500 (не считая калек, описанных В. Н. Чекманом [Чекман 1972]), в польском — около 400, в украинском — 60. Не следует забывать о потенциально многочисленных «невидимых» балтизмах русского языка и всей северно-славянской области, которые не участвуют в данных подсчетах. География балтизмов в русском языке довольно единообразна. Около 50 приходится на смоленские, брянские и псковские и смежные говоры. В смоленско-брянских (частично и псковских) говорах представлена своего рода филиация белорусских балтизмов, которые справедливо рассматриваются как центр (ядро) иррадиации балтийских элементов в славянских языках [Anikin 2011: 52–53].

Балтизмы псковских и новгородских говоров могут обнаружить латгальские черты: *dāsa* ‘колбаса’¹¹ из лтг. *dasa* (при лтш. *dēsa*), *чану́ра* ‘шапка’ из лтг. *capure* (лтш. *cepure*). Есть несколько балтизмов, которые встречаются только в русских говорах (но не в белорусских, украинских и польских): упомянутые *dāsa* и *чану́ра*, а также *жубера́* ‘приспособление из жердей для просушивания сена’, *кауля́* ‘рука’, *кирсту́к* ‘крючок у фельдшеров для пускания крови’, *куви́клы* ‘народный духовой инструмент, разновидность флейты’, *пүсма* ‘пук, кипа’ (см. выше у Фасмера), *труска́* ‘соль’ (см. [Аникин 2005, s. vv.]). Попытку В. Н. Топорова выявить значительный пласт голядских лексических элементов в русских говорах Подмосковья приходится расценить как неудачную, хотя некоторые из «голядских» этимологий были поддержаны в литературе [Дини 2002: 246]. Вместе с тем существование лексических «голядизмов» в русской лексике в принципе не исключено, как видно по рассмотренному примеру со словом *деревня́*.

Около 20 слов имеют широкое распространение в диалектах русского языка, примыкая к упомянутым выше единичным балтизмам литературного языка. Следует уточнить, что широкая диалектная география таких балтийских элементов, как *вя́терь* / *вэ́нтерь* ‘вид рыболовной снасти’, *жлу́к(та)* ‘кадка для стирки белья’, *клу́ня* ‘рига, помещение для молотьбы и хранения хлеба’, *ку́рпы* ‘вид лаптей’, *му́рза* ‘грязный, чумазый человек’, *рэзвиньы* ‘заплечные крошни для переноски сена и проч.’, *скирд* ‘кладь сена или хлеба’ и т. д., может быть обусловлена и диффузией из основной зоны иррадиации балтизмов, т. е. из белорусского ареала, и происхождением из вымерших балтийских языков. На последнем особенно настаивал В. Н. Топоров [Топоров 1995: 47]. Но для апеллятивной лексики иррадиация представляется более влиятельным фактором.

В большинстве известных случаев великорусские лексические балтизмы могли достичь русского ареала через белорусское посредство благодаря диффузии через межславянские диалектные

---

¹¹Слово обнаружилось также в красноярских говорах, см. [РЭС 12: 349].

границы. Балтийский субстрат в русском языке надежнее устанавливается по гидронимии балтийского происхождения, что убедительно подтверждено В. Л. Васильевым [Васильев 2008: 86]. Подобная ситуация имеет место в тех случаях, когда процесс этнической ассимиляции завершился давно, и с течением времени утрачена большая часть субстратных черт. Однако нельзя исключить, что подобные выводы будут в той или иной степени пересмотрены.

V

Соображения, высказываемые в статье Фасмера по поводу лексических различий между восточнославянскими языками и (велико)русскими диалектами (северными, средне- и южнорусскими), естественно, не могли учитывать накопленный в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. огромный диалектный и исторический материал и крупные достижения в его интерпретации. Тем не менее, вполне актуальна и плодотворна развиваемая Фасмером идея выявления лексем (как правило, исконных), характерных для того или иного ареала (украинско-белорусского или только украинского и т. п.) или, напротив, для всего восточнославянского ареала [Vasmer 1971, 2: 779]. Например, как общевосточнославянские он определяет географические термины *верх* 'исток, верхнее течение', *вьетка* 'приток', *окно* 'небольшое озеро', *копань* 'колодец', *ржавец* 'вода с примесью железа', как севернорусские — *гарь* 'выжженная, раскорчеванная земля', *губа* 'морской залив', *дор* 'ропашь, рощисть' и др. [Там же]. Конкретные наблюдения Фасмера, разумеется, нуждаются в серьезных коррективах после публикации не существовавших в его время диалектных словарей ([СРНГ] и др.), лексических атласов (ср. «Лексический атлас русских народных говоров»), и историко-этимологических трудов, в том числе ЭССЯ и SP, уже упомянутых многочисленных публикаций А. С. Герда (границы ареалов, диалектное членение и др.) и проч. трудов диалектологов. Немало исконно русских диалектизмов с преимущественным вниманием к их географии рассматривается в трудах С. А. Мызникова, в том числе в фунда-

ментальном труде [Мызников 2019], где, однако, идет речь в основном о финно-угризмах русских говоров (см. ниже).

Так, привлекаемое в статье Фасмера *дор* 'росчисть' преимущественно севернорусское, но встречается также в белорусских говорах и на славянском Юге [РЭС 14: 219; Шилов 2010: 56].

VI–VII

Очевидна справедливость высказанных в [Vasmer 1971, 2: 780] соображений о том, что изучение русской лексики и топониматики способно осветить ход русской колонизации Севера и Сибири. Важно и то, что Фасмер отчетливо выделяет новгородский период колонизации. Он указывает, в частности, на обозначения реки Вятки как «новгородской реки», ср. марийск. *Naukrad Wud* и тат. *Naukrad Idyl*. Очень выразителен пример со словом *шелóнный* (*шалóник*, *шолóник* и др.), названием ветра на оз. Ильмень в западной части Новгородской области, образованным от названия реки, впадающей в Ильмень с юго-запада. Это название в качестве обозначения южного и юго-западного ветра распространилось вместе с новгородской колонизацией вплоть до Северного Ледовитого океана и в Сибири, где нет рек с названием *Шелонь* [Фасмер 4: 425; Vasmer 1971, 2: 781]. Ср. *шалóник*, *салóник* 'южный ветер' на Колыме и др. [Аникин 2000: 687]. Другим примером этого рода может служить широкое распространение (не в Сибири!) за пределы Новгородчины лимнонима *Ильмень* [Vasmer 1971, 2: 782].

Нельзя не согласиться с утверждением [Vasmer 1971, 2: 781], что для изучения истории русской колонизации Сибири представляют большой интерес заимствования в русский язык из финно-угорских (уральских) языков. М. Фасмер определяет границы разных пластов заимствований: прибалтийско-финских, саамских и пермских, отмечая, что заимствованные из этих языков аппеллятивы распространяются далеко за Урал, в отличие от

топонимов того же происхождения¹². В русско-колымском диалекте, описанном В. Г. Богоразом, М. Фасмер отмечает 3 саамских и 9 прибалтийско-финских и около 20 пермских заимствований, занесенных на Колыму носителями севернорусских диалектов [Vasmer 1971, 2: 781–782]. Интересно, что он не касается обско-угорских заимствований. В 1960 г. в восточноберлинском (ГДР) журнале *Zeitschrift für Slawistik* (не в фасмеровском западноберлинском *Zeitschrift für slavische Philologie!*) была опубликована выдающаяся по своим достоинствам статья о хантыйских элементах в русском языке [Steinitz 1960], но Фасмер в своем докладе о русской колонизации в зеркале языка обошел эту тему вниманием (возможно, не желая заходить «на поле» Штейница¹³). Не касается он и ненецких (самодийских) заимствований в русском.

М. Фасмер подчеркивает, что походу Ермака в 1580 г. предшествовали проникновения русских на Обь, упоминая также известный летописный рассказ об «отроке», посланном новгородским посадником «в Печору» за данью и дошедшем до Югорской земли [Vasmer 1971, 2: 780, 781]. Пушнина была основным стимулом продвижения за Урал, и уже в начале XVII в. промышленники через Кеть проникают на Енисей и затем на Лену. Наблюдения над именами первопроходцев Сибири по месту и происхождения (*пинежане* от *Пинега*, *вологжане* от *Вологда*, *устюжане* от *Устюг* и т. п.) и известные в Сибири фамилии старожилов *Колмогоров*, *Каргополов* и под. служат наглядным подтверждением севернорусского по преимуществу (с оговорками) происхождения старожильческих русских говоров в Сибири [Vasmer 1971, 2: 783].

---

¹²К этому положению есть оговорки. Например, гидроним *Обь*, согласно В. Штейницу, усвоен русскими от проводников-коми, которые могли далеко уходить от мест обитания своего народа [Аникин 2000: 416], возражения Фасмера [Фасмер 3: 112] неприемлемы.

¹³Отношение Фасмера к Штейницу, по-видимому, исключало конструктивный диалог, что объясняется не только коммунистическими взглядами последнего, но и другими важными для Фасмера причинами.

Из наиболее важных историко-лингвистических достижений в изучении лингвистических аспектов русской колонизации Севера и Сибири послефасмеровского времени следует выделить соображения Е. А. Хелимского о трех типах названий русских в языках Восточной Европы (особенно Приуралья и Урала) и Сибири и коррелирующих с этими названиями путей в Сибирь ([Хелимский 2000: 351; Хелимский 2002: 78]; подробное изложение см. также [Васильев 2017])¹⁴:

— наиболее северный — Мангазейский морской ход из устья Северной Двины к Ямалу и далее волоками и небольшими реками к Обской губе и Тазовской губе, низовьям Енисея и Таймыру. Он был известен задолго до 1601 г. — года основания знаменитой Мангазеи, название которой дано по ненецкому племени *Монканзи* (оно же фигурирует в старинном сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных»: *люди Самопдь, зовомыи Малгонзеи* [Аникин 2000: 373–374]);

— освоенный новгородцами еще в XIII в. Чрезкаменный Печерский путь, точнее, пути, ведущие через Заволочье в Припечерье и далее в Югорскую землю, о чем говорится в упоминаемом в статье Фасмера рассказе новгородца Гюряты Роговича, включенном в «Повесть временных лет» под 1096 г. (см. также [Васильев 2017: 64]);

— открывшийся после падения Казанского ханства (середина XVI в.) и похода Ермака наиболее удобный южный путь в Сибирь через Поволжье, Прикамье, Урал к Тюмени/Тобольску.

Далее необходимо упомянуть исследование А. К. Матвеева [1987а], где речь идет в частности, о лексике и топонимии, относящихся к наиболее древним печорским «чрезкаменным» путям и ранним волокам через Урал. Важным этапом в развитии идей М. Фасмера и Е. А. Хелимского относительно новгородской колонизации Восточно-Европейского Севера и Сибири в свете данных языка стали публикации В. Л. Васильева, в особенности обобщившая их статья [Васильев 2018]. Показано, в частности,

---

¹⁴Примеры с названиями русских см. также далее, под № 2.

что фразеологизм *пропасть как в камский мох* ‘исчезнуть’ образован не от названия Камы (так в [Vasmer 1971, 2: 781; Аникин 2000]), но от названия болота *Камский мох* на Новгородчине, и *камский* значит ‘каменный’ [Васильев 2018: 77]. В той же статье Васильева есть важные комментарии относительно упоминавшихся выше гидронимов типа ‘новгородская река’ и названий ветра типа *шелоник* [Васильев 2018: 81].

Ю. Янхунен убедительно показал [Janhunen 1985] роль русско-самодийских и русско-тунгусских контактов в наименовании ряда этнических групп Восточной Сибири. Продвигаясь на восток, русские вступали в контакты с разными народами и получали от них сведения о соседях, располагавшихся восточнее. Так, этноним *тунгус* был усвоен ими от самодийцев, *якут* — от эвенков и т. д. Гипотезы о происхождении многих сибирских топонимов и этнонимов на фоне новых данных о ранней истории русского проникновения в глубь Восточной Сибири и Дальнего Востока предлагаются в книге А. А. Бурыкина [2013].

Три типа названий русских (первопроходцев) можно определить как три основных лексических индикатора путей в Сибирь. Для Мангазейского морского хода это др.-нен. *луотса*, усвоенное из п.-фин. *rōtsi (фин. *Ruotsi* ‘Швеция’ и под.), откуда и рус. *русь*, исходно название скандинавов, варягов, и приводимое ниже коми *роч*. От ненецкого этнонима уже в современном его облике *луца* идет эвенк. *лууча* > якут. *луучча*, *нуучча* и т. п., включая китайск. *Eluosi* [Хелимский 2000: 352; Хелимский 2002: 78–79; Janhunen 1997: 160]. В данном этноисторическом контексте следует подходить и к гидрониму *Русская река* (= нен. *Луца’ яха*) — названию правого притока Таза, по которому русские первопроходцы-поморы проникали в бассейн Енисея. Их путь проходил по еще одной *Русской реке* — правому притоку Турухана [Матвеев 1997: 105; Аникин, Хелимский 2007: 25].

Уместно отметить этноним *самоед*, которым на северо-востоке Европы и в Нижнем Приобье называли ненцев, а на Енисейском Севере — энцев и нганасанов, но не ненцев, которых называли там *юраками*. Причина такого распределения в том, что Ман-

газейский морской ход пролегал от западного побережья Ямала речным и волоковым путем (не морем вокруг Ямала, что было очень опасно) непосредственно в Обскую губу, далее на Таз или к Енисею, в районы расселения энцев и нганасанов, которых поморы отождествляли с *самоедами* Ямала; ненцы междуречья Оби и Енисея оставались в стороне и воспринимались как другой народ, *юраки* [Хелимский 2000: 352].

Основным этнонимическим индикатором сухопутного Чрезкаменного пути является коми *роч* 'русский' (более древняя форма типа *ручь), заимствованное далее в хант. *руть*, а также сельк. *рушь*. Наконец, широко распространенное в тюркских языках название русских типа *урус*, *орус* можно определить как основной индикатор южного пути [Хелимский 2000: 351].

Несколько упрощая, можно сказать, что Мангазейский морской ход отмечен прежде всего контактами русских первопроходцев с самодийцами (ненцами, а также нганасанами, энцами); Чрезкаменный Печерский путь — русско-самодийскими, отчасти русско-обско-угорскими и особенно русско-коми-зырянскими контактами (ср. роль зырян-ижемцев как проводников и участников русского продвижения на Восток¹⁵). Южный путь отмечен прежде всего контактами русских с тюркским языковым миром. На этом пути в русский язык были усвоены, например, слова *остяк*, *Сибирь*, *Тюмень*, *тайга*.

Обсуждавшиеся в статье Фасмера апеллятивные заимствования из прибалтийско-финских, саамского, пермских, а также не упомянутые в ней заимствования из самодийских и обско-угорских языков больше характерны для двух северных путей в Сибирь. Их происхождение и история раскрываются в трудах нескольких послевоенных поколений исследователей, в их числе А. К. Матвеева и его школы ([МСФУСЗ] и многие другие публикации). Значительной вехой в изучении русской заимствованной лексики (главным образом заимствований из прибалтийско-

---

¹⁵Е. А. Хелимский сообщал (устно), что аналогичную роль при освоении новгородскими колонистами Русского Севера играли карелы.

финских и других финно-угорских языков в севернорусские говоры) стали монографии и другие исследования С. А. Мызникова, в особенности обобщивший их «Русский диалектный этимологический словарь» [Мызников 2019]. Название *Камень* ‘Урал’ скорее всего появилось на северных путях за Урал (и было связано поначалу с новгородской колонизацией), ороним же *Урал* (ст.-рус. *Уралтау*, *Арал(ь)това* или *Орал(ь)това гора*) более поздний и исторически относится скорее к южному пути [Аникин 2000: 586].

(2)

Говоря о русской колонизации в духе работы [Vasmer 1960], нельзя не заметить, что имеются аспекты, которые у М. Фасмера мало затронуты, но могут быть важными свидетельствами по данной теме. Фасмер рассматривает заимствования в русский язык (чаще в русские говоры) и исконную лексику, но не касается заимствований (в том числе обратных) из русского языка в соседние языки. Кроме того, он лишь в некоторой степени учитывает явления калькирования, что касается и его словаря [REW]: в Послесловии к словарю он говорит о том, что калькам и семасиологической стороне он уделит бы больше внимания.

Хорошим примером русизма, иллюстрирующего проникновение русских в Восточную Сибирь, может быть следующий:

якут. (Олёкма, Сунтар) *tāmūt* ‘игра в память’, долган. *rāmīt*, *rāmīt*, якут. (Оленёк) *tāmūt* ‘ключица птицы’ < рус. диал. *пáмять* ‘грудная кость курицы, петуха’ [Дыбо 1996: 142–143]. Из русского также якут. (Вилуй) *tāmutyjdahū* ‘игра в память’ < *tāmutyj-* < **rāmutij-* < рус. диал. *пáмятуйся* от *пáмятоваться* ‘держаться пари, закрепляя договор разламыванием куриной грудной косточки’, ‘ломать дужку птицы вдвоем, или съесть пополам двойчатку ореха, в роде заклада, кто на другой день первый об этом вспомнит или кому достанется счастливая (бóльшая) половина’ (В. И. Даль, см. [Аникин 2003: 432–433]).

К сравнению можно привлечь далее тат. *ядәч* ‘дужка, ключица у птиц (с которой играют в игру «беру да помню»)’, башк. (< тат.) *сәтәш* ‘дужка, ключица у птиц’, ‘игра в дужку’, тур. *yades*, *lades* ‘па-

ри' < перс. *yādāst* 'я вспомнил', 'игра в ломание дужки' [Дыбо 1996: 142–143; ТТЭС 2: 533]. Игра «в память» (пари, заключаемое через разламывание птичьей дужки), или «беру да помню», пришла к русским, видимо, от тюрков, а к ним от персов. Подобный маршрут диффузии культурных реалий и связанных с ними терминов (из иранских в тюркские и далее в русский, славянские языки) не редкость [Эдельман 2002].

Существенными дополнениями к приведенным русско-якутско-долганским параллелям являются сельк. (Кеть) *pāmmät* 'ключица', кетск. *pāmät*. Для селькупского возможно посредство эвенк. *pāmet. География этих слов совпадает с основным маршрутом (упоминаемым в [Vasmer 1971, 2: 781] продвижения русских в XVII в. на Средний Енисей с реки Томь через Маковский острог на реке Кеть).

Судя по языковым данным, русские первопроходцы и/или ранние поселенцы Восточной Сибири «памятовались» и передали игру «в память» некоторым коренным народам Сибири, как передали игры в шашки, шахматы, карты [Аникин 2003: 248, 432, 704] и многие другие реалии. Русский язык стал для соседних с ним языков на территории России, в том числе в Сибири, важнейшим проводником культурно-языковых влияний, и с Запада, и с Востока [Хелимский 2002].

При проникновении русских в Восточную Сибирь в кетский язык мог быть усвоен этноним *сирэ* 'русский', источником которого, по правдоподобной догадке Е. А. Хелимского [Хелимский 2000: 352], послужило рус. *зырян(ин)*, что обусловлено ролью зырян-ижемцев как проводников русских. Еще один пример русизма, интересного в связи с темой колонизации — широко распространенный в языках Сибири и Аляски тип названий русских, представленный в сельк. (А. Кастрен) *kas(s)ak*, нган. (А. Кастрен) *kaja'ka*, арин., ассан. *kazak* 'русский', якут. *kasak, xasak, xasax* 'русский казак', тел., алт., леб. *qazaq* 'русский (первые русские, появившиеся на Алтае, были казаки)', эским. (Аляска) *касак* 'русский че-

ловек', 'священник', (с 1867 г.)¹⁶ 'американец' и др. [Аникин 2003: 228–230]. Эти слова происходят из рус. *казáк* < тюрк., ср. тат. и др. *qazaq* 'свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга'. Данное слово, как и ряд других тюркизмов (не говоря об иных лексических данных) ранней русско-сибирской лексики, указывает на московское руководство колонизацией Сибири.

(3)

В отношении темы калькирования уместно изложить некоторые соображения, посвященные редкому русскому диалектизму *паэ* (*poi*) и его ненецким источникам на фоне данных об истории оронимов *Камень* и *Урал*.

Рус. *паэ* 'каменистые гряды, образованные выходами коренной породы' справедливо объясняется как заимствование из нен. *пэ* 'камень' [СРНГ 25: 309]. Из подобного ненецкого источника происходят и записанное Р. Джемсом в Холмогорах рус. *poi* (*пой*) 'камень' [Stipa 1981: 58], а также топоним *Пай-Хой*, ненецкое по происхождению название горного хребта от Полярного Урала до пролива Югорский Шар [Матвеев 1987б: 134], приблизительно передающее нен. *Пэ Хой*, букв. 'каменный хребет' [Матвеев 1990: 14–17]. Как можно заметить, *Пай-Хой* непосредственно выходит к морю, исторически — на Мангазейский морской ход.

Нен. *пэ* (= *Пай-* в названии *Пай-Хой*) унаследовано из прауральск. **rije* 'камень', с которым связано юкаг. *ниэ* 'камень (большой)', 'гора, сопка' [ЮкРС: 60]. Данную этимологическую связь можно рассматривать как отдаленный исторический фон, на котором во второй половине II тысячелетия н. э. (спорадически и ранее) в процессе постепенного проникновения русских (новгородцев, севернорусов) за Урал произошли языковые явления, о которых пойдет речь ниже. В русских говорах слово *паэ* (*poi*) не получило (и, видимо, не могло получить) сколько-нибудь заметного распространения из-за полного доминирования исконно-

---

¹⁶После продажи Аляски Америке и прихода американцев.

го *камень*, также в качестве обозначения Уральского хребта (*Камень*).

Можно считать установленным (и это не отмечено Фасмером), что старинное русское наименование Урала — *Камень* (*Каменный Пояс, Сибирский Камень*) — калькирует манс. *Нёр*, хант. *Кев*, коми *Из* ('Камень'), нен. *Хабэй” Пэ”* ('Остяцкие Камни') и *Нарка” Пэ”* ('Большие Камни'). Согласно А. К. Матвееву, на Урале апеллятив *камень* получил новое значение 'каменная гора', обусловленное, во-первых, знакомством русских с «новыми для них реалиями — высокими каменными горами...» и, во-вторых, влиянием «каменных» названий Урала в языках его аборигенов [Матвеев 1987а: 73; Матвеев 1987б: 134]. Иначе говоря, появление таких названий Урала, как *Камень*, *Каменный пояс*, может быть обусловлено знакомством русских с каменными горами, а более общим условием стала относительная бедность восточнославянской и общеславянской орографической терминологии [Матвеев 1986: 58–59]. Факт калькирования, кстати, делает весьма проблематичной не редкую в литературе реконструкцию значения 'каменная гора' для праслав. *кату, *-ене* 'камень'.

Возникшее при знакомстве с Уральскими горами название *Камень* в разных его ипостасях ('Урал', 'часть Урала', '[всякая] каменная гора') стало для русских первопроходцев Северной Евразии важным пространственным ориентиром и получило широкое распространение к востоку от Урала. Отсюда нередкие противопоставления *Каменный* (находящийся на горе, на хребте, исходно — на Урале) — *Закаменный* (за горой, за горным хребтом; за Уралом), а также «каменные» названия ветров (фактически — сторон света) и «каменные» этнонимы. Несколько примеров: рус. *каменный ветер* 'западный ветер, дующий со стороны Уральского хребта' (нижнее Приобье), *ветер с Камня* 'с Урала' (тобол.), *каменный ветер* 'один из ветров на Енисее' (р. Турухан), *каменный ветор* 'ветер из ущелий каменного берега Колымы' (р. Колыма). У приведенных названий ветров с Урала есть весьма вероятные «прототипы» в языках коренных жителей — нен. *Пэ’ мерця* 'ветер со стороны Уральских гор — восточный для ненцев к западу

от Урала, западный для ненцев к востоку от Урала, манс. (сев.) *ńōr-vōt*, хант. (Низям, Казым) *kew-wət* и под. 'западный ветер' [Аникин 2000: 246–247].

Начиная с XVII века на Таймыре, на восточной оконечности Мангазейского морского хода, складывается долганская народность, и в этногенезе долган приняли участие русские («затундренные крестьяне»). «Камень» стал одним из компонентов в пространственной ориентации долган: *tās* 'юг', также 'восток', букв. 'камень' [DW: 219]. У долган и в некоторых северных якутских диалектах, как и у русских старожилов Сибири, известны «каменные» ветры: долган. *tās tyala* 'южный ветер', аналогично якут. *tās tyala* 'ветер с противоположного берега Колымы' [Аникин 2000: 247]. Здесь вероятно русское влияние.

В старосибирских русских памятниках письменности и диалектах «Полярной Руси» (по выражению В. Г. Богораза) встречаются обозначения *каменная самоядь* и *закаменская самоядь*, *каменные юкагиры*, *каменны чукчи* 'чукчи, живущие на каменистом берегу Колымы', *каменные ламуты*, *каменные тунгусы* 'ламуты, тунгусы, кочующие в пределах горных водоразделов Колымы' [Аникин 2000: 246]. Название *каменной самояди* находит параллель (и могло испытать влияние) обозначений типа хант. (обд.) *kew-jaḥ*, букв. 'каменный народ (живущие со своими оленями на Урале остяки, коми, ненцы)', ср. *kew* 'камень', 'Урал', *jaḥ* 'народ' [DEWOS: 600]. Для русских названий «каменных» юкагиров и ламутов / тунгусов не исключено взаимовлияние с якут. *tās ʒono*, самоназванием оймьяконских якутов, букв. 'горный, каменный народ', ср. *tās* 'камень', также (в говорах северо-востока Якутии) 'гора, скала' [Коркина 1992: 119].

Недавно В. Ю. Гусев обратил внимание на связанные с правым, высоким и каменистым берегом Енисея (в противоположность низкому и заболоченному левому берегу) этнические названия в северном селькупском *pül' pētraŋ* (*potraŋ*) 'эвенк с правобережья Енисея (подкаменно-тунгусский)' от *pü* 'камень' (Е. А. Хелимский) и в кетском *tīs'deŋ* 'люди камня' (Г. К. Вернер)

от ${}^2ti's$ 'камень'¹⁷. В. Ю. Гусев предположил, что этимологическое значение типа 'люди камня' было свойственно и источнику рус. *тунгус*, а именно, ненТ *tungo*², мн. ч. *tungos*-², ср. ненЛ *tiŋkos*, мн. ч. *tiŋkos*-² < сельк. *tjn qur* (*qur* 'человек'). Возможно, что *tjn* в этом сочетании из кет. ${}^2ta'ŋ$ 'камни, горы' в незасвидетельствованном *taŋdeŋ 'эвенки = люди гор' [Гусев 2020].

Литература

Агеева Р. А. (1989) *Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. М.: Наука.

Алексеев М. П. (2006) *Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии*. Изд. 3-е. Новосибирск: Наука.

Аникин А. Е. (2001) От Чуди до Мери (к 75-летию А. К. Матвеева). *Вопросы языкознания*, 6: 3–12.

Аникин А. Е. (2013) Лексикон Иннокентия Анненского в историко-лингвистическом освещении. *Письменность, литература, фольклор славянских народов, история славистики. XV Международный съезд славистов*. (Минск, 2013). Доклады Российской делегации. М.: Древлехранилище: 313–336.

Аникин А. Е., Хелимский Е. А. (2007) *Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи*. М.: Языки славянской культуры.

Бурькин А. А. (2013) *Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Васильев В. Л. (2008) О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе. *Вопросы языкознания*, 3: 76–94.

Васильев В. Л. (2012) *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Рукописные памятники Древней Руси.

---

¹⁷Обозначение всего, что относится к правому берегу Енисея, эпитетом «каменный» широко распространено, ср. *каменная белка* 'белка с черноватым хвостом, живущая на правом берегу Енисея' ([СРНГ 13: 21], см. подр. [Аникин 2000: 245]). См. [Гусев 2020].

Васильев В. Л. (2017) К вопросу о связях севернорусских говоров с говором села Русское Устье на Северо-Востоке Якутии. *Севернорусские говоры*, 16: 63–74.

Васильев В. Л. (2018) О древненовгородских языковых следах в регионах Восточно-Европейского Севера и Сибири. *Вопросы языкознания*, 3: 72–88.

Гусев В. Ю. (2020) Этимологические заметки по этнонимии Нижнего Енисея. *Вопросы ономастики*, 17, 2: 59–74.

Дини П. У. (2002) *Балтийские языки*. М.: ОГИ.

Дыбо А. В. (1996) *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)*. М.: Языки славянской культуры.

Кипарский В. (1973) О балтизмах русского литературного языка. *Baltistica*, 9: 67–70.

Коркина Е. И. (1992) *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука.

Ларин Б. А. (1959) *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та.

Лаучюте Ю. (1982) *Словарь балтизмов в славянских языках*. Л.: Наука.

Матвеев А. К. (1986) К изучению орографической терминологии в русских говорах Северного Урала. *Севернорусские говоры в иноязычном окружении*. Межвузовский сб. науч. трудов. Сыктывкар: 58–68.

Матвеев А. К. (1987а) Архаическая русская топонимия на северо-востоке европейской части СССР. *Вопросы языкознания*, 2: 66–76.

Матвеев А. К. (1987б) *Географические названия Урала*. Изд. 2-е перераб. и доп. Свердловск: Средне-Уральское книжн. изд-во.

Матвеев А. К. (1990) *Вершины Каменного Пояса. Названия гор Урала*. Челябинск: Южно-Уральское книжн. изд-во.

Матвеев А. К. (1995) Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов. *Вопросы языкознания*, 2: 29–42.

Матвеев А. К. (1997) *Географические названия Тюменского Севера*. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та.

Мызников С. А. (2019) *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История.

Напольских В. В. (2015) *Очерки по этнической истории*. Казань: Казанская недвижимость.

Непокупный А. П. (1976) *Балто-севернославянские языковые связи*. Киев: Наукова думка.

Топоров В. Н. (1983) Еще раз о *Golthescytha* у Иордана (*Getica*, 116). К вопросу северо-западных границ иранского ареала. *Балканское и славянское языкознание. Проблемы языковых контактов*. М.: Наука: 38–48.

Топоров В. Н. (1988) К реконструкции древнейшего состояния праславянского. *Славянское языкознание: X Международный съезд славистов*. София, 1988. Доклады российской делегации. М.: Наука: 264–291.

Топоров В. Н. (1995) О балто-славянской диалектологии (несколько соображений). *Dialectologia slavica: Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна*. М.: Индрик: 40–53.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. (1962) *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. М.: Изд-во АН СССР.

Трубачев О. Н. (1967) Из славяно-иранских лексических отношений. *Этимология 1965*. М.: Наука: 3–12.

Трубачев О. Н. (1968) *Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация*. М.: Наука.

Трубачев О. Н. (1999) *Indo-Arica в Северном Причерноморье*. М.: Наука.

Хелимский Е. А. (2000) *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры.

Хелимский Е. А. (2002) Трансъевразийские аспекты русской этимологии. *Русский язык в научном освещении*, 2 (4): 75–90.

Хелимский Е. А. (2006) Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие. *Вопросы ономастики*, 3: 38–51.

Чекман В. Н. (1972) К проблеме литовско-белорусских лексических связей. *Baltistica*, 8 (2): 147–156.

Шапошников А. К. (2005) *Indoarica в Северном Причерноморье. Вопросы языкознания*, 5: 30–67.

Шилов А. Ю. (2001) О мерянских топонимических индикаторах. *Вопросы языкознания*, 6: 13–27.

Шилов А. Ю. (2009) Субстратная топонимия Русского Севера в свете работ А. К. Матвеева. *Вопросы языкознания*, 6: 76–101.

Шилов А. Ю. (2010) Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмоскowie. *Вопросы языкознания*, 2: 55–63.

Шрамм Г. (1997) *Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в древних веках*. М.: Eastern Communications.

Эдельман Д. И. (2002) *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. М.: Восточная литература.

Anikin A. (2011) On the Stratification of Baltic Lexical Elements in the Russian Language. *Langues Baltiques, langues slaves*. Paris: CNRS éditions: 49–55.

Janhunen J. (1985) The Tungus peoples and the conquest of Siberia. *Altaistic studies. Papers at the 25th meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala*. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Konferenser 12. Stockholm: Almqvist & Wiksell: 73–77.

Janhunen J. (1997) The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2: 159–165.

Steinitz W. (1960) Ostjakische Lehnwörter im Russischen. *Zeitschrift für Slawistik*, V: 483–519.

Stipa G. J. (1981) Vom Ostseefinnischen bis zum Samojedischen reichen der Lehwortschatz im “Russian Vocabulary” (1618–1619) des Richard James. *Journal de la Société finno-ougrienne*, 77: 41–66.

Vasmer M. (1923) *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland*. Leipzig, 1923.

Vasmer M. (1960) Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache. *VI Internationale Kongreß für Namenforschung. München, 1958. Studia Onomastica Monacensia*, II: 80–93.

Vasmer M. (1971) *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. Bd. 1–2. Hrsg. Von H. Bräuer. Berlin, Wiesbaden.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Аникин 2000 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. 2-е изд., испр., доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

Аникин 2003 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука, 2003.

Аникин 2005 — Аникин А. Е. *Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке*. Новосибирск: Наука, 2005.

Матвеев СТ — Матвеев А. К. *Субстратная топонимия Русского Севера*. В 4-х частях. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2015.

МСФУСЗ — *Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера*. Вып. 1 (А–И). Под ред. А. К. Матвеева; авт. и сост. Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2004.

- НОС — *Новгородский областной словарь*. Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Изд. 2-е. Подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–14. А-Дрощи. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Нестор-История, 2007–2020 (издание продолжается).
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. Аа–Хоюшки. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- ТТЭС — Әхмәтъянов Р. Г. *Татар теленең этимологик сүзлеге*. Т. 1–2. Казан: Мәгариф-вакыт, 2015.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. Т. 1–4. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Шипова — Шипова Е. Н. *Словарь тюркизмов в русском языке*. Алма-Ата: Наука, 1976.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–41. Отв. ред. О. Н. Трубачев (вып. 1–31), О. Н. Трубачев и А. Ф. Журавлев (вып. 32), А. Ф. Журавлев (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 39–41). *а-*разьпъ(жь). М.: Наука, 1974–2018.
- ЮкРС — Николаева И. А., Шалугин В. Г. *Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект)*. СПб.: Дрофа, 2002.
- Būga RR — Būga K. *Rinkiniai raštai*. Т. 1–3. Rodyklės. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958–1962.
- DEWOS — Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993.
- DW — Stachowski M. *Dolganisches Wörterbuch*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1993.
- REW — Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Heidelberg: Carl Winter, 1953–1958.
- SP — *Słownik prasłowiański*. Т. 1–8. Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc.: Zakład im. Ossolińskich PAN, 1974–2001.

Сокращения названий языков и диалектов

- алт. — алтайский язык
арин. — аринский язык
ассан. — ассанский язык
балт. — балтийские языки
башк. — башкирский язык
долган. — долганский язык
др.-нен. — древненецкий язык
др.-рус. — древнерусский язык
иран. — иранские языки
итал. — итальянский язык
карел. — карельский язык
кетск. — кетский язык
китайск. — китайский язык
коми — коми язык
леб. — лебединский диалект алтайского языка
лит. — литовский язык
лтг. — латгальский язык
лтш. — латышский язык
манс. — мансийский язык
манс. (сев.) — северный диалект мансийского языка
марийск. — марийский язык
нган. — нганасанский язык
нен. — ненецкий язык
ненЛ — лесной ненецкий язык
ненТ — тундровый ненецкий язык
новогреч. — новогреческий язык
п.-фин. — прибалтийско-финские языки
праслав. — праславянский язык
прус. — прусский язык
рус. — русский язык
рус. сев. — северные диалекты русского языка
саам. кольск. — кольский диалект саамского языка
сельк. — селькупский язык
скифск. — скифский язык
слав. — славянские языки
ст.-рус. — старорусский язык
тат. — татарский язык
тел. — телеутское наречие тобольские говоры русского языка
тур. — турецкий язык
тюрк. — тюркские языки
удм. — удмуртский язык
фин. — финский язык
хант. — хантыйский язык
хант. (обд.) — обдорский диалект хантыйского языка
эвенк. — эвенкийский язык
эским. — эскимосский язык
юкаг. — юкагирский язык
якут. — якутский язык

RUSSIAN COLONIZATION
AS REFLECTED IN THE LANGUAGE
(TO THE 60th ANNIVERSARY OF M. VASMER'S
PUBLICATION OF THE SAME NAME)

Citation: Anikin A. Russkaya kolonizatsiya v zerkale yazyka (k 60-letiyu odnoimennoy publikatsii M. Fasmera) [Russian colonization as reflected in the language (to the 60th anniversary of M. Vasmer's publication of the same name)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 11–52. (in Russian)

About the author. Anikin Alexandr. Institute of philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Russia.
<alexandr_anikin@mail.ru>

Abstract. The article is written on the occasion of the 60th anniversary of the publication of one of the latest works of Max Vasmer, in which he summarized the results of his (and other scientists') research on onomastics and etymology in connection with the problems of the linguo-ethnic history of Russia. An attempt is made to answer the questions about how far our knowledge has advanced since 1960 on the problems that Vasmer outlined in his publication, and which of his discoveries still retain their significance.

(1) The following topics (problems) are discussed in Vasmer's article: **I.** Iranian linguistic element in the South of Russia; **II.** Ural-speaking (Baltic-Finnish, Saami, Permic, Mordovian, Meryan) substratum and borrowed elements in Russian vocabulary and toponymy; **III.** Toponyms of Turkic origin in Russian; **IV.** The ancient habitats of the Eastern Slavs. Golyad' and the Baltic lexical heritage in the Russian language. Transfer of hydronyms and toponyms during the Slavic colonization of Eastern Europe; **V.** Lexical differences between East Slavic languages and between Russian dialects; **VI.** North Russian and Novgorod colonization of the North and Siberia. Finno-Ugric borrowings into Russian as indicators of Russian colonization; **VII.** Anthroponyms of Northern Russian origin in Siberia.

Comments on the named topics (problems) are given in the present article with predominant attention to the literature of the "post-Vasmer" period. Summarizing these comments, one can say that despite the relative smallness of the material at his disposal, M. Vasmer outlined the right ways of research, and the specific etymological decisions that he made, as a rule, until now turn out to be reliable or at least competitive.

I. O. N. Trubachev appreciated as “classical” M. Vasmer’s statements on 8 hydronyms of Iranian origin in the Middle and Lower Dnieper. II.1–2. In the study of the Finnish and Saami substratum, Vasmer improved the selection of topoformants, determining by their area the former dispersion of the Ural-speaking peoples. Currently, the prevailing tendency is to consider the substrate in the Russian North (at least, its oldest layers) not as Finnish and Saami, but as a more general “West Uralic” (Finnish-Saami-Mordovian). II.3. The fundamental consideration of M. Vasmer about the close relationship of the ethnonyms *Mari* (марийцы) and *Merya* (меря) remains valid. Developing the ideas of Vasmer, A. K. Matveev did not identify the *Merya* and the *Mari* (Cheremis), but saw in the *Mari* the Finno-Ugric ethnos closest to the *Merya*. III. The study of toponyms of Turkic origin (toponymic heritage of the Khazars, Pechenegs, Cumans, etc.) M. Vasmer regarded as a task that researchers will probably have to solve for a long period of time. In the “post-Vasmer” period many works appeared on separate areas of toponymy and the origin of toponymic Turkisms in East Slavic languages. IV.1. The locus of the earliest habitats of the Eastern Slavs was identified by M. Vasmer on the Middle Dnieper. Along the upper Dnieper and adjacent rivers of the basin of lake Ilmen, according to Vasmer, Slavs made their way to the lands where Novgorod later arose. Their path lay through the lands inhabited by the Balts. At the same time, the “post-Vasmer” studies significantly changed and clarified ideas about the original areas of the Balts and Slavs, changes in these areas, as well as the number, historical stratification and distribution of Balticisms in the Slavic languages. V. M. Vasmer’s fair considerations on the lexical differences between East Slavic languages and dialects need serious corrections, taking into account the vast literature of recent decades, especially dialectal and etymological dictionaries and atlases. VI–VII. The validity of the considerations expressed by M. Vasmer that the study of Russian vocabulary and toponomastics can illuminate the course of the Russian colonization of the North and Siberia is obvious. It is important that he clearly distinguishes the Novgorod period of colonization. He points, in particular, to the designation of the Vyatka river as the “Novgorod river”, cf. Mari *Naukrad Wyd* and Tatar *Naukrad Idyl*. An example is very expressive with the word шелóнный (шалóнный, шолóнный, etc.), the name of the wind on the lake Ilmen in the western part of the Novgorod region, formed from the name of the river flowing into Ilmen from the southwest. This name, as a designation of the south and south-west wind, spread along with the Novgorod colonization up to the Arctic Ocean and in Siberia, where there are no rivers with the name *Shelon*.

One cannot but agree with M. Vasmer's assertion that borrowings into Russian from the Finno-Ugric (Uralic) languages are of great interest for studying the history of the Russian colonization. Vasmer defines the boundaries of different layers of borrowing: Baltic-Finnish, Saami and Permic. The appellatives borrowed from these languages spread far beyond the Urals. With the general correctness and perspective, the considerations set out in Vasmer's article can be seriously adjusted.

Among the most important historical and linguistic achievements in the study of the linguistic aspects of the Russian colonization of the North and Siberia after the Vasmer's period, one should highlight the considerations of E. A. Khelimsky about three types of names of Russians in the languages of the Urals, Ural and Siberia and the routes to Siberia correlated with them.

In the topics related to Russian colonization, there are aspects that Vasmer did not touch on much, but which are essential. Vasmer considers borrowings in Russian (more often in Russian dialects) and Russian native vocabulary, but does not deal with borrowings from Russian into neighboring languages. In addition, he only takes account of the calques to some extent.

(2) A good example of a Russism, illustrating the penetration of Russians into Eastern Siberia, may be the following: Yakut (Olekma, Suntar) *māmȳt* 'memory game', Dolgan *pāmīt, pāmīl*, Yakut (Olenyok) *māmȳt* 'bird collarbone' < Russian dialectal *память* 'sternum of a chicken, rooster', literally 'memory'. Significant additions to the above Russian-Yakut-Dolgan parallels are Selkup (Ket) *pāmmät* 'collarbone', Ket (= Yenisei-Ostyak) *pāmāt*. For the Selkup, the mediation of the Evenki *pāmet is possible. It is interesting that the geography of these words coincides with the main route of Russian penetration in the 17th century to the Middle Yenisei and Lena through the Makovsky fortress on the Ket river.

(3) Regarding the topic of calques, the article presents a small etude dedicated to the rare Russian dialectism *наэ* and its Nenets sources against the background of data on the history of the oronyms *Камень* and *Урал*.

Keywords: Iranian lexical elements, Uralic substrate, Balticisms, North Russian and Novgorod colonization, Russisms in the languages of Siberia.

References

Ageyeva R. A. (1989) *Gidronimiya Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turnoistoricheskoy informatsii* [Hydronymy of the Russian North-West as a source of cultural and historical information]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Alekseyev M. P. (2006) *Sibir' v izvestiyakh zapadno-yevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv. Vvedeniye, teksty i kommentariy* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of the 13th–17th centuries. Introduction, texts and commentary]. 3rd ed. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. (2011) On the Stratification of Baltic Lexical Elements in the Russian Language. *Langues Baltiques, langues slaves*. Paris: CNRS éditions: 49–55.

Anikin A. Ye. (2000) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaminstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian dialects of Siberia. Loanwords from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow, Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2001) Ot Chudi do Meri (k 75-letiyu A. K. Matveeva) [From Chud to Merya (to the 75th anniversary of A. K. Matveev)]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Topics in the study of language], 6: 3–12. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2003) *Etimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovaniy v yazykakh Sibiri* [Etymological dictionary of Russian loanwords in the languages of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2005) *Opyt slovarya leksicheskikh baltizmov v rusском yazyke* [An essay of a dictionary of lexical balticisms in the Russian language]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2007–2020) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. V. 1–14 (A–Droshchi). Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi; Znak; Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN; Nestor-Istoriya. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2013) *Leksikon Innokentiya Annenskogo v istoriko-lingvisticheskom osveshchenii* [Innokentiy Annenskiy vocabulary from historical and linguistic point of view]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov, istoriya slavistiki. XV Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Doklady Rossiyskoy delegatsii* [Scripts, literature and folklore of Slavic peoples, history of Slavistics. 15th International congress of Slavic scholars. Reports of the Russian delegation]. Moscow: Drevlekhranilishche: 313–336. (in Russian)

Anikin A. Ye., Khelimskiy Ye. A. (2007) *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskiye leksicheskiye svyazi* [Samoyedic-Manchu-Tungus lexical relations]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russian)

Büga K. (1958–1962) *Rinktiniai raštai* [Selected writings]. T. 1–3. Rodyklės. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. (in Lithuanian, German, Russian)

Burykin A. A. (2013) *Imena sobstvennyye kak istoricheskiy istochnik: Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoyenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov* [Proper names as a historical source: Based on materials from Russian documents on the discovery of Siberia and the Far East of Russia in the 17–19th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. (in Russian)

Chekman V. N. (1972) K probleme litovsko-belorusskikh leksicheskikh svyazey [On the problem of Lithuanian-Belarusian lexical connections]. *Baltistica*, 8 (2): 147–156. (in Russian)

Dini P. U. (2002) *Baltiyskiye yazyki* [Baltic languages]. Moscow: OGI. (in Russian)

Dybo A. V. (1996) *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskiye terminy (plechevoy poyas)* [Semantic reconstruction in the Altai etymology. Somatic terms (shoulder girdle)]. Moscow: Yazyki slavyan-skoy kul'tury. (in Russian)

Edel'man D. I. (2002) *Iranskiye i slavyanskiye yazyki. Istoricheskiye otnosheniya* [Iranian and Slavic languages. Historical relations]. Moscow: Vostochnaya literatura. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Gusev V. Yu. (2020) Etimologicheskiye zametki po etnonimii Nizhnego Yeniseya [Etymological notes on the ethnonymy of the Lower Yenisei]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 17, 2: 59–74. (in Russian)

Janhunen J. (1985) The Tungus peoples and the conquest of Siberia. *Altaistic studies. Papers at the 25th meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala*. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Konferenser 12. Stockholm: Almqvist & Wiksell: 73–77.

Janhunen J. (1997) The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex. *Studia Etymologica Cracoviensia*, 2: 159–165.

Kabinina N. V., Matveyev A. K., Mishchenko O. V., Teush O. A. (2004) *Materialy dlya slovarya finno-ugro-samodiyskikh zaimstvovaniy v govorakh Russkogo Severa. Vyp. 1 (A–I)* [Materials for the dictionary of Finno-Ugric-Samoyed borrowings in dialects of the Russian North. Vol. 1 (A–I)]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta. (in Russian)

Khelimskiy Ye. A. (2000) *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative research and Ural studies. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (in Russian)

Khelimskiy Ye. A. (2002) Trans"yevraziyskiye aspekty russkoy etimologii [Trans-Eurasian aspects of Russian etymology]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], 2 (4): 75–90. (in Russian)

Khelimskiy Ye. A. (2006) Severo-zapadnaya gruppa finno-ugorskiykh yazykov i yeyo substratnoye naslediyе [The North-Western group of Finno-Ugric languages and its substrate heritage]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 3: 38–51. (in Russian)

Kiparskiy V. (1973) O baltizmakh russkogo literaturnogo yazyka [On the Balticisms of the Russian literary language]. *Baltistica*, 9: 67–70. (in Russian)

Korkina Ye. I. (1992) Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka [The North-Eastern dialectal zone of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Larin B. A. (1959) *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [Russian-English Dictionary-Diary of Richard James (1618–1619)]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo gos. un-ta. (in Russian)

Lauchyute Yu. (1982) *Slovar' baltizmov v slavyanskikh yazykakh* [Dictionary of Balticisms in Slavic languages]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Levichkin A. N., Myznikov S. A. (eds.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Matveyev A. K. (1986) K izucheniyu orograficheskoy terminologii v russkiykh govorakh Severnogo Urala [On the study of orographic terminology in Russian dialects of the Northern Urals]. *Severnorusskiye govory v inoyazychnom okruzenii* [Northern Russian dialects in a foreign language environment]. *Mezhvuzovskiy sb. nauch. trudov*. Syktyvkar: 58–68. (in Russian)

Matveyev A. K. (1987a) Arkhaicheskaya russkaya toponimiya na severo-vostoke yevropeyskoy chasti SSSR [Archaic Russian toponymy in the North-East of the European part of the USSR]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 2: 66–76. (in Russian)

Matveyev A. K. (1987b) *Geograficheskiye nazvaniya Urala* [Geographical names of the Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhn. izd-vo. (in Russian)

Matveyev A. K. (1990) *Vershiny Kamennogo Poyasa. Nazvaniya gor Urala* [Tops of the Stone Belt. The names of the Ural Mountains]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhn. izd-vo. (in Russian)

Matveyev A. K. (1995) Apellyativnyye zaimstvovaniya i stratifikatsiya substratnykh toponimov [Appellative borrowings and stratification of substratum toponyms]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 2: 29–42. (in Russian)

Matveyev A. K. (1997) *Geograficheskiye nazvaniya Tyumenskogo Severa* [Geographical names of the Tyumen North]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta. (in Russian)

Matveyev A. K. (2001–2015) *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. V 4-kh chastyakh* [Substratum toponymy of the Russian north. In 4 parts]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta. (in Russian)

Myznikov S. A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialectal etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow; St. Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russian)

Napoľskikh V. V. (2015) *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on Ethnic History]. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost'. (in Russian)

Nepokupnyy A. P. (1976) *Balto-severnoslavyanskiye yazykovyye svyazi* [Baltic and North-Slavic language connections]. Kiyev: Naukova dumka. (in Russian)

Nikolayeva I. A., Shalugin V. G. (2002) *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy (verkhnekolymskiy dialekt)* [Dictionary Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir (Upper Kolyma dialect)]. St. Petersburg: Drofa. (in Russian, Yukaghir)

Shaposhnikov A. K. (2005) *Indoarica v Severnom Prichernomor'ye* [Indoarica in the Northern Black Sea Region]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 5: 30–67. (in Russian)

Shilov A. L. (2001) *O meryanskikh toponimicheskikh indikatorakh* [On the Meryan toponymic indicators]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 6: 13–27. (in Russian)

Shilov A. L. (2009) *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa v svete rabot A. K. Matveyeva* [Substratum toponymy of the Russian North in the light of the works of A. K. Matveev]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 6: 76–101. (in Russian)

Shilov A. L. (2010) *Toponimicheskiye markery putey ekspansii vostochnykh slavyan v Podmoskov'ye* [Toponymic markers of the expansion paths of the Eastern Slavs in the Moscow region]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 2: 55–63. (in Russian)

Shipova Ye. N. (1976) *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of turkisms in Russian]. Alma-Ata: Nauka. (in Russian)

Shramm G. (1997) *Reki Severnogo Prichernomor'ya. Istoriko-filologicheskoye issledovaniye ikh nazvaniy v drevnikh vekakh* [Rivers of the Northern Black Sea Region. Historical and philological study of their names in ancient times]. Moscow: Eastern Communications. (in Russian)

Slawsky F. (ed.) (1974–2001) *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic dictionary]. T. 1–8. Wrocław etc.: Zakład im. Ossolińskich PAN. (in Polish)

Stachowski M. (1993) *Dolganisches Wörterbuch* [Dolgan dictionary]. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. (in German)

Steinitz W. (1960) Ostjakische Lehnwörter im Russischen [Ostyak loanwords in Russian]. *Zeitschrift für Slawistik*, V: 483–519. (in German).

Steinitz W. (1966–1993) *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache* [Dialectological and etymological dictionary of the Ostyak language]. Berlin: Akademie-Verlag. (in German)

Stipa G. J. (1981) Vom Ostseefinnischen bis zum Samojedischen reichender Lehwortschatz im “Russian Vocabulary” (1618–1619) des Richard James [Loan vocabulary ranging from Baltic Finnish to Samoyed in Richard James’ “Russian Vocabulary” (1618–1919)]. *Journal de la Société finno-ougrienne*, 77: 41–66. (in German)

Toporov V. N. (1983) Yeshche raz o Golthescytha u Iordana (Getica, 116). K voprosu severo-zapadnykh granits iranskogo areala [More about Golthescytha about Jordan (Getica, 116). On the issue of the north-western borders of the Iranian area]. *Balkanskoye i slavyanskoye yazykoznaniye. Problemy yazykovykh kontaktov* [Balkan and Slavic linguistics. Problems of language contacts]. Moscow: Nauka: 38–48. (in Russian)

Toporov V. N. (1988) K rekonstruktsii drevneyshego sostoyaniya praslavyanskogo [Towards the reconstruction of the oldest Proto-Slavic]. *Slavyanskoye yazykoznaniye: X Mezhdunarodnyy s’yezd slavistov. Doklady Rossiyskoy delegatsii* [Slavic linguistics: 10th international congress of Slavic scholars. Reports of the Russian delegation]. Moscow: Nauka: 264–291. (in Russian)

Toporov V. N. (1995) O balto-slavyanskoy dialektologii (neskol’ko soobrazheniy) [On the Balto-Slavic dialectology (several considerations)]. *Dialectologia slavica: Sb. k 85-letiyu S. B. Bernshteyna* [Dialectologia slavica: to the 85th anniversary of S. B. Bernstein]. Moscow: Indrik: 40–53. (in Russian)

Toporov V. N., Trubachev O. N. (1962) *Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verkhnego Podneprov’ya* [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (in Russian)

Trubachev O. N. (1967) Iz slavyano-iranskikh leksicheskikh otnosheniy [From the Slavic-Iranian lexical relations]. *Etimologiya 1965* [Etymology 1965]. Moscow: Nauka: 3–12. (in Russian)

Trubachev O. N. (1968) *Nazvaniya rek Pravoberezhnoy Ukrainy: Slovoobrazovaniye. Etimologiya. Etnicheskaya interpretatsiya* [The hydronyms of the Right-Bank Ukraine: Word-formation. Etymology. Ethnic interpretation]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Trubachev O. N. (1999) *Indo-Arica v Severnom Prichernomor’ye* [Indo-Arica in the Northern Black Sea Region]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F., Varbot Zh. Zh. (eds.) (1974–2018) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1–41. Moscow: Nauka. (in Russian)

Vasil'ev V. L. (2008) O probleme drevnebaltiyskogo toponimicheskogo naslediya na Russkom Severo-Zapade [On the problem of the ancient Baltic toponymic heritage in the Russian North-West]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 3: 76–94. (in Russian)

Vasil'ev V. L. (2012) *Slavyanskiye toponimicheskiye drevnosti Novgorodskoy zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. (in Russian)

Vasil'ev V. L. (2017) K voprosu o svyazyakh severnorusskikh govorov s govorom sela Russkoye Ust'ye na Severo-Vostoke Yakutii [On the issue of the relationship of the Northern Russian dialects with the dialect of the village Russkoe Ustye in the North-East of Yakutia]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 16: 63–74. (in Russian)

Vasil'ev V. L. (2018) O drevnenovgorodskikh yazykovykh sledakh v regionakh Vostochno-Yevropeyskogo Severa i Sibiri [About old Novgorod language traces in the regions of the East European North and Siberia]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics on the study of language], 3: 72–88. (in Russian)

Vasmer M. (1923) *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland* [Investigations into the oldest Slavic residences. I: The Iranians in southern Russia]. Leipzig. (in German)

Vasmer M. (1953–1958) *Russisches etymologisches Wörterbuch* [Russian etymological dictionary]. Bd. I–III. Heidelberg: Carl Winter. (in German)

Vasmer M. (1960) Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache [Russian colonization as reflected in the language]. *VI Internationale Kongreß für Namenforschung* [6th International congress in onomastics]. München, 1958. *Studia Onomastica Monacensia*, II: 80–93. (in German)

Vasmer M. (1971) *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde* [Writings on Slavic antiquity and Onomastics]. Bd. 1–2. Berlin, Wiesbaden. (in German)

Vasmer M. (1986–1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and preface by O. N. Trubachev. Ed. by B. A. Larin. Vol. 1–4. Moscow: Progress. (in Russian)

Əkhmät'yanov R. G. (2015) *Tatar telenej etimologik süzlege* [Etymological dictionary of Tatar language]. T. 1–2. Kazan': Məgarif-vakyt. (in Tatar)

С. А. Мызников

СААМИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СААМСКОМ СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Цитирование: Мызников С. А. (2020) Саамизмы в русскоязычном саамском сказочном фольклоре. *Севернорусские говоры*, 19: 53–76.

Сведения об авторе. Мызников Сергей Алексеевич. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия; Институт славяноведения РАН. Москва, Россия. <myznikovs@rambler.ru>

Аннотация. В данной работе продолжен анализ саамских лексических данных в русском культурном контексте. За основу материала для исследования были взяты тексты саамских сказок на русском языке. Устное народное творчество саамов в основном представлено сказочным фольклором и песенным творчеством. Значительное количество сказок было записано в конце XIX – первой половине XX вв. Проводилось сопоставление записей сказок XIX в. с их более поздними изданиями с целью верификации некоторых лексических материалов. Предлагается анализ саамских лексем, инкорпорированных в переводной русский текст. Отмечается, что в русских говорах Беломорья имеются саамские заимствования, относящиеся к наименованиям одежды, обуви, домашней утвари, инструментов и т. п. Некоторые из них фиксируются также и в фольклорных текстах. В сказочном фольклоре саамов представлено значительное число наименований знахарей, колдунов и различных мифологических персонажей, которые фигурируют в русских текстах. В ряде случаев они фигурируют как самостоятельные саамские единицы в русском переводе вне связи с лексикографическими саамскими источниками. Географические названия в текстах сказок дают по-разному, например, гидронимы, лимнонимы представлены в русском переводе. Имеются наименования северного сияния, которые представлены в разных вариантах.

Ключевые слова: саамский, прибалтийско-финский, лексика, фольклор, сказка, текст.

На территории Беломорья саамское влияние можно проследить не только по живым данным смежных севернорусских говоров, но и по различным письменным источникам. Причем неред-

ко такого рода материалы могут давать оригинальные данные, которые ранее не попадали в сферу исследовательского внимания. В данной статье предпринимается попытка представить саамские лексические материалы или данные саамского происхождения, зафиксированные в текстах, представляющих саамский фольклор в переводах или пересказах на русский язык. Саамские единицы в таких случаях могут являться проникновениями, связанными с непосредственным общением с саамами, которые фиксируются не только в различных источниках, но и в диалектном континууме, например: *Кíрвы* ‘возглас приветствия у саамов’: *А здарóбфакоюце онí кíрвы, кíрвы* (о лопарях). Кола [ПЛГО]. Ср. саам. *tírrrv* ‘здравствуй, привет’ [Антонова 2014: 299].

Устное народное творчество саамов в основном представлено сказочным фольклором и песенным творчеством. Значительное количество сказок было записано в конце XIX – первой половине XX вв. Многие исследователи, побывав на Кольском полуострове, записывали в первую очередь наиболее доступные саамские сказки, которые затем публиковались в периодических изданиях и в отдельных сборниках. Выходят в свет сказки, записанные В. Ю. Визе, М. М. Пришвиным, Н. Н. Харузиным, А. Л. Яценко, Н. Брискиным, В. К. Алымовым, Е. Я. Пация.

Например, в нескольких сказках, опубликованных Н. Брискиным на русском языке, имеются саамские включения, которые довольно трудно классифицировать. Причем в отношении слова *палемышки* имеется версия о не вполне корректной записи собирателя [см. Бодрова 2014]. Так, в «Архангельских сказках» Н. Брискина приводится такой текст: *Как будто занеможешь и спроси у Талушки, где у него смерть, и потом попроси у него палемышки и повяжи кругом себя, а мы в вежу прокопаем дырку и ты нам дашь через дырку палемышки, а вечером, в потемках, выйдешь на улицу и скажешь нам, где находится Талушкина смерть, и мы будем доставать его смерть... — Ты, муж, скажи, где твоя смерть и дай мне повязать палемышки. Талушка дал палемышки и стал рассказывать где у его есть смерть... Получив палемышки от Талушки нянгушка передала братьям по дырке, сделанной ими в вежу...*

Потом Кичкушка зашёл в вежу, *палемышками* шолнул, ударил Талушкину мать, и старуха умерла. Кольск. [Брискин 1917: 6]. Трудно сказать, с какими саамскими лексемами следует сопоставлять эту единицу. Ср., например: саам. *пуалмэх* ‘косы, уложенные вокруг головы [у замужних женщин]’ [Антонова 2014: 233]; саам. *паллмуши* ‘забой [животных]’; *паллтмуши* ‘страх’ [Антонова 2014: 212].

Обычно собиратели-коллекторы не владели саамским языком, тогда как сказки рассказывались на одном из саамских диалектов¹ и записывались на русский язык с помощью переводчика, что позволяло в общих чертах сохранить сюжет, но не передавало художественных и лексических особенностей фольклорных произведений. Некоторые исследователи дополнительно подвергали перевод сказки литературной обработке или сокращали сюжет. Большинство саамских сказок, дошедших до наших дней, можно назвать фольклорными с большим допущением [см. Бодрова 2014: 91].

Так, например, в сборнике под редакцией Г. М. Керта, который включает в себя разновременные записи различных собирателей, можно видеть такого рода обработку. В XIX и в начале XX в., несмотря на функционирование эндоэтнонима *с̄аммь* ‘саамы’ [Куруч 1985: 314], более распространенным был экзоэтноним *лопъ* ‘саамы’, *лопин* ‘саам’, что и фиксируется в записях сказок XIX в.: *Угодил лопин в самую дрябь болота и завяз в нем по шею, только голова одна и выдается, над болотом, где тут выберешься.* Кольск. [Визе 1917, 2: 72]. При этом в сборнике под редакцией Г. М. Керта это наименование не используется, а везде заменяется на лексему *саам*. Ср., например, исправленный текст сказки, записанной В. Ю. Визе, которая представлена в этой книге, где лексема *лопин* заменена на местоимение:

---

¹На Кольском полуострове были распространены следующие диалекты: йоканьгский (терско-саамский), кильдинский, ногозерский говор колтта-саамского языка и бабинский (аккала).

Угодил он в самую дрябь болота и завяз в нем по шею, только голова одна и выдается над болотом, где тут выберешься (сказка). Кольск. [Керт 1980: 119].

Следует отметить, что этноним *саам* фиксируется в этом сборнике около 600 раз, при полном отсутствии лексем *лопь*, *лопин*. Ср. еще один пример подобной замены:

Жил один лопин, очень любопытный был (Имандра) [Визе 1917, 2: 71].

Жил один саам, очень любопытный был [Керт 1980: 118].

В ряде случаев записи некоторых слов не подтверждаются по другим источникам, что вызывает сомнение в точности записи. Например, в русских говорах есть слово *дрябь* ‘топь, трясина, болото’: *Ты не пала туча темная Не пролилась в Окиян морю, Ни на быстры, светлы речуньки, Ни на корбы, на дремучие, Ни на дряби на топучие*. Олон. [СРНГ 8: 226]. Также в сказках: *Угодил лопин в самую дрябь болота*. Кольск. [Визе 1917, 2: 71]. При этом в сборнике под редакцией Г. М. Керта фиксируется вариант (?) *дрянь*: *И угодил он в дрянь (болото) по грудь и с руками, вылезть не может* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 124; причем отмечается, что текст публикуется по записи М. М. Пришвина в 1907 г. в с. Белая Губа].

В ряде случаев обработка фольклорных текстов XIX в. приводит к разрушению структуры первоначальной записи, например: *Яро загорелись стружки, порато большой пар пошел, и паром лопина начало тащить вверх* [Визе 1917, 2: 71]. Ср. лексему *яро* после обработки: *Потом поджег стружки и сам вскочил на рогожу. Яро начало тащить вверх* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 118].

На Кольском полуострове лексема *тройник* имела значение ‘лодка на три человека, используемая для промысла трески, морского зверя и т. п.’ Ср. иллюстрацию: *Однажды около Кильдина несколько лопарей промышляло на тройнике треску*. Кольск. [Визе 1917, 2: 65]. Тогда как в сборнике Г. М. Керта эта лексема ошибочно фигурирует в значении ‘рыболовная снасть’: *Однажды около Кильдина несколько саамов промышляло на тройник треску* [Керт 1980: 64].

Составитель сборника саамских сказок Е. Я. Пация [см. Керт 1980], отмечая все сложности их жанровой классификации, констатирует объединение у саамов в одну сказку нескольких сюжетов из различных жанров [Керт 1980: 6]. Поскольку тексты часто записывали через переводчика, а иногда и сказители рассказывали сказки на русском языке, т. е. на кольском поморском говоре, то в них наряду с саамскими включениями встречаются единицы, зафиксировать которые у собственно русских информантов не представляется возможным.

Ср., например: *Гангас*: *Не бойся также и гангасов, они делаются для пользы людей и тебе не повредят* [В 1912 г. записал К. П. Щеколдин, Пазрецкий погост].

Ангас: *Раз утром встал он и сказал брату: — Я пойду сегодня по ангасам один и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое место: они под ногами около себя ягель уже съели* [В 1912 г. записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост].

При саамских данных: *ангесь* (саам. кильд.), *аггесь* (нотоз.) ‘сооружение для ловли диких оленей, в виде изгороди с узкими промежутками, в которых закреплялись веревочные или кожаные петли, воздвигалось обычно в местах, где проходили дикие олени’ отмечается, что такие ловушки исчезли в 1880-х гг. [ГСКП]. Ранее уже рассматривалась связь с саам. *hāŋkkas* ‘ограда для поимки оленей’, саам. кольск. *aġġes* ‘ограда для лова оленей’, по мнению авторов SKES, заимствованных из финского языка [SKES: 55], с русскими диалектными данными, исходя из их смежных ареалов. При этом имеются сходные карельские данные, ср. кар. *hangas* «ловушка для оленей и лосей, ее устраивают следующим образом — из двух заостренных кольев, вбитых друг против друга, которые прикрепляются к согнутым деревьям. Так образуется пространство для входа, по бокам которого находится это устройство. Поперек пропущена веревка, которая приводит в действие ловушку» [KKS 1: 164; РДЭСЛКР: 157].

Нередко в текстах сказок фиксируются только узкие специализированные, тематически ограниченные значения слов, кото-

рые ранее были уже представлены в лексикографических источниках:

Ўрдовать ‘охотиться на диких оленей’: *Ну иной день прошел, пошли братаны урдовать. Ходили, ходили и заспали в одном месте* [В 1929 г. записал и перевел В. К. Алымов, Каменский погост]. Фиксировалось ранее в источнике XIX в., ср.: *Ўрдовать* ‘промышлять охотой лесную дичь — птицу и зверя’ Кем., Кольск. [Подвысоцкий 1885: 179]. Хотя слово фиксируется только на территориях с саамским воздействием, оно возводилось к фин. *uurtaa* ‘охотиться в лесу’ [Kalima 1915: 234], хотя Т. Итконен резонно не исключает саамскую этимологию [Itkonen 1932: 65]. См. также [SKES: 1566; РДЭСЛКР: 833].

Довольно часто в саамских сказках речь идет о набегах, совершаемых различными иноплеменными недругами. Отмечалось, что враги, которые по лопарским (саамским) сказаниям приходили грабить и убивать лопарей (саамов), называются ими различно, а именно: *шветами* (*шведами*), *чудью*, *панами*, *шишами*, *финнами*, *немцами*. Под всеми этими названиями лопари понимают вообще разбойников [Визе 1917, 1: 16]. Ниже представлены наименования враждебных сил, зафиксированных в сказках.

Швёды: *Один раз только пробралась сюда разбойничья шайка шведов, но сильно поплатилась за недоброе дело* [Записал А. Я. Яценко в Йокостровском погосте; 183 фиксации этой лексемы в сборнике Г. М. Керта].

Швёты: *Засели те шветы в погосте и стали выжидать, не придет ли лопин какой* [В 1912 г. записал В. Ю. Визе в погосте Имандра].

Фиксируется также аутентичное саамское включение *рутсвик* ‘шведские воины, шведская сила’: *Тогда время было тревожное. Рутсвик — шведская рать — ходила по саамской земле. Саамы, чтобы укрыться от врагов, жили под землей в ямах-землянках* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 36]. Ср. саам. *rūñc* ‘враг; финн’ [Куруч 1985: 300], саам. *vīgk* ‘сила’ [Куруч 1985: 42], при коми *роч* ‘русский’, фин. *ruotsi* ‘швед’ [КЭСКЯ: 243].

Причем фиксируется в текстах и русская калька — *шведская сила*: *После метели пошли смотреть, где шведская сила. Увидели: вся шведская сила замерзла и превратилась в камень* [В 1958 г. записала В. Н. Железнякова, Ловозеро].

В многочисленных преданиях о войне с чудью, которая грабила саамские земли, вероятно, говорится преимущественно о финнах, что следует из указания географических деталей набегов с весьма достоверными подробностями [Островский 1899: 321].

Чудь: *Шла чудь, от озера Энаре, разорять Пазрецкий погост. Был с ними и опас* [В 1887 г. записал Н. Харузин; 138 фиксаций этой лексемы в сборнике Г. М. Керта]. Ср. саам. *чудть* ‘враг’ [Антонова 2014: 345].

Чудин: *Дрались они недолго, наконец саам свалил чудина* [В 1873 г. записал В. Немирович-Данченко в погостах между Йокостровом и Зашейком].

Причем *русские* (нередко русскими называли переселенцев — православных карел) противостояли *чуди*: *Чудь увидела бегущих по льду в белых полушубках русских и страшно испугалась, приняв их за души умерших. Русские напали на Чудь и перебили ее* [Островский 1899: 323]. В фольклоре восточных саамов почти не сохранилось сюжетов их борьбы с русскими.

Среди чуди иногда называется имя предводителя *Геланд*: *Предводитель чуди — Геланд — пришел раз в Нявдемский погост под видом купца с двумя товарищами* [В 1887 г. записал Н. Харузин].

Финны: *Финны ждали в погосте до рассвета. Они думали, что все люди в погосте заснули и поэтому стало тихо* [В 1936 г. записал и перевел В. К. Алымов, Шелтозеро].

Паны: *А то и есть, что идут паны, хотят разорить погост, сейчас они уже недалеко, не более как в двадцати верстах* [В 1912 г. записал В. Ю. Визе в погосте Имандра].

Шиши: *Понадобилось зачем-то старику в погост ехать, и посылает он работника узнать, не бродят ли у погоста шиши* [Записал А. Яценко в 1887 г., Нотозеро]. Лексема *шиши* ‘черт, нечистая сила’ и ее дериваты имеет широкий ареал в новгородских го-

ворах, а также в смоленских и донских. Прибалтийско-финская версия ее происхождения, эст. *síśś* ‘разбойник, грабитель’, не подтверждается, поскольку фин. *sissi*, эст. *siss* ‘партизан, разбойник’, по мнению авторов SKES, восходят к русск. *шиси* [SKES: 1045]. Причем польск. *szysz* ‘партизан, разбойник’, коми *ššš* ‘бродяга’ — из русских источников [SKES: 1045]. Подробно см.: [РДЭСЛКР: 929].

Мурманы ‘разбойники, нападавшие на саамов’: *Нотозеро было спасено женщиной-нойдой от разорительного набега чуди — шведов или мурманов*. Кольск. [Харузин 1890: 221]. Ср. также: *мурман* ‘житель норвежских берегов’ Арх., 1850 [СРНГ 18: 357].

Немцы: *Был большой немецкий нагон. Хотели немцы разграбить погост, в Воч-Губе рыскали кругом да около, но никак не могли найти его* [Записал В. Ю. Визе, погост Имандра].

Норвежцы, однако, не фигурируют как враждебная сила. Норвежец в сказке выступает как жених: *Пришел норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце к Катерине, пожал ей руку и говорит: — Пойдем, Катерина, на наш корабль* [В 1937 г. записал и перевел В. К. Алымов].

Кроме чуди у саамов был еще враг по имени *Сталло*. «Он всегда являлся один со своей собакой. *Сталло* означает человека, закованного в латы, русского или норвежца, собирающего дань. От дьявола дана ему большая сила и он может делаться оборотнем. *Сталло* дерется кулаком, а иногда царапается, кусается, пинается, но убивает всегда ножом. Убить его только серебряной пулей» [Островский 1899: 325]. В более поздней записи *Сталла-стал* — это тот, который приходит к человеческому жилью, ходит вокруг него, свищет и этим свистом вызывает из жилищ виноватых людей. С вышедшим на его свист он начинает бороться. Кто в этой борьбе бывает побежденным, тот и умирает [В 1937 г. записал и перевел В. К. Алымов, Мотовский погост].

Кроме того, в текстах сказок имеется значительное число саамских лексических включений, обозначающих враждебные, колдовские силы и т. п.

Маввихк ‘мелкая сила’: У младшего осталась одна стрела, потому что он не хотел тратить ее на мелкую силу *маввихк*, а ждал, когда в репнель заглянет сам *Чуэт-Ахкам* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 30]. Ср. саам. *мёвв* ‘мелкий’ [Куруч 1985: 185], саам. *вйгк* ‘сила’ [Куруч 1985: 42].

Юльквик ‘пешая сила’: Пришли весной к Ловозеру финны. Это были *юльквик* — пешая сила. Называли их так потому, что они всегда передвигались на ногах: зимой ходили на лыжах, а летом — пешком [В 1936 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Шелтозеро]. Ср. саам. *юлльк* ‘нога’ [Антонова 2014: 370].

В сказочном фольклоре саамов представлено значительное число наименований знахарей, колдунов и различных мифологических персонажей, которые фигурируют в русских текстах. В ряде случаев они фигурируют как самостоятельные саамские единицы в русском тексте вне связи с лексикографическими саамскими источниками.

Мяндаш ‘мифологический персонаж, олень-оборотень, родоначальник саамов’: В горах, в вараках, на ламбинах и тундрах, где не живут люди и никогда им не живатъ, куда не след ему ходить, живут *мяндаши*. Кольск. [Керт 1980: 198].

Кольминэйвинчыэрхтэ: А из моря в это время поднялся трехголовый хозяин моря — *Кольминэйвинчыэрхтэ* — и проглотил корабль (сказка). Кольск. [Керт 1980: 266]. Ср. саам. *кõллм* ‘три’, *вуэййв* ‘голова’ [Антонова 2014: 109, 49].

Куддалв ‘мифическая птица у саамов’: Нужно спросить у самой большой птицы — *Куддалв*, которая носит людей (сказка). Кольск. [Керт 1980: 165].

Луот-хозик ‘женский дух, живущий в сопках; оленья хозяйка’ Кольск. [Харузин 1889: 60].

Мец-хозин ‘черный с хвостом лесной дух’ Кольск. [Харузин 1889: 61]. Ср. саам. швед. *metse* ‘лес, глухой лес’, дул. *miehttsē*, *mähttsē* ‘большой глухой лес’, саам. кильд. *miehse*, саам. терск. *miehse* ‘глухой лес’ [SKES: 343].

Нойд ‘саамский колдун-знахарь, служитель религиозного культа, основанного на вере в духов’: *Нойдом* мог сделаться

не всякий. Кольск. [Харузин 1889: 64]. *Нойда* ‘то же, что нойд’: *В Мотке жил саам Лин, славившийся как нойда и силач* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 48]. Ср. саам. *noaid'e* [KOLTKS: 284], саам. *нōййт'* ‘колдунья, колдун’ [Антонова 2014: 188]. Также *Шурнойда* ‘то же, что нойд’ Кольск. [Керт 1980: 236]. Ср. саам. *шӯрр* ‘большой’ [Куруч 1985: 413].

Оццеакк ‘женщина-паук’: *Оццеакк окончила собирать ягоды и пошла к тому месту, где были их дети* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 98]. Ср. саам. *oadээ* ‘паук’ [Куруч 1985: 228], саам. *āhkь* ‘замужняя женщина’ [Куруч 1985: 21].

Пактйелле ‘жители скал’: *А были это не люди, а пактйелле — жители скал: Пактхэзен — Хозяин скал и Пантйемент — Хозяйка скал, его жена... Во время угощения пришла Пактйелленийте — дочь жителей скал* (сказка) Кольск. [Керт 1980: 191]. Ср. саам. *pāgь* ‘тундровая гора’ [Куруч 1985: 244], саам. *ēллей* ‘житель’ [Куруч 1985: 432].

Поць-хозин, Поць-хозик ‘духи [муж и жена], оберегающие оленей’ Кольск. [Харузин 1889: 61].

Перть-хозин ‘домовой’ Кольск. [Харузин 1889: 59].

Рóук ‘мифическое существо — мертвец-людоед у саамов’: *Мальчик превратился в роука, мертвеца-людоеда. Он съел свою мать, сел и стал ждать отца* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 138]. Ср. саам. швед. *rauke* ‘покойник’, лул. *rau'hkē* ‘то же’, саам. норв. *raw'ke* ‘бедняга, горемыка’, саам. инар. *rävkkі* [SKES: 748].

Саццен ‘водный дух в виде женщины с черными волосами’ Кольск. [Харузин 1889: 61].

Чадзьилле ‘водяной у саамов’: *Из озера поднялся Чадзьилле — Водяной житель, хозяин озера* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 67]. Ср. саам. *Чāдзь ēллей* ‘Хозяйка воды [в поверьях саамов]’ [Куруч 1985: 385].

Чудоорчь ‘саамский знахарь, колдун’ (сказка) Кольск. [Керт 1980: 63]. Вероятно, композит, ср. русск. *чудо* и саам. *олмэнч* ‘человек’ [Антонова 2014: 206].

Тірмес тэкь ‘громовая вошь’: *Перед грозой появляются на земле черные жуки, по-другому их называют тирмес тэкь — гро-*

мовая вошь (сказка). Кольск. [Керт 1980: 147]. Ср. саам. *tj̄rmes̄* ‘гром’, саам. *tyxh̄k* ‘вошь’ [Антонова 2014: 316].

Довольно часто в сказках фигурируют различные сказочные имена, которые в большинстве имеют объяснение их происхождения или перевод на русский язык, например:

Веррунчулд — Тесаный пенъ, другому — Ихтсъяпаласт — Олений хомут и дочери Кыдзымчалм — Остроглазка [В 1912 г. записал К. П. Щеколдин, Пазрецкий погост].

Киевва ‘пугливая, боязливая женщина’: В старом Екостровском погосте на берегу озера Имандра когда-то жили две женщины. Одна из них плохо слышала, всего пугалась. Стоило у нее за спиной ударить в ладоши, как она от испуга начинала кричать, причитать, кружиться. Такие женщины по-саамски назывались киеввы [В 20–30 гг. XX века записал Я. А. Комшилов].

Пейвальке: Девушку звали Уточкой, а парня Пейвальке — Солнца Сын [В 1961 г. записал В. В. Чарнолуцкий, пос. Каневка]. Ср. саам. *алльк* ‘сын’; *п̄ййв* ‘солнце’ [Антонова 2014: 20, 218].

Нийдо ‘дочь’: Старуха, проснувшись, увидела, что подле ней лежит Нийдо — дочь лягушки [В 1912 г. записал К. П. Щеколдин, Пазрецкий погост]. Ср. саам. *н̄ййт* ‘дочь; девушка’, *н̄йта* ‘девочка’ [Антонова 2014: 186].

Агка ‘старуха’: В это время жили в Печенге, около становища Вайда-Губы, силачи-нойды три брата, и у них была мать-старуха — агка (сказка). Кольск. [Керт 1980: 59]. Ср. саам. *а̄нкь* ‘замужняя женщина’ [Куруч 1985: 21], *агка* ‘ум.-ласк. старушка’ [Антонова 2014: 17].

Пиалка ‘Большой палец’ (русск. Мальчик-с-пальчик): Старуха взяла, в игольницу положила большой пальчик, купала, купала в теплой воде и положила. Старик со старухой прямо обрадовались: у них ребенок родился. Ну вот. Пиалка уж большим стал [В 1960 г., записал Г. М. Керт, йоканьгский диалект]. Ср. саам. *п̄лльк* ‘большой палец’ [Куруч 1985: 253].

В ряде случаев для имен героев сказок фигурируют наименования живой природы.

Ацак ‘лягушка’: Подошел он к березе и стал снимать бересту. В это время откуда ни возьмись с березы соскочила ацак — лягушка (сказка). Кольск. [Керт 1980: 79].

Ацекнийд ‘лягушкина дочка’: Недалеко от огня, он увидел, что сидит старуха и подле нее ацекнийд — лягушкина дочка (сказка). Кольск. [Керт 1980: 97].

Нял ‘песец’ Кольск. [Керт 1980: 32]; ‘личное имя’: Жил давным-давно в Печенгском погосте саам по имени Нял [В 1887 г. записал Н. Н. Харузин]. Ср. саам. нёалл ‘песец’ [Антонова 2014: 183], нюалл ‘песец’ [Антонова 2014: 193].

Римне-калесь ‘лис’: Стал Римне-калесь — слепой лис Патрикей (сказка). Кольск. [Керт 1980: 255]. Ср. саам. кällесь ‘мужчина’ [Куруч 1985: 97], рйммын ‘лиса’ [Куруч 1985: 292].

Фиксируются в текстах наименования различных видов саамских жилищ и их частей.

Айхт ‘амбар на столбах для защиты от грызунов’: Где из Умба-зера вытекает Умба, находится несколько лопарских веж и айхтов..., принадлежащих лопарям Галкиным. Умба [Визе 1912, 17: 747]. Ср. саам. айххт ‘амбар, сарай’ [Антонова 2014: 19], при саам. ајт ‘амбар’ [SKES: 11].

Лыис ‘место в веже, в куваксе, в чуме для продуктов и посуды в противоположной от двери стороне’: Лыис был широк, как вежные двери, Лыис согревался огнем очага (сказка) Кольск. [Керт 1980: 206]. Ср. саам. лўппс ‘то же’ [Куруч 1985: 168], лўппс ‘кладовая; место для посуды и продуктов в куваксе и веже напротив двери’ [Антонова 2014: 152].

Пордис ‘лестница’: Вдали увидел свет-огонь. Потом туда и пришел к лестнице — пордис (сказка). Кольск. [Керт 1980: 169]. Ср. саам. кильд. puardes ‘приставная лестница’ [SKES: 606].

Рёппень ‘отверстие для выхода дыма в саамской веже’ (сказка) Кольск. [Керт 1980: 30]. Ср. саам. рёһпенЪ ‘дымник, дымовое отверстие в верхней части куваксы, вежи для выхода дыма’ [Куруч 1985: 291].

В русских говорах Беломорья имеются саамские заимствования, относящиеся к наименованиям одежды, обуви, домашней

утвари, инструментов и т. п. Некоторые из них фиксируются также и в фольклорных текстах, например:

váčegi ‘рукавицы из сукна, ткани’: *Наверно, гости потонули: на одну руку сорок этих вачег нашли.* Кузрека [СПМО]. Традиционно рассматривается как заимствование из саамского языка, ср. саам. *va'its*, род. п. *vā'ttsa* ‘то же’ [Itkonen 1932: 50]. Ср. также саам. кильд. *vāhs*, комитатив *vāsen* [Керт 1967: 25], саам. *voahu*, *voai* ‘варежка, рукавица’ [Куруч 1985: 47]. Причем, вероятно, через прибалтийско-финское посредство слово широко распространилось в севернорусских говорах: оно отмечается в книгах Важского монастыря (1598, 1678 гг.), Сийского (1628 г.), Пертоминского (1686 г.), Онежского (1661 г.) [РДЭСЛКР: 121].

Часть такого рода данных отмечается только в текстах фольклора.

Kánpær ‘саамская шапка’ (сказка) Кольск. [Керт 1980: 164]. Ср. саам. *кабпær* ‘шапка’ [Куруч 1985: 93; Антонова 2014: 83].

Késta ‘ меховая рукавица’: *Койбинца, по-лопарски кеста — рукавица из шкурки оленьих лап.* Кольск. [Брискин 1917: 7]. Ср. саам. *кыста* ‘маличная рукавица’ [Антонова 2014: 132].

Noори ‘веревочка, которой завязывают каньги’²: *Пошёл колдун другой раз на пахту, взял он каши с собой, ложку взял и ноори. Потом пошёл, кашу оставил, ложку оставил и одну каньгу с ноори тоже оставил.* Кольск. [ИАОИРС]. Ср. саам. *нӯрь* ‘веревка’ [Куруч 1985: 217], саам. *нӯррь* ‘веревка, канат’ [Антонова 2014: 190], при кар. *ниога* ‘верёвка’ [ССКГК: 390].

Нальте ‘металлическое кольцо, надеваемое на нижнюю часть веретена’ (сказка): *А веретено у сестрицы было не простое, а золотое, а нальте на том веретене, то колечко, что надевают на нижний конец веретена, и вовсе было мудренное* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 157]. Ср. саам. *ноальтэ* ‘веретено’ [Куруч 1985: 215].

Нéцкэм ‘скребок для скобления шкур’: *Мать села в керезку, положила между ног кису с золой. Взяла в руки нецкэм — скре-*

---

²Каньги — саамская обувь с острыми загнутыми и вверх носками. Подробно см.: [РДЭСЛКР: 244]

бок для скобления шкур, завязала голову большой шалью (сказка). Кольск. [Керт 1980: 100]. Ср. саам. *несськъэмь* ‘то же’ [Куруч 1985: 208].

Нивльчухк ‘коробка с нитками, иголками и т.п.’: *Красивая Катерина, вскочила с кровати, схватила свой плетеный нивльчухк — коробку с иголками, нитками, бисером и разными цветными лоскутками и убежала к морю... Рассыпалось по дну морскому все, что было в нивльчухке, и сделалось все это морскими раковинами, ракушками, звездами и кораллами* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 233]. Ср. саам. *нйввьл* ‘игла, иголка’, *чуххък* ‘ящик’ [Антонова 2014: 185, 347].

Няц-вый ‘масло’: *Сало — пойма, сверху снимают, и употребляют вместо масла — няц-вый, это лучшее сало, из костей*. Кольск. [Брискин 1917: 7]. Ср. саам. *пõснэвуий* ‘масло растительное’, *вуйй* ‘масло; жир’ [Антонова 2014: 231, 44].

Ска́рри ‘ножницы’: *У меня есть ножницы — ска́рри* [В 1912 г. записал К. П. Щеколдин, Пазрецкий погост]. Кольск. [Керт 1980: 79]. Ср. саам. лул. *skarja* ‘ножницы’, при др.-норв. *skāria, др.-анг. *skæri*, нем. *Schere* ‘ножницы’ [Wiklund 1890: 119], при том, что имеется лексема, общая с прибалтийско-финскими языками, ср. саам. *рўвьт* ‘ножницы’ [Антонова 2014: 256], вепс. *raudad, roudad* ‘ножницы (для стрижки овец, резки металла)’, *raudaižed, roudeižed* ‘ножницы (портновские)’ [СВЯ: 465].

В ряде случаев в текстах сказок фиксируются единичные варианты, тогда как в говорах отмечаются широко распространенные данные, например:

Ка́рре ‘деревянная тарелка’: *Подает им восемь карре, восемь деревянных тарелок* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 160]. Ср. русск. диал. *ка́ра* ‘деревянное блюдо, доска с углублением посередине, на которой разделявают и подают на стол рыбу, мясо и т.п.’ с широким распространением в севернорусских говорах. Ср. саам. лул. *kārrē*, саам. норв. *garre* ‘деревянная посуда’, саам. кильд. *kār* ‘посуда, блюдо’, при фин. *kaara* ‘деревянное блюдо, корыто’, с первоисточником в скандинавских языках: швед. *kar* ‘шкатулка, ларец, посуда, рюмка’ [SKES: 135], ср. также саам. *кя́ррь* ‘деревянная по-

суда' [Куруч 1985: 100], саам. *kārre* 'миска, блюдо, лоток', 'посуда для еды' [KOLTKS: 93], саам. лул. *kārrē*, саам. норв. *garre*, саам. кильд. *kāir*, саам. терск. *kāire* 'деревянная посуда, блюдо'. См. подробно: [РДЭСЛКР: 247].

Представлено значительное число наименований сказочного оружия, различных приспособлений, инструментов, украшений и т. п.

Вуэйв-терпэм-ныйп 'сказочный нож': *Он поднял подушку и вынул оттуда нож-головорез — вуэйв-терпэм-ныйп. И отрубил Ягобабе голову* (сказка) Кольск. [Керт 1980: 182]. Ср. саам. *вуэйв* 'голова' [Куруч 1985: 60], *ныйп* 'нож' [Куруч 1985: 218].

Наер сагги 'сонная спичка, палочка': *На случай нужды вот возьми эту сонную спичку — наер сагги* [В 1912 г. записал К. П. Щеколдин, Пазрецкий погост]. Ср. саам. *нагерь* 'сон' [Антонова 2014: 181], саам. лул. *saggē*, саам. норв. *sag'ge* 'палка, колышек, деревянный гвоздь', при фин. *saakki* 'тонкий, довольно короткий, острый колышек, (большая) палка; острый прямой олений рог' [SKES: 934].

Нагерь-нивле 'сонная игла': *Взяла нагерь-нивле — сонную иглу и незаметно вонзила дочери Адз в годову* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 88]. Ср. саам. *нагерь* 'сон' [Антонова 2014: 181], саам. *ниввьл* 'игла, иголка' [Антонова 2014: 185].

Тохтинюл 'стрела с наконечником из клюва гагары': *Натянул тетиву и пустил тохтинюл в грудь Чуэт-Ахкаму* (сказка) Кольск. [Керт 1980: 26]. Ср. саам. *нюлл тоххтэ нюнэнь* 'стрела с наконечником из гагарьего клюва' [Куруч 1985: 221].

Сурмас 'золотой перстень': *Я хожу и хочу кому-нибудь продать золотой перстень — сурмас* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 169]. Ср. саам. *сурмас* 'кольцо [украшение]' [Антонова 2014: 280].

В севернорусских говорах отмечается значительное число лексик, относящейся к оленеводству, например:

Пелэй 'упряжной олень': *А эти пелэй ужэ равняются по нему, оні жэ привязаны к нему. Передовой руководит, а передовым пастух руководит, хорей и возжя́.* Ловозеро [ПЛГО]. *Пилэй* 'крайний справа олень в упряжке' Терск. [КСРГК]. Ср. саам. *пеля*

‘олень в упряжке, стоящий рядом с передовым’ [Антонова 2014: 219].

Довольно часто такого рода лексемы фигурируют также в фольклорных текстах, например:

Шардун ‘дикий олень-самец’: *А шардун, дикий олень, в самой середине стада был* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 221]. *У Талушки ещё было два работника и около вежи привязано два оленя-шардуна*. Кольск. [Брискин 1917: 6]. Ср. диалектные данные: *шардун* ‘некастрированный олень’, отмеченные в н. п. Варзуга, Чапома, Тетрино, Варзуга. [ПЛГО]; *шардун* ‘нехолощенный олень’ Терск. [СРГК 6: 836]; ‘некладеный олень-самец’ Кольск. [Подвысоцкий 1885].

Кёгора ‘место выпаса оленей в тундре’: *Часть оленей ужэ увóдишь в лес, там оставляют их, привязывают, назывáлась кёгора, ф кёгору увозíли. Какóе назвáние карельское, лопáрское. Умба. У каждого села это место было свое. В кёгоре многие поморы работали пастухами, пасли оленей*. Варзуга. [ПЛГО]. Ср. также фиксации в текстах сказок: *Он, проводник, оленей собрал, пригнал их на кёгору. Олени были на кёгоре... Сходите в наши кёгоры, что повыше Святаозера лежат*. Кольск. [Керт 1980: 220].

Однако некоторые подобные саамские лексические данные фиксируются только в текстах сказок, причем часть из них не находит лексикографического подтверждения.

Мя́нна ‘нежный мех, покрывающий ростки оленьих рогов’: *Я сотворю это хигнами из мянны* (сказка) Кольск. [Керт 1980: 61].

Налэ́ть ‘нижняя часть оленьего рога’: *Вершинку оставил на месте, а комель рога — налэть взял себе* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 62].

Тоньке ‘олений жир’: *Каньги были не простые. Внутри они из пойды — жира, а стельки — те были из самой нежной, самой вкусной пойды — тоньке* (сказка) Кольск. [Керт 1980: 198].

Чуэрвечулт ‘гвоздь из рога оленя’: *В каком месте велишь вбить чуэрвечулт — роговой гвоздь, куда привязать твое счастье, твоих оленей? Я сотворю это хигнами из мянны* (сказка).

Кольск. [Керт 1980: 61]. См. саам. *чуэрррв* ‘рог’, *чулт* ‘кол (воткну-тый в землю), вежа’ [Антонова 2014: 349, 346].

Чаппыд ‘шейный позвонок’: *Вот, будем жить в веже из оленьих шкур, порогом будет чаппыд* — звено шейных позвонков (сказка) Кольск. [Керт 1980: 198]. Ср. саам. *чӕпэх* ‘шея’ [Куруч 1985: 387].

Чуэрвькарт ‘ограда из жертвенных оленьих рогов’: *Был там чуэрвькарт* — ограда, или кучка из жертвенных оленьих рогов (сказка). Кольск. [Керт 1980: 62].

Географические названия в текстах сказок даются по-разному, например, гидронимы, лимнонимы представлены в русском переводе: *Нота-река*, *Нотозеро*, или в саамской транслитерации (транскрипции): *Чильйок* ‘название реки’, *Уэльйок* (ныне Зарубиха), *Мяндашийок* ‘Кровавая река’ Кольск. [Керт 1980: 58; 198].

При этом имеются случаи употребления саамского *яввьр* ‘озеро’ [Антонова 2014: 374] как основы лимнонима:

Она едет очень быстро по только что замерзшему озеру из Чудзьявра в Каньсозеро [В 1958 г. записала В. Н. Железнякова, Ловозеро].

На Соптявре [Пенном озере] *у нотозерцев в старину женщинам нельзя было ловить рыбу* [В 1929 г. записал и перевел В. К. Алымов, р. Пиренга].

Ойконимы представлены в сочетании с топоосновой *погост*: *Ловозерский погост*, *Лумбовский погост*, *Нотозерский погост*, *Сонгельский погост*, *Кильдинский погост*, *Туломский погост*.

Жилое высокое сухое место, на котором стоят или стояли жилища саамов, называлось *кѐнтище*, что отражается в текстах сказок:

Неподалеку от Йокострова, на уединенном кѐнтище, стояла саамская вежа [В 1887 г. записал А. Я. Яценко в Йокостровском погосте]. Ср. также фиксацию саамского *кент* в качестве топоосновы: *Пошел он искать погост, направился к Нотозеру, где теперь Рестикент стоит* [В 1938 г. записал и перевел В. К. Алымов, Тулома].

В текстах сказок представлены также ойконимы с саамской топоосновой *сийт* / *сыййт* ‘деревня; село; поселок; селение’ [Антонова 2014: 284]: *Никто не узнал саама — так долго он в сийте не был* [В 20–30 гг. XX века записал Я. А. Комшилов]; *Кордэксийт* ‘Воронинский погост’ Кольск. [Керт 1980: 58];

Луяврсийт ‘Ловозеро’: *Когда-то в Луяврсийте жили три брата* [В 1936 г. записал и перевел В. К. Алымов, Шелтозеро]; *Это селение по местности называлось Кулпанламьсийт. По-русски это будет: погост на ягельно-торфяном месте* [В 1937 г. записал и перевел В. К. Алымов]; *Эти два человека переселились на остров Кильдин и поселились там у Пригонного наволока. Новое селение на острове стало называться Килдсийт — Кильдинский погост* [В 1937 г. записал и перевел В. К. Алымов]; *Стояло саамское селение — Погост Истертой Скалы — Сувьяпакасийт* [В 1936 г. записал и перевел В. К. Алымов, Шелтозеро].

Представлены также другие географические наименования:

Суэл ‘остров’: *Брось на море платок и кусок серы. Он бросил, и образовался остров — суэл* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 166].

Пахта ‘скала’: *Пошли далее уже лесом и пришли к пахте, каменной горе* [Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост].

Наименование северного сияния представлено в разных вариантах.

Кувскэс ‘северное сияние’: *Это не люди шумели и резались, а по небу бегали кувскэс — сполохи* (сказка). Кольск. [Керт 1980: 94]; *кўскас* ‘северное сияние’ [В 1912 г. записал К. П. Щеколдин, Пазрецкий погост]; *Вавс-кияз* ‘северное сияние’: *Я уйду на небо, и когда будет морозное время и будет вавс-кияз... я там буду*. Кольск. [Брискин 2017: 6]. Ср. саам. *куэфс* ‘заря, рассвет’, саам. *воафсхэз* ‘северное сияние’ [Куруч 1985: 49].

В ряде случаев некоторые оригинальные сочетания, имеющиеся в сказках, не являются исконными:

Чикум-бакушки: *А Тала пучеглазый тут как тут. Притаился в тени и говорит: Катайтесь, катайтесь, детки, а я вам чикум-бакушки устрою*. Кольск. [Керт 1980]. Ср. русск. *секир-башка*.

Таким образом, материалы саамского фольклора предоставляют довольно интересный материал, своеобразно раскрывающий проблему саамско-русского взаимовлияния. Можно констатировать наличие в русских текстах сказок уникальных саамских лексем, а также единиц саамского происхождения, которые вошли в лексикон севернорусских говоров, наряду с данными прибалтийско-финского происхождения.

Литература и источники

Алымов В. К. (1927) Лопари Кольского полуострова. *Доклады и сообщения Мурманского Общества краеведения*. Вып. 1. Мурманск.

Алымов В. К. (1929) Живая лопарская древность. *Карело-Мурманский край*, 8–9.

Бодрова О. А. (2014) Фольклорные сказки и предания кольских саамов в трудах российских исследователей XIX–XX вв. *Труды Кольского научного центра РАН*, 2014, 2 (21): 89–108.

Брискин Н. (1917) *Лопарские сказки*. Архангельск.

Визе В. Ю. (1912) Из путевых заметок по р. Умбе. *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*, 12: 555–559; 15: 689–692; 16: 739–747.

Визе В. Ю. (1917) *Народный эпос русских лопарей: Материалы*. Собр. В. Ю. Визе. *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*, 1: 15–24; 2: 65–73.

Керт Г. М. (1967) Фонетические изменения и фонологические чередования (на материале кильдинского диалекта саамского языка). *Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии*. Л.: 20–26.

Островский Д. Н. (1889) Лопари и их предания. *Известия Императорского Русского Географического Общества*, т. XXV: 316–332.

Пришвин М. М. (1982) *За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Художественная литература.

Харузин Н. Н. (1889) О нойдах у древних и современных лопарей. *Этнографическое обозрение*, 1: 36–76.

Харузин Н. Н. (1890) *Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта*. М.

Чарнолуцкий В. В. (1962) О саамах и их сказках. *Саамские сказки*. Л.: Государственное издательство художественной литературы: 5–15.

Чарнолуцкий В. В. (1965) *Легенда об олене-человеке*. М.: Наука, 1965.

Щеколдин К. П. (1890) Лопарские сказки, легенды и сказания, записанные в Пазрецьком погосте, пограничном с Норвегией. *Живая старина*, 1: 17–25; 2: 158–168.

Ященко А. Л. (1892) Несколько слов о Русской Лапландии (Из поездки). *Этнографическое обозрение*, 1: 10–37.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Антонова 2014 — Антонова А. А. *Саамско-русский словарь*. Мурманск: Лема, 2014.

ГСКП — *Географический словарь Кольского полуострова*. Рук. В. П. Вошинин, сост. Т. А. Ельченкова и др. Л., 1939.

ИАОИРС — *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. Архангельск, 1909–1919.

Керт 1980 — *Саамские сказки*. Сост. Е. Я. Пация. Под ред. Г. М. Керта. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1980.

КСРГК — *Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»*. Хранится в МСК им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Куруч 1985 — *Саамско-русский словарь*. Ред. Р. Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985.

КЭСКО — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар: Наука, 1970.

Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. *Живая речь кольских поморов*. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1979.

ПЛГО — *Полевое лингвогеографическое обследование* [материалы, собранные С. А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам].

Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб., 1885.

РДЭСЛКР — Мызников С. А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. *Словарь венского языка*. Л.: Наука, 1972.

СПМО — Меркурьев И. С. *Сказки поморов Мурманской области* (Записи 1963–1964 гг.). СПб., 1997.

- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2002.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л.; СПб., 1965–2019. (издание продолжается).
- ССРГК — Федотова В. П., Бойко Т. П. *Словарь собственно-карельских говоров Карелии*. Петрозаводск, 2009.
- Itkonen 1932 — Itkonen T. I. (1932) *Lappische Lehnwörter im Russischen. Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, XXVII*. Helsinki: 45–65.
- Kalima 1915 — Kalima J. (1915) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors.
- KKS — Virtaranta P., Koponen R. (toim.) *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).
- KOLTKS — Itkonen T. I. (1958) *Koltan- ja kuolalapin sanakirja*. O. 1–2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV).
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).
- Wiklund 1890 — Wiklund K. B. (1890) *Lule-lappisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainossa.

Сокращения языков и диалектов

вепс. — вепский язык	саам. колт. — скольдский (колта-саамский) диалект
диал. — диалектное	
др.-анг. — древнеанглийский язык	саам. кольск. — кольский диалект
др.-норв. — древненорвежский язык	саамского языка
кар. — карельский язык	саам. лул. — лульский диалект саамского языка
коми — коми язык	саам. норв. — саамский язык в Норвегии
нем. — немецкий язык	
польск. — польский язык	саам. нотоз. — нотозерский диалект саамского языка
русск. — русский язык	
саам. инар. — диалект саамского языка Инари в Финляндии	саам. терск. — терский диалект саамского языка
саам. йоканьг. — йоканьгский диалект саамского языка	саам. швед. — саамский язык в Швеции
саам. кильд. — кильдинский диалект саамского языка	эст. — эстонский язык

Sergey Myznikov

**SAAMI LOAN WORDS IN THE RUSSIAN-LANGUAGE
SAAMI FAIRYLORE**

Citation: Myznikov S. (2020) Saamizmy v russkoyazychnom saamskom skazochnom fol'klore [Saami loan words in the Russian-language Saami fairylore]. *Severnorussskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 53–76. (in Russian)

About the author. Myznikov Sergey. Herzen State Pedagogical University of Russia. St. Petersburg, Russia. Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. <myznikovs@rambler.ru>

Abstract. In this paper we continue the analysis of the Saami lexical data in the Russian cultural context. The research material was based on the texts of Saami fairy tales presented in Russian. Records of 19th-century fairy tales were compared with their later editions in order to verify certain lexical materials. The article offers an analysis of Saami lexemes incorporated in the translated Russian text. It is noted that in the Russian dialects of the White Sea region there are Saami loanwords related to the names of clothing, shoes, household utensils, tools, etc. Some of them are also recorded in folklore texts. The Saami fairytale-related folklore contains a significant number of names of healers, sorcerers, and various mythological characters that appear in Russian texts. In some cases, they appear as an independent unit of the Saami in the Russian translation out of touch with the Saami lexicographical sources. Geographical names in fairy tales' texts are given in different ways, for example, hydronyms, limnonyms are presented in the Russian translation. There are names of the northern lights, which are presented in different versions.

Keywords: Saami, Baltic-Finnish, vocabulary, folklore, fairy tale, text.

References

Antonova A. A. (2014) *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian dictionary]. Murmansk: Lema. (in Saami, Russian)

Bodrova O. A. (2014) Fol'klornye skazki i predaniya kol'skikh saamov v trudakh rossiyskikh issledovatelei XIX–XX vv. [Folk fairytales and legends of the Kola Saami people in the works of the 19–20th century Russian researchers]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of Kola Science Center], 2014, 2 (21): 89–108. (in Russian)

Fedotova V. P., Boyko T. P. (2009) *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of Karelian dialects in Karelia]. Petrozavodsk: KNC RAN. (in Russian, Karelian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Gerd A. S. (ed.) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Vol. 1–6. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (in Russian)

Itkonen T. I. (1958) *Koltan- ja kuolalapin sanakirja* [Kola and Skolt Saami Dictionary]. Vol. 1–2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV). (in Saami, Finnish, German)

Itkonen T. I. (1932) *Lappische Lehnwörter im Russischen* [Saami loanwords in Russian]. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, XXVII*. Helsinki: 45–65. (in German)

Kalima J. (1915) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [The Baltic Finnish loanwords in Russian]. Helsingfors. (in German)

Kert G. M. (1967) *Foneticheskiye izmeneniya i fonologicheskiye cheredovaniya (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogoazyka)* [Phonetic modifications and phonological alternations (based on Kildin Saami dialect)]. *Pribaltiysko-finskoye yazykoznaniye. Voprosy fonetiki, grammatiki i leksikologii* [Finnic linguistics. Problems of phonetics, grammar, and lexicology]. Leningrad: 20–26. (in Russian)

Kert G. M. (ed.) (1980) *Saamskiye yazyki* [Saami languages]. Murmansk: Murmaskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Kuruch R. D. (ed.) (1985) *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian dictionary]. Moscow: Rus. yaz. (in Saami, Russian)

Lytkin V. I., Gulyayev Ye. S. (1970) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Nauka. (in Komi, Russian)

Merkuryev I. S. (1979) *Zhivaya rech kol'skikh pomorov* [Spoken language of Kola pomors]. Murmansk: Murmaskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Merkuryev I. S. (1997) *Skazki pomorov Murmanskoy oblasti (zapisi 1963–1964 gg.)* [Pomor fairytales in Murmask region (recorded in 1963–1964)]. St. Petersburg. (in Russian)

Myznikov S. A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Etymological dictionary of Russian folk dialects.

Vocabulary of regions in contact]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russian)

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. (1955–1981) *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological dictionary of the Finnish language]. Vol. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). (in Finnish)

Virtaranta P., Koponen R. (1968–2005) *Karjalan kielen sanakirja* [Karelian dictionary]. Vol. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI). (in Karelian, Finnish)

Wiklund K. B. (1890) *Lule-lappisches Wörterbuch*. [Lule-Saami Dictionary]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainossa. (in Saami, German)

Zaytseva M. I., Mullonen M. I. (1972) *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka. (in Vepsian, Russian)

А. А. Петров

РУССКО-ЭВЕНСКО-ЯКУТСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Цитирование: Петров А. А. (2020) Русско-эвенско-якутские языковые контакты. *Севернорусские говоры*, 19: 77–98.

Сведения об авторе. Петров Александр Александрович. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия. <petrovalexspb@mail.ru>

Аннотация. Цель данной статьи — изучение контактных явлений русского, эвенского и якутского языков в речи билингов и полилингов Республики Саха (Якутия). Автор исследует проблемы русско-эвенско-якутского языкового контактирования, а также показывает их теоретическую и практическую значимость при исследовании языков различных типов. Ставится также задача осмысления филологических (и иных внеязыковых) факторов исследований на материале флективных и агглютинативных языков. Предметом исследования являются современные русский, эвенский и якутский языки с их говорами, диалектами и наречиями. Объектом исследования выступают языковые контакты русских, эвенов и якутов в синхронном и диахроническом аспектах в области лингвистической контактологии (ЛК). Материалом исследования послужили: наблюдения автора за 40 лет практической работы во время преподавания русского, эвенского, якутского, долганского языков на факультете народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А. И. Герцена (ныне Институт народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена), а также опубликованные труды известных русистов, тунгусо-маньчжуроведов, тюркологов: В. П. Нерознака, В. Г. Богораза, В. И. Цинциус, Г. М. Василевич, А. А. Попова, В. А. Роббека и др. Автор приходит к выводам о том, что исследуемые языки прошли долгий путь взаимообогащения и развития; русско-эвенско-якутские контакты обнаруживаются на всех уровнях языка: звуковом, словарном и грамматическом.

Ключевые слова: русский язык, эвенский (ламутский) язык, якутский язык, долганский язык, языковые контакты, этнолингвистика, лингвистическая контактология.

Введение

Статья написана на материале, собранном автором во время экспедиционных поездок в Республику Саха (Якутия) на протяжении длительного периода времени (1983–2019 гг.). Учитывался также опыт преподавания автора в Институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена лингвистических дисциплин студентам эвенам, долганам и якутам (саха) за 1980–2019 гг.

Проблема языковых контактов всегда была предметом внимания и исследования лингвистов. Как пишет известный отечественный филолог В. П. Нерознак, «исследования проблем взаимодействия языков как в диахроническом, так и в синхронном аспектах заложили основы для формирования нового раздела языкознания — *лингвистической контактологии* (ЛК)» [Нерознак 1991: 11]. Теоретические предпосылки ЛК были заложены в работах Г. Шухардта, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Н. С. Трубецкого, У. Ванрайха, Ч. Фергюсона, Э. Хаугена и др. Лингвистическая контактология изучает языки в контакте, т. е. исследует использование как родного, так и неродного языка в целях общения и передачи информации с вытекающими отсюда последствиями для того и для другого. Базовыми понятиями ЛК являются языковая среда и тип двуязычия, обуславливающего языковой контакт (интенсивный, экстенсивный, регулярный, нерегулярный, полный, неполный и т. п.) [Караулов, Нерознак 1988: 11].

Проблемы контактирования языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока освещались в трудах В. И. Цинциус, Г. М. Василевич, Н. И. Гладковой, К. А. Новиковой, Л. И. Сем, А. Н. Жуковой, А. П. Володина, М. Я. Бармич, Ч. М. Таксами, Г. М. Керга, Н. А. Лысковой, Д. В. Герасимовой, А. А. Бурыкина, Н. Б. Вахтина, Е. В. Головки, Е. А. Хелимского, Д. М. Берелтуевой, А. Х. Гирфановой, А. Л. Мальчукова, А. А. Петрова, И. В. Неद्याлкова, А. М. Певнова и других. В марте 1991 г. в Ленинграде на базе факультета народов Крайнего Севера РГПУ им. А. И. Герцена была проведена первая Всесоюзная научно-практическая конференция «Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы опи-

сания контактных явлений» [Русский язык 1991]. В ней приняли участие специалисты по русскому языку, а также по алтайским, уральским и палеоазиатским языкам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока страны. Изучались языковые контакты и изолированных языков: нивхского, юкагирского и кетского. Были опубликованы тезисы докладов конференции, а позже вышел в свет контактологический словарь под редакцией В. М. Панькина [Панькин 1994]. «Контактологический энциклопедический словарь-справочник» — первый в отечественном языкознании того периода труд такого жанра — был подготовлен большим и весьма квалифицированным научным коллективом. Это были ученые академических институтов РАН — Института русского языка, Института лингвистических исследований, Института языкознания, Института славяноведения и балканистики, а также языковедческих кафедр факультета народов Крайнего Севера РГПУ им. А. И. Герцена, институтов и научных центров Севера, Сибири и Дальнего Востока.

На протяжении почти 400 лет на громадной территории Северо-Востока Азии дисперсно расселенные, однако местами компактно проживающие народы (русские, якуты / саха, эвены / ламуты) прошли совместный путь общежития и освоения самой холодной части планеты — криолитозоны. Они выработали особый циркумполярный тип хозяйственно-культурного устройства и оригинальную материальную и духовную культуру, в том числе и язык. На территории Республики Саха (Якутия), общая площадь которой более 3 млн. кв. км, по данным Переписи населения РФ 2010 г., проживает всего менее 1 млн. чел. (958 528 чел.). Из них якутов (саха) — 432 290 чел. (45,5% от общего числа населения), русских — 390 671 чел. (41,15%), эвенов (ламуты) — 11 657 чел. (1,23% от общего числа населения). Практически все якуты и эвены владеют русским языком; в 13 северных улусах (Абыйском, Аллаиховском, Булунском, Верхнеколымском, Верхоянском, Кобяйском, Момском, Нижнеколымском, Оймяконском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском) практикуется эвено-якутский билингвизм. Русские, помимо этих улусов,

проживают преимущественно в столице Республики Саха (Якутия) — г. Якутске (год образования 1632), а также в промышленных районах — Алданском, Мирнинском, Нерюнгринском. Эвены помимо Республики Саха (Якутия) проживают в Дальневосточном федеральном округе в пределах Магаданской области (Ольский, Северо-Эвенский, Средне-Канский, Сусуманский, Тенькинский районы), Чукотского автономного округа (Анадырский, Билибинский районы), Хабаровского края (Охотский район), Камчатского края (Быстринский, Пенжинский, Олюторский, Тигильский районы).

Проблема языковых контактов русского, эвенского и якутского языков является малоисследованной областью науки о языке. Особенно этот пробел ощущается при изучении этнолингвистической ситуации в многонациональной Республике Саха (Якутия). Некоторые аспекты вопросов контактирования были обозначены в начале 1990-х гг. нами совместно с А. Л. Мальчуковым, а еще чуть раньше профессор В. И. Цинциус посвятила статью якутско-тунгусским лингвистическим связям. Однако систематические научные филологические исследования этой области языкознания народов Севера и Арктики в нашей стране позволяют рассмотреть с новых позиций данную проблему. Особое внимание мы уделяем вопросам русско-эвенско-якутских контактов в разделах фонетики, лексики и грамматики (морфологии и синтаксиса), привлекая при этом этнолингвистические материалы из фольклора и этнографии русского, эвенского и якутского (иногда долганского) народов.

Русско-эвенско-якутские языковые контакты на различных уровнях языка

Различия русского, эвенского и якутского языков обусловлены прежде всего тем, что первый типологически относится к флективным языкам, а два вторых — к языкам агглютинативным. В эвенском и якутском языках отсутствует категория грамматического рода, наблюдается более разветвленная система падежей (в русском — 6, в эвенском — 12, в якутском — 8), имеют-

ся специальные аффиксы множественности и принадлежности, в области синтаксиса в якутском имеется изафет, а в эвенском преобладают простые предложения и т. д. Все это сказалось на характере языковых контактов.

Русско-эвенско-якутские контакты осуществлялись на разных уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом.

Фонетика

Наблюдения над произношением эвенками якутских слов показывают, что в начале и конце якутский согласный звук Х переходит в заднеязычный глухой звук К: як. *хотоѳос* > *котогос* Алл 'поплавок', як. *хоту* > *коту* Алл 'север', як. *хабылык* 'игра в палочки' > *кабылык* Алл 'детская игра в палочки', як. *оһох* > *оһок* М 'печка', як. *туулээх* > *туулэк* М 'пушнина' и др. Аналогичные изменения встречаются и в середине слова: як. *дохсун* 'дерзкий', 'наглый', 'нахальный' > *доксун* Алл 'строгий', 'грубый', 'безжалостный', як. *мунха* > *мунка* Алл 'невод' и др. В отдельных словах наблюдается метатеза (перестановка звуков): як. *тоһоѳо* > *тогоһо* Алл 'гвоздь'. Под влиянием якутского языка в западных говорах эвенского языка появились дифтонги, например: Вост. *хооя* / Зап. *хуоя* 'много'. В пределах якутско-эвенской контактной зоны билабиальный [w], отсутствующий в якутском языке, имеет в качестве аллоформа [b]: *кэвэ* > *кэбэ* 'челюсть'. Под влиянием закона гармонии гласных некоторые эвенские говоры обнаруживают «оканье», т. е. лабиализованное произношение редуцированных гласных в непервых слогах: *оран* > *орон* 'олень домашний', *нөлтэн* > *нөлтон* 'солнце' и др.

Ввиду того, что в эвенском языке в начале слов не может быть фонем [в], [л], [с], [р], [j], они в заимствованных словах заменяются другими звуками: як. *силим* 'клей' > эв. Ск *хилим* 'клей', рус. *вилка* > эв. *билка*, рус. *сахар* > эв. *чахар*, рус. *ящик* > эв. *дьаһык*, рус. *Ваня* > эв. *Баня*, рус. *ложка* > эв. *ньоска*, рус. *рука* > эв. *урука* и др.

Ввиду того, что фонетические закономерности заимствованной и исконной лексики достаточно подробно и высококвалифицированно описаны в статьях наших коллег С. И. Шариной, Р. П. Кузьминой и С. Н. Саввиновой, то мы отошлем читателя к их опубликованным по данной проблематике трудам [Шарина 2003; Кузьмина 2007; Саввинова 2011].

Лексика

В эвенской лексике много заимствованных русских и якутских слов. Это не только конкретная бытовая лексика, но и названия абстрактных понятий. Среди заимствований можно выделить следующие группы:

— лексика, связанная с охотничьим промыслом и рыболовством: *тулэк* М < як. *туулээх* 'пушнина', *кырынааһ* М < як. *кырынаас* 'горностай', *мунга* Алл, М < як. *мунха* 'невод', *бурангат* Алл < як. *быранаатта* 'пелядь', *һордонг* Алл < як. *сордон* 'щука', *тууччак* Алл < як. *туччах* 'нельма' (ср.: як. *түт* 'нельма', *түтчах* 'маленькая нельма') [Пекарский 3: 2866; 2876] и др.

— лексика, связанная с пищей: *тууһ* М < як. *туус* 'соль', *бурдук* Алл < як. *бурдук* 1. 'хлеб', 'зерно'; 2. 'мука' и др.

— названия месяцев: *алтынньы* Ск < як. *алтынньы* 'октябрь', *сэтинньы* Ск < як. *сэтинньи* 'ноябрь', *аксинньы* Ск < як. *ахсынньы* 'декабрь', *токсунньу* Ск < як. *тохсунньу* 'январь' и др. Для сравнения можно привести исконно эвенские наименования месяцев, построенные на ориентировке по частям тела человека и описанные еще В. Г. Богоразом и В. И. Цинциус: октябрь — *ойчири билэн беган* (месяц подымающегося запястья), ноябрь — *ойчири ечэн* (подымающийся локоть), декабрь — *ойчири мир* (подымающееся плечо), январь — *тугэни хэе* (макушка зимы) и др. [Богораз 1931: 47; Цинциус 1947: 227–228; 1976: 118].

— лексика, обозначающая пространственные понятия: *коту* Алл < як. *хоту* 'север', *аргаа* Алл < як. *арбаа* 'запад' и др.

— модальные слова и наречия: *арай* Алл 'вдруг', *букатын* Алл 'совсем', *баҕар* 'возможно' и др.

Якутизмы эвенского языка выступают диалектными синонимами литературных слов: *кообак* М — ср. лит. *мунрукан* ‘заяц’, *тууһ* Алл — ср. лит. *так* ‘соль’, *тангара* Ск — лит. *хэвки* ‘бог’, *кырынааһ* М — ср. лит. *дилики* ‘горноста́й’ и др.

Во многих случаях якутский язык является источником заимствований в эвенский русский лексики. Это особенно рельефно выступает в тех случаях, когда нормы огласовки русского слова носят якутский облик: эв. Ск *борокуот* ‘пароход’ (ср. як. *борокуот*), эв. Ск *буут* ‘пуд’ (ср. як. *буут*), эв. Ск *дьаһик* ‘ящик’ (ср. як. *дьаһык*).

Много общих слов в якутском, долганском и эвенском языках можно найти в лексике, связанной с оленеводством. Это отмечали многие исследователи: А. А. Попов, В. Л. Серошевский, С. И. Николаев, А. И. Саввинов, В. И. Дьяченко, А. А. Петров и др. [Попов 2003; Саввинов 2005; Петров 2015; 2017]. В частности, известный тюрколог-якутовед и долгановед, исследователь фольклора и этнографии этих народов А. А. Попов высказал несколько ценных замечаний о сходстве долганской одежды с одеждой эвенов (ламутов). Так, он отмечал, что «мужская одежда долганов тяготела к эвенской, где она являлась и мужской и женской» [Попов 2003: 230]. Также, по наблюдениям А. А. Попова, «мужская верхняя одежда *мукаалкаан*, имеющая в нижней части спинки два треугольных орнаментированных клинышка, близко напоминает один из видов эвенской одежды. Два вида *тюһюлюк* — передников, (мужской и женский) — отличаются от эвенкийских передников, как по форме, так и по расположению узорного шитья, и также имеют сходство с эвенскими. Приведенные в данной работе образцы передников из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера РАН) действительно больше похожи на эвенские, чем на эвенкийские. Второй даже имеет на нижней части декоративную вышитую отделку в виде перевернутой скобы. Данная деталь, отдаленно напоминает характерную особенность эвенских передников — орнаментированную композицию, называемую *урдэн-һэрдэн* [ср. эв. *ур* ‘живот’: предположительно ‘то, что покрывает живот, передник’ — А. П.]. Эта

композиция, состоящая из прямоугольника-клапана (*урдэн*), искусно вышитого белым и крашеным волосом оленя, и обрамляющих его орнаментированных полос [*Һэрдэн*, ср. эв. *хэрэчэ* 'вышив-ка, орнамент' — А. П.] также прямоугольной формы, в прошлом, по свидетельству эвенских информантов, имела особо сакральное значение» [Там же]. А. А. Попов в своем предположении не указал, какой вид эвенской одежды и ее характерные черты он имел в виду, однако, действительно, в основных конструктивных особенностях долганской одежды, особенно в ее архаичных чертах, имеется много общего с эвенской одеждой. В. Х. Иванов считает распашную одежду (кафтан) наиболее распространенным типом наплечной одежды эвенов для всех сезонов. Он, как и В. Л. Серошевский, автор монографии «Якуты» [Серошевский 1897], отмечает, что особенность кроя эвенского мехового кафтана (*тэты*) заключалась в том, что он шился в виде одной целой части шкуры, покрывающей спину, бока и частично грудь. На спинке ниже пояса вшивали два расширяющих одежду треугольных клина, сложенных в виде глубоких встречных складок. Подобный древний вид эвенской одежды описывается и у этнографа С. И. Николаева, как сшитый практически из одной шкуры оленя и отличающийся простотой покроя. Его кроили таким образом, чтобы шкура с верхней части передних ног, снятая чулком, играла роль рукавов. Подобный крой можно проследить на старинных видах мужского долганского кафтана *мукаалкаан*, рассматриваемого А. А. Поповым. Следует заметить, что долганское название *мукаалкаан* с корнем слова *мука* не что иное, как уменьшительно-ласкательная форма этого слова. Аффикс *-кан/-кэн* в эв. яз. — уменьшительно-ласкательный: *бэй* 'человек' — *бэйкэн* 'человечек', *аси* 'женщина' — *асаткан* 'девочка', *оран* 'олень (домашний)' — *оркан* 'олень (игрушечный)' и др. Так же и в долганском и якутском: *оџо* 'ребенок' — *оџокоон* 'ребеночек', *аџа* 'отец' — *аџа-ккаан* 'батюшка', *эһэ* 'дед' — *эһэккээн* 'дедушка' и др. Слово *мука* широко известно во многих диалектах эвенского и эвенкийского языка как верхний зимний кафтан мехом наружу [Петров 2017: 105]. У некоторых групп эвенков слово сохранило свое архаичное

значение 'шкура с шеи оленя'. А. И. Саввинов древне-тунгусское название меховой одежды *мука*, широко бытовавшее у долган, считает тунгусским по происхождению и подтверждением древних этногенетических связей долган с тунгусским миром. Исследователь считает, что «орнаментика, позволяя "считать" различную информацию об обладателе передника (например, его возраст, принадлежность к роду, семейное положение, наличие детей и т. д.)» [Саввинов 2005: 59].

Таким образом, предпринятый предварительный сопоставительный анализ показывает, что архаичные типы традиционной одежды долган по своим конструктивным и технологическим особенностям достаточно близки к традициям эвенской одежды. Как показывают материалы, имеющиеся параллели между традиционными видами одежды долган и эвенов и их наименованиями во многом связаны с некоторой общностью их этнических корней, наличием весьма архаичного тунгусского компонента в культуре долган. Эта особенность достаточно заметно прослеживается и в других элементах духовной и материальной культуры долган. В частности, имеются лексические параллели в названиях кожи в якутском, эвенском и долганском языках. Так, например, *сарыы* як. 'оленья замша, ровдуга' [ЯРС: 318], *һарыы тирии* долг. 'сыромятная обработанная кожа (оленья)' [Петров 2015: 33], *чари / сары* эв. 'оленья шкура без шерсти' [Петров 2017:114]. Шире данные параллели прослеживаются в некоторых названиях оленей, например: эвк. *угучак / учак / укчак* 'верховой олень' и др. [Василевич 2014: 75]. В целом данный затрагиваемый в статье круг вопросов представляет важную проблему, изучение которой требует комплексного подхода с привлечением более широкого круга источников.

Исследователь эвенского языка С. Н. Саввинова, защитившая кандидатскую диссертацию на тему «Якутская заимствованная лексика в эвенском языке», выделяет различные тематические группы (ТГ) заимствованных слов, объединенные в несколько разделов. Так, например, в разделе «Человек и общество» выделены ТГ слов, обозначающих:

— понятия родства и свойства: *кэргэн* ‘семья’, ‘супруги’; *катын* Т ‘хозяйка’ < як. 1. ‘госпожа’, 2. ‘свекровь’, 3. ‘супруга’, ‘жена’, *абага* Ск, Ох, Алл, М, Т ‘дядя’, ‘дед (отец отца матери)’ < як. *абаҕа* ‘дядя’, ‘старший брат отца’ и др.;

— людей по каким-либо признакам: эв. *акари* 1. Ск ‘глупый’; 2. Арм ‘бешеный’; 3. ‘дурак’ < як. *акаары* ‘дурак’, ‘глупый’; *мэник* Ск ‘шалун’, ‘озорник’ < як. *мэник* 1. ‘шалун’; 2. ‘глупый’ и др.;

— взаимоотношения, качества и чувства людей: *эрэйдэн* ‘мучиться’, *атагастаа* ‘обижать’, *истинг* ‘искренний’, ‘задушевный’ и др.;

— товарно-денежные отношения и социальные понятия: *атиинит* Бул ‘продавец’, *карчи* ‘деньги’, *урак* Ск, Алл ‘постановление’, *муньяк* ‘собрание’ и др.;

— анатомические и физические понятия, болезни человека: *ирээки* Т, М, Ск ‘сумасшедший’, *кэлэгэй* Ск, Т ‘заика’, *һэллик* Бул ‘туберкулез’, *һүрэк* Бул ‘сердце’ и др.

В разделе «Природа и животный мир» выделяются ТГ слов, обозначающих:

— домашних, диких животных и птиц: *соһу* Ск ‘скот’, *обус* ‘бык рогатого скота’, *кыһра* Ск ‘песец’, *бучэн* Лам, Ох, Т, Ск, М ‘кабарга’, *буранка* Ск, М, Арм ‘лисица (бурая)’, *котой* Т, Ск ‘орел’, *туруйя* Ск ‘серый журавль’ и др.;

— пресноводных рыб: *бурунат* М, Ск, Алл ‘пелядь’, *катыс* Алл ‘осетр’, *һыанан* Ск ‘налим’, *һобо* М, Ск ‘карась’, *һордон* Ск, Алл ‘щука’, *туччак* Алл ‘нельма’ и др.;

— насекомых: *комтурга* Алл ‘жук’, *хомордуос* ‘жук’, *куйур* Ол, Ск ‘личинка (жука)’ и др.;

— растения и их части: *карыя* Ск ‘ель’, *һибэкки* Ск ‘цветок’, *һилис* Бул ‘корень’, *тэтин* Бул ‘осина’ и др.;

— географические понятия: *хоту* Алл, Ск ‘север’, ‘полночь’, ‘вниз по склону’, *илин* Ох ‘восток’, ‘передняя сторона’, *арга* Ск, Алл ‘запад’, *кута* Бул ‘болото’ и др.;

— явления природы: *бурга* Бул ‘шторм’, *им* Бул ‘вечерняя заря’, *долгун* Бул ‘волна’ и др.

Раздел «Материальная и духовная культура» содержит ТГ слов, обозначающих:

— постройки и предметы домашнего обихода: *аранас* Ск 'лабаз', 'кладовая на столбах', *котон* Ол, Арм, П 'хлев', *моста* Ол, Алл, П, Ск, Т < як. < рус. 'пол (мост, настил)', *балаган* Ск, М 'бревенчатый дом', *туннук* Ск 'окно', *кыптый* Ск, Т 'ножницы' и др.;

— одежду, обувь, украшения и наряды: *дыавака* Бул 'шапка', *тангах* Ск 'одежда', *чари* Ол, Б, П, *сари* Арм, *хары* Ск, *hari* М, Т 'обувь', *холко* Ол 'шелк' и др.;

— пищу и напитки: *ари* Бул 'масло', *арги* Ск 'водка', *бурдук* Ол, Б, К-О, М, П, Ск, Т 1) 'мука'; 2) 'хлеб (зерно)'; 3) 'лепешка', *сора* С-Э 'молоко', *туух* Ск, М, Лам 'соль' и др.,

— праздники, игры, обряды, религиозные понятия, гадания: *абааны* Ск, Алл 'злой дух', *анни* Бул 'грех', *байанай* Бул 'дух охотника', *дыунур* Бул 'бубен шамана', *кабылык* Алл 'детская игра в палочки', *хапсагай* Лам, Ск 'борьба', *герге* Бул 'коновязь' и др.

Раздел «Трудовая деятельность» описывает ТГ слов, обозначающих:

— средства передвижения, ремесла: *котогос* Алл 'поплавок'; *ньалбан* Ск 1) 'жесть'; 2) 'жестяной', *хилим* Ск 'клей' и др.,

— охотничьи принадлежности: *айа* Ск 'самострел', *черкэн* Ол, Алл, Ск 'охота, промысел с помощью черкана', *өтуу* Ск 'ремень', *карал* Тг 'загон для оленей', *куре* Тг, М, Ск 1) 'ограда', 'забор', 'изгородь'; 2) 'загон для оленей'; 3) 'огород' и др. [Саввинова 2010: 8–14].

В ТМС мы находим следующие примеры лексических заимствований из якутского языка: *абааны* Ск фольк. 'злой дух, черт' [ТМС 1: 3], *аҕабыт* Ск 'священник', 'батюшка' — ср.: як. *аҕабыт* 'священник' (дословно 'наш отец', 'отец', 'батюшка') [ТМС 1: 11]; *адү* М, Ск 1. 1) 'удивительный', 'интересный'; 2) 'странный'; 2. 1) 'удивительно', 'интересно'; 2) 'странно'; ср. як. *адыы* = / *одуу* = 1) 'разглядывание'; 2) 'изумление' [ТМС 1: 16] и др.

Морфология

Местоимения в русском и эвенском языках имеют существенные различия. Например, личные местоимения 1 лица множественного числа в эвенском имеют две формы: инклюзивная (включительная) *мут* ‘мы (с вами)’ и эксклюзивная *бу* ‘мы (без вас)’. Своеобразная картина мира эвенов (антропоморфизм) подчеркивается оригинальным членением категории одушевленности / неодушевленности (оппозиция: «лицо — предмет») и представлена в вопросительных местоимениях эвенского языка: *ни?* ‘кто? (о человеке)’ и *як?* ‘что? (не человек)’. Исключение составляют примеры из произведений художественной литературы, в которых вопросительное местоимение *ни?* ‘кто?’ применяется к неодушевленному предмету: *Нонгарбутан һилус-ку, ни-гу эчик-эн таданча?* (Их нужда или что-то настолько растерзало) [Ламутский 2005: 25].

Эвенские порядковые числительные оформляются якутским аффиксом *-с*: эв. М. *илис(һ)* — як. *үһүс* ‘третий’, эв. М. *дигис(һ)* — як. *төрдүс* ‘четвертый’, эв. М. *туннис(һ)* — як. *бэһис* ‘пятый’ и др.

Количественные числительные калькируют якутскую модель образования числительных второго десятка: ср. як. *уон ордуга би-ир* — эв. *мян өмэн хулэк* ‘одиннадцать’, як. *уон ордуга икки* — эв. *мян дөр хулэк* ‘двенадцать’, як. *уон ордуга үс* — эв. *мян шлан хулэк* ‘тринадцать’ и др.

В области падежной системы, как отмечает А. Л. Мальчуков, некоторые локативные падежи, в частности направительно-местный на *-кла* и направительно-продольный на *-кли*, замещаются в эвенском языке при помощи перефразистических послеложных конструкций. Например, направительно-местный падеж замещается сочетанием имени в местном падеже и наречного послелога (деепричастного происхождения): *истала* ‘вплоть до’, направительно-продольный падеж замещается послеложной группой, образуемой послелогом *холили* ‘вдоль’ или *хатлин* ‘рядом’: вост. *дю-кла эмрэн* ‘дом-место-пришел’ и *дю-ла истала эмрэн* ‘дом-место-вплоть пришел’ [Мальчуков 1999: 66]. Дательный падеж эвенско-

го языка, кроме основного значения, обозначающего лицо, которому что-либо дают, имеет ряд обозначений: а) указывает и место, где происходит действие или что-то находится. Например: *Бэил дюгадякту чакапта.* (Люди собрались на летнем стойбище). *Буюсэмгэ пэктэрэвми момиду нэдми.* (Охотник положил свое ружье в лодку); б) условие совершения действия. Например: *Куличанду орабу урэкчэнду көсчивэттэ.* (В период комаров оленей пасут в горах). *Хөксиду көсчэми кэнели.* (В жару плохо пасти (олений)); должность, профессию. Например: *Мин экму сельсоветту секретарьду гургэвчиддэн.* (Моя старшая сестра в сельсовете работает секретарем). *Нонан гору заводла гургэчвимгэду бисин.* (Он долгое время был рабочим на заводе); время действия. Например: *Путинаду олмачимгал хөв гургэчивэттэ.* (В период путины рыбаки много работают). *Бу окат хөлилин хатарсиду нэнэддывун.* (По берегу реки мы шли в темноте (во время темноты)) [Новикова, Гладкова, Роббек 1991: 68–69].

В западных говорах эвенского языка, как и в якутском, утрачены притяжательные формы личных местоимений типа *мин* ‘мой’. Используется личное местоимение 1 лица единственного числа *бии* ‘я’: вост. *мин дю-в* ‘мой дом’, зап. *бии дю-в* ‘мой дом’.

Синтаксис

В якутско-эвенской контактной зоне калькируется управление глаголов в якутском языке: глаголы эмоциональной реакции управляют отложительным падежом, а не творительным имени причины: вост. *наката-ч нэл-рэ-м*, зап. *накат-тук нэл-рэм* ‘я боюсь медведя’ [Мальчуков 1999: 72]. А. Л. Мальчуков, специалист в области синтаксиса современного эвенского языка, в этой же работе подчеркивает интерферентные явления в этой области: атрибутивное согласование, глагольное согласование, структуру определительных причастных конструкций.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русско-эвенско-якутские лингвистические контакты обнаружены на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

В некоторых случаях при заимствовании происходит расширение или изменение значения слова. Например: географические понятие *хоту* Алл, Ск ‘север’ приобретает не только значение ‘север’, но и ‘полночь’ (а также ‘вниз по склону’), ср.: як. *хоту* ‘север’, ‘северный’ [ЯРС: 503], *балаган* Ск, М ‘бревенчатый дом’, ср.: як. *балабан* ‘юрта (якутская, построенная в виде усеченной пирамиды из тонких наклонно поставленных бревен)’ [ЯРС: 60], *дьавака* Бул ‘шапка’, ср.: як. *бэргэһэ* ‘шапка’ [ЯРС: 99], *дьабака* устар. ‘старинная якутская женская меховая шапка’ [ЯРС: 124]; *тангаһ* Ск ‘одежда’, ср.: як. *тангас* 1) ‘материал (из которого изготавливается одежда, обувь)’; 2) ‘одежда’ [ЯРС: 374], *чари* Ол, Б, П, *сари* Арм, *һары* Ск, *һари* М, Т ‘обувь’, ср.: як. *сарыы* ‘кожа с конского крупа (выделанная)’; ‘обувь’ [Саввинова 2010: 12], *сарыы* 1) ‘оленья замша, ровдуга / ровдужный’; 2) ‘тонкий кожный покров; оболочка’ [ЯРС: 318], *куре* Тг, М, Ск 1) ‘ограда’, ‘забор’, ‘изгородь’; 2) ‘загон для оленей’; 3) ‘огород’; ср.: як. *куруө* 1) ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘забор’; 2) ‘огороженное место’, ‘загон’; 3) устар. ‘сенокосное угодье’, ‘сенокосный участок’ [ЯРС: 201].

Имеются примеры сужения значения слова: эв. *абааһы* Ск, Алл ‘злой дух’; ср.: як. *абааһы* 1.1) миф., фольк. ‘злой дух’, ‘злое начало’; ‘все вредное и враждебное человеку’; 2) ‘урод’, ‘чудовище’ / ‘уродливый’, ‘чудовищный’; 3) бран., шутол. ‘черт’, ‘дьявол’; 2. ‘скверный’, ‘негодный’, ‘дрянной’ [ЯРС: 27]; *айа* Ск ‘самострел’; ср. як. *айа* 1. межд. выражает боль, усталость, недомогание и т. п.: ‘ой’, ‘ай’, ‘ох’, ‘уф’; 2. ‘лук-самострел’ [ЯРС: 33].

Многие слова имеют соответствия в других языках, что свидетельствует об их принадлежности к той или иной языковой семье (общности); например, алтайской. Так, например:

— эв. *арыгы* [< як.] Ск (*арги* Юк) ‘водка’ — ср.: эвенк. *аракй* ‘водка’, ‘вино’, сол. *арахи* / *архи* ‘водка’, нег. *ајахй* ‘водка’, ‘вино’, ороц. *араки* [< нан.] ‘водка’, ‘вино’, ульч. *араҕи* ‘водка’, ‘вино’, орок. *араҕи* ‘водка’, ‘вино’, нан. *араҕи* ‘водка’, ‘вино’, ма. *арки* ‘водка’, монг. *архи* ‘водка’, ‘вино’, бур. *архи* ‘водка’, ‘вино’, як. *аргы* / *арыгы* ‘вино’, ‘водка’ [ТМС 1: 48];

— эв. *бурдук* Ол, Б, К-О, М, П, Ск, Т 1) ‘мука’; 2) ‘хлеб (зерно)’; 3) ‘лепешка’ < як. *бурдук* ‘мука’ — ср.: эвенк. *бурдука*, *бурдук* 1) ‘хлеб (зерно)’; 2) ‘сено’, нег. *бојдук* / *бордок* / *бурдук* ‘мука’, ма. *бордоҕ* ‘корм (хлебный)’ [ТМС 1: 112];

— эв. *куре* Тг, М, Ск 1) ‘ограда’, ‘забор’, ‘изгородь’; 2) ‘загон для оленей’; 3) ‘огород’ — ср.: эвк. *курē* 1) ‘ограда’, ‘изгородь’, ‘забор’; 2) ‘загон (для оленей)’; 3) ‘двор для скота’; 4) ‘ободок (на передке и задке сиденья ездовой нарты)’, нег. *курй* 1) ‘ограда’, ‘изгородь’; 2) ‘загон (для оленей)’, орок. *курэи* / *курэј* / *курэји* ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘забор’, ма. *кураи* / *курэн* 1) ‘ограда’, ‘загородка’; 2) ‘двор (для скота)’; 3) ‘подворье’, ‘гостиница’, ‘чайная’; 4) ‘штаб-квартира (войск)’; 5) ‘комитет’, ‘общество’; 6) ‘ряды’, ‘отряд’, ‘колонна (войска)’ [ТМС 1: 436].

Как показывают наши материалы и справедливо отмечает С. Н. Саввинова, «самое большое количество якутизмов наблюдается в языке момских и кобайских эвенов. Почти нет якутских заимствований в языке эвенов Березовки» [Саввинова 2011: 1].

Итак, на материалах русского, эвенского и якутского языков показано, что развитие этих языков связано с постоянным взаимообогащением. Пройден путь эволюции от отдельных фактов вокализма и консонантизма, через различные формы морфологических конструкций, к сложным композициям — словосочетаниям и предложениям. Дальнейшие разыскания в этой области (с привлечением более широкого круга языков народов Якутии — юкагирского, чукотского, эвенкийского) могут показать интересные результаты в будущем.

Литература

Богораз В. Г. (1931) *Материалы по эвенскому языку. Тунгусский сборник*, 1: 1–106.

Василевич Г. М. (2014) *Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.)*. Красноярск: Сибирские промыслы.

Караулов Ю. Н., Нерознак В. П. (1988) Атлас двуязычия как инструмент социолингвистического анализа: К постановке проблемы. *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*, 47 (3): 249.

Панькин В. М. (ред.) (1994) *Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком*. М.: АЗЪ.

Кузьмина Р. П. (2007) Якутские лексические заимствования в эвенском языке. *Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: Сб. науч. статей*. Якутск: ИГИ АН РС (Я): 187–190.

Ламутский П. (2005) *Наматкартаки дюгарма*. Сост. У. П. Тарабукина. Якутск: Бичик.

Мальчуков А. Л. (1999) Якутская грамматическая интерференция в северо-тунгусских говорах (эвенских, эвенкийских). Некоторые общие тенденции. *Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сб. науч. трудов, посвященный 70-летию со дня рождения д. ф. н., профессора А. Н. Жуковой*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена: 64–75.

Нерознак В. П. (1991) К основаниям лингвистической контактологии. *Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблема описания контактных явлений. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции (Ленинград, 12–14 марта 1991 г.)*. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена: 11–13.

Новикова К. А., Гладкова Н. И., Роббек В. А. (1991) *Эвенский язык. Учебник для педучилищ*. Л.: Просвещение (Ленинградское отделение).

Петров А. А. (2015) *Оленеводческая лексика долганского языка. Этнолингвистический словарь*. СПб.: Алмаз-Граф.

Петров А. А. (2017) *Оленеводческая лексика эвенского языка. Этнолингвистический словарь*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.

Попов А. А. (2003) *Долганы: Собрание трудов по этнографии*. Сост. А. А. Барболина. В 2-х тт. Т. I. СПб.: Дрофа.

Саввинов А. И. (2005) *Проблемы этнокультурной идентификации долган: На материалах традиционного искусства*. Новосибирск: Нау-

ка. (Серия «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Т. 9).

Саввинова С. Н. (2010) *Якутская заимствованная лексика в эвенском языке*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.

Саввинова С. Н. (2011) Фонетическое освоение якутизмов в эвенском языке. *Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки*, 7: 195–198.

Серошевский В. Я. (1896). *Якуты*. Опыт этнографического исследования В. Л. Серошевского, под ред. Н. И. Веселовского. СПб.

Шарина С. И. (2003) Языковая ситуация у эвенов Якутии и проблемы эвено-якутско-русской фонетической интерференции. *Фонетика сегодня: Актуальные проблемы и университетское образование: Тезисы IV Междунар. науч. конф.* Звенигород, 11–13 апреля 2003 г. М.: 104–105.

Цинциус В. И. (1947) *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка*. В 2-х ч. Ч. 1. Л.: Учпедгиз.

Цинциус В. И. (1976) Якутско-тунгусские лексические связи. *Сибирский тюркологический сборник*. Под ред. В. А. Аврорина. Новосибирск: 117–128.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Пекарский — Пекарский Э. К. *Словарь якутского языка*. В 3-х тт. 3-е изд., исправленное, дополненное. СПб.: Наука, 2008.

Русский язык 1991 — *Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений*. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции (Ленинград, 12–14 марта 1991 г.). Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1991.

ТМС — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Отв. ред. В. И. Цинциус. В 2-х тт. Т. 1. А–Н. Л.: Наука, 1975; Т. 2. О–Э. Л.: Наука, 1977.

ЯРС — *Якутско-русский словарь*. Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972.

Сокращения названий языков, говоров и диалектов

Алл — аллаиховский говор эвенского языка	орок. — орокский язык
Арм — арманский диалект эвенского языка	ороч. — ороцкий язык
Бул — булунский говор эвенского языка	Ох — охотский диалект эвенского языка
бур. — бурятский язык	П — пенжинский говор эвенского языка
Вост. — восточное наречие эвенского языка	рус. — русский язык
Зап. — западное наречие эвенского языка	С-Э — северо-эвенский говор эвенского языка
К-О — колымо-омолонский говор эвенского языка	Ск — саккырырский говор эвенского языка
Лам — ламунхинский говор эвенского языка	сол. — солонский язык
М — момский говор эвенского языка	Т — томпонский говор эвенского языка
ма. — маньчжурский язык	Тг — тюгясирский говор эвенского языка
монг. — монгольский язык	ульч. — ульчский язык
нан. — нанайский язык	эв. — эвенский язык
нег. — негидальский язык	эвк. — эвенкийский язык
Ол — ольский говор эвенского языка	Юк — юкагирский говор эвенского языка
	як. — якутский язык

Другие сокращения

бран. — бранное	ср. — сравни
ЛК — лингвистическая контактология	ТГ — тематическая группа
лит. — литературное	устар. — устаревший
межд. — междометие	фольк. — фольклорный
миф. — мифологический	шутл. — шутовое

RUSSIAN-EVEN-YAKUT LANGUAGE CONTACTS

Citation: Petrov A. (2020) Russko-evensko-yakutskiye yazykovyye kontakty [Russian-Even-Yakut language contacts]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 77–98. (in Russian)

About the author. Petrov Alexander. Herzen State Pedagogical University of Russia. St. Petersburg, Russia. <petrovalexspb@mail.ru>

Abstract. The purpose of this article is to study the contact phenomena of the Russian, Even and Yakut languages in the speech of bilinguals and multilinguals of the Republic of Sakha (Yakutia). The author investigates the problems of Russian-Even-Yakut language contact, and also shows their theoretical and practical significance in the study of languages of various types. The task is also posed to comprehend philological (and other extralinguistic) research factors on the basis of inflectional and agglutinative languages. The subject of the research are modern Russian, Even and Yakut languages with their dialects and sub-dialects. The object of the research is the linguistic contacts of Russians, Evens and Yakuts in the synchronous and diachronic aspects of linguistic contactology. The research material was the following: the author's observations for over 40 years of teaching Russian, Even, Yakut and Dolgan languages at the Faculty of Peoples of the Far North, Leningrad State Pedagogical Institute named after Alexander Herzen (now the Institute of Peoples of the North of Herzen State Pedagogical University of Russia), as well as the published works of famous specialists in Russian, Tungus-Manchurian and Turkic languages: V. P. Neroznak, V. G. Bogoraz, V. I. Tsintsius, G. M. Vasilevich, A. A. Popov, V. A. Robbek and others. The author comes to the conclusion that the studied languages have come a long way of cross-fertilization and development; Russian-Even-Yakut contacts are found at all linguistic levels: phonetics, vocabulary and grammar.

Keywords: Russian language, Even (Lamut) language, Yakut language, Dolgan language, language contacts, ethnolinguistics.

References

Bogoraz V. G. (1931) Materialy po evenskomu yazyku [Materials on the Even language]. *Tungusskiy sbornik* [Tungus collection]. 1931, 1: 1–106. (in Russian)

Karaulov Yu. N., Neroznak V. P. (1988) Atlas dvuyazychiya kak instrument sotsiolingvisticheskogo analiza: K postanovke problemy [Atlas of bilingualism as a tool for sociolinguistic analysis: towards a problem statement]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka* [The bulletin of the USSR Academy of Sciences. Studies in literature and language], 47 (3): 249. (in Russian)

Kuzmina R. P. (2007) Yakutskiye leksicheskiye zaimstvovaniya v evenском yazyke [Yakut lexical borrowings in the Even language]. In: *Problemy rodnogo yazyka v usloviyakh globalizatsii i integratsii sovremennogo obshchestva* [Problems of the native language in the context of globalization and integration of modern society]. Yakutsk: IGI AN RS (YA): 187–190. (in Russian)

Lamutskiy P. (2005) *Namatkartaki dyugarma* [Namatkartaks of Dugarm]. Compiled by U. P. Tarabukina. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)

Malchukov A. L. (1999) Yakutskaya grammaticheskaya interferentsiya v severo-tungusskikh govorakh (evenskikh, evenkiyskikh). Nekotoryye obshchiye tendentsii [Yakut grammatical interference in the North Tungus dialects (Even, Evenki). Some general trends]. In: *Yazyki narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East]. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena: 64–75. (in Russian)

Neroznak V. P. (1991) K osnovaniyam lingvisticheskoy kontaktologii [To the foundations of linguistic contactology]. In: *Russkiy yazyk i yazyki narodov Kraynego Severa. Problema opisaniya kontaktnykh yavleniy* [Russian language and languages of the peoples of the Far North. The problem of describing contact phenomena]. Leningrad: RGPU im. A. I. Gertsena: 11–13. (in Russian)

Novikova K. A., Gladkova N. I., Robbek V. A. (1991) *Evenskiy yazyk. Uchebnik dlya peduchilishch* [Even language. Guidebook for pedagogical schools]. Leningrad: Prosveshcheniye (Leningradskoye otdeleniye). (in Even, Russian)

Pankin V. M. (ed.) (1994) *Kontaktologicheskii entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Contactologic encyclopedic reference book]. Vol. I: *Severnyy region. Yazyki narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontaktakh s russkim yazykom* [Northern Region. The languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East in contact with the Russian language]. Moscow: AZ. (in Russian)

Pekarskiy E. K. (2008) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. In 3 vols. 3rd ed., revised, supplemented. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Petrov A. A. (2015) *Olenevodcheskaya leksika dolganskogo yazyka. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Reindeer-breeding vocabulary of the Dolgan language. Ethnolinguistic dictionary]. St. Petersburg: Almaz-Graf. (in Russian)

Petrov A. A. (2017) *Olenevodcheskaya leksika evenskogo yazyka. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Reindeer-breeding vocabulary of the Dolgan language. Ethnolinguistic dictionary]. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena. (in Russian)

Popov A. A. (2003) *Dolgany: Sobraniye trudov po etnografii* [Dolgans: collected works on ethnography]. Comp. A. A. Barbolina. In 2 vols. Vol. I. St. Petersburg: Drofa. (in Russian)

Savvinov A. I. (2005) *Problemy etnokul'turnoy identifikatsii dolgan: Na materialakh traditsionnogo iskusstva* [Problems of ethnocultural identification of the Dolgans: Based on the materials of traditional art]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Savvinova S. N. (2010) *Yakutskaya zaimstvovannaya leksika v evenskom yazyke* [Yakut borrowed vocabulary in the Even language]. Abstract. diss. ... Cand. philol. sciences. St. Petersburg. (in Russian)

Savvinova S. N. (2011) *Foneticheskoye osvoyeniye yakutizmov v evenskom yazyke* [Phonetic assimilation of Yakut loan words in the Even language]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences], 7: 195–198. (in Russian)

Sharina S. I. (2003) *Yazykovaya situatsiya u evenov Yakutii i problemy eveno-yakutsko-russkoy foneticheskoy interferentsii* [The language situation among the Evens of Yakutia and the problems of the Even-Yakut-Russian phonetic interference]. In: *Fonetika segodnya: Aktual'nyye problemy i universitetskoye obrazovaniye* [Phonetics today: Actual problems and university education]. Abstracts of the IV Int. scientific. conf. Zvenigorod, April 11–13. Moscow: 104–105. (in Russian)

Sleptsov P. A. (ed.) (1972) *Yakutsko-russkiy slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russian, Yakut)

Tsintsius V. I. (1947) *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. In 2 parts. Part 1. Leningrad: Uchpedgiz. (in Russian)

Tsintsius V. I. (1976) *Yakutsko-tungusskiye leksicheskiye svyazi*. [Yakut-Tungus lexical connections]. In: *Sibirskiy tyurkologicheskii sbornik* [Siberian Turkological collection]. Novosibirsk: 117–128. (in Russian)

Tsintsius V. I. (ed.) (1975) *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaruyu* [Comparative Dictionary of

the Tungus-Manchu Languages. Materials for the etymological dictionary]. In 2 vols. Vol. 1. A–H. Leningrad.: Nauka. (in Russian)

Tsintsius V. I. (ed.) (1977) *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-mančzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovarju* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages. Materials for the etymological dictionary]. In 2 vols. Vol. 2. O–E. Leningrad.: Nauka. (in Russian)

Vasilevich G. M. (2014) *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII – nachalo XX v.)*. [Evenks. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th centuries)]. Krasnoyarsk: Sibirskiye promysly. (in Russian)

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

Е. И. Сьянова

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРТОГО СКЛОНЕНИЯ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Цитирование: Сьянова Е. И. (2020) Имена существительные четвертого склонения в украинских говорах Воронежской области. *Севернорусские говоры*, 19: 99–123.

Сведения об авторе. Сьянова Елена Ивановна. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия. <syanovaei@mail.ru>

Аннотация. В статье рассматривается функционирование имен существительных IV склонения в современных украинских говорах Воронежской области. В работе представлено описание особенностей склонения данной группы субстантивов, обусловленных рядом факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера. Определяется степень сохранности падежных формантов в условиях контактного воздействия русского литературного языка и смежных южнорусских говоров. Островные украинские говоры даются в сопоставлении с украинским диалектным ландшафтом. Изоляция от основного массива украинского диалекта явилась причиной консервации падежных форм существительных IV склонения в украинских говорах Воронежской области. В то же время идет процесс унификации данного типа субстантивного склонения в исследуемых говорах. Существительные принимают формы, сходные с формами других склонений (например, II склонения), что обусловлено, в частности, влиянием доминантной языковой системы русского языка и южнорусских говоров, особенно на северо-востоке области.

Ключевые слова: украинские говоры Воронежской области, языковой контакт, IV тип склонения, падежные форманты.

Введение

В последнее время возросло внимание исследователей к вопросу функционирования языковых единиц в зонах междиалектной смежности — в зонах контактирования различных языковых систем, в том числе генетически родственных. Изучение украинских говоров Воронежской области (далее — УГ ВО) входит в круг данных научных проблем.

Для говоров является характерной вариантность субстантивного словоизменения (набор словоизменительных аффиксов, принадлежность к тому или иному типу словоизменения, функциональная нагрузка определенных падежных форм и т. п.). УГ ВО при определенной редукции грамматической системы сохраняют собственно украинские элементы грамматического строя. Этому способствуют, в частности, формализованность грамматической системы, высокая степень ее структурированности и связанный с этим консерватизм [Авдеева, Давыдова 2006: 101]. До настоящего времени в частных диалектных системах обозначенного ареала можно наблюдать изменение имен существительных по IV типу склонения, характерному для материнской языковой основы. Данный тип субстантивного словоизменения известен как украинскому литературному языку, так и украинским говорам. Он рассматривается лингвистами как остаток древнерусской сложной системы склонения основ на согласный, которая, в свою очередь, отражает упрощенный тип склонения основ на согласный праславянского периода [Матвіяс 1974: 156].

Предложенное исследование основано на материалах, собранных автором в полевых условиях, а также полученных путем выборки из «Словаря украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой [Авдеева 2008; Авдеева 2012]. Отметим, что не проводилось специального интервьюирования по грамматическим вопросам (вопросникам). В статье использована при подаче иллюстраций упрощенная транскрипция. Знак ударения (') ставится последовательно над гласными: *á, ó, é, ý, é, í, ý, я́, ю́*. Мягкость согласного передается при помощи апострофа [*m'*]. Все диа-

лектные иллюстрации маркируются географическими пометами (в скобках указывается населенный пункт). Номинации и цитаты из [Авдеева 2008; Авдеева 2012] даются с использованием графики русского языка.

К IV типу склонения в УГ ВО относятся существительные среднего рода: 1) названия детенышей животных (в том числе птенцов): *ластивья́* ‘птенец ласточки’; *вутья́ / утя́* ‘утенок’; *жэрэбья́ / жэрэбья́, лошя́* ‘жеребенок’; *порося́* ‘поросенок’; *тэля́* ‘теленок’; *кутя́, щеня́, цуцэня́* ‘щенок’; *куря́, курча́, цыпля́ / ципля́* ‘цыпленок’; *ягня́* ‘ягненок’; *козля́, козэня́, козлэня́, цапэня́* ‘козленок’; *вовченя́* ‘волчонок’; *горобэня́* ‘птенец воробья’; *гусэня́* ‘гусенок’; *жабэня́* ‘лягушонок’, ‘детеныш жабы’; *кошеня́* ‘котенок’; *лысыченя́* ‘лисенок’; *галча́* ‘птенец галки; галчонок’; *сосунча́* ‘теленек, жеребенок, сосущий матку’ и др.;

2) названия детей (мальчиков и девочек): *хлопья́* ‘мальчик’; *дивчиня́* ‘девочка’; *дитя́, дытыня́, дытынча́* ‘ребенок’;

3) названия частей тела: *рученя́та* ‘руки’; *оченя́та* ‘глаза’ — в УГ ВО данные лексемы зафиксированы только в форме мн. ч.;

4) названия небольших, мелких предметов: *колищя́* ‘небольшое колесо’; *хлибыня́* ‘небольшая буханка хлеба’; также *санча́та* ‘санки’; *штаня́та* ‘штаны’ — последние две лексемы употребляются в УГ ВО, как и в украинском языке, только в форме мн. ч.;

5) имена существительные на -я с суффиксом -ен- при изменении: *тймья́ / тймня́* ‘темя’; *сймья́* ‘семя’; *вймья́ (вймья́) / вймья́ / вймня́ (вймня́)* ‘вымя’; *врэмья́ / врэмья́ / врэмня́* ‘время’; *пóломья́ / пóлома́* / *пóлумья́* ‘пламя’.

Врэмя пидишло (Власовка); *Врэмя идэ, оны тикы дывлюц’ця, шоп ныхто нэ зализ на си или скотына нэ прышла нэ помяла си полотна* (Макашевка)¹. Также: *Якэ гыдкэ [некрасивое] дытыня́* (Писаревка); *Дэ цэ ты найшов такэ колищя́?* (Ломы); *Дэ’ одно курчя заблукало, ны найду; Порося якэс’ мыршавэ [хилое], и пагано йис’т’, и ны ростэ* (Старотолучеево); *Хлибыня́ ужэ спыклос’*

---

¹При отсутствии ссылки материал авторский.

(Ломы); *У мэны було цуцыня, я ёго оддала сосидам* (Дракино) [Авдеева 2008: 112, 128, 170, 219; Авдеева 2012: 257, 270].

Частные диалектные системы репрезентируют различную степень устойчивости падежных формантов на фоне интенсивного языкового контакта (в течение более 300 лет) с русским литературным языком и южнорусскими говорами.

Имена существительные древней t-основы

Формы единственного числа

В им. п. ед. ч. подобные субстантивы в УГ ВО оканчиваются а) на *-ья* после губных согласных: *хлопья, ластивья*; б) на *-а* или *-я* после твердых шипящих и соответственно мягких согласных: *козля, куря, лоша, порося, кутя, щеня, курча; Дивчиня якэс' вытрышкуватэ* [пучеглазое] (Тимирязевка²); *Ныдавно у йих дытынча найшлос'*; *Колищя у повозочки скоро одвалыц'ця* (Старотолучеево); *Вын лаициц'ця, як малэ дитя* (Ближняя Полубянка); *Тыля смокче корову* (Бондарево); *Сосунчя бига за коровою* (Гринев); *Тэля молоком довог напувалы, так там такый бузимок вырис* (Подколодновка); *Тыля рвэц'ця до коровы, аж трымтыт'* [дрожит] (Старомеловая); *Кошыня — так учипирыц'ця за стовп и дырэц'ця* (Бычок); *Цуцыня ужэ гавкат' начяло* (Ломы); *Дэс' курчя цявка* (Екатериновка) [Авдеева 2008: 63, 112, 170, 198; Авдеева 2012: 207, 210, 227, 235, 249, 270].

Более подробно названия детенышей, невзрослых особей животных типа *тэля* и их функционирование в УГ ВО описаны в работе [Сьянова 2020: 125–139].

Рассмотрим отдельные номинации указанной группы. Лексема *колищя* отмечена на юго-востоке Воронежской области (Богучарский, Воробьевский, Калачеевский районы) [Авдеева 2008: 170]. В «Словаре украинских говоров Воронежской области» слово дается с пометой «повсеместно» [Там же]. Автором настоя-

---

²В словаре [Авдеева 2008; 2012] указано село Тимирязевка Каменского района. Возможно, село Тимирязево Каменского района.

щей статьи номинация была зафиксирована на юге области (в селе Воронцовке Павловского района). Однако в УГ ВО на северо-востоке и востоке области автором не зафиксирована форма *колица*. По материалам экспедиций, в УГ ВО северо-востока бытуют единицы *колицѳнко*, *ласк*. ‘небольшое колесо’ и уменьш.-ласк. *колицѳтко*: *Возок, ну, два колицѳнка; Возочѳк на колицѳтках, ну, и тут вирѳвич’ку оцѳ ж привязувалы, матузочѳк; Возочѳк на колицѳтках* (Власовка). Ср. укр. *колицѳа*, ср. ‘небольшое колесо’ [СУМ 4: 225], *колицѳа*, ср. в том же значении и уменьш. *колицѳтко* [Гринченко 2: 269]. Номинация *хлибынѳ*, ср. ‘небольшая буханка хлеба’ зафиксирована на юго-востоке области (Воробьевский, Богучарский районы) [Авдеева 2012: 256]. Ср. укр. *хлибенѳ*, ср., разг. ‘небольшая буханка’ [СУМ 11: 80], ‘хлебец, небольшая коврига хлеба’ [Гринченко 4: 401].

В форме р. п. ед. ч. существительные имеют флексию *-ы* (укр. *-и*) при сохранении суффикса *-ят/-ат*³: *Вивѳя мыркомѳт’* [блет] *до ягнѳты* (Переволочное); *Кума, ны выдно там нидѳ мого хлоп’ѳѳты?* (Гринев); *З ѳѳго ѳуцѳнѳты ны будѳ здоровой собаки* (Колыбелка) [Авдеева 2008: 217; Авдеева 2012: 257, 270]. В говорах бытуют и параллельные бессуффиксные формы р. п. ед. ч., например: *Удитѳ уся галава у тимыннѳци* [корочке на темечке] (Ближняя Полубянка) [Авдеева 2012: 231]. В [АУМ] на карте 44 «Родовий вѳдмѳнок однини ѳменникѳв середнѳго роду колишнѳх *-Т*-основ» формы на *-ат-* и (*те^uл’[ати]*, *шче^uн’[ати]*, *кур’ч[ати]*) отмечены на западе (сс. Криница, Урыв-Покровка, Хохол-Тростянка Острогжского района, Селявное Лискинского района, Кар-

³В современном украинском литературном языке и большинстве украинских говоров существительные древней *-t*-основы в р. п. ед. ч. сохраняют старую форму с суффиксом *-ят-* (*-ат-*) при конечном *-и* как следствием влияния *-i*-основ: *теляти, осяти, лошаѳти* и т. д. [Бевзенко 1953: 61; Матвѳяс 1974: 161–162 и др.]. В юго-западных говорах суффиксальный гласный в этой форме претерпевает фонетические изменения (*тел’ѳти, луш’ѳти*). Северным и некоторым юго-западным украинским говорам (части буковинских, надднестрянских, надсанских, волинских и подольских говоров) свойственно окончание *-i* с соответствующими фонетическими вариантами гласного в суффиксе (*тел’ѳти, шчен’ѳти; тел’ѳти, луш’ѳти*) [Матвѳяс 1974: 161–162].

пенково, Марки Евдаковского района⁴), юго-западе (слобода Ольховатского района, с. Гончаровка Подгоренского района), юго-востоке (с. Семеновка Калачеевского района), в центре Воронежской области (с. Великоархангельское Бутурлиновского района); единично на карте представлены формы на *-am'-i* (*те^uл'[am'i]*, *иче^uн'[am'i]*, *кур'ч[am'i]*) в центре (с. Филиппенково Бутурлиновского района), на юге Воронежской области (с. Пески Павловского района). Как единичные вкрапления показаны формы на *-a* (*те^uл'[a]*, *иче^uн'[a]*, *кур'ч[a]*) на западе (сс. Урыв-Покровка Острогжского района, Селявное Лискинского района), юго-западе области (с. Гончаровка Подгоренского района).

В формах д. п. и п. п. ед. ч. в УГ ВО у субстантивов t-основы выделяется флексия *-и* (укр. *-і*) при сохранении суффикса *-ят- (-am-)*: *Поросяти кукурузы трэба натэрти* (Тимирязевка) [Авдеева 2012: 228]. Форма зафиксирована в русском диалектном пространстве в нижегородских говорах: *Кабы нашему теляти да волка поймати* (Нижегор.) [СРНГ 44: 18].

Формы им. п. и в. п. совпадают в ед. ч., что характерно для имен существительных ср. р.: *Оболлють стовп водю, звэрху набьють колищя або крыстовыну и понавишуют туды гормоню, сапогы* (Переволочное); *Пиду тыля привэду, а то скоро коровы прыйдут; Як повйдэи тыля прыпынат', воз'мы шворин'* (Дракино); *Заризала тыля, варылы халоднэ* (Ближняя Полубянка); *Мы цуцыня у сусидив взяли — такэ потэшинэ* (Витебск); *Дэс' выпросы цуцыня, а то бис собаки пагано* (Красноселовка); *Отчипыс'! А то ос' за шкирку и выкыну, як кошыня* (Старотолучеево) [Авдеева 2008: 170; Авдеева 2012: 227, 288, 260, 270, 291].

---

⁴Евдаковский район — административно-территориальная единица в составе Воронежской области РСФСР в 1935–1963 гг. Село Карпенково ныне является административным центром Карпенковского сельского поселения Каменского района Воронежской области. Село Марки в настоящее время также входит в состав Каменского района.

В тв. п. подобные имена существительные имеют флексию *-ям* (*-ам*)⁵, присоединяемую к корню: *Пидыш на выгин за тыльям, вси ноги об колючкы подряпаеш* (Архангельское⁶) [Авдеева 2012: 227].

Формы множественного числа

Имена существительные мн. ч. древней *t*-основы в анализируемых говорах сохраняют во всех падежах суффикс *-ат-* (*-ят-*).

В формах им. п. мн. ч. данные субстантивы в УГ ВО имеют флексию *-а* — *вутьята / утьята, курчята, цыплята, тэлята, лошата, поросята, козлынята, козлята, котята; ластивьята* ‘птенцы ласточки’; *горобьята* ‘птенцы воробья’; *галенята* ‘галчата, птенцы галки’; *вовчата* ‘волчата’; *жабынята* ‘детеныши лягушки’, ‘детеныши жабы’ и др.: *Козлынята дужэ шкодлыви* (Гринев); *Курчята побиглы за квочкою* (Поповка); *Шо цэ цыплята скуч’кувалыс’* — *можэ йим холодно?* (Витебск); *Жабынята так шул’пачуюц’ця* [плещутся] (Старотолучеево) [Авдеева 2008: 168, 189; Авдеева 2012: 205, 299]. В украинском литературном языке и в украинских говорах имена древней *t*-основы в им. п. мн. ч. также сохраняют суффикс *-ат-* (в говорах с возможным изменением

---

⁵Флексия *-ам* (*-ям*) в форме тв. п. ед. ч. характерна для имен существительных древней *t*-основы и в современном украинском языке [Бевзенко 1953: 62; Матвійс 1974: 167]. В тв. п. ед. ч. подобные имена существительные теряют суффикс *-ят-* (*-ат-*), флексия присоединяется к корню: *лошам, хлоп’ям*. По аналогии с диалектными формами на *-ом* существительных с мягкими согласными основы II склонения во многих украинских говорах развиваются формы без суффикса с флексией *-ом* и от существительных IV склонения старой *t*-основы (*йагн’ом, тил’ом*). Следствием влияния существительных II склонения старой *jo*-основы считают зафиксированные в говорах бессуффиксные формы указанных существительных с окончанием *-ем* (*телём, поросём* — полтавские говоры). Распространенные в юго-западных говорах формы с окончанием *-ем* после мягких согласных (*тил’ём*) ученые рассматривают как фонетический вариант форм с флексией *-ам* [Матвійс 1974: 167–168].

⁶В словаре [Авдеева 2012] указано село Архангельское Бутурлиновского района. Очевидно, село Великоархангельское Бутурлиновского района.

гласного звука в суффиксе) и приобретают окончание *-а* [Матвіяс 1974: 168].

Только в форме мн. ч. зафиксированы в УГ ВО названия частей тела — такие слова, как *оченя́та, рученя́та*. *Оченьа́та, мн.* — уменьш. к *очи* ‘глаза’ (Бычок) [Авдеева 2012: 71]. В селе Макашевке на северо-востоке области *оченя́та, мн.* бытует как уменьш.-ласк. в том же значении: *Оченьа́та свои сомкну́ло* (о ребенке). То же в украинском языке [СУМ 5: 830]; в [Гринченко 3: 81] дается лексема *оченя́, ср.* ‘глазок’ с приведением формы мн. ч. *оченята* в иллюстрации. Номинация *рученя́та, мн.* — уменьш. к *ру́ки* ‘руки’: *Замэрзлы рученя́та? Иды — погрию* (Бычок) [Авдеева 2012: 188]; также на северо-востоке области: *Ручиня́та у нэй таки малэн’ки, бач’*. *Дивчитушыч’ка* (Власовка). В украинском языке — *рученя́та, мн.* (ед. *рученя́, ср.*), уменьш.-ласк. к *ру́ки* [Гринченко 4: 90; СУМ 7: 917].

Номинации *санча́та, штаня́та* в УГ ВО употребляются только в форме мн. ч. Лексическая единица *санча́та* — уменьш.-ласк. к *са́ны* ‘зимняя повозка на полозьях; сани’ (Власовка). В [Авдеева 2012] не дается. Ср. укр. *санча́та, мн.* ‘маленькие сани’ [Гринченко 4: 102]; уменьш.-ласк. к *са́ны* или *са́нки* [СУМ 9: 55]. В [СРНГ 36: 122] номинация приводится в значении ‘небольшие сани’ с географической пометой Новосиб. Слово *штаня́та, мн.* ‘детские штаны’ зафиксировано автором статьи на северо-востоке области: *Штаня́та на ёму* (ребенке) *высят’, такэ худэ* (Власовка). В украинском языке *штаня́та, мн.* — ‘штанишки’ [Гринченко 4: 512], уменьш.-ласк. к *штані́* или ‘детские штаны’ [СУМ 11: 534]; в том же значении — *штаненя́та, штанча́та* [Там же].

Суффикс *-ят- (-ат-)*⁷ представлен у существительного *близня́та* ‘близнецы’ (Старотолучеево, Колыбелка), также в значении ‘детеныши животного одного помета’: *Вивця́ близня́т привэла* (Ломы) [Авдеева 2008: 34].

---

⁷Украинские лингвисты указывают на продуктивность суффикса *-ат-* для названий молодых, невзрослых существ и вещей (*лис-эн’-ат-а, руч-эн’-ат-а*) [Матвіяс 1974: 172].

В фольклорных текстах функционирует слово *ангеляты*, мн., ласк. ‘ангелы’ с сохранением соответствующего суффикса и флексией *-ы*: *Щидруватка, щедрый вэчор, добрый вэчор добрым людям на здоров’я. Дэ узялыся ангеляты, взяли рыза на крыляты, понэслы пит нэбэсами. Вси нэбэса растворилис’, уси святи поклонылис’* (Великоархангельское); *Эти щидруют. Ну и дал’шэ: — Божья Маты рызы прала (прала — стирала), На калену вешала сушыты. Вот. И повторяица: — Щедрый вэчир, Добрый вэчир, Добрым людям на здоров’я, откуда взялис’ ангеляты, Взяли ризу* (Александровка)⁸. В старых текстах встречается вариант с окончанием *-а* — *янгулята*: *Да повисыла на ялыни Щедрый вечеръ и пр. Прилытылы янгулята Взяли рызы на крылята Щедрый вечер... Положины на престоли Щедрый вечер Добрый вечер* [Снесарев].

В южнорусских, в том числе воронежских, говорах у существительных с *-ат-* (*-ят-*) распространена флексия *-и* (*-ы*) в форме мн. ч. им. п. То же наблюдаем в западной зоне русских говоров, например: *козеняты*, мн. к *козенёнок* ‘козленок’ (Смол., Зап.-Брян., Новг.) [СРНГ 14: 63].

В р. п. мн. ч.⁹ в УГ ВО повсеместно представлены формы *курча́т, теля́т, лоша́т* и т. п. с нулевой флексией: *Скил’кы там ласти́в’я́т було!*; *Кажут’, с тори́шних ты́лят мя́со самэ добрэ* (Бычок) [Авдеева 2012: 196, 234]. Также на северо-востоке области: *И з осы́кы, помню, лэ́гэн’кы, я ж нэ зди́лав з дубка, а з’яко́й че́ дилаю́т’, то и я, знач’, поня́тие у мэ́нэ було. Зди́лав, а тут я ж нэ окову́вав, а ци, яки просве́рлю́вав, и рымы́шкы поди́лав, и выде́ржува́лы, и прыкру́тыв до са́н’ча́т* (Власовка). Форма приводится

---

⁸Ср. в той же функции (в рождественской обрядовой песне) *а́нгол, м.* — *а́нголы, мн.*: *Но тут она, ця сивалася так: — Як на рич’ки та й на Иордани. Щедрый вэчир, добрый вэчир, Добрым людям на здоров’я. Та Маты Божа та ще рызы прала, Она прала та й вымахувала. Повисыла ти рызы на пряслыну (на палку), Дэ нэ взялися та й тры а́нголы. Щедрый вэчир, добрый вэчир, Добрым людям на здоров’я* (Воронцовка).

⁹В р. п. мн. ч. для существительных IV склонения старой *t*-основы в украинском литературном языке и в говорах характерны формы с нулевыми флексиями и сохранением суффикса *-ат-* (с возможными фонетическими видоизменениями суффиксального гласного в говорах) [Матвіяк 1974: 169].

в описании малороссийской свадьбы: ...женщины между тѣмъ готовятъ ужинъ, который состоитъ изъ галушокъ, варениковъ, курчатъ (цыплятъ) и взвару [Снесарев].

Для д. п. мн. ч. характерно в говорах окончание *-ам*: Там у чавуници е каша *поросят*м (Подгорное) [Авдеева 2012: 271]. В современном украинском языке и большинстве украинских говоров форма д. п. мн. ч. выступает также с флексией *-ам* в данной категории слов¹⁰.

В УГ ВО, как показывают материалы, во мн. ч. форма в. п. совпадает с формой р. п.: *Вивця близнят привѣла* (Ломы); *Загоны вутят в загороду* (Новобелая); *Ластив'яят драг' грих*; *Кишка за шкирку тяга кошынят* (Бычок); *Квочка водѣ курчат* (Переволочное); *Ну, оцѣ як выкопуют' лысычинят, так кажут': у шкоти* (Старотолучеево) [Авдеева 2008: 34, 82, 157, 196; Авдеева 2012: 291]; *Там була вовчица, и там бачилы вовчят* (Варварино). Имена существительные в литературном украинском языке *t*-основы в форме в. п. мн. ч. имеют форму, общую с им. п. мн. ч., если обозначают предметы, или форму р. п., если обозначают лиц, или обе формы, когда они являются обозначениями животных [Матвѣяс 1974: 170].

В УГ ВО на северо-востоке области формы тв. п. мн. ч. выступают с флексией *-ам*¹¹, совпадающей с флексией д. п. мн. ч.: *Коза с козлятам ходѣ* (Макашевка); *А цѣй (ребенок) за сан'чят*м

---

¹⁰Как отмечают историки языка, у существительных с согласными в основе под влиянием *-а*-основы образуется форма дательного на *-ам* (< *-амѣ*) [Бевзенко 1953: 69; Матвѣяс 1974: 169–170]. Следствием аналогии архаичных форм существительных *о*-основ являются формы на *-ом* в юго-западных украинских говорах [Матвѣяс 1974: 170].

¹¹В современном украинском языке в подобных именах существительных в тв. п. мн. ч. сохраняется суффикс *-ат-* и присоединяется флексия *-ами* (*-ями*): *телятами*, *ослятами*, *лошатами*. В отдельных украинских говорах встречаются *телятми*, *лошатми* и др. (карпатские говоры), *телятми*, *курятми*, *горлятми* и т. п. (говор галицких лемков) [Бевзенко 1953: 70]. Наличие в литературном языке форм на *-ами* является следствием влияния существительных старой *а*-основы [Матвѣяс 1974: 171]. Более подробно о флексиях тв. п. мн. ч. существительных в украинском языке и украинских говорах в работе [Пожирицкая 2000].

бижыт' (Власовка). На юго-востоке (Старотолучеево, Плесновка) и юго-западе (Самойленко) области в УГ ВО форма тв. п. мн. ч. подобных имен существительных образуется при помощи флексии *-амы*: *Валандаеся, валандаеся с тымы курча́тамы; Вивця око-тылась двома ягня́тамы* (Старотолучеево); *Покормыт' бы квочку с курча́тамы* (Самойленко) [Авдеева 2008: 47, 157, 178].

Формы пр. п. мн. ч. анализируемых единиц повсеместно имеют флексию *-ах*¹²: *о курчатах, о поросятах, о телятах*.

В УГ ВО, функционирующих на территории современной Воронежской области, номинации со значением невзростости в форме мн. ч. с суффиксом *-ат-/ят-* сочетаются с собирательными числительными: *Корова отылыла двое тыля́т* (Дроздово); *Сука була и прывыла двое цуцыня́т* (Старотолучеево); *Ужэ за тыждын' чэтыро курчат шул'ника вкрала* (Старомеловая) [Авдеева 2012: 227, 270, 299]. В основе сочетаний с количественными числительными лежат процессы аналогии: *Коза выплодыла трэ́х козыня́т* (Реп.) [Авдеева 2008: 168].

УГ ВО показывают различную степень сохранности парадигмы склонения существительных древней *t*-основы. Говоры севера и северо-востока области манифестируют разрушение старой парадигмы, которая довольно прочно держится в говорах запада (Лиск., Острог., Реп.), юго-запада (Ольх., Рос.), юго-востока (Богуч., Калач., Петр.) и отчасти в центре (Бутур.) области.

---

¹²В украинском литературном языке имена существительные IV склонения древней *t*-основы в п. п. мн. ч. сохраняют суффикс *-ат-* и приобретают окончания древней *a*-основы *-ах* (*телятах, молодятах*). Формы на *-ах* фиксируются в карпатских говорах (*тел'а́тох*). Они происходят от форм п. п. мн. ч. существительных бывшей *й*-основы. Распространены в карпатских говорах также формы п. п. мн. ч. существительных древней *t*-основы на *-ix* (*на йагн'ёт'ix*), что является следствием аналогии диалектных форм по существительным бывшей *o*-основы [Матвйас 1974: 171].

Имена существительные древней п-основы

Формы единственного числа

Существительные древней п-основы в им. п. ед. ч. в УГ ВО заканчиваются на *-ья*: *тѣмья, сѣмья, вѣмья, врѣмья, пѣломья*: *Самэ врѣм'йя свал'бы гулят'* (Переволочное) [Авдеева 2012: 192]. Исторически окончание им. п. ед. ч. существительных IV склонения производится от древнего носового *e*. Этот звук возник из более древнего *-ep-* в основах на *n* или из более древнего *-ent-* в основах на *t* как следствие действия закона открытых слогов [Матвѣяк 1974: 159]. Параллельно в говорах представлены формы им. п. ед. ч. на *-мня* (с *n'* из *j* перед *a*).

Со значением 'вымя' в говорах бытуют следующие варианты — *вѣмья / вѣмья / вѣмья / вѣмня / вѣмня*: *Эт баба Маня, свѣкруха, мѣни розказувала. Кажэ, пидэм — вѣмня пустэ; Я, и Вас'ка кажэ: идит' корову прыгонит', а то оны, коровы, идут' йище пастыся по Ласивци, а нужно ж подоит', управляцца. Оны (внуки) бижат', она (корова) як огляныцца — оны трое. Она нэ зна, цыцкы у нэй туда-сюда, вѣмня. Молоко брыска (Власовка); Ну, бабушка казала, шо у когос' там, она пидэ, молока нэмае, и вѣмья цилэ, и всэ цилэ, и всэ харашо, нэма молока, а тоди пидслидылы, ана гадюка (Воронцовка); также *суч'ѣ вѣмья* 'нарывы под мышкой': *Суч'ѣ вѣмья, у бабы було, заговаривала езд'ила. Из ниѣ саски, то чирый бывайит, а то много из ниѣ, чир'йя гнойные* (Власовка). В укр. *вѣм'я* [СУМ 1: 438], *вѣм'я, вѣмня, ср.* [Гринченко 1: 171–172]. Номинация *вѣмня*, ср. репрезентируется в белгородских говорах [Кошарная 2017: 69].*

Со значением 'время' в говорах функционируют варианты *врѣмья / врѣмья / врѣмья / врѣмня*: *Щяс нѣвкус'ни* (дыни), или *врѣмня*, или *погода, нэ знаю почѣму, а тоди, бувало, на город выйдэши, она, дыня, така бал'шуцца — и лопнэ пополам* (Власовка); *Отакэ бу-*

ло *врэмня* (Марки). Ср. укр. диалектное *врэм'я*, ср. в том же значении¹³ [СУМ 1: 758], *врэм'я*, *урэм'я* [Гринченко 1: 258].

В [Авдеева 2012: 231] зафиксированы параллельные формы *тíмья* / *тíмня* 'темя'. В укр. *тíм'я*, ср. [СУМ 10: 142]; *тíмня*, *тíм'я*, ср. в том же значении [Гринченко 4: 266].

В УГ ВО северо-востока области (Грибановский район) функционирует форма им.п. ед.ч. слова *имя* на -о с суффиксальным элементом -ен- — *имэно́*, ср., а также фонетический вариант *ымэно́* и форма с элементом -ян-¹⁴ *имяно́*: *Звалы ййии так, нэ клич'ка, просто имэно́, Салманида. Цэ зват' так, от Хымка, Вар'ка. Имэна́ даем, имэно́ якэ-нэбуд' даем, и всё; Сирёга Чиркес, цэ ж ымэно́* (Власовка). На юго-западе области (Подгоренский район) отмечена форма без начального и- с ударением на первом слоге — *мэно*: *Я забула, як ёго мэно* (Витебск) [Авдеева 2008: 217]. В этом случае слово изменяется по II склонению. Ср.: в отдельных украинских говорах (например, волинских) имя существительное *им'я* также переходит в группу II склонения на -о, приобретающая вид *имено́* (*менó*) по образцу существительных *стремено́*, *знамено́* [Матвійас 1974: 160]. В УГ ВО на юго-востоке области (Богучарский район) отмечена форма на -н'- (удвоенное *н*) и конечным -я — *мэння*, ср. 'имя': *Забула, як ёго мэння* (Старотолучеево) [Авдеева 2008: 217]. Очевидно, сказывается влияние существительных II склонения на -ння типа *знання*. Форма р.п. в словаре [Авдеева 2008: 217] для данной словоформы отмечается с флексией -я. Следует отметить, что на востоке и северо-востоке наблюдается интенсивное влияние русского языка. В речи пожилых информантов часто можно слышать общелитературную форму русского языка *имя*: *Сэ пэрвэ имя коровяче — Зор'ка. Була красна, а на лоби много билого було. Осэ Зор'ка. Била була корова, Белкой звалы* (Варварино). На северо-востоке области наиболее значительной

¹³В украинском литературном языке в значении 'время; пора' бытует слово *час* [СУМ 11: 274].

¹⁴Подобные формы с -ян- встречаются в севернорусских говорах. Их появление диалектологи связывают с влиянием формы им.п. при совпадении с в.п. [Мещерский 1972: 135; Колесов 1990: 92].

оказывается унификация грамматических формантов IV склонения и соответственно распределение имен в соответствии с новыми способами выражения грамматического значения.

В УГ ВО отмечена номинация *сім'я*, ср. 'семья' (Старая Криуша) [Авдеева 2008: 198]. В белгородских говорах встречается единица на *-мя* — *сімня*, ср. 'семена льна' («под влиянием украинского языка») [Кошарная 2017: 256]. Ср. укр. *сімня*, *сім'я*, ср. 'семья' [Гринченко 4: 127]; в [СУМ 9: 224] *сім'я*, ср. — 'семья растения', 'семья конопли'.

В значении 'пламя' в исследуемых говорах бытуют варианты *пóломья* / *пóломя* / *пóлумья*: *Потому шо всэ варыло с' оно пыд огнём. Пóломя-то, оно вроди увэрх, хот' дэ сковородам накрывалы, а дэ варыц'я — кыпыт' так* (Воронцовка); *В груби и комин був, у комини уставлялы короба таки миталичиски. Уставлялы, шоб оно ж, пóломья, шило по ходу* (Лизиновка). Также: *Пóлом'я охватыло увэс' двир* (Ломы); *Пóлум'я с-пид стрихы як вдарыло* (Старотолучеево) [Авдеева 2012: 126]. Ср. укр. *пóлом'я*, ср. («редко») в этом же значении [СУМ 8: 93]; *пóломня*, *пóлом'я*, *пóлум'я*, *пóлуміння*, ср. [Гринченко 3: 287, 289]. В [СРНГ 29: 111, 176] со значением 'пламя' приводятся *пóломя*, ср. (Нижегор., Вост., Курск.) и *пóлымя*, ср. (в устойчивых сочетаниях — Зап. Брян., Ворон.). В белгородских говорах зафиксировано *пóлымя*, ж. (?)¹⁵ 'пламя' [Кошарная 2017: 221].

В русском литературном языке существительные ср. р. на *-мя* при склонении получают суффикс *-ен-*; в ед. ч. изменяются по типу *путь*, во мн. ч. — по II склонению. В южнорусских говорах подобные имена существительные изменяются обычно по типу существительных на *-а* [Аванесов, Орлова 1965: 112], склонение имен на *-мя* по типу *поле* характерно для говоров на территории бывшего Курского уезда [Хабургаев 1956: 9]. Южнорусские говоры характеризуются утратой категории ср. р., заменой его на ж. р. Это объясняется фонетическими причинами — влиянием аканья [Дурново 1969: 165; Котков 1963: 142–143; Аванесов, Орлова 1965:

¹⁵Вопрос наш к грамматическому роду лексической единицы.

99–100; Соболевский 1907: 209–212 и др.]. Переход существительных на -мя в ж. р. можно наблюдать и в южнорусских воронежских говорах: *В наша время забяднять* [обеднеть] *ня трудна: пенсия малинтя, цены балшыя — живи, как хош* (Таловая); *Как взяла иго время — ничем ни памагли* (Старый Курлак) [СВГ 3: 33, 36]. Также: *Нада падаит', у ней дюжа многа малака. Ана: — Му-му. Ана голас мой услыхала. А у ней вымя вот такая распёрла* (Переездной). Субстантивы в этом случае изменяются по женскому склонению: *Усю время баялась, как бы мяне йихний бык ни забрухал* (Васильевка 2-я) [СВГ 3: 42]. Отмечены и параллельные формы в в. п. ед. ч. на -мя, совпадающие с им. п.: *Задушиться — это значит отдать свою душу на вечную муку и всю время катать на себе чертей* (Костино-Отделец); *Раншы на задах сеили канапи, штоп куры ня выбрыли семя* (Панино) [Там же: 118].

В некоторых северных и юго-западных говорах Украины (буковинских, покутских, гуцульских, надднестрянских, волинских) распространено у существительных древней п-основы также окончание -е с предыдущим *й* (*сімйе, вимйе, тімйе*) или с -н' (*сімн'е, імн'е, вімн'е, тімн'е*) [Матвіяс 1974: 159]. В севернорусских говорах подобные субстантивы приобретают конечное *'е* (*име*) или *'о* (*имё*) [Мещерский 1972: 135; Колесов 1990: 92]. В южнорусских говорах им. п. ед. ч. данных единиц совпадает с формой русского литературного языка. УГ ВО сохраняют в большинстве случаев формы им. п. ед. ч., характерные для материнской языковой основы: -ья / -мня.

В современных УГ ВО существительные древней п-основы имеют две параллельные формы р. п. ед. ч.: а) бессуффиксную форму, совпадающую с им. п. — в. п. (*вымья, врэмья, врэмья*) и б) форму с суффиксом -ен- и флексией -и (*вýmэни, врэмэни*): *Наскладают', а потом чи кып'ятком туды зальвалы ище, зал'ют', оно пропарыц'ия, а тоди начинают', як литнёго врэмья, таки праныкы булы* (Шрамовка) [Авдеева 2008: 126]; *Бигом, нэмае врэмэни* (Власовка). Две параллельные формы р. п. ед. ч. характерны и для современного литературного украинского языка [Матвіяс 1974: 160]. В [АУМ] на карте 43 «Родовий відмінок

однини іменників середнього роду колишніх -N- основ» форми на *-[н']а* (*вим[н'а]*, *с'ім[н'а]*, *т'ім[н'а]*, *ім[н'а]*) отмечены на юге (например, в селе Петровке Павловского района), на западе (в сс. Кринице Острогожского района, Карпенкове, Марки Евдаковского района, Петропавловке Георгиу-Дежского района¹⁶), юго-западе (в с. Гончаровке Подгоренского района); формы на *-'а* (*вим'[а]*, *с'ім'[а]*, *т'ім'[а]*, *ім'[а]*) — в центре Воронежской области (в с. Филиппенкове Бутурлиновского района).

В украинском литературном языке существительные бывшей п-основы в д. п. и п. п. ед. ч. сохраняют суффикс *-ен-* и приобретают окончание *-і:* (*на*) *вимені*, (*на*) *тімені* [Матвіяс 1974: 162–163]. В УГ ВО зафиксированы бессуффиксные формы д. п. на *-ю* (*по врэмю*) и п. п. на *-йи* (*на тім'йи*): *Подывис' шо це в мены на тім'йи — чи дэс' розодрала?* (Старотолучеево) [Авдеева 2012: 231]; *Пэрэтока, як ййи (корове) пора, довжна б она родыт', а она всэ так, пэрэточ'ка, нэ родыла ана. То пэрэточ'ка она. По врэмю она довжна була* (Варварино). Параллельно бытует форма д. п. с *-н'* на *-ю*: *Оцэ возли арбуза оцэ ключич'ка, от плити ключич'ка от эта, и мы, она ссыхае, и ссыха, а потом ще — и так пробуйим. Оно ужэ по врэмню мы бачим* (Власовка). Бессуффиксные формы д. п. и п. п. подобных имен существительных признаются нормой украинского литературного языка и встречаются в говорах [Матвіяс 1974: 163]. Как отмечают диалектологи, словоформы на *-ені* (*племені*) распространены в средненадднепрянских, Слобожанских, полтавских, степных, Подольских и Полесских говорах. Флексия *-і* в этих формах возникла по аналогии с соответствующими формами существительных древних о-основ (*у селі*), а-основ (*руці*) и по аналогии к секундарным формам д. п. и п. п. ед. ч. других существительных, которые на определенном этапе развития украинского языка меняли свою форму под влиянием имен типа *рука* [Матвіяс 1974: 163].

Формы им. п. и в. п. также совпадают в ед. ч.: *На жаркэ врэм'йя рыба у глыб идэ* (Бычок); *На лывади сиялы сім'йя* (в собира-

¹⁶Ныне Лискинский район Воронежской области.

тельном значении) (Старая Криуша) [Авдеева 2008: 94, 198]; *Водыч'ку нагаварювалы, а мини прыказувалы прыйтты, коровку змочит', и в'імя — всэ змочит'* (Алферовка); *Оны стоять' до морозив, а потом, як морозы начинаютьца, ужэ зима лягае, а в послід'не вр'эмя оно лягае ужэ аж в дикабри* (Россошь); *Родылася во вр'эмя войны* (Лизинька); *Это я про тэ вр'эмя розказую* (Воронцовка); в сочетаниях: *А возли бабы Ал'ёнкы була така скважына, можно втонут', отак по пояс вода. Всэ вр'эмя була там вода* (Власовка); *Всэ вр'эмя п'эклы хлип свий* (Алферовка); *Децтво я вс'е вр'эмя сьдидла на лэжанкы з мамой, мама на работи, бат'ко на работи* (Морозовка); *Як рас ф'цэ вр'эм'ія проходыв мимо ёго кум* (Кувшин); *Нич'йю ходэ ничыста сыла. Патаму в полнич' уси баяцяца хадыт', вед'мы калдуют' в такэ вр'імя* (Макашевка).

У существительных бывшей п-основы в украинском литературном языке в качестве нормативных признаются две параллельные формы тв. п. ед. ч. — форма с суффиксом *-ен-* и окончанием *-ем* и бессуффиксная форма с окончанием *-ям*: *іменем* и *ім'ям*, *пл'еменем* и *пл'ем'ям*. Для существительных *вім'я*, *сім'я*, *тім'я* чаще встречаются бессуффиксные формы тв. п. ед. ч. Формы типа *іменем* являются фонетическим соответствием древних форм тв. п. ед. ч. существительных п-основ, бессуффиксные формы на *-ам* появились под влиянием соответствующих секундарных форм у существительных типа *зілля*. Флексия *-ам*¹⁷ в украинских северных и юго-западных говорах претерпевает те же фонетические изменения, что и соответствующее окончание существительных с мягкими согласными основы II склонения [Матвіяс 1974: 167].

В исследуемых говорах Воронежской области представлены также две параллельные формы тв. п. ед. ч. — форма с редуцированным *-ен-* (графически — *-эн-*) и окончанием *-ем* (графически — *-эм-*) и форма с флексией *-ям*: *Ударылас' пр'яма тімнэм*

¹⁷По аналогии с диалектной формой тв. п. ед. ч. существительных II склонения в юго-западных украинских говорах (подольском, надднестрянском) распространены также бессуффиксные формы на *-ом* от существительных IV склонения древних п-основ (*тімн'ом*, *імн'ом*, *мн'ом*) [Матвіяс 1974: 167].

(Ближняя Полубянка) [Авдеева 2012: 231]. Также: *А от щяс, цэ ужэ старис'т', одэ наплывайит' этот, натягуе, и якос' врэмням бачю, а врэмням нэ бачю* (Власовка); *Цэ пэрэпоч'ка она пычецца, яг бы сказат', як пид полóm'ям* (Воронцовка).

Формы множественного числа

Существительные п-основы в формах мн. ч. в УГ ВО сохраняют суффикс *-ен-* и имеют окончания, сходные со II склонением — *-а* в им. п.: *Ну, сталински вриминá, законы таки булы* (Воронцовка); *Патом начявся ш колхос. Було очин' трудно, робылы на быках, на лошадах, на сэби волочили. Врэмэна ти* (Алферовка).

На северо-востоке области автором зафиксирована форма р. п. мн. ч. *имэн* с сохранением суффикса *-ен-* и нулевой флексией: *Багато имэн було тоди* (Власовка). В том же населенном пункте была отмечена бессуффиксная форма р. п. мн. ч. на *-йив* от *вьмя*, ср.: *вьмьйив*. Основой образования формы на *-йив* является, по мнению исследователей, аналогия к формам существительных древней и-основы и аналогией секундарных форм существительных древних о-основы и а-основы [Матвйас 1974: 169].

Формы д. п. и т. п. мн. ч. не зафиксированы.

Существительные IV склонения древней п-основы в п. п. мн. ч. сохранили суффикс и приняли окончания существительных древней а-основы *-ах*: *имэна́х*.

Выводы

1. В УГ ВО широко распространены лексемы типа *тэля*, *вовчэня*, *хлопья*, *дивчиня*, обозначающие детенышей, молодых, незрелых особей. Единицы репрезентируют словообразовательные аффиксы (см., например, слова на *-еня*) и реликтовые морфологические показатели (падежные флексии), не характерные для смежных южнорусских воронежских говоров.

2. Материалы показывают, что изучаемые говоры (особенно на юге области) сохраняют эксклюзивные для названного в теме ареала формы имен существительных ср. р. древней т-основы, обозначающих детенышей, молодых, незрелых особей, и фор-

мы субстантивов ср. р. бывшей п-основы типа *врѣмья*. Данные номинации образуют в современных УГ ВО IV склонение, являя тем самым один из уровней противопоставления говоров с украинской основой и говоров с южнорусской основой на территории позднего заселения.

3. Имена существительные IV склонения древней п-основы в УГ ВО имеют варианты формы *вѣмья (вѣмья) / вѣмья / вѣмня (вѣмня), врѣмья / врѣмья (врѣмья) / врѣмня, тѣмья / тѣмня, сѣм'ья, пѣломья / пѣломья / пѣлумья*. В говорах северо-востока области бытует форма слова *имья* на -о с суффиксом -ен- — *имѣно / ымѣно* и форма с элементом -ян- *имяно*, в говорах юго-запада — форма на -о без начального и- с ударением на первом слоге *мѣно*, в частных системах юго-востока — форма на -н' (удвоенное н) с конечным -я — *мѣння*. В косвенных падежах подобные номинации могут употребляться без суффикса по аналогии с существительными на -о (II склонения): *нѣма врѣмья, багато сим'ья*. На северо-востоке более значимой оказывается унификация грамматических формантов подобных субстантивов и соответственно распределение их в соответствии с новыми способами выражения грамматического значения. В смежных южнорусских воронежских говорах характерным является изменение этих существительных по женскому склонению.

4. Репертуар флексий, в частности наличие параллельных окончаний в р.п. ед.ч. существительных ср.р. древних п- и т-основ типа *тѣля* и *тѣляты*, *вѣм'ья* и *вѣмѣни*, сближает УГ ВО со слобожанскими говорами юго-восточного наречия украинского языка.

5. Очевидно, изоляция от основного массива украинского диалекта явилась причиной консервации падежных форм существительных IV склонения в УГ ВО. Это грамматическое явление можно наблюдать до настоящего времени прежде всего в речи старшего поколения. Сегодня стоит говорить об унификации данного типа субстантивного склонения в исследуемых говорах. Существительные принимают формы, сходные с формами других склонений (например, II склонения), что обусловлено, в част-

ности, влиянием доминантной языковой системы русского языка и южнорусских говоров, особенно на северо-востоке области.

Материалы статьи предоставляют частную возможность рассмотреть грамматические явления островных диалектов, находящихся в условиях интенсивного контактирования с близкородственной языковой системой в течение более 300 лет, как составную часть говоров позднего заселения на территории России.

Список населенных пунктов Воронежской области, в которых функционируют украинские говоры

- Александровка — село Александровка Павловского района
Алферовка — село Алферовка Новохоперского района
Ближняя Полубянка — село Ближняя Полубянка Острогожского района
Бондарево — село Бондарево Кантемировского района
Бычок — село Бычок Петропавловского района
Варварино — поселок Варварино Новохоперского района
Великоархангельское — село Великоархангельское Бутурлиновского района
Витебск — хутор Витебск Подгоренского района
Власовка — село Власовка Грибановского района
Воронцовка — село Воронцовка Павловского района
Гринев — хутор Гринев Калачеевского района
Дракино — хутор Дракино Репьевского района
Дроздово — хутор Дроздово Ольховатского района
Екатериновка — село Екатериновка Лискинского района
Колыбелка — село Колыбелка Лискинского района
Красноселовка — село Красноселовка Петропавловского района
Кувшин — хутор Кувшин Подгоренского района
Лизиновка — село Лизиновка Россошанского района
Ломы — село Ломы Воробьевского района
Макашевка — село Макашевка Борисоглебского городского округа
Марки — село Марки Каменского района
Морозовка — село Морозовка Россошанского района
Новобелая — село Новобелая Кантемировского района
Переволочное — село Переволочное Калачеевского района
Писаревка — село Писаревка Кантемировского района
Плесновка — село Плесновка Богучарского района

Подгорное — село Подгорное Россошанского района
Подколodновка — село Подколodновка Богучарского района
Поповка — село Поповка Россошанского района
Реп. — Репьевский район
Россошь — город Россошь Россошанского района
Самойленко — хутор Самойленко Подгоренского района
Старая Криуша — село Старая Криуша Петропавловского района
Старомеловая — село Старомеловая (Старомеловая — до 2014 г.; сей-
час — село Старая Меловая) Петропавловского района
Старотолучеево — село Старотолучеево Богучарского района
Шрамовка — село Шрамовка Россошанского района

Список населенных пунктов Воронежской области, в которых функционируют южнорусские говоры

Васильевка 2-я — поселок Васильевка 2-я Верхнехавского района
Костино-Отделец — село Костино-Отделец Терновского района
Панино — поселок Панино Панинского района
Переездной — хутор Переездной Павловского района
Старый Курлак — село Старый Курлак Аннинского района
Таловая — поселок Таловая Таловского района

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00415 «Сводная русская диалектная лексикография: проблемы и перспективы».

Литература

Аванесов Р. И., Орлова В. Г. (ред.) (1965) *Русская диалектология*. М.: Наука.

Авдеева М., Давыдова Е. (2006) Украинские говоры Воронежской области в АУМ и вне его. *Діалектологічні студії. 6: Лінгвістичний атлас — від створення до інтерпретації*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ: 97–103.

Бевзенко С. П. (1953) *Нариси з історичної граматики української мови. Морфологія*. Київ: Видавництво Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка.

Дурново Н. Н. (1969) *Введение в историю русского языка*. М.: Наука.

Колесов В. В. (ред.) (1990) *Русская диалектология*. М.: Высшая школа.

Котков С. И. (1963) *Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология)*. М.: АН СССР.

Матвіяс І. Г. (1974) *Іменник в українській мові*. Київ: Радянська школа.

Мещерский Н. А. (ред.) (1972) *Русская диалектология*. М.: Высшая школа.

Пожарицкая С. К. (2000) Флексии творительного падежа множественного числа существительных. *Восточнославянские изоглоссы*, 3: 79–93.

Соболевский А. И. (1907) *Лекции по истории русского языка*. М.: Унив. тип.

Сьянова Е. И. (2020) Имена существительные среднего рода древней -t- основы типа тэля и особенности их склонения в украинских говорах Воронежской области. *Gwary Dziś*, 12: 125–139.

Хабургаев Г. А. (1956) *Формы склонения имен существительных в курских памятниках деловой письменности первой половины XVII века*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.

Сокращения источников

Авдеева 2008 — Авдеева М. Т. *Словарь украинских говоров Воронежской области*: в 2 т. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. Т. 1: А–М.

Авдеева 2012 — Авдеева М. Т. *Словарь украинских говоров Воронежской области*: в 2 т. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. Т. 2: Н–Я.

АУМ — *Атлас української мови*: в 3 т. Київ: Наук. думка, 2001. Т. 3. Ч. 1: «Слобожанщина, Донеччина і суміжні землі».

Гринченко — *Словарь української мови*: в 4 т. За ред. Б. Грінченка. К., 1907–1909.

Кошарная — Кошарная С. А. *Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь*. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017.

СВГ — *Словарь воронежских говоров*. Вып. 3. Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2019.

Снесарев — Снѣсаревъ І. *Обыкновенія малороссіянь Бирюченскаго уѣзда, смѣжнаго съ Валуйскимъ*. Архив РГО. Разрядъ ІХ. Опись № 5.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

СУМ — *Словник української мови*: в 11 т. Київ: Наук. думка, 1970–1980.

Elena Syanova

FOURTH DECLENSION NOUNS IN UKRAINIAN DIALECTS OF THE VORONEZH REGION

Citation: Syanova E. (2020) Imena sushchestvitel'nyye chetvertogo sklone-niya v ukrainskikh gorakh Voronezhskoy oblasti [Fourth declension nouns in Ukrainian dialects of the Voronezh region]. *Severnoruskiye govory* [North-ern Russian dialects], 19: 99–123. (in Russian)

About the author. Syanova Elena. Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia. <syanovaiei@mail.ru>

Abstract. The article deals with the functioning of nouns of the 4th declension in modern Ukrainian dialects of the Voronezh region. The paper describes the features of declination of this group of substantives, which are due to a number of both linguistic and extralinguistic factors. The degree of preservation of case formants under conditions of contact influence of the Russian literary language and related South Russian dialects is determined. The island Ukrainian dialects are given in comparison with the Ukrainian dialect landscape. Isolation from the main body of the Ukrainian dialect was the reason for the preservation of case forms of nouns of the 4th declension in the Ukrainian dialects of the Voronezh region. At the same time, there is a process of unification of this type of substantive declension in the studied dialects. Nouns take forms similar to those of other declensions, which is due, in particular, to the influence of the dominant language system of the Russian language.

Keywords: Ukrainian dialects of the Voronezh region, linguistic contact, 4th type of declension, case formants.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-012-00415.

References

Avanesov R. I., Orlova V. G. (eds.) (1965) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Avdeeva M., Davydova E. (2006) *Ukrainskiye govory Voronezhskoy oblasti v AUM i vne ego* [Ukrainian dialects of the Voronezh region in

the AUM and beyond]. *Dialektologichnyy studii. 6: Lingvistichnyy atlas — vid stvorenniya do interpretatsii* [Studies in dialectology. 6: Linguistic atlas — from creation to interpretation]. L'viv: Institut ukraynoznavstva im. I. Krypyakevicha NANU: 97–103. (in Russian)

Avdeeva M. T. (2008–2012) *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti* [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region]. In 2 vol. Voronezh: IPC VGU.

Bevzenko S. P. (1953) *Narysy z istorichnoi' gramatyky ukrai'ns'koi' movy. Morfologiya* [Essays on the historical grammar of the Ukrainian language. Morphology]. Kiiv: Vydavnytstvo Kyi'vs'kogo derzhavnogo universytetu im. T. G. Shevchenka. (in Ukrainian)

Durnovo N. N. (1969) *Vvedeniye v istoriyu russkogo yazyka* [Introduction into the history of the Russian language]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Khaburgayev G. A. (1956) *Formy skloneniya imen sushchestvitel'nykh v kurskikh pamyatnikakh delovoy pis'mennosti pervoy poloviny XVII veka* [Noun declension forms in Kursk business documents of the first half of 17th century]: Abstract diss. ... Cand. philol. sciences. Moscow. (in Russian)

Kolesov V. V. (ed.) (1990) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russian)

Kosharnaya S. A. (2017) *Opyt oblastnogo slovarya Belgorodchiny. Diferentsial'no-sopostavitel'nyy slovar'* [An experience in preparing Belgorod regional dictionary. Differential and comparative dictionary]. Belgorod: OOO "Epi-tsentr". (in Russian)

Kotkov S. I. (1963) *Yuzhnovelikorussloye narechie v XVII stoletii (fonetika i morfologiya)* [South Great Russian dialect in the 17th century (phonetics and morphology)]. Moscow: AN SSSR. (in Russian)

Kovalev G. F. (ed.) (2019) *Slovar' voronezhskikh govorov* [Dictionary of Voronezh dialects]. Vol. 3. Voronezh: Voronezh. gos. universitet. (in Russian)

Matviyas I. G. (1974) *Imennyk v ukrai'ns'kyy movi* [Noun in the Ukrainian language]. Kiiv: Radyans'ka shkola. (in Ukrainian)

Meshcherskiy N. A. (ed.) (1972) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russian)

Pozharitskaya S. K. (2000) *Fleksii tvoritel'nogo padezha mnozhestvenno-go chisla sushchestvitel'nykh* [Noun flexions of instrumental case plural]. *Vostochnoslavianskiye izoglossy* [East Slavic isoglosses], 3: 79–93. (in Russian)

Syanova E. I. (2020) Imena sushchestvitel'nyye srednego roda drevney -t- osnovy tipa telya i osobennosti ikh skloneniya v ukrainskikh govorakh Voronezhskoy oblasti [Neuter gender nouns of ancient -t- stem (like 'telya') and features of their declension in Ukrainian dialects of the Voronezh region]. *Gwary Dziś*, 12: 125–139. (in Russian)

Т. В. Шалаева

К ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ (*пруса́к* ‘заяц-русак, *Lepus europaeus*, *птичка-зверобой*)

Цитирование: Шалаева Т. В. (2020) К этимологизации русской диалектной лексики (*пруса́к* ‘заяц-русак, *Lepus europaeus*, *птичка-зверобой*). *Севернорусские говоры*, 19: 124–139.

Сведения об авторе. Шалаева Татьяна Владимировна. Институт славяноведения РАН. Москва, Россия. <koulkuk@gmail.com>

Аннотация. В статье рассматривается этимология двух русских диалектных лексем: *пруса́к* ‘заяц-русак, *Lepus europaeus*, ‘заяц, *Lepus*’ и *птичка-зверобой*, употребленная в загадке: *Птичка-зверобой Свила гнездо над водой* (водяная мельница). Для первой из них отвергается производность от корня *прус-* ‘пруссский’ и высказывается версия о появлении *пруса́к* ‘заяц-русак’ из *руса́к* ‘то же’ в результате паронимической аттракции *рус-* и *прус-*, которая характерна для многих славянских и неславянских языков. В частности, в русских говорах данное явление отразилось в слове *пруса́лка* ‘русалка’. Также в подтверждение низкой вероятности прямой связи *пруса́к* ‘заяц-русак’ с корнем *прус-* служат многочисленные случаи ксеномотивации в названиях животных, в число которых не входит наименование зайца. Вторая часть конструкции *птичка-зверобой* трактуется как дериват глагола *свербе́ть* ‘крутиться, беспокожно двигаться’, ‘зудеть, чесаться, колотиться’ (праслав. *svьrběti), имеющий изначальную форму *свербе́й* (праслав. *svьrbьjь), которая затем была преобразована в *свербо́й/ свербе́й* (второе полногласие) / *свербо́й* (межслоговая ассимиляция) и далее — в *зверьбо́й / зверебо́й / зверобой* в результате озвончения начального согласного. С семантической точки зрения, предложенная версия подтверждается, с одной стороны, многочисленными названиями подвижных существ, образованными от корня *сверб-*, а с другой — орнитонимами, мотивированными глаголами вращательного движения. Отнесение второго элемента лексемы *птичка-зверобой* к дериватам *сверб-*, помимо прочего, доказывает принадлежность к тому же гнезду фитонима *зверобой* ‘цветковое растение *Hutericum perforatum*, семейства зверобойных’, который также, вполне вероятно, родственен *свербе́ть* ‘зудеть, чесаться, колотиться’ аналогично его синонимам в русском языке (ср. *свероба́, сверьба́, своробо́й*). Семасеологическим доказательством здесь служат наименования зверобоя

в славянских языках, производные от глаголов со значением ‘колоть, прокалывать, бить’.

Ключевые слова: славянская этимология, диалектология, паронимическая аттракция, семантика, фитонимы, названия животных.

Прусáк ‘заяц-русак’

Русская диалектная лексема *прусáк* ‘заяц-русак, *Lepus europaeus*, ‘заяц, *Lepus*’ имеет широкое распространение, но, как показывают источники, основной ее ареал принадлежит севернорусскому наречию. А именно, она фиксируется на территории Удмуртии [КЛАРНГ: пп. 155–156, 205–207], в Пермском крае [КЛАРНГ: п. 159] и в Кировской области (*Прусаков-то тут хватит: у них зад-от серый*) [ОСВГ 9: 70]. Кроме того, точечно *прусáк* отмечается в тверских [КЛАРНГ: п. 327], воронежских [КЛАРНГ: п. 884], самарских [КЛАРНГ: п. 685] и краснодарских говорах [КЛАРНГ: п. 1035]. Также данная лексема в значении ‘заяц-русак’ представлена в Томской области (*Есть заяц беляк и прусак. Обыкновенно заяц зимой белый делается, а летом серый. А прусак — перёд белый, а зад и зимой серый*) [СРНГ 33: 66; Сл. Сибири 4: 56]. В «Словаре смоленских говоров» семантика слова определяется как ‘кролик’ [ССГ 9: 67]. Но известно, что в диалектах названия зайца и кролика часто смешиваются. Если опираться на сведения словарей (см. приведенные контексты), то *прусáк*, скорее, обозначает зайца-русака, чем просто зайца.

Если рассматривать структуру слова, то, на первый взгляд, оно представляет собой дериват корня *прус-* ‘пруссский’ с суффиксом *-ак-* и, следовательно, значение ‘заяц-русак’ появилось на основе ‘житель Пруссии’. Известно, что названия животных, насекомых, пресмыкающихся и птиц могут быть мотивированы ксенонимами (названиями инородцев), но, согласно языковым данным, обозначения зайцев к этой категории не относятся. Так, в число представителей фауны, имеющих названия, которые изначально являются ксенонимами, входят насекомые (тараканы, мухи, оводы, вши, клопы), птицы (например, воробей и угод),

мальки рыб, головастики и крысы [Березович 2007: 426–433; ОЛА 1: 50–51]. То есть это живые существа, названные по их повадкам (например, навязчивость, вредоносность, массовость появления для насекомых, воробьев, крыс), по необычному внешнему виду и издаваемым звукам (например, угод) или по низкой промысловой ценности (например, мальки рыб и головастики). Обычно в этих лексемах используются корни *жид-*, *еврей-*, *цыган-*, *татар-*, *нем-*, *швед-*, *прус-*, *шваб-* и т. д. [Там же].

Как можно видеть, названий зайца в данном перечне нет. Видимо, это объясняется тем, что он представляет собой сравнительно крупное животное, имеет привычный для жителя Европейской России внешний облик, не передвигается стаями, является ценным источником мяса и меха, а, если и наносит вред хозяйству и здоровью человека, то его нельзя сравнить по масштабу с ущербом от, скажем, тараканов, вшей или крыс.

Поэтому, кажется, есть основания рассматривать этимологию лексем *пруса́к* ‘заяц’, ‘заяц-русак’ с другой стороны и не связывать ее напрямую с корнем *прус-* ‘пруссский’. А именно Е. Л. Березович пишет об аттракции в русском языке омонимичных корней *рус-*: ср. *рус-* ‘русский’ (из др.-исланд. *Róðsmenn* ‘гребцы, мореходы’ [Фасмер 3: 522]) и *рус-* ‘светло-коричневый’ (из праслав. *rudь [Там же: 521]): например, карел. *ру́сский* ‘русый, светлый’ (*У нее ру́сский цвет волос, белой*) [Березович 2014: 118, 125, 127]. Сюда можно добавить конструкцию *ру́сский заяц* ‘заяц-русак’ (свердл.) (*Есть два зайца: русский заяц — небольшой, а беляк — поболье*) [СРГСУД: 490].

Кроме того, оба корня *рус-* сближаются с элементом *рус-* в слове *русáлка* ‘мифическое существо в образе женщины с рыбьим хвостом’ (из лат. *rosalia* ‘троица; праздник роз’ [Фасмер 3: 520]): ср. волог. *русáлка* ‘зайчиха с шерстью серой масти’ [СВГ 9: 72], ‘зайчиха’ [КЛАРНГ: п. 80, волог.], орл. *русáлка* ‘женщина русской национальности’ [СОГ 12: 215], калин. *русáловка* ‘низший сорт пшеничной муки’ при *русáк* ‘русская пшеница, безостная пшеница’ (симб., ставроп., р. Урал), ‘сорт пшеничной муки’ (р. Урал) [СРНГ 35: 267]. Важно отметить, что, по всей видимости, перед

нами именно результаты аттракции корней *рус-* и *русал-*, а не самостоятельные производные от *рус-* с суффиксом *-ал-*, поскольку основа *русал-* в абсолютном большинстве случаев, кроме приведенных лексем, встречается в слове *русáлка* ‘мифический персонаж’ и его дериватах.

Также имеются случаи обратного влияния, когда лексемы с этимологическим корнем *русал-* принимают форму, свойственную дериватам корня *рус-*: ср. русск. диал. ряз. *руса* ‘большая соломенная кукла, используемая в ритуальном обряде во время масленицы’, *русу провожать* ‘обряд выноса и сжигания соломенной куклы’ [СРНГ 35: 267] при русск. диал. тамб., ряз. *русáлку, русáлок провожать* ‘весеннее народное гуляние, связанное с языческим праздником в честь умерших (русалиями), который сопровождается переодеванием женщин в русалок, выносом чучела, изображающего русалку или сказочное чудовище, хождением женщин во ржи, песнями, плясками и т. д.’ [Там же], *русáлка* ‘обрядовая маска, фигура, которую во время весеннего народного гуляния образуют несколько человек, накрывшись белым парусом, изображая лошадь, причем передний держит перед собой лошадиный череп’ (астрах.), ‘огородное пугало’ (ряз.) [Там же: 267–268].

Далее корень *рус-* ‘русский’ в различных языках регулярно сближается с корнем *прус-* ‘пруссский’: ср. румын. *rus* ‘рыжий таракан’ и *prus* ‘то же’, карел. *russakka* ‘черный таракан’ и *prussakka* ‘рыжий таракан’, итал. *russiano* ‘россиянин’ — слово, образованное по образцу *prussiano* ‘пруссский’ при стандартном *russo*. Отмечаются случаи параллельного употребления форм *Rus* и *Prus* в сербских текстах [Березович 2014: 135].

Учитывая приведенные факты, кажется закономерным появление в русских говорах лексем *прусáлка* ‘русалка’ (казан.) [СРНГ 33: 66], *парусáлка* ‘нечистая сила, живущая в бане’ (*Парусалка напугала нас, тако чудище выскочило, волосы длинные, распущены, выскочило, стало на ракушки и оп, оп!*) [НОС: 791], которые, по видимому, представляют собой следствие аттракции *русал-* и *рус-* ‘русский’, а затем — *рус-* и *прус-*. Возможно, сходным образом можно объяснить происхождение *прусáк* ‘заяц-русак’, т. е. тракто-

вать его как результат преобразования деривата корня *рус-*. Вероятно, *русáк* ‘русый заяц’ было сближено с *русáк* ‘русский человек’, откуда возникла форма *прусáк* аналогично румын. *rus* ‘рыжий таракан’ — *prus* ‘то же’, карел. *russakka* ‘черный таракан’ — *prussakka* ‘рыжий таракан’. Кажется показательным, что форма *прусáк* известна только как название зайца-русака и зайца (кролика), но не представлена в значении ‘заяц-беляк’. Этот факт также может быть свидетельством появления данного слова в результате преобразования *русáк*. Переход видового названия (‘заяц-русак’, ‘заяц-беляк’) в родовое (‘заяц’) является регулярным.

Не исключено, что из-за аттракции *рус-* и *прус-* могло иметь место и противоположное изменение формы *прусáк* в *русáк*: ср. русск. диал. *русáк* ‘черный таракан’ (волог.), ‘рыжий таракан, прусак’ (калин.), ‘маленький таракан’ (калин.) [СРНГ 35: 267] при литер. *прусáк* ‘рыжий таракан’. Е. Л. Березович отмечает, что *русáк* ‘таракан’ мог появиться из *прусак* «в результате народно-этимологического или игрового притяжения» [Березович 2007: 458], и приводит аналогичную пару: русск. диал. волог. *прусский таракан* ‘рыжий таракан’ — арх., волог. *русский таракан* ‘то же’ [Там же; Березович 2014: 135].

В независимости от этимологии *русáк* ‘таракан’, данную русскую лексему стоит отделять от других славянских названий таракана с корнем *рус-*, вопреки мнению Е. Л. Березович [Березович 2007: 426–427]: ср. чеш. *rus*, польск. диал. *rus*, словен. *rús* и, видимо, серб. *рус*. Поскольку в этих языках они являются заимствованиями из нем. *Russe* ‘таракан’ и не имеют мотивации на славянской почве [Machek: 525; Snoj: 657; Ананьева 2018: 20; Sł. gw. śl.: 249].

Птичка-зверобой

Лексема *зверобой* ‘цветковое растение *Hypericum perforatum*, семейства зверобойных’ (русск. *зверобой*, укр. *звіробій*, блр. *зверабой*) долгое время считалась «темной». Все исследователи единодушно утверждали ее народноэтимологическое происхождение, но проблематичной оставалась исходная форма. Согласно

одной гипотезе, она имела структуру, аналогичную другим названиям зверобоя в украинском и белорусском языках (*diróbii*, Р. п. *боя*, *дзіробой* соответственно) и внутреннюю форму «имеющий дыры, дырявый», как и латинское название *Hypericum perforatum* от глагола *perforo* ‘пробивать, прокалывать’ [Преображенский: 245–246; Фасмер 2: 87; ЕСУМ 2: 251]. По другой версии, укр. *diróbii* и блр. *дзіробой* являются результатами народноэтимологического преобразования субстантивированного прилагательного **diravъjъ* ‘дырявый, продырявленный’, образованного от существительного **dira* при помощи суффикса *-av-*, аналогично русск. *дырявый* и польск. *dziurawy* (откуда польск. *dziurawiec* ‘зверобой’ и русск. диал. *дырявник*, *дырявчик* ‘то же’). Затем корни *дир-* / *дыр-* были преобразованы в *звер-*: ср. русск. диал. *зверовой* ‘зверобой’. Это изменение было мотивировано «характерной для *звер-* семантикой крепости и силы, поскольку растение широко применяется как действенное средство от различных болезней» [Варбот 2018: 134].

Обе представленные этимологии нельзя признать окончательно достоверными с точки зрения структуры, а именно остаются непонятными причины и способ перехода начальных звуков [д'] и [дз'] в [зв]. В связи с этим, было предложено новое решение, согласно которому *зверобой* представляет собой результат народноэтимологического изменения фитонима *свербей* (праслав. **svьrbьjъ*) — деривата глагола *свербѣть* ‘зудеть, чесаться, колоться’ (праслав. **svьrbѣti*). Данная гипотеза находит подтверждение и в фонетическом, и в семантическом отношении. Так, в русском языке имеются примеры неэтимологического преобразования конечного элемента *-бей* в *-бой* в результате его интерпретации как варианта корня *бить*, *бой*: русск. диал. пск. *жеребой* ‘зверобой’, *жеребой* ‘то же’ из *жеребей* ‘то же’ (праслав. **žerbьjъ*); русск. диал. *воробойка* ‘воробей’ при литер. *воробей* (праслав. **vorbьjъ*).¹ Мена *св* в *зв* в начале слова также регулярно фиксируется в рус-

---

¹К данному перечню можно добавить белгород. *воробойшка* ‘воробышек’ [Дьяченко, Крылов, Малышева, Тер-Аванесова 2019: 85].

ских говорах: ср. *зверкáть* ‘сверкать’, *зверкану́ть* ‘сверкнуть’; *звина́ри* ‘грибы свинухи’ при *свина́рь*, *свина́ри* ‘то же’. Что касается семантики, то в данном случае она объясняется горьким вкусом лекарственного отвара, который изготавливают из зверобоя, ведь дериваты корня *сверб-* регулярно называют горькие или колючие растения [Шалаева 2018: 473–475].

Предложенная новая этимология *зверобой* позволяет объяснить употребление данного слова в загадке: *Птичка-зверобой Свила гнездо над водой* (водяная мельница) (Садовников, Загадки) [СРНГ 11: 216]. Если верно предположение о первичности для *зверобой* формы *свербей* (праслав. *svьrbьjь), образованной от *свербеть* (праслав. *svьrběti), то все они восходят к индоевропейскому корню *(s)*wer-b(h)*- ‘вертеть, вращать’ [Pokorny: 1050–1051, 1053; Derksen: 477–478]. Семантика движения свойственна его продолжениям и в русском языке: ср. *свербеть* ‘сидя, беспокойно двигаться, ворочаться; ерзать’ (арх., заурал.), ‘быстро двигаться’ (арх.), ‘спешить, торопиться’ (ленингр., яросл.) [СРНГ 36: 234]. Отсюда — дериваты: яросл., костром. *свербёга* ‘суетливый, непоседливый человек’ [Там же], *свербень* (удар.?) ‘то же’ [Там же], яросл. *свербёха* ‘то же’ [Там же: 235], арх. *свербёц* ‘то же’ [Там же]. Кроме того, производными глаголов со значением быстрого суетливого движения часто становятся названия мелких подвижных существ: например, яросл., волог. *свербёга* ‘небольшая рыбка, малек’ [СРНГ 36: 234], костром., яросл. *свербёха* ‘то же’ [Там же: 235]. По-видимому, конструкцию *птичка-зверобой* (изначально *свербей*) можно толковать в том же ключе, как наименование маленькой юркой птички [Шалаева 2018: 477–478].

Диалектный материал позволяет уточнить и дополнительно аргументировать предложенную этимологию. Во-первых, кажется, можно предложить другую, более обоснованную первичную мотивацию для исходного *свербей ‘зверобой’: в славянских языках данное растение называется дериватами корней с исходным значением ‘колоть, прокалывать, бить’, поскольку листья зверобоя имеют мелкие пятнышки, которые выглядят как отверстия: ср. русск. диал. Киров., ворон. *дыр'явник*, курск. *дыр'явчик*,

моск. дыря́вый зверобо́й, пск. дырявлі́выи зверобо́й [ЛАРНГ 1: 491–493], болг. порязаното биле, посяково билье, посечена трева, с.-хорв. прострелник, прострельено зелье, чешск. *prostřelenec*, польск. *dziurawiec* [Колосова 2009: 155–156]. Следовательно, глагол *свербѣть* ‘зудеть, чесаться, колотиться’ также вполне может быть производящим и для *свербѣй ‘зверобой’, внутреннюю форму которого допустимо сформулировать как «растение с проколотыми, дырявыми листьями». Предлагаемая версия не противоречит возможному калькированию данных фитонимов с латинского *Hypericum perforatum* ‘зверобой продырявленный’.

Во-вторых, имеются основания для конкретизации причин и способов появления многочисленных фонетических вариантов названий зверобоя в русских говорах: ср. нижегор. *свербѣй*, орл. *сверѣбѣй*, волог., пск., нижегор., твер., марийск., калуж., влад., орл., тул., тамб., рост. *сверобо́й*, удмурт., башкир., курск., волгогр. *зверьбѣй*, карел., коми, яросл., курск., волгогр., рост. *зверѣбѣй* и повсеместное *зверобо́й* [ЛАРНГ 1: 491–493]. Как указывалось выше, исходной для них, судя по всему, была форма *свербѣй*, преобразованная в *свербѣй*. Вариант *сверѣбѣй*, по-видимому, отражает второе полногласие в деривате праславянского корня **svьrb-*, как и другие его продолжения в русских говорах: ср. пск., твер. *сверѣбить* ‘беспокоить кого-либо, докучать кому-либо’ [СРНГ 36: 237], пск., твер. *сверѣбится* ‘сердиться’ [Там же]. Форма *сверобо́й*, вероятно, является результатом межслогового ассимиляции в *сверѣбѣй*: гласный [e] после [r] уподобился ударному [o]. Аналогичное изменение наблюдается в русск. диал. *сверобá* ‘зверобой’ [Сл. Мордовии 2: 1120], образованном, по-видимому, от незафиксированного *сверѣбá при исходном *сверьбá* ‘то же’ [Там же]. Также обращает на себя внимание лексема *жеробá* ‘зверобой’ [Сл. Мордовии 1: 234], которая, как представляется, указывает на первичную форму *жерѣбá, поскольку имеются ее приведенные выше синонимы *жерѣбѣй*, *жерѣбѣй*, *жерѣбѣй* — закономерные континуанты праславянского корня **žerb-*.

Также не исключено, что появлению лексем *сверобо́й*, *сверобá* из *сверѣбѣй*, *сверѣба способствовало влияние дериватов пра-

славянского корня **svorb-*, апофонического варианта **svьrb-*: ср. русск. диал. пск. *своробой* ‘зверобой’ [КПОС], *свóроб* ‘кожное заболевание, чесотка’ (арх., волог., костром., новг., вят., перм., свердл., ср.-урал., тобол., алт., забайкал.), ‘кожный зуд’ (тобол., перм., вят., костром., беломор.), ‘сыпь на коже (обычно у детей)’ (волог., перм., челяб.) и т. п. [СРНГ 36: 325–326], *свóробá* ‘то же’ (влад., забайкал.) [Там же: 326], *своробáтый* ‘больной чесоткой, чесоточный’ (новг.), ‘покрытый коростой, болячками (о человеке)’ (волог.), ‘шероховатый’ (твер.) [Там же].

Формы *зверьбóй*, *зверебóй*, *зверобóй* образовались, очевидно, из *свербóй*, *сверебóй*, *сверобóй* соответственно в результате озвончения начального [с] (см. выше).

В-третьих, имеются дополнительные основания для связи фонтонима *зверобой* и упомянутой в загадке конструкции *птичка-зверобой* и, далее, для возведения их праславянскому корню **svьrb-* (и.-е. *(s)*uer-b(h)-* ‘вертеть, вращать’). А именно здесь можно привести семантические параллели в виде славянских названий птиц, мотивированных глаголами вращательного движения. Например, это праславянская лексема *vorьbьjь / *svorьbьjь / *verbьjь ‘птица воробей, Passer’, восходящая к тому же индоевропейскому корню [Журавлев 1980: 52–53, 56–58]. Также показательны следующие орнитонимы, производные от *вить*, *вью*: русск. диал. *вьюрóк* ‘птица горный воробей’, ‘куличок’, ‘всякая мелкая птичка, попадающая осенью в силки’, *вьюн* ‘птица жаворонок хохлатый’, *вью́ха*, *вью́ша* ‘птица чайка’, ‘птица чибиc’ [Там же: 54]. Кроме того, вероятно, к той же мотивационной модели ‘вертеться, крутиться’ → ‘маленькая птичка’ допустимо отнести русскую диалектную лексему *га́йка* ‘птица семейства синиц’, ‘птица королек’ [Там же: 55], очевидно, образованную от глагола *га́ять* ‘перемешивать, приводить в беспорядок’, ‘путать’, ‘мять, комкать, сбивать’ [ПОС 6: 146; НОС: 159], *га́ить* ‘растрепывать, трепать’ (новг.), ‘перемешивать, спутывать’ (пск.) [СРНГ 6: 94–95], т. е. ‘совершать хаотичные круговые движения’. Хотя некоторые исследователи относят ее к звукоподражательному омонимичному глаголу *га́ить* ‘кричать, шуметь’ (тамб., курск., новг., перм., во-

рон.), 'перекликаться издали; аукаться в лесу' (тамб., курск., новг., перм.), 'плакать' (свердл.) [Там же: 94; ЭССЯ 6: 87].

Представляется, что *свербѣй* и далее *зверобой* как обозначение птицы, производное от *свербѣть* 'беспокойно двигаться, вертеться', вполне вписывается в представленную семантическую группу. Также, помимо описанных парадигматических отношений, данные лексемы связывает с орнитонимами употребление в загадке: известно большое количество текстов этого жанра, где птицы сравниваются с вращающимися механизмами, например, с мотовилом — приспособлением для сматывания пряжи, нитей и др. [Журавлев 1980: 55]. А приведенная выше загадка с упоминанием *птички-зверобой* описывает водяную мельницу, главным элементом которой служит колесо, т. е. вращательный элемент.

Таким образом, с одной стороны, констатация родства фитонима *зверобой* с гнездом *сверб-* проясняет причины использования этого наименования в качестве названия птицы, а с другой — *птичка-зверобой* дает дополнительные основания для этимологизации лексемы *зверобой* как результата преобразования исходного *свербѣй*.

Литература

Ананьева Н. Е. (2018) Общее и различное в методологии описания польских островных диалектов Сибири и польских «кресовых» говоров. *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*. Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН: 14–23.

Березович Е. Л. (2007) О явлении лексической ксеномотивации. *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*. М.: Индик: 404–467.

Березович Е. Л. (2014) «Русский» в русских народных говорах. *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция*. М.: Университет Дмитрия Пожарского: 110–135.

Варбот Ж. Ж. (2018) Вариантность диалектной лексики и этимология. *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*. Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН: 130–134.

Дьяченко С. В., Крылов С. А., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. (2019) Материалы по распределению двух фонем «типа о» в южнорусском говоре села Роговатое. *Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева*. Отв. ред. А. Ф. Журавлев. М.: Институт славяноведения РАН: 34–150.

Журавлев А. Ф. (1980) К этимологии слав. *vorb- ‘птица Passer, воробей’. *Этимология*. 1978. Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука: 52–58.

Колосова В. Б. (2009) *Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект*. М.: Индрик.

Шалаева Т. В. (2018) Русская фитонимия и народная этимология (на материале «Лексического атласа русских народных говоров»). *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018*. Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН: 467–486.

Сокращения источников

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови*. Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ: Наукова думка, 1982–2012.

КЛАРНГ — Картотека «Лексического атласа русских народных говоров». Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». Санкт-Петербургский государственный университет, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина, г. Санкт-Петербург.

ЛАРНГ 1 — *Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир*. Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.

НОС — *Новгородский областной словарь*. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Издание подготовили С. А. Мызников, А. Н. Левичкин. СПб.: Наука, 2010.

ОЛА 1 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир*. Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1988.

ОСВГ — *Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии*. Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–12. Киров, 1996–2018.

- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–27. Л., СПб., 1967–2017 (издание продолжается).
- Преображенский — Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1910–1914.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Ред. Т. Г. Паникаровская (вып. 1–7), Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (вып. 8–12). Вып. 1–12. Вологда, 1982–2007.
- Сл. Мордовии — *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии*. Сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. Ч. 1, 2. СПб.: ИЛИ РАН, 2013.
- Сл. Сибири — *Словарь русских говоров Сибири*. Под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск: Наука, 1999–2006.
- СОГ — *Словарь орловских говоров*. Под ред. Т. В. Бахваловой. Т. 1–17. Ярославль, Орел, 1989–2016.
- СРГСУД — *Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения*. Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- ССГ — *Словарь смоленских говоров*. Вып. 1–11. Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Астрель-АСТ, 2003.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)*. Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41). М.: Наука, 1974–2018 (издание продолжается).
- Derksen — Derksen R. *Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon*. Leiden—Boston: Brill, 2008.
- Machek — Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Akademia, 1971.
- Pokorny — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern—München, 1959.
- Śł. gw. śl. — Podgórcy B. i A. *Słownik gwar śląskich*. Katowice: Wydawnictwo KOS, 2008.
- Snoj — Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Tretja izdaja. Ljubljana, 2016.

ON THE ETYMOLOGIZATION OF THE RUSSIAN DIALECT
VOCABULARY (*PRUSAK* ‘EUROPEAN HARE, *LEPUS*
EUROPAEUS’, *PTICHKA-ZVEROBOY*)

Citation: Shalaeva T. (2020) K etimologizatsii russkoy dialektnoy leksiki (*prusak* ‘zayats-rusak, *Lepus europaeus*’, *ptichka-zveroboy*) [On the etymologization of the Russian dialect vocabulary (*prusak* ‘european hare, *lepus europaeus*’, *ptichka-zveroboy*)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 124–139. (in Russian)

About the author. Shalaeva Tatiana. Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. <koullkuk@gmail.com>

Abstract. The paper discusses the etymology of two Russian dialect words: *пруса́к* [prusak] ‘European hare, *Lepus europaeus*’, ‘hare, *Lepus*’ and *птичка-зверобой* [ptichka-zveroboy] which is used in the riddle: *Птичка-зверобой Свила гнездо над водой* [Ptichka-zveroboy Svila gnezdo nad vodoy] (watermill). For the first of them the direct derivation from the root *прус-* [prus-] ‘Prussian’ is rejected. It is presumed that *пруса́к* [prusak] ‘European hare, *Lepus europaeus*’ comes from *русáк* [rusak] ‘id’ as a result of paronymic attraction *рус-* [rus-] and *прус-* [prus-] which is typical for many Slavic and non-Slavic languages, cf. Rus. dial. *пруса́лка* [prusalka] ‘mermaid’ from *русáлка* [rusalka] ‘id’. Also the low probability of the direct derivation of *пруса́к* [prusak] ‘European hare’ from *прус-* [prus-] ‘Prussian’ is proved by numerous examples of xenomotivation in animal names which do not include names for hare. The second part of the construction *птичка-зверобой* [ptichka-zveroboy] is treated as a derivative of the verb *свербе́ть* [sverbet’] ‘rotate, move anxiously’, ‘itch, prick’ (Proto-Slav. *svьrběti) whose initial form was *свербе́и* [sverbey] (Proto-Slav. *svьrbьje) which lately was changed to *свербо́и* [sverboy] / *сверебо́и* [svereboy] (the second pleophony) / *сверобо́и* [sveroboy] (intersyllabic assimilation) and further — to *зверьбо́и* [zver’boy] / *зверебо́и* [zvereboy] / *зверобо́и* [zveroboy] as a result of the first consonant voicing. In terms of semantics the etymology is proved, on the one hand, by numerous names for spry creatures derived from the root *сверб-* [sverb-] and, on the other hand, by bird names motivated by the verbs of rotational movement. The idea of the relation between the last element of *птичка-зверобой* [ptichka-zveroboy] and *сверб-* [sverb-] among other things proves that the plant name *зверобо́и* [zveroboy] ‘John’s wort, *Hypericum perforatum*’ belongs to the same word-family. It obviously relates

to the verb *свербѣтъ* [sverbet'] 'itch, prick' like its synonyms in the Russian language (cf. *сверобá* [sverobá], *сверьбá* [sver'ba], *своробóу* [svoroboy]). The Slavic names for John's wort derived from the verbs with the meaning 'prick, puncture' are used as a semasiological argument.

Keywords: Slavic etymology, dialectology, paronymic attraction, semantics, phytonyms, animal names.

References

Ananyeva N. Ye. (2018) *Obscheye i razlichnoye v metodologii opisaniya pol'skikh ostrovnykh dialektov Sibiri i pol'skikh „kresovykh” govorov* [Common and different aspects in the description of the Polish isolated Siberian dialects and of the Polish “kres” dialects]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii 19–20. Slavyanskiye dialekty v sovremennoy yazykovoy situatsii. Dialektnyy slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov* [Studies into the Slavic dialectology 19–20. Slavic dialects in modern language situation. Dialect dictionary as a way of the Slavic dialect research]. Ed. by L. E. Kalnyn'. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN: 14–23. (in Russian)

Avanesov R. I. (ed.) (1988) *Obsch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas. Zhivotnyy mir* [Slavic linguistic atlas. Animal world]. Lexical and word-formation series. Vol. 1. Moscow: Nauka. (in Russian)

Bakhvalova T. V. (ed.) (1989–2016) *Slovar' orlovskikh govorov* [Dictionary of Orel dialects]. Vol. 1–17. Yaroslavl', Orel. (in Russian)

Berezovich Ye. L. (2007) O yavlenii leksicheskoy ksenomotivatsii [On the phenomenon of the xenomotivation]. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskiye issledovaniya* [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik: 404–467. (in Russian)

Berezovich Ye. L. (2014) “Russkiy” v russkikh narodnykh govorakh [“Russian” in the Russian dialects]. *Russkaya leksika na obsch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary on the common Slavic background: semantic and motivation reconstruction]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo: 110–135. (in Russian)

Derksen R. (2008) *Etymological dictionary of Slavic inherited lexicon*. Leiden—Boston: Brill. (in English)

Dolgushev V. G., Smetanina Z. V. (eds.) (1996–2018) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional dictionary of Vyatka dialects]. Vol. 1–12. Kirov. (in Russian)

Dyachenko S. V., Krylov S. A., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. (2019) Materialy po raspredeleniyu dvukh fonem “tipa o” v yuzhnoruskom

govore sela Rogovatoye [Materials on distribution of two “o type” phonemes in the South Russian dialect of Rogovatoye village]. In: *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznanie: Rusistika. Slavistika. Komparativistika: Sbornik k 64-letiyu S. L. Nikolayeva* [Slavic and Balkan linguistics: Russian, Slavic and comparative studies. Volume on S. L. Nikolaev’s 64th anniversary]. Moscow: Institut slavyanovyedyeniya RAN: 34–150. (in Russian)

Fasmer M. (2003) *Etimologicheskij slovar’ russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vol. 1–4. 4th edition, stereotypic. Moscow: Astryl’-AST. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar’ russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51 (the publication continues). (in Russian)

Fyodorov A. I. (ed.) (1999–2006) *Slovar’ russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of the Russian Siberian dialects]. Novosibirsk. (in Russian)

Ivanova A. I., Borisova Ye. N., Boyarinova L. Z. (eds.) (1974–2005) *Slovar’ smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Vol. 1–11. Smolensk. (in Russian)

Klevtsova A. V., Petrova L. Ya. (eds.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar’* [Novgorod regional dictionary]. Edition prepared by S. A. Myznikov, A. N. Levichkin. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Kolosova V. B. (2009) *Leksika i simbolika slavynskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and symbolism of the Russian folk botanics. Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik. (in Russian)

Larin B. A. [et al.] (eds.) (1967–2019) *Pskovskyy oblastnoy slovar’ s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–27. Leningrad, St. Peterburg (the publication continues). (in Russian)

Machek V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological dictionary of the Czech language]. Praha: Akademia. (in Czech)

Matveyev A. K. (ed.) (1996) *Slovar’ russkikh govorov Srednyego Urala: Dopolnyeniya* [Dictionary of the Russian dialects of the Middle Urals: Additions]. Yekaterinburg. (in Russian)

Melnichuk O. S. (ed.) (1982–2012) *Etymologichnyy slovník ukraínskoy movy* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1–6. Kyiv: Naukova dumka. (in Ukrainian)

Mikhalyova T. V., Semenkov R. V., Chikina L. K. (comp.) (2013) *Slovar’ russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of the Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. Parts 1–2. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Panikorovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1982–2007) *Slovar' vologdskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vol. 1–12. Vologda. (in Russian)

Podgórcy B. i A. (2008) *Słownik gwar śląskich* [Dictionary of the Silesian dialects]. Katowice: Wydawnictwo KOS. (in Polish)

Pokorny J. (1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-Germanic etymological dictionary]. Bern—München. (in German)

Preobrazhenskiy A. (1910–1914) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow. (in Russian)

Shalayeva T. V. (2018) Russkaya fitonimiya i narodnaya etimologiya (na materiale “Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov”) [Russian plant names and folk etymology (on the material of “Lexical atlas of the Russian dialects”)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2018* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research)] 2018. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg: ILI RAN: 467–486. (in Russian)

Snoj M. (2016) *Slovenski etimološki slovar* [Slovenian etymological dictionary]. 3rd edition. Ljubljana. (in Slovenian)

Trubachyov O. N., Zhuravlyov A. F., Varbot Zh. Zh. (eds.) (1974–2018) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskii fond)* [Etymological dictionary of the Slavic languages (Proto-Slavic lexical fund)]. Vol. 1–41. Moscow: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Varbot Zh. Zh. (2018) Variantnost' dialektnoy leksiki i etimologiya [Dialect vocabulary variance and etymology]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii 19–20. Slavyanskiye dialekty v sovremennoy yazykovoy situatsii. Dialektnyy slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov* [Studies into the Slavic dialectology 19–20. Slavic dialects in modern language situation. Dialect dictionary as a way of the Slavic dialect research]. Ed. by L. E. Kalnyn'. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN: 130–134. (in Russian)

Vendina T. I. (ed.) (2017) *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. T. 1. Rastitel'nyy mir* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Vol. 1. Plant world]. Moscow; St. Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russian)

Zhuravlyov A. F. (1980) K etimologii slav. **vorb-* ‘ptitsa vorobey, Passer’ [On the etymology of Slav. **vorb-* ‘sparrow, Passer’]. *Etimologiya 1978* [Etymology 1978]. Ed. by O. N. Trubachyov. Moscow: Nauka: 52–58. (in Russian)

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Большакова, З. В. Митченко

МИР ДЕТСТВА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ЮЖНОЙ ПСКОВЩИНЫ (К ВОПРОСУ О НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ)

Цитирование: Большакова Н. В., Митченко З. В. (2020) Мир детства в мифологических рассказах южной Псковщины (к вопросу о народной педагогике). *Севернорусские говоры*, 19: 140–157.

Сведения об авторах. Большакова Наталья Валентиновна, Митченко Зинаида Васильевна. Псковский государственный университет. Псков, Россия. <bolshakova55@yandex.ru>

Аннотация. В статье рассмотрены как общие вопросы темы детства, так и область, обусловленная жанрово-тематическими особенностями источника. Исследование строится на основе неопубликованного собрания мифологических рассказов псковско-белорусской пограничной территории. Тексты содержат отголоски архаических обрядов, в которых выделяются разные виды взаимодействия детей с мифологическими персонажами. Среди различных аспектов темы детства в статье акцентировано внимание на вопросах народной педагогики. Рассмотрены дискурсивные и лексико-семантические формы репрезентации темы «запугивания детей русалками». Авторы приходят к выводу об апотропейном характере данной формы воспитания.

Ключевые слова: южнопсковская историко-культурная зона, субкультура детства, народная педагогика, мифологические рассказы, мифологема «русалка».

Введение

Мир детства — многогранное и емкое понятие. Детство — это не только начало жизненного пути человека, «подготовка к взрослости»: современное общество рассматривает субкультуру детства как феномен, самоценный по своей сути. Однако и в традиционной деревенской культуре ценность детства признается его неотъемлемым свойством, т.к. способствует самосохранению социума. В связи с этим со стороны мира взрослых очевидна сила патернализма — прямого (авторитарность взрослых) и метафизического, основанного на неизменных сущностях бытия и устройства традиционного общества. «В общечеловеческой культуре детская субкультура играет, по всеобщему признанию, хотя и подчиненную, но относительно автономную роль. Об автономии детской субкультуры свидетельствует и тот факт, что взрослые зачастую не замечают ее проявлений» [Старжинская 2013]. Субкультура детства как «модель автономной реальности детства» становится объектом комплексного культурологического изучения [Суворкина 2014].

«Традиционная культура как среда бытия человека многие годы изучается фольклористикой и этнографией, в которых сложился комплекс исследовательских методов. Однако в последнее время этнография начинает пониматься как собственно метод исследования, используемый в различных гуманитарных науках» [Обухов 2006: 11]. Одной из таких областей соприкосновения фольклористики и этнографии является коммуникативная диалектология [Гольдин 1997; 2009 и др.]. Таким образом, междисциплинарный подход как тренд современной науки достаточно давно применяется при изучении традиционной народной культуры, в том числе и на псковском материале [см.: Большакова 2016а; Большакова 2016б].

Целью статьи является раскрытие темы детства в региональном аспекте на основе архивной источниковой базы. Специфику субкультуры детства позволяют выявить произведения различных фольклорных жанров, отраженных в псковском фольк-

лорно-этнографическом и диалектном архиве. В первую очередь это относится к детскому фольклору (в широком его понимании). Помимо этого, что особенно существенно, тема детства звучит в текстах нарративных жанров, относящихся к так называемой несказочной фольклорной прозе: быличках и бывальщинах, или мифологических рассказах. Данная работа вписывается в общую задачу исследования собрания псковских мифологических рассказов, до сих пор не введенного в научный оборот и не изученного в аспекте «субкультуры детства». На материале псковского фольклорно-этнографического архива выявлено около 1050 мифологических рассказов, территориально связанных с южнопсковской историко-культурной зоной, из них тема детства отражена в 78 текстах.

«Мир детей» и «мир взрослых» в пространстве мифологических рассказов

В пространстве мифологических текстов «мир детей», с одной стороны, противопоставлен «миру взрослых», а с другой — каждый взрослый информант является автором нарратива, вспоминая себя в состоянии детства, как бы заново переживая этот жизненный опыт. Таким образом, в самих текстах пересекается дискурс рассказчика-информанта о детях с дискурсом рассказчика-информанта о себе как о ребенке: *Это сказки такие раньше. Раньше были сказки такие. Что пряла бабушка и потеряла верятёнок под пол, а там кто-то схватил. Это, наверно, пугали нас таких, маленьких* (Пуст. 1994). Слово *сказки* понимается здесь как 'выдумки, небылицы, рассказы'. Таким образом, система воспитательных методов в детстве информанта (1908 г. р.) включала мифологические представления о существах, способных причинить вред, тем самым вызывая у детей страх, предупреждающий нежелательные с точки зрения взрослых действия ребенка. Стремление информанта к рациональному объяснению мифологического сюжета обусловлено как новым его возрастным и ролевым статусом, так и, видимо, происходящей трансформацией парадигмы мышления в традиционном обществе.

В статье рассматривается место и роль мифологических персонажей в традиционной системе воспитания ребенка. Согласно архивным данным, в псковском собрании мифологических рассказов выделяется функция русалки как персонажа, который по своей природе связан с детьми (*Я слышала, что вот русалки — вот это умершие дети, которые молодые русалки*. Пуст. 2005) и который в детском воспитательном дискурсе играл роль «иррациональной пугалки».

Запугивание злыми духами как мера воспитания в современной науке рассматривается (даже применительно к традиционной культуре) как одна из негативных форм социализации, однако признается безусловно действенной, т. к. направлена на самосохранение социальной группы [Субботина 2016].

Русалка как вредоносный дух представляет собой «один из наиболее вариативных образов народной демонологии» [Виноградова 2009: 495]. Этнолингвистические данные позволяют дифференцированно рассматривать ведущие характеристики русалки как персонажа восточнославянской мифологии. Так, различается среда обитания данного персонажа в характеристиках северного и южного типа. Если для северного типа характерно появление русалки у воды, то для юго-западного типа — появление в зловом поле, причем именно второй тип является «зоной наиболее активного бытования поверий и быличек о русалке» [Там же: 496]. Примечательно, что применительно к территории русского Севера хотя и упоминается «об обитании русалок на суше», все же на большей его части «русалка связана с водой» [Черепанова 1983: 34–35].

Собрание текстов мифологических рассказов южной Псковщины отражает обе стихии существования русалок: как «водную», так и «полевую», причем относительно равномерно. Как представляется, такое соединение в пределах единой территории двух вариантов одного из важнейших дифференциальных признаков персонажа отражает особый статус данной историко-культурной зоны, которая и по другим, в том числе языковым, признакам характеризуется смешением русских (псковских) и бе-

лорусских черт. Исследования, проведенные на более широком ареальном фоне, указывают на белорусский характер «полевой» среды обитания русалки. Так, замечено, что тип русалки как существа, обитающего в жите, встречается на «русско-белорусско-украинском пограничье» и у сибирских «переселенцев из Белоруссии» [Козлова 2013: 127]. Справедливости ради следует сказать, что в указанной работе, содержащей полный свод сюжетов в сибирских быличках о русалке, не выделена детская тема как особый аспект взаимодействия человека и данного мифического персонажа. Однако приведенные ареальные наблюдения автора еще раз подтверждают особый тип народной культуры псковско-белорусского пограничья.

Ключевые наименования действия, обозначающего запугивание детей русалками

Мифологема «русалка» полифункциональна [Любова 2015: 115–116], но в детском дискурсе текстов южнопсковских быличек проявляется как мотив запугивания детей в двух основных вариациях. Во-первых, это предостережение от купания в неположенное время или в неположенном месте, во-вторых, запрет на игры детей во ржи: *Пугали нас так, что русалки, они в воде, они и на суше, ну, на суше мы вот представляли себе, что они во ржи бегают такие: с длинными косами, и казалось, что вот они бегут, и рожь вот так вот качается. Ну, к озеру не ходили, потому что боялись, что утонем* (Нев. 2007). Несмотря на то, что русалка, как правило, никому из детей не показывалась, память о детских страхах сохранялась надолго: *Я русалок боялась в детстве маленькая* (Пуст. 1994); *Ды рябят полохали русалками, а мы их ня видели ни разу* (Кун. 1996); *Нам казалось, что русалки водятся во ржи, когда рожь ветер качал, когда она выколосовавши уже, ветер когда был, и рожь волнами такими ходила, и нам это казалось, что это там русалки бегут, и мы боялись русалок, убежали домой, закладались на крюк* (Нев. 2007); *Раньше, бывало, что это пугали детей, что русалка забярёт... А теперь дети не боятся* (Себ. 2006).

Глаголы *пугать / пужать, полохать, стращать* (и их производные) — основные в группе наименований действия, обозначающего запугивание детей русалками в псковских говорах. В текстах мифологических рассказов южной псковской территории последнее наименование из перечня не встретилось, но, по видимому, это можно считать случайностью, т. к. слово употребляется на территории, примыкающей к южной: *Ну, страшили нас* [русалками], *штоп мы ни хадили п* [на реку] (Беж. 2009) [пример из КПОС]. Глагол *полохать*, общеславянский по происхождению, является диалектным для русского языка. «Словарь русских народных говоров» очерчивает его ареал преимущественно Русским Севером и Северо-Западом, в том числе и псковской территорией [СРНГ 29: 129]. В белорусском языке слово *палохаць* — не диалектизм. Так, в словнике трехтомного белорусско-русского словаря, помимо глагола *палохаць* — ‘пугать, страшить; устрашать’, находим: *палохацца*, прилагательное *палоханы* — ‘пуганый’ [Б-РС 2: 822]. В диалектном словаре Витебщины слов с этим корнем не отмечено, в то время как диалектизм *запудзіць* толкуется через литературные синонимы ‘запужаць, запалохаць’ [РСВ 1: 207].

Культурно-историческая и языковая неоднородность территории современной Псковской области не позволяет очертить границы распространения слова *полохать* и его префиксальных и постфиксальных производных. Вполне допустимо, что в данном словоупотреблении северные и центральные зоны Псковщины сохраняют старые ареальные признаки, а южнопсковские говоры несут в себе следы исторически сложившихся контактов с северо-восточными белорусскими говорами и белорусским языком в целом.

Рассмотрим две сферы проявления мифологемы «русалка» в южнопсковском текстовом собрании. Мифология водной стихии русалок опирается на реальность, связанную с обилием природных водных объектов на территории современной Псковщины, в том числе (и, можно сказать, в особенности) и в ее южных районах, богатых большими и малыми озерами: *Было, бабки гово-*

рят: «Не ходи на речку, не ходи на озеро, а то русалки схватят!» Ну, пугали, чтоб на озеро не ходили. У нас же озёр много здесь (Кун. 2009).

Общерусское слово *пугать* и в литературном языке не является однозначным [МАС IV: 555–556]. Значение ‘намеренно вызывать страх’ нерелевантно для приводимого диалектного материала. Более того, простое вызывание у маленького ребенка чувства страха, боязни, по народным представлениям, осуждается, т. к. пагубно воздействует на его психику: *Не пужай ты своих детей* (Остр. 1962); *Не пужай ребёнка, ты жэ большой парень* (Беж. 1968) [примеры из КПОС]; *Переполохали ребёнка, потому и заикается* (Гд.) [ПОС 25: 442].

Запугивание детей русалкой, обитающей в водоеме, в народной традиции имеет исключительно охранную функцию. «Для маленького ребенка является важным понимание такой категории, как граница. В первую очередь граница между его домом, “крепостью”, и тем, что за ним» [Суворкина 2014: 95]. Действительно, необходимость очерчивания безопасной территории и дальнейшее постепенное ее расширение по мере роста ребенка требует надежных приемов, одним из наиболее действенных среди которых является мифологическая мотивация запрета.

Охранные функции мифологемы «русалки» в дискурсе мифологических рассказов

По современным текстам быличек уже невозможно прямо определить степень сохранности традиции. В большинстве случаев информант подвергает традицию рефлексии, а это основной путь к ее разрушению: *Нихто, наверно, не видел* [смеется]. *Это так детей пугали, потому что нянек не было у детей дома сидеть, родители работали на поле* (Нев. 2007); *Как сказать: если ты непослушный, не слушаешься родителей, что тебе наказали, значит, они тебя схватят и ув озеро занесут, утопят* [смеется] (Нев. 2007).

При этом обращает на себя внимание неоднократно встречающаяся невербальная реакция говорящего на собственное вы-

сказывание в форме смеха. Уже было замечено, что смеховые реакции в псковском диалектном нарративном материале регулярно наблюдаются при описании следующих тем: 1) Бытовые сюжеты комического содержания; 2) Описание явлений быта старой деревни, которые представляются рассказчику нелепыми, смешными в настоящее время, тогда как в прошлом они таковыми не являлись в силу социально-исторических причин; 3) Словесное описание старинных обычаев, элементов обрядов (например, свадебного), где смеховое поведение включено в структурно-символическую ткань ритуала; 4) Трансляция текстов мифологического содержания (о нечистой силе, колдунах/колдуньях, о кладах, заговорах и т. п.) [Большакова 2010]. Как мы считаем, смеховое поведение информанта в трех последних случаях может быть интерпретировано как коммуникативное действие, предвещающее возможную негативную реакцию слушателя. Оно вызвано неосознанным стремлением говорящего к самозащите (в социальном аспекте), т. е. к защите традиции, которая в глазах нового поколения уже теряет актуальность. Особенно, когда речь идет о потаенном, непознанном, информанты, если и соглашаются на общение, то смех служит оберегом от тех сил, которые могут быть спровоцированы вербальным поведением человека: [Смеется] *Ну, какие там русалки? Это просто ходили пугать, я знаю, что в детстве, ещё когда мы жили, дядьчонка я, шли ребятишки играть* (Себ. 2002); *Раньше, бывало, что это пугали детей, что русалка забярёт... А теперь дети не боятся* [смеется] (Себ. 2005); *Ня слушайте, неправда это! Просто шутка, смех: «Русалка! Русалка!»* (Усв. 2005); *Говорили, что русалки во ржи бегают* [смеется] (Н-Сок. 2004).

Так же строится дискурс информанта и собирателя в мифологических рассказах о русалках, обитающих во ржи (хотя их никто не видел), а именно: внушается чувство страха, опасности от встречи с вредоносным персонажем, что действует как запрет для детей на передвижение в неосвоенном пространстве: *Ну, кто-то уде-то уговорил. По ржи, увороят, русалки, а лично никто ня видел. Никто... Так... Это просто вот выдумка народная такая пу-*

стая тёмных людей (Себ. 2006); *He, деточка, про русалок ничего не знаю... Нет... Потому что... Ну, мама пугала: в нас вот посещают, бывало, рожь, скажет, что: «Вот пойдите, пойдите в рожь, там вас русалка ўтянет!»* А что это за русалки были, кто их знает? (Себ. 2006); Я русалок боялась в детстве маленькая. <...> А вот всё говорили: русалка ходит, русалка. Где? Во ржи русалка. А как рожь по обе стороны. Рожь-та хорошая росла. Так и боишься: где-нибудь тут русалка! Я была трусиха (Пуст. 1994); Ну, вот, бывало, мы ребята бегали, а рожь густая, прятались тогда в эту рожь. А потом кто-то крикнет: «Ох, русалка шумить!» Значит, бежишь там, другой в другую сторону, и русалка, говорят: «Русалка». А это старики пугали ребят, чтоб они ня бегали по ржи: «Там русалки, поймают русалка, защекочет, она защекочет». И потом мы боялись ходить в рожь, бегать по ржи: эта русалка защекочет. Так старики вот пугали нас, чтоб не топтали рожь, а то мы бегали (Вл. 2001); Говорили, что русалки во ржи бегают [смеется], что-нибудь такое, волосы [у кого-нибудь] распущены, скажут:] «Как русалка во ржи!». Вот так говорили, что за русалка, я не видывала (Н-Сок. 2004); Русалками запугивали детей, ани на поле жили, валаса длинные у них, распушишанные (Беж.) [ПОС 12: 73].

Запугивание детей «полевыми» русалками также выполняет защитную функцию. Однако сбережению здесь подлежит не жизнь ребенка, а урожай злаковых (рожь нельзя топтать), что также представляет ценность для социума. Таким образом, духовное и материальное выступают неразделимо в народной традиции. Мотивация, которая информантами объясняется сейчас как чисто прагматическая (*Так старики вот пугали нас, чтоб не топтали рожь, а то мы бегали.* Вл. 2001), также имеет мифологическую основу, т. к. появление русалок во ржи связывалось с разными периодами вегетации злаков (цветение, колошение, созревание, уборка зерна) и благоприятствовало урожаю [Виноградова 2009: 497; Лобкова 2000: 28–29].

Таким образом, тексты мифологических рассказов вскрывают апотропейные мотивы в традиционной вербальной культуре.

Предостережение детей от действий, опасных для жизни и для жизнеобеспечения социума, выражено в форме запугивания, что в конечном итоге выполняет охранную функцию. Сама традиция требует от ее носителей подсознательной защиты в общении с представителями другой (хотя и не враждебной) культуры.

Вербализация лиц — носителей традиции

Информантами в собрании мифологических рассказов являются люди старшего поколения, большинству из которых на момент экспедиционного сбора исполнилось 60, 70 и более лет. Вспоминая детство, они опираются на опыт своих предков: *Ну, мама пугала: в нас вот посеют, бывало, рожь, скажет, что: «Вот пойдите, пойдите в рожь, там вас русалка утянет!» А что это за русалки были, кто их знает?* (Себ. 2006); *Нам рассказывали родители про русалок, что они ув озере, если будешь ходить к озеру, они могут зазвать и уто... утонуть можно тогда, за ними пойти и утонуть* (Нев. 2007); *Ну а есть предположение, что русалки, ну такое тоже бабушка мне рассказывала. У нас здесь такое место есть, крутой берег, мы ходим туда купаться. И вот она нас запугивала, что, говорит: «Вы никогда, особенно на Ивана Купалу, не ходите купаться поздно, потому что там, говорит, русалки не только детей увлекают...»* (Пуст. 2005); *Было, бабки говорят: «Не ходи на речку, не ходи на озеро, а то русалки схватят!» Ну, пугали, чтоб на озеро не ходили. У нас же озёр много здесь* (Кун. 2009); *А это старики пугали ребят, чтоб они ня бежали по ржи: «Там русалки, поймает русалка, защекочеть, она защекочеть». И потом мы боялись ходить в рожь, бегать по ржи: эта русалка защекочет. Так старики вот пугали нас, чтоб не топтали рожь, а то мы бежали* (Вл. 2001).

Источниками мифологических сведений выступают: *мама, бабушка*, а также носители коллективного опыта: *бабки, старики*. Примечательно, что семейное воспитание в этой сфере осуществляется старшими родственниками по женской линии (мужское воспитание проявлялось в других областях). Наименование *бабки* лишено указания на родственные отношения, но гендерная

принадлежность в сочетании с семантикой возраста, а также употребление в форме множественного числа — все это в совокупности характеризует обобщенное лицо женского пола в зрелом возрасте как носителя традиции. Наименование *старики* с еще большей степенью абстрактности указывает на категорию хранителей старины в традиционном обществе.

Отсылка к коллективному сознанию и традиционному поведению в дискурсе мифологических рассказов выражается также конструкцией неопределенно-личных предложений (с соответствующей формой выражения предиката): *Говорили, что русалки во ржи бегают* (Н-Сок. 2004); *А вот всё говорили: русалка ходит, русалка* (Пуст. 1994); *Русалками запугивали дятел* (Беж.) [ПОС 12: 73].

Выводы

Проведенное исследование показало, что привлечение южнопсковского диалектного и фольклорно-этнографического материала к рассмотрению темы детства является актуальным, т. к. до настоящего времени данный источник не использовался как объект изучения субкультуры детства и народной педагогики. Исследование строится на основе подготовленного к публикации собрания мифологических рассказов псковско-белорусской пограничной территории. Введение в научное пользование нового эмпирического материала позволяет рассматривать вопросы субкультуры детей в междисциплинарном аспекте.

Тексты мифологической прозы содержат отголоски архаических обрядов, отражающих разные виды взаимодействия детей с мифологическими персонажами. Мифологема «русалка», выделяющаяся в дискурсе южнопсковских быличек, имеет ряд специфических проявлений. Так, соединение в пределах единой территории двух вариантов одного из важнейших дифференциальных признаков персонажа («водная» и «полевая» сферы обитания русалки) подчеркивает особый статус данной историко-культурной зоны, которая и по другим, в том числе языковым, признакам характеризуется смешением русских (псковских) и белорусских

черт. Особенности проявляются и в области языковых репрезентаций мифологемы «русалка»: глаголы-наименования запугивания детей русалками (*полохать* и его дериваты) также несут в себе следы исторически сложившихся контактов с северо-восточными белорусскими говорами и белорусским языком в целом.

Анализ мифологемы «русалка» в аспекте проблем народной педагогики позволяет прийти к выводу об охранительном характере такой традиционной формы воспитания, как запугивание. При постоянной трудовой занятости взрослых мир детей в традиционной культуре приобретает черты известной автономности. Поэтому контролирование границ допустимого в детском поведении «поручается» потусторонним силам. Опасность встречи с «водяными» русалками выполняет в результате роль оберега жизни ребенка, а запрет на детские игры во ржи в форме запугивания «полевыми» русалками способствует сбережению урожая злаковых как жизненно важного продукта питания. Таким образом, иррациональное в воспитательном дискурсе приобретает вполне практическое жизнеспасающее значение.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века».

Литература

Большакова Н. В. (2010) Смех как невербальное коммуникативное средство в диалектном тексте. *Русская речь в современных парадигмах лингвистики*: в 2 т. Т. I. Псков: ПГПУ: 10–15.

Большакова Н. В. (ред.) (2016а) *Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение*. Под общ. ред. Н. В. Большаковой. Псков: ЛОГОС.

Большакова Н. В. (ред.) (2016б) *Народные сказки Псковского края: Монография*. В 2 ч. Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Плещук. Псков: ЛОГОС.

Виноградова Л. Н. (2009) Русалка. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. В 5 т. Т. 4. Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения: 495–501.

Гольдин В. Е. (1997) *Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов.

Гольдин В. Е. (2009) Повествование в диалектном дискурсе. *Известия Саратовского университета*. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1: 3–7.

Козлова Н. К. (2013) Белорусские формы в указателе сюжетов сибирской мифологической прозы о русалке. *Традиционная культура. Научный альманах*, 2: 125–136.

Лобкова Г. В. (2000) *Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Любова Е. Ю. (2015) Мифологема «русалка» в говорах Нижегородской области. *Научный диалог*, 12(48): 110–119.

Обухов А. С. (2006) *Психология личности в контексте реалий традиционной культуры*. М.: Прометей МПГУ.

Старжинская Н. С. (2013) Детская субкультура и некоторые ее особенности в современном социуме. *Педагогическая наука и образование*, 2(3). [<http://elibr.bspu.by/handle/doc/3352>] (дата обращения: 30.04.2020)

Субботина Н. Д. (2016) Традиционное и цивилизованное: два типа воспитания. *Гуманитарный вектор*. Сер. Философия. Культурология, 11(1): 73–81.

Суворкина Е. Н. (2014) *Морфология субкультуры детства*: Дис. ... канд. культурологии. Рязань.

Черепанова О. А. (1983) *Мифологическая лексика русского Севера*. Л.: Изд-во ЛГУ.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Б-РС — *Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь)*: у 3 т. Пад рэд. А. А. Лукашанца. Выд. 4-е, перапрац. і дап. Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.

КПОС — *Картотека Псковского областного словаря с историческими данными*. Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета и научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионалика» Псковского государственного университета.

- МАС — *Словарь русского языка*: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–27. Под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2019 (издание продолжается).
- РСВ — *Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны*: в 2 ч. Рэд. Л. І. Злобін. Віцебск: УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2012.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

Сокращения названий районов Псковской области

Беж. — Бежанинский	Н-Сок. — Новосokolьнический
Вл. — Великолукский	Остр. — Островский
Гд. — Гдовский	Пуст. — Пустошкинский
Кун. — Куньинский	Себ. — Себежский
Нев. — Невельский	Усв. — Усвятский

THE WORLD OF CHILDHOOD IN MYTHOLOGICAL STORIES
OF THE SOUTHERN PSKOV REGION
(ON THE ISSUE OF FOLK PEDAGOGY)

Citation: Bolshakova N., Mitchenko Z. (2020) Mir detstva v mifologicheskikh rasskazakh yuzhnoy Pskovshchiny (k voprosu o narodnoy pedagogike) [The world of childhood in mythological stories of the Southern Pskov region (on the issue of folk pedagogy)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 140–157. (in Russian)

About the authors. Bolshakova Natalia, Mitchenko Zinaida. Pskov State University. Pskov, Russia. <bolshakova55@yandex.ru>

Abstract. The article is devoted to the theme of childhood in the traditional folk culture. The research is based on the collection of mythological stories of the Pskov-Belarusian border area, which has been prepared for publication. The introduction of new empirical material into the scientific use allows us to consider the issues of children's subculture in an interdisciplinary aspect.

The texts of mythological prose contain echoes of archaic rites that reflect different types of interaction between children and mythological characters. The discourse of the South Pskov short mythological stories (*bylichka*) highlights the mythologeme *Rusalka* (mermaid) which has a number of specific manifestations. They emphasize the special status of this historical and cultural area which is also characterized by a mixture of Russian (Pskov) and Belarusian features.

The folklore and ethnographic aspect of the analysis reveals the connection — within a single territory — of two variants of one of the most important differential features of the character: the coexistence of the “water” and the “field” spheres of the mermaid's habitat. The verbs-names of intimidation of children by mermaids (*полохатъ* [polohat'] and its derivatives) have been identified in language representations of the mythologeme *Rusalka*. They also bear traces of historical contacts with the North-Eastern Belarusian dialects and the Belarusian language in general.

The analysis of the mythologeme *Rusalka* in the aspect of problems of folk pedagogy allows us to come to the conclusion about the protective nature of such a traditional form of education as the intimidation of children. Due to the constant employment of adults the world of children in traditional culture acquires features of certain autonomy. Intimidating with evil spirits as a measure of education generates in children a border between indoor and

outdoor space. As a result, the danger of meeting with the “water” mermaids serves as a talisman for the child’s life. To forbid children to play in the rye with the “field” mermaid intimidation helps to save the crop of cereals as a vital food. Thus, the irrational in educational discourse acquires quite practical life-saving value.

Keywords: South Pskov’s historical and cultural area, the subculture of childhood, folk pedagogy, mythological stories, the mythologeme of Rusalka (mermaid).

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-512-00003 “Childhood subculture in the discourse of oral history, language and folklore of Vitebsk-Pskov Borderlands of the 20th – early 21st century”.

References

Bolshakova N. V. (2010) Smekh kak neverbal’noye kommunikativnoye sredstvo v dialektnom tekste [Laughter as a nonverbal communication tool in a dialect text]. In: *Russkaya rech’ v sovremennykh paradigmatkh lingvistiki* [Russian language in the modern paradigms of linguistics]. In 2 vol. Vol. I. Pskov: PGPU: 10–15. (in Russian)

Bolshakova N. V. (ed.) (2016a) *Velikaya Otechestvennaya voyna v zerkale narodnoy rechi i fol’klora: Teksty. Issledovaniya. Audioprilozheniye* [The Great Patriotic war in the mirror of folk speech and folklore: Texts. Researches. Audio application]. Pskov: LOGOS. (in Russian)

Bolshakova N. V. (ed.) (2016b) *Narodnyye skazki Pskovskogo kraja* [Folk tales of the Pskov region]: Monograph. In 2 parts. Pskov: LOGOS. (in Russian)

Cherepanova O. A. (1983) *Mifologicheskaya leksika russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo LGU. (in Russian)

Evgenyeva A. P. (ed.) (1982–1984) *Slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar’ russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Goldin V. E. (1997) *Teoreticheskiye problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Abstract dis. ... Doct. philol. sciences. Saratov. (in Russian)

Goldin V. E. (2009) Povestvovaniye v dialektnom diskurse [Narrative in dialect discourse]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izvestiya of Saratov University]. Vol. 9. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Iss. 1: 3–7. (in Russian)

Kozlova N. K. (2013) Belorusskiye formy v ukazatele syuzhetov sibirskoy mifologicheskoy prozy o rusalke [Belarusian forms in the index of stories of Siberian mythological prose about the mermaid]. In: *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. Scientific almanac, 2: 125–136. (in Russian)

Larin B. A. [et al.] (eds.) (1967–2019) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–27. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU/SPbGU. (the publication continues).

Lobkova G. V. (2000) *Drevnosti Pskovskoy zemli: Zhatvennaya obryadnost': obrazy, ritualy, hudozhestvennaya sistema* [Antiquities of Pskov land: Harvest rites: images, rituals, artistic system]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (in Russian)

Lukashanets A. A. (ed.) (2012) *Belaruska-ruski sloŭnik (Belorussko-russkiy slovar')* [Belarusian-Russian dictionary]. In 3 Vol. Minsk: Belarus. encykl. imya P. Broŭki. (in Belorussian)

Lyubova Ye. Yu. (2015) Mifologema «rusalka» v govorakh Nizhegorodskoy oblasti [Mythologeme “mermaid” in the dialects of the Nizhny Novgorod region]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 12(48): 110–119. (in Russian)

Obukhov A. S. (2006) *Psikhologiya lichnosti v kontekste realiy traditsionnoy kul'tury* [Personality psychology in the context of traditional culture realities]. Moscow: Prometey MPGU. (in Russian)

Starzhinskaya N. S. (2013) Detskaya subkul'tura i nekotoryye eyo osobennosti v sovremennom sotsiume [Children's subculture and some of its features in modern society]. In: *Pedagogicheskaya nauka i obrazovaniye* [Pedagogical science and education], 2(3). [<http://elib.bspu.by/handle/doc/3352>] (Accessed 30.04.2020)

Subbotina N. D. (2016) Traditsionnoye i tsivilizovannoye: dva tipa vospitaniya [The traditional and the civilized: two types of education]. In: *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector]. Ser. Filosofiya. Kul'turologiya, 11(1): 73–81. (in Russian)

Suvorkina E. N. (2014) *Morfologiya subkul'tury detstva* [Morphology of the childhood subculture]. Abstract dis. ... Cand. cultural studies. Ryazan'. (in Russian)

Vinogradova L. N. (2009) Rusalka [Mermaid]. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 4. Tolstoy N. I. (ed.). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya: 495–501. (in Russian)

Zlobin L. I. (ed.) (2012) *Regiyanal'ny sloŭnik Vitsebskchyny* [Regional dictionary of Vitebsk region]. In 2 vol. Vitebsk: UA «VDU imya P. M. Mashevava». (in Belorussian)

Е. Н. Варникова

НАЗВАНИЯ МАСТЕЙ ЛОШАДЕЙ В СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Цитирование: Варникова Е. Н. (2020) Названия мастей лошадей в Словаре русских народных говоров. *Севернорусские говоры*, 19: 158–181.

Сведения об авторе. Варникова Евгения Николаевна. Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, Россия.
<varnikova@yandex.ru>

Аннотация. В статье рассматриваются состав, семантика и словообразовательные связи названий мастей лошадей в Словаре русских народных говоров. Состав гиппологических мастеобозначений в говорах в сравнении с литературным языком более разнообразен: в СРНГ фиксируются прилагательные, входившие в рассматриваемую группу слов в древнерусском языке, некоторые из них отмечаются только в сложных наименованиях мастей или в названиях цвета волос гривы животных, встречаются также редкие по употреблению тюркские заимствования, в качестве гиппологизмов в говорах используются не конские мастеобозначения. Слова рассматриваемой группы характеризуются в диалектной речи широкой фонетической и словообразовательной вариантностью. Семантика цветовых гиппологизмов в диалектах сложнее и шире, нежели в литературном языке. Совокупность производных гиппологических мастеобозначений в говорах организуется по образцу словообразовательной парадигмы прилагательных со значением цвета в литературном языке. В ней также выделяются адъективный, субстантивный, глагольный и наречный блоки производных, но наполнение этих блоков специфично.

Ключевые слова: Словарь русских народных говоров, названия мастей лошадей, клички лошадей, мастеобозначение, гиппологизм.

Введение

В истории названий мастей лошадей в русском языке ученые выделяют два периода: до и после заимствования тюркских цветообозначений [Одинцов 1978: 212]. По данным этимологических словарей и исследований этимологов, к общеславянским

относятся прилагательные *гнедой* (этимология слова *гнедой* окончательно не выяснена), *вороной*, *мышастый*, *пегий*, *рыжий*, *серый*, *сивый*, *соловьи* [Фасмер; Черных; ЭССЯ; Одинцов 1978; Дыбо 2004]. Подчеркнем в этом ряду слов названия мастей, которые часто определяются в их типологиях (общепризнанной пока нет) как основные: *гнедой*, *вороной*, *рыжий*, *серый* [Калашников, Соколов, Пустовой 2000: 31; Гуревич, Рогалев 1991: 111].

Заимствованными являются названия мастей, производных от основных, обозначающие их разновидности. В большинстве своем это разновидности рыжей масти, самой распространенной во многих породах лошадей: *буланый*, *бурый*, *игрневый* (*игрений*), *караковый*, *карий*, *каурий*, *саврасый*, *чалый*, *чубарый*. Все эти слова были заимствованы русским языком из восточных, как правило, тюркских языков. И хотя среди ученых нет единства мнений в определении конкретных языков-источников [Фасмер; Черных; Добродомов 1970; Одинцов 1973: 201–204], существующие этимологии заимствованных слов указывают на связь русских тюркизмов с северо-западной, или кыпчакской группой тюркских языков [Дыбо 2004: 16].

Заимствование иноязычных цветообозначений в значительной мере повлияло на состав и значения названий мастей лошадей в русском языке: некоторые исконные термины были утрачены, произошло сужение семантики ряда наименований [Одинцов 1978: 210–213].

Тюркизмы не только пополнили группу цветовых гиппологизмов, вступили в разнообразие системные отношения с исконными мастеобозначениями, но и наряду с ними послужили основой для создания древнерусских имен (*Воронко*, *Гнедко*, *Игрень*, *Каур*, *Коур*, *Коурко*, *Пегуш*, *Пегуша*, *Саврас* и др. [Веселовский 1974; Тупиков 2004; Кюршунова 2010]) и традиционных русских кличек лошадей (*Буланка*, *Каурка*, *Савраска*, *Чалая*, *Чубарый* и др.).

В современном русском литературном языке большая часть рассматриваемых слов в настоящее время имеет узкую сферу употребления, связанную с коневодством и конным спортом. Значе-

ния слов отражают комплекс внешних признаков, используемых при определении масти лошадей: цвет покровных волос головы, шеи, корпуса и конечностей животного, а также цвет волос его гривы, хвоста и щеток (защитных пучков волос на задней поверхности нижней части передних и задних ног лошади) [Гуревич, Роголев 1991: 111].

Рассмотрим состав, семантику и словообразовательные связи названий мастей лошадей в Словаре русских народных говоров.

Лексический состав «цветовых» гиппологизмов в русских народных говорах

Состав гиппологических мастеобозначений в говорах в сравнении с литературным языком более разнообразен.

В СРНГ фиксируются прилагательные, входившие в рассматриваемую группу слов в древнерусском языке, выявленные Г. Ф. Одинцовым по письменным источникам XI – начала XVIII вв. и включенные в Словарь русского языка XI–XVII вв.:

голубой — в сочетаниях *голубой конь* ‘конь пепельной масти’ Даль [без указ. места], *Тобол.*, *голубая лошадь* ‘лошадь сиреневой масти’ Сиб. 1854. «*Голубой* — пополняет определение лошадиных мастей: имеющий шерсть сиреневого цвета (особая порода сибирских лошадей)» Сиб. Черепанов 1854; *голубая масть* а) ‘масть пепельного цвета’ Бурнашев [без указ. места], б) ‘масть серо-дымчатого цвета с белым’ Ср. Урал. 1964, в) ‘масть [какая?]’ Шульгина Гора Демян. Новг. Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 6: 340]. Ср. *голубой* ‘пепельный, светло-серый’ (о масти животного) [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 70], ср. также *голубая лошадь* ‘лошадь пепельного цвета, сходная с цветом мыши’ [ССРЛЯ 3: 240], в БАСРЯ это сочетание уже не приводится, дается лишь в примерах: *Доезжачий, прозывавшийся Турка, на голубой, горбоносой лошади <...> ехал впереди всех.* Л. Толстой, Детство [БАСРЯ 4: 260];

синий ‘сивый (о масти лошади)’ *Лошадь синя.* Шадр. Перм. [СРНГ 37: 331], *синегривый* ‘игривый (о масти лошади)’ Вят., Перм. [СРНГ 37: 324]. Ср. одно из значений прилагательного *синий* в Словаре русского языка XI–XVII вв. ‘черный, темный, по-

черневший' // 'иссиня-черный' *Мерин рыж лыс грива налево синя*. Там. кн. Тихв. м. № 1284, 5об. 1631 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 24: 150].

Некоторые из таких слов отмечаются только в сложных наименованиях мастей или в названиях цвета волос гривы животных:

серо-железный, серо-железная лошадь 'лошадь серо-бурой масти' [?] Даль [СРНГ 37: 218]; *сиво-железый* 'темно-сивый (о масти лошади)' Черкасов. Зап. охотн., Вост. Сиб., Костром., Ленингр. [СРНГ 37: 274], *сиво-железный* 'то же, что сиво-железый' Грязов. Волог. 1896 [СРНГ 37: 274], *сиво-залезый* 'то же, что сиво-железый' Перм. 1856 [СРНГ 37: 274]. Ср. *жельзный* 'похожий на железо по цвету, серо-бурый (о масти лошади)' Там. кн. I, 134. 1634 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 82];

половогривый 'светлогривый' *Кто охоч скакать на добром коне От Киева до Чернигова? Тридевяносто мерных верст Со моим-то со первым синегривым жеребцом, Со моим-то вторым половогривым жеребцом?* Барнаул. Тихонравов и Миллер [СРНГ 29: 94]; *полово-сёрый* 'пепельный без блеска (о масти)' Бурнашев [СРНГ 29: 95]. Ср. *половый* 1. 'палевый, цвета спелого зерна', 2. 'беловатый с желтым отливом; буланый' Польск. д. III, 759. 1570 [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 234]. По свидетельству Г. Ф. Одинцова, общеславянский гиппологизм *половый* был вытеснен близким ему по значению тюркизмом *буланый* [Одинцов 1978: 189–192]. В диалектной речи в составе сложных цветообозначений употребляется и по отношению к собакам и коровам: *полово-пегий* 'светло-желтый с пятнами (о масти)' *Полово-пегий борзой*. Даль [СРНГ 29: 95]; *полово-таргылый* 'светло-желтый с пятнами и полосами' *Корова полово-таргылой масти*. Р. Урал [СРНГ 29: 95].

В говорах встречаются также редкие по употреблению тюркские заимствования:

калюнный 1. 'каурыый, светло-золотистый, с более темным хвостом и гривой (о масти лошади)' Забайк. 1960, 2. 'красновато-серый, с блеском, с черным хвостом и гривой (о масти лошади)' Сиб., Слов. Акад. 1906–1907, 3. 'серо-белый (о масти лошади)' Амур. 1913–1914 [СРНГ 13: 10];

калтáрый ‘каурый (о масти лошади)’ Забайк. Енис. 1960 [СРНГ 12: 365]. Ср. *халтáрый конь* вост.-сиб. ‘карий и беломордый’ [Даль 4: 1163];

таргáлый ‘пегий, полосатый (о масти лошади, быка)’ Уральск. [СРНГ 43: 287];

халзáнный (монг.) 1. ‘плешивый, лысый’ *У лошадей белый лоб и нос, при темной масти.* Нерч. Забайк. Боголюбский, 2. ‘имеющий белые отметины на лбу или на ногах (о лошадях)’ Словарь гов. старообр. Забайкалья, *халзанный конь* ‘темной масти с лысиной на лбу’ Шейн 1873 [КСРНГ]. Ср. *галсáнный* ‘лысый, плешивый’ Иркут., Якут. 1852, Сиб. «С монгольского *халзан* — лысина» Сиб. Черепанов [Даль I: 841; СРНГ 6: 117];

чагрáвый, чегрáвый вост. ‘темно-пепельного цвета, бурый, смурый’ [Даль 4: 1279; КСРНГ];

чанкíрый — в сочетании *чанкíрая лошадь* сиб. ‘белая, серая, пегая, но морда, ресницы, подпашье и самые копыта белые’ [Даль 4: 1284], *чанкýрый* — в сочетании *чанкýрая лошадь* ‘лошадь большей частью белая, иногда пегая и иная, но непременно имеющая морду, ресницы, копыта и задние паха белые’ Сиб. Черепанов 1854 [КСРНГ], *чинкíрый* ‘светло-серый (о масти лошади)’ *Чинкирые лошади красивы, редко их встретишь в наших краях.* Бурят. АССР 1977 [КСРНГ], *чинкýрый* ‘пестрый’ Иркут. Березин 1853, Черепанов 1854 [КСРНГ]. Как видно, эти названия мастей фиксируются преимущественно в диалектах Урала и Сибири.

В качестве гиппологизмов в говорах используются также не конские мастеобозначения (обычно эти слова не включаются в состав гиппологизмов):

бúрый ‘серый, пепельный, дымчатый (о шерсти, масти животных)’, *бúсой* Вят., Иркут., Камч., Тобол., Том., *Вы же, звери, бурые и красные лисицы, серые рыси, бусые росомахи и юнчие звери, белые зайцы, не отпячивайтесь назад.* Онеж. Арх. 1885, Волог., Уржум. Вят., *Ехал миленький на сивом на коне, Очутился он на бусом на быке* (песня). Перм. *Бусой был жеребчик. Бусой котеночек, как мышь.* Свердл. *Собачонка как бусая. Буса — желта корова.* Том. *Котяты всяки бывают: пестры, серы, бусы, черны... А то еще*

трехшерстны. Теперь бусой, а выленит — как вороной будет. Тобол., Енис., Сиб., Колым. Якут. [СРНГ 3: 306];

сiзый ‘серебристо-серый (о масти лошади)’ *Черна сбруя, сизый конь.* Саратов. 1912 [СРНГ 37: 298].

Масть может называться и не мастеобозначениями: *плеснивый* ‘сивый (о масти лошади)’ Смол. 1890, Лит. ССР. *Конь был не карий, а плеснивый, как плесень, лапинам* [СРНГ 27: 116]. Ср. *плъсневый* и *плъснивый* ‘покрывшийся плесенью, заплесневевший’ [СлРЯ XI–XVII вв. 15: 88].

Нужно отметить, что цветообозначения характеризуются в диалектной речи широкой фонетической и словообразовательной вариантностью: *бусой* — *бусарый, игрeневый* — *игрeний, кавурый* — *ковурый, карий* — *карый, мухорный* — *мухортый* — *мухорчатый* — *мухорый, пeгавый* — *пeганий* — *пeгасый* — *пeгатый* — *пeговый, солóвый* — *соловeлый, таргiльный* — *таргiльный, халзанный* — *галсанный, чагрáвый* — *чeгрáвый, чанкiрый* — *чанкiрый* — *чанхiрый* — *чинкiрый* — *чинкiрый.*

Семантика диалектных названий мастей лошадей

Семантическая структура цветовых гиппологизмов в диалектах сложнее и шире, нежели в литературном языке.

Прежде всего отметим различия в значениях названий мастей лошадей в литературном языке и говорах. Правда, эти различия касаются лишь отдельных слов: ср. *буланный* ‘желтоватый, разных оттенков, особенно светлых; иногда при темном хвосте и гриве и с такой же полосой на хребте (о масти лошадей)’ [ССРЛЯ 1: 682; БАСРЯ 2: 247] — *буланный* ‘белый (о коне, лошади)’ Сиб. 1854 [СРНГ 3: 267]; *саврасый* ‘светло-гнедой с желтизной, с черным хвостом и черной гривой (о масти лошади)’ [ССРЛЯ 13: 31–32; БАСРЯ 24: 198] — *саврасый* ‘серовато-белый, седой (о масти лошади)’ Р. Урал 1870. *Саврасая лошадь, седатая такая.* Арх. [СРНГ 36: 16].

Могут также различаться значения одних и тех же слов и их вариантов в разных диалектах:

бусáрый ‘темно-серый (о масти лошади)’ Южн.-Сиб. 1847 [СРНГ 3: 303], *бúсой* ‘серый, пепельный, дымчатый (о шерсти, масти животных)’ Вят., Иркут., Камч., Тобол., Том., Онеж. Арх. 1885, Волог., Уржум. Вят., Перм., *Бусой был жеребчик. Бусой котенок, как мышь.* Свердл., Сиб., Колым. Якут., *бусóй* Сиб. 1854, Охан. Перм., ‘серо-голубой’ Каин. Том., *бúсий* ‘белый’ Белого [коня] *тоже бусым зовут.* Сухолож. Свердл. 1964 [СРНГ 3: 306];

кавúрый и *ковúрый* 1. ‘каурый (о масти лошади)’ *Ковúрый.* Перм. 1856. *Кавúрый.* Луж. Петерб. 1871. 2. *Кавúрый* ‘бурый’ Луж. Петерб. 1871. 3. *Кавúрый* ‘мышинный (о масти лошади)’ Зырян. Том. 1964 [СРНГ 12: 295];

калю́ный 1. ‘каурий, светло-золотистый, с более темным хвостом и гривой (о масти лошади)’ Забайк. 1960, 2. ‘красновато-серый, с блеском, с черным хвостом и гривой (о масти лошади)’ Сиб., Слов. Акад. 1906–1907, 3. ‘серо-белый (о масти лошади)’ Амур. 1913–1914 [СРНГ 13: 10];

мухóрный ‘желтой масти’ *Мухорная лошадь у нас была.* Нижне-Турин. Свердл. 1971, *мухóртый* ‘гнедой, с белесыми подпалинами (о масти лошади)’ Слов. Акад. 1847, Южн.-Сиб. 1848, Сиб., Урал., Том., Новосибир. *Конь мухортый — гнедой или бурый, подбрюшное будто желтоватое, а морда белесовата.* Иркут., Калуж., *мухóрчатый* ‘пего-карий (о масти лошади)’ *Мухорчатая лошадь.* Забайкал. 1906, *мухóрый* ‘гнедой (о масти лошади)’ Соликам. Перм. *Много их мухорых-то было коней, я и не знал, которую седлать.* Иркут. [СРНГ 19: 38–39].

Слова рассматриваемой группы характеризуются в диалектах разной предметной отнесенностью. Так, термины *воронóй*, *игрénéвый* (*игрénий*), *калю́ный*, *кавúрый* (*ковúрый*), *мухóртый* (*мухóрный*, *мухóрчатый*, *мухóрый*), *пегáвый* (*пегáный*, *пегáсый*, *пегáтый*, *пéговый*), *савосíвый*, *солóвый* (*соловéлый*) обозначают только масти лошадей, а прилагательные *таргíлый* (*таргýлый*), *ча́лый*, *чубáрый* вместе с тем употребляются и по отношению к другим животным (иногда предметам):

таргíлый и *таргýлый* 1. ‘красный с черными полосами (о масти животного)’. *Таргíлый* Соль-Илецк. Чкал. 1955. *Таргýлый.* Ко-

тенята хороши: один таргылый, как тигр, с полосками черненькими. Корова таргылая. Р. Урал 1913, 'пегий, полосатый (о масти лошади, быка)' Уральск. 1960. *Буро-таргылый бык.* Уральск. 1960, 2. *Таргылый.* 'Сорт арбузов с крупными полосками и черными семечками' Р. Урал [СРНГ 43: 287];

чáлый 'серый с примесью другого цвета (о масти животного, чаще лошади)' *Чалая масть есть смешение белых волос с волосами других цветов; лошадь очень молодая кажется будто серой. Бывают лошади масти вороно-чалой, буро-чалой, гнедо-чалой и рыже-чалой.* Бурнашев 1843, Сиб. 1968, Кадуй. Волог., Твер., Пск. *Лошадь чалой масти.* Мещов. Калуж. 1916, Краснодар., Прииссыкул. Киргиз. 1970. *Чалая масть лошади потемней белой, посветлей сиво-железистой.* Стар. Ладога. Ленингр. *Чалый бык. Чалая корова.* Ростов, 1948–1950. *Чалый петух.* Свердл. 1965, 'мышинной масти (серо-голубой), иначе соловой' Новг. 1926, 'дымчатой масти' Ворон. 1967 [КСРНГ];

чубáрый 'пестрый, пятнистый (о масти лошади, имеющей мелкие темные пятна по светлой шерсти)' Сиб. Черепанов 1854, Южн.-Сиб. Гуляев 1847, Забайк., 'пестрый, рябой (о масти животных, об оперении птиц, об окраске яиц и прочих предметов животного происхождения)' *Чубарая корова. Чубарый гусак.* Словарь говоров Алтая, 'пестро-серый или пестро-желтоватый' Ягненок *чубарый.* Кадн. Волог. [КСРНГ].

Некоторые цветообозначения в говорах могут употребляться по отношению к человеку и называть цвет кожи, волос, иногда одежды:

ка́рий 'смуглый (о цвете кожи человека)' Пск., 1962 [СРНГ 13: 91];

пегáнный 'с сединой' *Пеганого уважать надо, а не подфигуривать над ним.* Забайкал. 1980 (безусловно, здесь возникает и возрастная характеристика человека) [СРНГ 25: 312]; *пегáтый* 'пестро одетый' Тихв. Новг. 1905–1921 [СРНГ 25: 312];

сиволéзый 'седой' *Не старик еще, а уже сиволезый.* Руднян. Смол. 1973 [СРНГ 37: 274]; *сívый* 'светлый, белокурый (о воло-

сах) Смол. 1890, Новг. *В детстве был сивым, а теперь, поди ж ты, почернел.* Хакас. Краснояр. [СРНГ 37: 276];

солово́й 'светло-рыжий (о цвете волос)' Р. Урал 1925, 'седой' *Голова солова — седой уже стал.* Том. 1995 [СРНГ 39: 278];

ча́лый 'полуседой (о человеке)' Сиб. 1854 [КСРНГ]; *чуба́рый* 'имеющий на лице, на теле, на одежде черные пятна, запачканный пятнами (о человеке)' Перм. Луканин 1856, Ворон. [КСРНГ].

Кроме цветового значения, слова этой группы могут выражать другие (не цветовые) внешние и оценочные характеристики животных и человека:

мухо́ртый 'малорослый, невзрачный' Борисоглеб. Тамб. 1830, Тамб., Калуж., Влад., 'непривлекательный, невзрачный' Ряз. 1960–1963, 'хилый, тщедушный, слабосильный' Борисоглеб. Тамб. 1830, Тул. *Мужишко мухортый, соплей перешибеишь.* Влад. *Мухортая кобылешка.* Свердл., 'худой, тощий' Моршан. Тамб. 1849, Калуж., 'неряшливый' Ряз. 1902, 'лохматый (о животных)' Тамб. [СРНГ 19: 38]; *мухо́рый* 'невзрачный' Волог. 1902, 'взъерошенный, встрепаный' Волог. 1902, 'косматый' Волог., 'неприветливый' Кирил. Новг. [СРНГ 19: 39];

сивый 'слабый, болезненный (о животном)' Пестов. Новг. *У Махи поросенок-то сивой какой-то, ничего не кормит его.* Р. Мста [СРНГ 37: 276];

соловельый 'вялый, сонный, осоловелый' *На другое утро соловелой (в)стает, когда до часу не спит дак. Та-то, друга, больно соловелая у вас.* Нижнетавд. Свердл. 1987. Ср. *соловельый* 'соловой масти' [СРНГ 39: 277].

Как видно, оценочные значения возникают у названий смешанных мастей, что, по-видимому, не является случайным, поскольку эти масти считались менее ценными в сравнении с однотонными: «*Мастистая лошадь, чистой, хорошей масти, не пегаая, не соловая и пр.*» [Даль 2: 794]. По мере выхода мастеобозначений из сферы активного употребления в речи сходство в структуре оценок, по-видимому, было утрачено, поэтому в СРНГ цветообозначения и оценочные характеристики представлены не как лексико-семантические варианты, а как омонимы. Попутно отме-

тим, что некоторые смешанные масти лошадей, напротив, ценились в прошлом: «*Чубарая масть под названием тигровая во время оно славилась, и многие, чтоб иметь чубарую четверню, делали подкраску, которая, как ни была искусно сделана, смывалась от дождя, что было довольно забавно*» Бурнашев 1843 [КСРНГ].

Словообразовательные связи цветowych гиппологизмов

Совокупность производных гиппологических мастеобозначений в говорах организуется по образцу словообразовательной парадигмы прилагательных со значением цвета в литературном языке [Белошапкина, Брызгунова и др. 1989: 336–337]. В ней также выделяются адъективный, субстантивный, глагольный и наречный блоки производных. Однако наполнение этих блоков специфично.

Так, в адъективном блоке у многих названий мастей, как и в литературном языке у «цветовых» прилагательных, отмечается образование оценочных производных:

бúсьий → *бúсенький* ‘серый, серенький’ Шадр. Перм. 1980, Том., *бусенькой* Сузун. Новосиб. 1965, ‘серый с голубоватым оттенком’ Каин. Том. 1913 [СРНГ 3: 304];

игрэний → *игрénенький* уменьш.-ласк. к *игрэний*. *Приглядываюсь к коням, вижу — коренник игрénенькой масти*. Вост.-Сиб. 1886 [СРНГ 12: 70];

кавúрый → *кавúренький* ласк. к *кавúрый*. Шегар. Том. 1964 [СРНГ 12: 295];

мухóртый → *мухóртеный* уменьш.-ласк. к *мухóртый*. *Мухóртеная кобылка*. Дон. 1949 [СРНГ 19: 38];

солóвый → *солóвенький* фольк. ласк. ‘соловой масти’. *Подъехал оратай-оратаюшко на своей кобылке солóвенькой*. Петрозав. Олон. Гильфердинг [СРНГ 39: 277];

чубáрый → *чубáренький* уменьш.-ласк. к *чубáрый* [КСРНГ] и др.

Подчеркнем, что многие общепотребительные мастеобозначения таких деминутивов не образуют (ср. *вороной, гнедой, саврасый* и др.).

Производные, выражающие слабую и сильную степень признака, характерные для «цветовых» прилагательных в литературном языке, в парадигмах диалектных названий мастей почти не отмечаются: встретилось только одно сложное наименование с таким компонентом: *серо-чаловáтый* ‘серый с примесью другого цвета (о масти лошади)’ *Серо-чаловатый жеребчик*. Р. Урал 1976 [СРНГ 37: 219]. При этом нужно учесть, что чалую масть обычно рассматривают как прирожденную «примесь отдельных белых волос к волосам основного цвета на туловище (особенно на крупе) и в меньшей степени на голове и ногах у рыжих, гнедых, вороных лошадей (рыже-чалая, гнедо-чалая, вороно-чалая)» [Гуревич, Роголев 1991: 222]. Таким образом, степень интенсивности признака («чалости») в данном случае может быть различна. Отсутствие же подобных образований у других гиппологических цветообозначений в литературном языке и говорах, на наш взгляд, связано с их семантикой: они сами выражают «степень» цветового признака, т. е. оттенки мастей: слова *игрeневый* (*игрeний*), *саврасый*, *кауры́й* называют светло-рыжую масть, термины *гнедой* и *мухортый* — темно-рыжую, *караковый* и *карий* — темно-коричневую и т. д.

В то же время в адъективном блоке наблюдается образование сложных прилагательных, называющих смешанные масти: *полово-пéгий*, *полово-сéрый*, *полово-таргýлый* [СРНГ 29: 95], *сиво-желéзный*, *сиво-желéзый*, *сиво-залéзый* [СРНГ 37: 274] (толкование и географию см. выше); *чалo-гнедо́й*, *чалo-пéгий* и др. [КСРНГ]. Возможно, сложным по структуре является и слово *савосíвый* ‘сивый (о масти лошади)’ Пинеж. Арх. 1878 [СРНГ 36: 324] — ср. *савра́сый* ‘серовато-белый, седой (о масти лошади)’ Р. Урал 1870. *Саврасая лошадь, седатая такая*. Арх. [СРНГ 36: 16] и *сívый* ‘сивой масти’. Наряду с цветовыми признаками в сложных прилагательных могут отражаться и другие внешние особенности животных (длина и пышность гривы, наличие пятен другого цвета и пр.): *бур-косма́т* фольк. ‘красивый, с большой гривой (о коне)’ *Уж и конь под ним бур-космат, У коня грива до сырой земли*. Влад. Макаров 1827; *буркóсмый* ‘бурый, с пышной гривой и хвостом’

Даль [без указ. места] [СРНГ 3: 290]; *рыжелысыый* ‘рыжий с белыми пятнами (о масти лошади)’ *Кобылица рыжелысой масти. Рыжелысыый мерин.* Р. Урал 1976 [СРНГ 35: 304]; *саврасо-лысыый* ‘саврасый с лысиной (о лошади)’ Р. Урал 1976 [СРНГ 37: 16]; *серояблочный* ‘с серыми пятнами (о масти лошади)’ *Вороной, буланый, чалый, каурый, саврасый... серояблочный бывает конь.* Параб., Туган. Том. 1964 [СРНГ 37: 219]; *сивоухий* ‘с сивыми ушами (о животном)’ *Кобыла сивоухая.* Тамб. [СРНГ 37: 275]. История сложных мастеобозначений в русском языке требует особого изучения [Одинцов 1978: 175].

В субстантивном блоке диалектных «цветовых» гиппологизмов последовательно образуются производные, обозначающие носителя признака — лошадь соответствующей масти:

голубой → *голубанушко* ‘конь пепельно-серой масти’ *А малешенек твой коничек голубанушко, удалешенек.* Беломор. Марков, Примор. Арх. [СРНГ 6: 332]; *голубой* → *голубец* ‘быстрый, стремительный конь голубоватой масти’ Пошех. Яросл. 1853. *Удастся голубец, не надобен и дубец. «Голубец означает здесь голубого коня, который на редкость удаётся лихим, и тогда не нужно дубца, погонялки».* Даль [без указ. места], ‘резвый, бодрый, хороший конь’ Ср. Урал 1964 [СРНГ 6: 336] (на первый план выходит сема быстроты, стремительности); *голубой* → *голубеюшко* ‘конь пепельно-голубой масти’ Примор. Арх. 1939–1941 [СРНГ 6: 337]; *голубой* → *голубко* ‘лошадь голубой масти; кличка такой лошади’ Сиб. 1854, Тобол., Челябин., Перм., Холмог. Арх., Онеж. КАССР, Белозер. Новг. [СРНГ 6: 338–339];

каурый → *каурко* и *ковурый* → *ковурко* ‘лошадь каурой масти; каурка’ *Кавурко. Другой конь бурко, А третий кавурко (песня).* Луж. Петерб. 1871. *Ковурко.* Перм. 1856. *Пришла из бани, поймала коворка, обседлала и поехала.* Вят. Зеленин [СРНГ 12: 295];

калюный → *калюнка* ‘лошадь калюной (серо-белой) масти’ Амур. 1913–1914, *калюный* → *калюнко* ‘конь калюной масти (красновато-серый, с блеском, с черным хвостом и гривой)’ *Да как махнет через поскотину на своем калюнке, только его и видели.*

Черкасов. Зап. охотн., Вост. Сиб., Слов. Акад. 1906–1907 [СРНГ 13: 10];

мухóрый → *мухóриха* ‘кобыла мышастой масти’ *Ну вот, если кобылица мышиною масти, то мухори́ха, а если жеребец, то мухорко* будет. Свердлов. 1971; *мухóрый* → *мухóрко* ‘жеребец мышастой масти’ Свердлов. 1971 [СРНГ 19: 38–39];

пегáнный → *пегáнка* ‘пегая лошадь’ Перм. 1856. *Пеганка* — *пегая лошадь с пятнами*. Челябин., Свердлов., Новосибир., Амур., Петерб. *Это у нас все лошади пеганки были в колхозе*. Моск., Прииссык-кул. Киргиз. ССР, Кабан. Бурят. АССР [СРНГ 25: 312]; *пегáнный* → *пегáнко* ‘то же, что пеган’ (‘пегий конь’) Сиб. 1854. *Пеганко, лошадь пеганая, был у отца-то*. Перм., Вят., Петерб., Онеж. КАССР, Тобол. [СРНГ 25: 312]; *пегáнный* → *пегану́ха* ‘то же, что пеганка’ Сиб. 1854. *Пегануха* — *лошадь пегая или пестрая, кто как скажет*. Моск. [СРНГ 25: 312];

синегрíвый → *синегрíвка* ‘светло-рыжая лошадь с белой гривой и хвостом, лошадь игреневого масти’ *Синегривка ли, игреня ли, все равно*. Махн. Свердлов. 1984 [СРНГ 37: 323].

Образование таких дериватов характерно и для литературного языка: *була́нный* → *була́нка* и *була́нко* [ССРЛЯ 1: 682], *була́нка* разг. и *була́нко* устар. [БАСРЯ 2: 247]; *бу́рый* → *бу́рка* обл. [ССРЛЯ 1: 702], *бу́рка* обл. и *бу́рко* устар. [БАСРЯ 2: 264]; *воронóй* → *воронка́* прост. [ССРЛЯ 2: 680], *воронко́* устар. [БАСРЯ 3: 143–144]; *гнедо́й* → *гнедо́к* [ССРЛЯ 3: 172], *гнедо́к* устар. и разг. [БАСРЯ 4: 190], *гнеду́ха* прост. [БАСРЯ 4: 191]; *кау́рый* → *кау́рка* [ССРЛЯ 5: 880], нар.-поэт. и разг. [БАСРЯ 7: 715]; *пéгий* → *пегáш* прост., *пегáшка* прост. [ССРЛЯ 9: 346], разг. [БАСРЯ 15: 520]; *савра́сый* → *савра́с*, разг., *савра́ска* разг. [ССРЛЯ 13: 32; БАСРЯ 24: 198–199]; *сívый* → *сívка*, *сívко* и *сивко́* разг. [ССРЛЯ 13: 760; БАСРЯ 25: 480], *ча́лый* → *ча́лка* устар. и простореч. [ССРЛЯ 17: 754] и др. С учетом диалектных слов количество наименований лошадей по масти, производных от общепотребительных цветообозначений, увеличивается:

воронóй → *во́ронке* ‘конь вороной масти’ *А сивогривый, кологривый И маленький полонен во́ронке Голову залячил и хвост зало-*

мил. Петрозав. Олон., Рыбников. *Ай же ты сивушка бурушка, Да ты веций воронке.* Онеж., Гильфердинг [СРНГ 5: 116]; *вороной* → *воронок* 'конь вороной масти' Влад. 1906, Иван., Волог., Твер. *Заложу, родимый тятенька, Лошадку воронка* (частушка) Свердл. *Вот я и понадеялся на воронков-то, да и попал впросак.* Сиб. [СРНГ 5: 116]; *вороной* → *воронуха* 'вороная кобыла' *Шевели воронуху-то.* Тобол. 1911–1920, Охан., Осин. Перм. [СРНГ 5: 117];

игрénий → *игрénько* 'лошадь игренево́й масти; кличка такой лошади' *Игрénька-то запряги в корень, он смирнее под горы-те, а чубарка в пристежки.* Перм. 1856, Урал., Сиб. [СРНГ 12: 70]; *игрénий* → *игрénька* 'то же, что игрénько' Слов. Акад. 1927 [без указ. места]. *Может, попросят лошадь, так дай игрénьку.* Параб. Том. 1964, Иркут., Южн. Урал. [СРНГ 12: 70]; *игрénий* → *игрénя* 'то же, что игрénько' Муром. Влад. 1897 [СРНГ 12: 70];

ка́рий → *ка́рька* 'лошадь карей масти; кличка такой лошади' *Карьку запряги.* Верхне-Кет. Том. 1964, Ср. Урал [СРНГ 13: 112]; *ка́рий* → *ка́рько* и *карько́* 'то же, что карька' *Ка́рько.* Шенк. Арх. Макаров, Арх. *Идти подать карьку-то охоботья.* Костром., Вят., Перм., Сиб., *Карько́.* *Поди-ко сведи карька-та в перемену, да ступай.* Перм. 1856, Твер., Влад., Костром., Олон., КАССР. *Напоил карька и ночью пустился домой в деревню.* Новг., Куйбыш., Алт. *Карьке.* Котельн. Вят. 1908. *Карьке.* Вытегор. Олон. 1885–1898. *Карько* [удар?]. Тобол. 1896 [СРНГ 13: 112–113]; *ка́рий* → *карю́ха* 'лошадь карей масти' *Ну, карю́ха, вывози!* Кадрн. Волог. 1908. *Каря лошадь, так карю́ха, карюшка.* Арх., Волог., Яросл., Нижегород., Новг., Пск., Ворон., Свердл., Ср. Урал [СРНГ 13: 112–113];

мухо́ртый → *мухо́ртка* 'лошадь гнедой масти с желтыми подпалинами' Глубок. Вост.-Казах. 1967 [СРНГ 19: 38]; *мухо́ртый* → *мухо́ртко* 'то же, что мухортка' Южн.-Сиб. 1847 [СРНГ 19: 38]; *мухо́ртый* → *мухо́рто* 'жеребец или мерин гнедой масти' Урал. 1960 [СРНГ 19: 39];

пéгий → *пегáн* 'пегий конь' Осташк. Калинин. 1946. *Лошади разные бывают: пеган, пегашка, саврас.* Амур. [СРНГ 25: 313]; *пéгий* → *пегáч* 'то же, что пеган' Пск., Осташк. Твер. 1855 [СРНГ 25: 313]; *пéгий* → *пегу́ха* 'то же, что пеганка' Осташк. Калинин. 1946. *А тебе на,*

Ваня, пегуху, волки, может съедят. Том., Новосиб., Усть-Канск. Горно-Алт., Свердлов. [СРНГ 25: 313], *пéгий* → *пегу́ша* ‘то же, что пеганка’ Бударин. Сталингр. 1958 [СРНГ 25: 313];

савра́сый → *савра́ско* ‘лошадь саврасой масти’ Вят., 1915 [СРНГ 36: 16];

се́рый → *се́ро́к* ‘конь серой масти’ *Если он вороной конь, так его зовут воронком, если серый, так серком.* Новосиб. 1978 [СРНГ 37: 218];

си́вый → *сиво́к* ‘конь сивой масти’ Сиб. 1854 [СРНГ 37: 274];

соло́вый → *солóвка* ‘лошадь соловой масти’ Р. Урал 1976, *Солов-ка* — *соловой конь.* Том. [СРНГ 39: 277]; *солóвый* → *соловко́* ‘конь соловой масти’ *Соловко чего-то стал на заднюю ногу припадать, прихрамывать.* Перм. 1856, Перм., Петроград., Том., Сиб. [СРНГ 39: 277–278]; *солóвый* → *соловуха́* ‘лошадь соловой масти’ Сиб. 1968 [СРНГ 39: 278];

ча́лый → *ча́лка* ‘лошадь чалой масти’ Сл. говоров старообр. Забайкалья; *ча́лый* → *ча́лко* ‘чалый конь’ Сиб. 1854, Соликам. Перм.; *ча́лый* → *чалуха́* ‘чалая кобыла’ Сиб. 1968;

чуба́рый → *чуба́рик* ‘чубарый конь’ Малеча; *чуба́рый* → *чубаруха́* ‘чубарая кобыла’ Сиб. Черепанов 1854 [КСРНГ] и др.

На базе названий лошадей по масти активно образуются деминутивы и клички лошадей: *Бу́рочка* Уменьш.-ласк. к *бурка.* Ставроп. Самар. 1884 [СРНГ 3: 288]; *Бу́рушка* и *бу́рушко* Уменьш.-ласк. к *бурко* (в 1-м знач.) Влад., Новг., Олон. 1870, Печор., Яросл. [СРНГ 3: 299]; *Буру́шка* Уменьш.-ласк. к *буруха* (в 1-м знач.) Буйск. Костром. 1897 [СРНГ 3: 300]; *воро́нухонька* Уменьш.-ласк. к *воронуха.* Мезен. Арх. [СРНГ 5: 117]; *каву́рушка* и *кову́рушко* Ласк. к *ковурко.* Петрозав. Олон., Кирил. Новг., Арх. [СРНГ 12: 295]; *каву́рчик* Ласк. к *каурка.* Влад. [СРНГ 12: 295]; *Ка́рюшка* Уменьш.-ласк. к *карька.* Волог., Пск., Ленингр. 1928, КАССР, Вельск. Арх. [СРНГ 13: 113]; *Ка́рюшко* Уменьш.-ласк. к *карько.* Шенк. Арх. 1897, КАССР, Волог., Пск., Перм. [СРНГ 13: 113]; *пегарёк* Ласк. ‘пегий конь’ Мещов. Калуж. 1916 [СРНГ 25: 312]; *си́вочка* Ласк. ‘лошадь сивой масти’ Пск. 1907 [СРНГ 37: 275], *си́вушка* Фольк. Ласк. ‘лошадь сивой масти’ Олон. 1870 [СРНГ 37: 275]; *си́вушка* Мезен. Арх.

1878 [СРНГ 37: 275]. Образование деминутивов и гиппонимов, очевидно, имеет взаимосвязанный характер [см. об этом: Варникова 2019: 191–193].

Предметная отнесенность рассмотренных дериватов, как правило, определяется соответствующими характеристиками производящих прилагательных: субстантивы, производные от слов *ворно́й, игрэневый (игрэний), калю́ный, каву́рый (кову́рый), мухо́р-тый (мухо́рный, мухо́рчатый, мухо́рый), пегáвый (пегáный, пегá-сый, пегáтый, пего́вый), савоси́вый, солово́ый (солове́лый)*, называют по масти только лошадей, производные же от прилагательных *тарги́лый (тарги́лый), чуба́рый* обозначают и животных других видов: *тарги́л* и *тарги́л* 1. ‘бык темной масти с черными полосами’. *Тарги́л. Тарги́л весь бурый и вроде волнистый*. Соль-Илецк. Чкал. 1955. Оренб., *Тарги́л*. Р. Урал 1976. 2. *Тарги́л*. ‘красная с черными пятнами масть коровы’ Чкал. 1955 [СРНГ 43: 287] (правда, здесь возникает вопрос о том, что первично, существительное или прилагательное); *чуба́рик* ‘ягненок белой масти с черной шерстью на голове’ Моисеев, Соль-Илец. Чкал. 1955; *Чуба́рка* кличка чубарой коровы. Малеча; *Чуба́рынька* кличка чубарой коровы. Малеча [КСРНГ]. О предметной отнесенности субстантивов, производных от цветообозначений, имеющих широкую сочетаемость (*белый, бурый, бусый, пестрый, серый, сивый*), а также о связи «цветовых» зоонимов с антропонимами см.: [Варникова 2019: 199–202].

В соответствии с семантикой производящих некоторые существительные употребляются по отношению к человеку: *мухо́рко* ‘то же, что мухорт’ Казан., Перм., *мухо́рт* ‘о человеке с непривлекательной наружностью’ Ростов. Яросл. [СРНГ 19: 38]; *пегáнка* ‘о человеке с сединой, с волосами разного цвета’ *Ушел на войну с русыми волосами, а вернулся с русыми пополам с белыми, получил пеганка*. Забайкал. 1980, *пегáч* ‘о человеке с рябым лицом’ Пск., Осташк. Твер. 1855 [СРНГ 25: 312].

От названий мастей, характеризующихся наличием подпалин на фоновом цвете, образуются названия пятен: *пéгина* ‘белое или светлое пятно на темной шерсти животного’ *Бывало, поехали со-*

рок братьев отца крестить; у их была соропегая кобыла, сорок братьев все на ней выселись, всяк на свою пегину. Арх. Ончуков; *пеготá* 'пятна, лишай на теле человека' Слов. Акад. 1847. *Старость, видно, одолевать зачала: спина вот можжит, ноги пухнут, вдоль грудины пегота пошла.* Олон. 1903; *пегóтина* 'темное вкрапление в окраске чего-либо' Хвойнин. Новг. 1937; *пéжа* 'пятно другого цвета на шерсти лошади' *Сама гнедая, а пежа на лбу белая.* Забайкал. 1980 [СРНГ 25: 313]; *чубáрина* 'коричневое пятно на лице, иногда родимое пятно темно-коричневого цвета' Малеча [КСРНГ].

Важно отметить, что в субстантивном блоке словообразовательной парадигмы диалектных и общепотребительных мастеобозначений, в отличие от «цветовых» прилагательных в литературном языке, отсутствуют названия отвлеченного признака. Встретилось только одно слово *бусовá* 'темная синева неба до восхода и после захода солнца' Арх., Даль [СРНГ 3: 305], но оно, как видно, не имеет отношения к лошадям (да и само производящее прилагательное, как было отмечено выше, обычно не относится к гиппологической лексике).

В глагольном блоке почти полностью отсутствуют дериваты, выражающие значение 'делать каким-либо', по той причине, что признак, обозначаемый производящими прилагательными (масть лошади), имеет естественно-природный, более того, наследственный характер. Отмечен только один глагол *воронítь* 'обжигать на огне, палить' *И свинью, и птицу у нас навсегда воронят.* Гребен. Терск. 1902 [СРНГ 5: 115]. По этой же причине от большинства мастеобозначений не образуются и глаголы со значением 'становиться каким-либо'. Исключениями являются слова *бúсый* и *полóвый*, от них такие глаголы образуются, но не по отношению к масти лошадей: *бусéть* 'сереть, синеть' Даль [без указ. места]. Соликам. Перм. 1930, 'синеть, темнеть' «*Говорят о белке, что она бусовеет, побусела, если при линянии шерсть переходит из рыжеватого в серо-голубоватый цвет*». Арх. Подвысоцкий 1885, 'темнеть, чернеть' Даль [без указ. места]. *Уж ты матушка моя елинка, отпущай-ка шелковое прутье, Ты прикрой-ка тело*

мое бело, чтоб от солнца тело не горело, от дождя бы тело не бусело. Волог. Соболевский. *Он сбирал дани пошлины... Он-де набрал много золота и серебра... Да и больше того он набрал меди аравитские... Никогда она не бусела и не ржавела.* Каргоп. Олон. Гильфердинг, Арх., Каин. Том. [СРНГ 3: 304]; *бусоветь* 'сереть, синеть, темнеть, чернеть' Даль [без указ. места], *бусоветь* 'о белке, когда рыжеватый цвет ее шерсти меняется на серо-голубой' Арх. 1885 [СРНГ 3: 305]; *половётъ* 'желтеть' Ворон., Курск., Даль. *Солнце греет, Жито половеет.* Смол., 'краснеть (от стыда, смущения, гнева и т. п.)' Холмог. Арх. 1907. *Ты чего же половеешь, смотри на меня прямо!* Тул., Орл., Сиб. [СРНГ 29: 87].

Наречный блок, как и глагольный, характеризуется спорадичностью производных: как известно, и в литературном языке от названий мастей лошадей наречия не образуются. В диалектной же речи они встречаются, но мотивируются преимущественно переносными значениями цветоименований или сами выражают эти значения: *бусо* и *бусó* 'неясно, смутно' *В твоих очках-то я ничё не вижу, бусо в их, темно. Гляжу, а все сливаются, бусо вижу буквы-те.* Ср. Урал. 1964 [СРНГ 3: 305]; *мухóрно* 'неопрятно' Красноуфим. Перм. 1913 [СРНГ 19: 38]; *мухóрто* 'неприятно' Кунгур. Перм. [СРНГ 19: 38]; *пегáно* 'в полоску; пестро' Соликам. Перм. 1973 [СРНГ 25: 312].

Выводы

Группа «цветовых» гиппологизмов, сфера употребления которых в современной русской речи сужается, представлена в Словаре русских народных говоров в более архаичном виде, что позволяет проследить историю этих слов в языке XIX–XX вв. Словарь отражает процесс постепенной архаизации названий мастей лошадей в русском языке: об этом свидетельствуют искаженность формы некоторых наименований, множественная фонетическая и словообразовательная вариантность, расширение предметной отнесенности, различия в значениях одних и тех же слов в разных говорах и др.

Состав гиппологических мастеобозначений в говорах в сравнении с литературным языком более разнообразен: в СРНГ еще фиксируются прилагательные, входившие в рассматриваемую группу слов в древнерусском языке, некоторые из них отмечаются только в сложных наименованиях мастей или в названиях цвета волос гривы животных, встречаются также редкие по употреблению тюркские заимствования, в качестве гиппологизмов в говорах используются не конские мастеобозначения и даже не мастеобозначения.

Семантика цветowych гиппологизмов в диалектах шире и сложнее, нежели в литературном языке: отмечаются различия в значениях отдельных названий мастей лошадей в литературном языке и говорах, могут также различаться значения одних и тех же слов и их вариантов в разных диалектах, некоторые мастеобозначения в говорах могут употребляться по отношению к человеку и называть цвет кожи, волос, иногда одежды, кроме цветового значения, слова этой группы могут выражать не цветовые и оценочные внешние характеристики животных и человека.

Совокупность производных гиппологических мастеобозначений в говорах организуется по образцу словообразовательной парадигмы прилагательных со значением цвета в литературном языке. В ней также выделяются адъективный, субстантивный, глагольный и наречный блоки производных, но наполнение этих блоков специфично.

В адъективном блоке у многих прилагательных, как и в литературном языке, отмечается образование оценочных производных, производные же, выражающие слабую и сильную степень признака, характерные для «цветовых» прилагательных в литературном языке, в парадигмах диалектных названий мастей почти не отмечаются, в то же время в адъективном блоке наблюдается образование сложных прилагательных, называющих смешанные масти, наряду с цветовыми признаками в них могут отражаться и другие внешние особенности животных (длина и пышность гривы, наличие пятен другого цвета и др.).

В субстантивном блоке словообразовательной парадигмы диалектных цветowych гиппологизмов последовательно образуются производные, обозначающие носителя признака — лошадь соответствующей масти; при этом некоторые слова имеют более широкую предметную отнесенность и употребляются по отношению к другим животным и человеку.

В глагольном и наречном блоках дериваты фиксируются лишь у отдельных названий мастей (точнее, их лексико-семантических вариантов), что, по-видимому, объясняется абсолютным характером обозначаемого ими природного признака.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810 «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI вв.)».

Литература

Белошапкина В. А. (ред.) (1989) *Современный русский язык: учебник для филол. спец. ун-тов*. В. А. Белошапкина, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. М.: Высшая школа.

Варникова Е. Н. (2019) Клички животных в Словаре русских народных говоров. *Севернорусские говоры*, 18: 188–211.

Добродомов И. Г. (1970) Карий. *Русский язык в школе*, 4: 105.

Дыбо А. В. (2004) Названия мастей в русском языке: система и происхождение. *Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола*. М.: МГУ; ИЯ РАН: 14–16.

Одинцов Г. Ф. (1973) Два ногайских заимствования в русском языке. *Этимология* 1971. М.: Наука: 201–204.

Одинцов Г. Ф. (1978) К истории русских гиппологических цветообозначений. *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка*. М.: Наука: 172–221.

Сокращения источников

БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка*. Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд и др. Т. 1–26. М.; СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается).

- Веселовский 1974 — Веселовский С. Б. *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.: Наука, 1974.
- Гуревич, Рогалев 1991 — Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. *Справочник по конному спорту и коневодству*. М.: Роагропромиздат, 1991.
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М.: Прогресс: Универс, 1994.
- Калашников 2000 — Калашников В. В., Соколов Ю. А., Пустовой В. Ф. и др. *Практическое коневодство*. Под ред. В. В. Калашникова и В. Ф. Пустового. М.: Колос, 2000.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).
- Кюршунова 2010 — Кюршунова И. А. *Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
- СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев и др. Вып. 1–30. М.; СПб.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975–2015 (издание продолжается).
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Тупиков 2004 — Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. М.: Русский путь, 2004.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4-х т. М.: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004.
- Черных — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: В 2-х т. М.: Русский язык, 1994.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–41. Отв. ред. О. Н. Трубачев (вып. 1–31), О. Н. Трубачев и А. Ф. Журавлев (вып. 32), А. Ф. Журавлев (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 39–41). М.: Наука, 1974–2018. (издание продолжается).

Evgeniya Varnikova

HORSE COLOR NAMES IN THE DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS

Citation: Varnikova E. (2020) Nazvaniya mastei loshadey v Slovare russkikh narodnykh govorov [Horse color names in the Dictionary of Russian folk dialects]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 158–181. (in Russian)

About the author. Varnikova Evgeniya. Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, Russia. <e-varnikova@yandex.ru>

Abstract. The article discusses the composition, semantics and word-formation relations of the horse color names in the Dictionary of Russian folk dialects. The composition of hippological color designation notations in dialects is more diverse in comparison with the literary language. Thus, the Dictionary includes adjectives presenting the considered lexical group in Old Russian, some of them are used only in complex names of colors or in the names of the animal mane hair color; the Dictionary also describes rare Turkic borrowings as well as some non-horse color designations that are used as horse hippologisms. The words of the group in question are characterized with a wide phonetic and word-formation variation when they are used in dialect speech. The semantics of color hippologisms in dialects is wider and more complex than in the literary language. The set of derivatives of hippological color designations in dialects is organized according to the derivational paradigm of color adjectives typical for the literary language. This paradigm also includes adjectival, substantival, verbal and adverbial blocks of derivatives, but the composition of these blocks is specific.

Keywords: Dictionary of Russian folk dialects, designations of horse colors, horse color names, nicknames of horses.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00810 “Karelian Pomorye: lexicon and onomastics (16th–21st centuries)”.

References

Barkhudarov S. G., Filin F. P., Shmelev D. N. (eds.) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the 11th–17th century Russian].

Vol. 1–30. Moscow; St. Petersburg: Nauka: Azbukovnik; Nestor-Istoriya (the publication continues). (in Russian)

Beloshapkova V. A. (ed.) (1989) *Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnyk dlya filol. spets. un-tov* [The modern Russian language: a guidebook for philological departments of universities]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russian)

Chernykh P. Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. 1–2. Moscow: Rus. yaz. (in Russian)

Chernyshev V. I., Barkhudarov S. G., Vinogradov V. V., Filin F. P. (eds.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 1–17. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russian)

Dobrodomov I. G. (1970) Kariy [Dark-brown]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 4: 105. (in Russian)

Dybo A. V. (2004) Nazvaniya mastey v russkom yazyke: sistema i proiskhozhdeniye [Designations of horse colors in Russian: system and origin]. *Problemy tsveta v etnolingvistike, istorii i psikhologii. Materialy kruglogo stola* [Problems of color in ethnolinguistics, history, and psychology. Materials of the round table discussion]. Moscow: MGU; IYA RAN: 14–16. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.) (2004–2019) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1–26. Moscow; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Kyurshunova I. A. (2010) *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvaniiy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of non-Christian names, nicknames and surnames in the 15–17th century North-West Russia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (in Russian)

Odintsov G. F. (1973) Dva nogaiskikh zaimstvovaniya v russkom yazyke [Two Nogai loan words in the Russian language]. *Etimologiya 1971* [Etymology 1971]. Moscow: Nauka: 201–204. (in Russian)

Odintsov G. F. (1978) K istorii russkikh gippologicheskikh tsvetooobnazheniy [To the history of Russian hippological nominations of color]. *Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka* [Studies in the Old Russian word-formation and lexicology]. Moscow: Nauka: 172–221. (in Russian)

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F., Varbot Zh. Zh. (eds.) (1974–2018) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1–41. Moscow: Nauka. (in Russian)

Tupikov N. M. (2004) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of the Old Russian personal names]. Moscow: Russkiy put'. (in Russian)

Varnikova E. N. (2019) Klichki zivotnykh v Slovare russkikh narodnykh govorov [Nicknames of animals in “Dictionary of Russian folk dialects”]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 188–211. (in Russian)

Vasmer M. (2004) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow: Astrel-AST. (in Russian)

Veselovskiy S. B. (1974) *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvishcha i familii* [The onomasticon. Old Russian names, nicknames, and surnames]. Moscow: Nauka. (in Russian)

О. В. Васильева

ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ НОМИНАЦИИ И СРАВНЕНИЯ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИКИ)

Цитирование: Васильева О. В. (2020) Оценка человека через номинации и сравнения в псковских говорах (на материале предметной лексики). *Севернорусские говоры*, 19: 182–208.

Сведения об авторе. Васильева Ольга Владимировна. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
<o.vasilieva@spbu.ru>

Аннотация. В статье на материале вышедших выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» рассмотрены все случаи использования номинаций, относящихся к предметному миру, применительно к человеку. Использование предметной лексики по отношению к людям маркирует какое-либо явное отличие внешности или поведения человека от нормы. Чаще всего образные номинации данной группы акцентируют визуально обнаруживаемые отличия. Одни из них являются постоянными (очень высокий человек, очень полный человек и т. п.), другие ситуативными (кто лежит неподвижно, кто промок и т. п.). Менее распространены переносные номинации со звуковой мотивировкой (о том, кто ворчит, кто кричит). Достаточно часто переносные номинации «предмет → человек» используются для оценки поведенческих или умственных особенностей человека.

Ключевые слова: псковские говоры, оценочная лексика, предметная лексика, номинации, сравнения, метафоры, Псковский областной словарь с историческими данными.

1. Введение

Псковский областной словарь с историческими данными [ПОС] в совокупности всех своих материалов — опубликованных выпусков, богатейших картотек, которые содержат почти 2 миллиона карточек, записанных в экспедициях 1945–2019 годов, архивных материалов — являет ценнейшее собрание высказываний псковского крестьянства, которые изучались и будут изучаться в самых разных аспектах [Большакова 2013]. В данной

статье рассмотрены все случаи использования номинаций, относящихся к предметному миру, но применяющихся по отношению к человеку, которые представлены в ПОС (весь материал цитируется по собранию КПОС). 27 выпусков ПОС (лексемы на буквы от *a* до *n*) содержат более 350 таких случаев. Поскольку возможность переноса номинаций из сферы «предметы» в сферу «человек» исследуется типологически, языковая сущность подобных сближений (образное сравнение или метафорическая субституция) не столь существенна и не дает оснований рассматривать эти две группы примеров по отдельности. Как пишет Г. Н. Скляревская, «едва ли не любое свойство любого предмета... может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне» [Скляревская 2004: 89]. И далее: «Исследуя языковые метафоры, можно сделать важные выводы... в частности, о том, какие человеческие качества порицаются и какие одобряются, какие реалии действительности устойчиво связываются ассоциациями в сознании членов языкового коллектива» [Там же: 111]. Признаки, лежащие в основе ассоциативных номинаций и сравнений, могут быть как постоянными, так и временными, а ассоциации могут быть основаны на том, что человек видит, слышит или чувствует, что он думает о поведении, умственных способностях или чертах характера того, кто получает оценочную номинацию.

2. Визуальные ассоциации

2.1. Постоянные признаки

2.1.1. Номинации и сравнения высокого человека

Очень высокий (и при этом часто худой) человек получает в псковских говорах наименования по названиям предметов, имеющих большую протяженность в длину при небольшом поперечном сечении: *должи́на* 'длинная жердь' *Кака́я далжи́на ё́тат Кашелёнак!* Оп., *Кака́я вь́расла далжи́на!* Палк., *дуби́на* 'палка, трость' *Э́кая дуби́на вь́махал.* Палк., *Не нагляжу́, што ты*

дубіна далгáя, *пат паталок* в́ырас, *атпарю* кнутóm. Беж., *Такá дьб́ина* в́ырасла. Гд., *жерд́ина* ‘то же, что *жердь* — длинный тонкий ствол срубленного дерева’ *А кагда́ гарáст высóк, рáньша гавар́или: вон какá жард́ина* иль *дуб́ина* *пашла́*. Оп., *М́ишка-та* с *áрмии* *пришóццы* *худóй*, *каг жырд́ина*. Гд., *зыб́лина* ‘длинный гибкий шест, к которому подвешивалась колыбель’ *Во, сматр́и, какáя зыб́лина* *в́ыстибала*. Вл., *каланч́а* ‘устройство для хранения сена на улице: четырехскатная крыша на столбах’ *Каланч́а*, *дóлгая дё́йка*. Н-Сок., *оглóбля* ‘длинная жердь, палка’ *Высóкий тóшиный чилав́ек — ёта фит́иль, аглóбля*. Порх., *ор́ясина* ‘длинная палка’ *Вон какóй пáрень ор́ясина*. Кр., *Во, сматр́и, какáя зыб́лина* *в́ыстибала* — *в́ышы бáтьки* *стал ар́ясинай*. Вл., *остров́ина* ‘заостренный ствол дерева с сучками, устанавливаемый в основание стога или используемый для сушки сена, льна и т. п.’ *А катóра как астрав́ина, так на ней ф́сё как на калú сид́ит*. Печ., *подав́алка* ‘длинные вилы’ *Анá такáя бальш́ая, как падав́алка*. Сош.

К данной группе номинаций относится и образное выражение *три мэтра сухостóя* ‘о худощавом человеке высокого роста’: *Лёня Грóшэв — три мэтра сухостóю*. Пск. В этом случае, как и в предыдущих, с признаком «высокий» сочетается признак «худой».

2.1.2. Номинации и сравнения человека небольшого роста

Столь же объемна группа визуальных ассоциаций «человек маленького роста — небольшой предмет». Со всей очевидностью эта группа распадается на две подгруппы: в одних случаях речь идет о маленьких детях, для которых признак «небольшой рост» является в́ременным, в других случаях — о взрослых людях небольшого роста.

Примеры первой подгруппы: *гриб* ‘низшее споровое растение в виде шляпки на ножке’ *Мáлиц* — *ёта взрóслый, а ёти — гриб зав́ут надрóски*. Холм., *капл́юшка* ‘то же, что *капля* — маленькая частица жидкости, принявшая округлую форму’ *Не ход́и тудá, капл́юшка!* Стр., *крóха* ‘маленький кусочек какого-н. вещества’ и синонимичные дериваты данной лексемы с умень-

шительно-ласкательными суффиксами: *Лэну привялі — такую крѳху — две нидѳли*. Ляд., *Ана шо ма́линька, крахѳтушка*. Оп., *Ніна, прихаді — я крѳшыньку буду мыть*. Порх., *Мама принесѳт на поле крѳшэчку*. Пушк., *Я осталась з двум крѳшкам одна*. Пл., *лѳжка* ‘предмет для зачерпывания пищи’ *Меня взяли ма́ленькую, как лѳшку, на воспитание*. Стр., *лубѳк* ‘небольшое лукошко’ *Вызлунили лупкі весь цай*. Беж., *оковало́к* ‘краюшка’ *Ма́хенький* [ребенок] *как акува́лак*. Аш.

Примеры второй подгруппы: *кнѳпка* ‘металлическое острие со шляпкой для прикалывания бумаги, ткани к чему-н. твердо-му’ *Пашла пляса́ть на́ша кнѳпка*. Пушк., *крѳшка* ‘маленький кусочек чего-н.’ *Бывала иду́т ані, Па́ня с мужыко́м: ана крѳшка; как кабы́ла с жырябѳнкам иду́т*. Пуст., *крѳна* ‘сосуд’ *А Крѳни́ха патаму́: муш ма́линький, как крѳнка — и назвали Крѳна*. Остр., *кубы́шка* ‘деревянная колодка округлой формы, основа щетки для чесания льна’ *Кубы́шка — э́та ма́линькава ро́ста дѳвушка*. Беж., *метрѳвка* ‘доска длиной в один метр’ *Ф Ство́льни бы́ла ма́линькая дѳфка, Мятрѳфка́й зва́ли; празва́ли, бы́ла прѳзви́ша: растко́м малава́та*. Беж., *наколю́шка* ‘шило’ *Аннѳва* [мужчину] *зва́ли Накалю́шка*. Он *тако́й ма́линький был, нибальшо́й*. Остр., *недорѳдыш* ‘маленький плод’ *Ма́линькава чалаве́ка па-смяшнѳму заву́т нидарѳдыш*. Кр., *недорѳст* ‘маленький плод’ *Забава ни-дарѳстыш на́да мно́й лама́ица — так ниужэ́ли нидарѳсту́ буду в но́ги кла́ница? Печ., обру́бок* ‘отрубленная часть бревна’ *Э́та абру́бак бу́дит мне фка́зывать! Караты́шка, ад гарика́ два вяри́ка*. Остр., *огуре́ц* ‘плод растения огурец’ *Я ро́стам бы́ла как угуре́ц*. Пл., *пингалѳтка* ‘небольшой шпингалет’ *Во́т э́та-та дѳву́ня бальшу́и́шая и здараву́нная, а э́та-та пингалѳтка*. Остр.

Анализ материала показывает, что, хотя для первой подгруппы (маленькие дети) характерно использование лексики с мелиоративной коннотацией (диминутивов), это не является обязательным правилом. Так, с одной стороны, номинация *гриб* по отношению к маленькому ребенку не входит в число слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом — правда, и оценка эта принадлежит не взрослым, которые используют по отношению к ма-

леньким детям преимущественно диминутивы, а подросткам, с их поведенческой и языковой категоричностью. Лексема *лѡжка* также лишена положительной окраски, но и она употреблена информантом по отношению к самому себе в детстве. Кроме того, среди тех номинаций и сравнений данной подгруппы, которые употребляются взрослыми людьми по отношению к детям, наряду с диминутивами встречается нейтральная лексема *оковѡлок* ‘горбушка, краюшка’. С другой стороны, положительно окрашенные номинации могут употребляться и по отношению ко взрослым людям небольшого роста — *крѡшка, колпачѡк* (правда, в обоих случаях речь идет о девушке и женщине, что, однако, не отрицает гипотетическую возможность использования подобных номинаций по отношению к лицам мужского пола). К первой подгруппе примыкает фразеологизм *с горѡшину* (*Ты яшиѡ была з горѡшину, а я ужѡ бѡгал по-хорѡшему*. Стр.), а ко второй — *недорѡд бѡсов* (*Нидарѡт бѡсаф — мѡлинький и сѡхинький*. Остр.) и метр *с кѡпкой* (*Сѡм-та — метр с кѡпкой*. Пск.).

Более сложной мотивировкой обладает женское прозвище *Копѡйка*: *Прѡнюшка давнѡ памѡршы, а анѡ фсѡ живѡ, Копѡйка. Анѡ мѡлинькая былѡ, вот анѡ Копѡйка и звѡли*. Дед. Связующим элементом здесь тоже оказывается сема «маленький», однако не только по величине (поскольку копеечная монетка невелика), но и по достоинству. За исключением этого любопытного примера, все прочие вторичные номинации людей, отличающихся по росту от нормы, даются по названиям предметов, имеющих, соответственно, большѡю или маленькѡю длину.

2.1.3. Номинации и сравнения полного человека

Другая антитеза, столь же хорошо представленная в псковских говорах, маркирует полюсы «поперечной шкалы» — излишнюю полноту или худобу человека. При этом так же, как и в случаях с маркировкой отличий по росту, метафорические сближения отличаются завидной устойчивостью. Так, в анализируемом материале типична ассоциация «очень полный человек — предмет округлой формы»: *вакарина* ‘толстый пень’ *Дужѡя, здарѡвая,*

што **вака́рина**. Сер., доща́н ‘бочка’ Иногда так называют толстых людей, например, говорят: «Эва, какой доща́н!» Копаневич, звено́ ‘составная часть, кольцо цепи’ О, паи́ла дяви́ца, как звяно́. Де́душка ска́жэт: О, како́е звяно́ паи́ло, по́лнае, здра́овае. Па́рень како́й здра́овый, и дяви́ца здра́овае. Беж., ка́дка и каду́шка ‘деревянная посудина цилиндрической формы, сделанная из досок, стянутых обручем’ Я бы́ла здра́овае, как ка́тка. Пл., Мужы́к то́лстый как каду́шка. Остр., ка́лица ‘брюква’ И то́лстую жэ́ншишину назаву́т ка́лица. Остр., кваи́ня ‘кадушка для теста’ Расталсте́ла как кваи́ня. Печ., кле́цка ‘кусочек теста, сваренный в воде, бульоне или молоке’ Она́ така́я кле́цка. Оп., кляч ‘толстое бревно’ Мужы́к как кляч, ни ши́ить, ни разарва́ть яво́. Остр., Лы́тки как ни́тки, а сама́ как кляч. Пушк., кувáлда ‘большой ручной молот’ Сама́ как кувáлда разажра́фшысь. Гд., лесíнина ‘толстое дерево’ Де́душка был то́лстый, как лисíнина ф саду́. Остр., мякльíш ‘средняя, мягкая часть хлеба’ Был тако́й здра́овый, как мякльíш, а типе́рь пахудёл. Остр., обáбок ‘большой подберёзовик’ Вот и будя́ как абáбак, мяхкий тако́й, зажырэ́я. Кр., одóнок ‘стог сена’ Ана́ как адóнак, навёрна, ста́ла. Вл., оклёпыш ‘молоток для клепания’ Ах ты, аклёпыш тако́й, то́лстый, здра́овый, как парасёнак ляжы́т себе́ тако́й. Остр., опе́каш ‘круглый хлеб’ Два брата́на здра́овыя така́я апéкашы. Пск., пла́ха ‘бревно’ Дравíна — пла́ха, и жэ́ншишына то́лта — пла́ха. Остр., а также коко́ра ‘небольшой хлебец круглой формы’, коло́да ‘короткое толстое бревно’, крёпаник ‘пирог с начинкой’, кубарь ‘катыш, шарик’, лепёха ‘лепёшка’, мяку́ра и мяку́рка ‘круглый хлебец’, мякиш ‘средняя, мягкая часть хлеба’, пехте́рь ‘корзина’.

Пример с лексемой *звено́* весьма показателен в том плане, что наглядно иллюстрирует абсолютно одинаковый потенциал у метафорических уподоблений и сравнений при оценочной номинации человека. Один и тот же информант (правда, цитируя другого) об одном и том же человеке говорит, используя и сравнение, и метафорическую номинацию. И *звено*, и *как звено* одинаково маркируют отличительный признак человека. И хотя не в рамках одного контекста, как в упомянутом примере, но пе-

реносные номинации и сравнения (*он жердина и *он как жердина, *кабан и *толстый как кабан, ребята маленькие, такие коноплянки и дети как конопля, где и коноплянка и конопля — ‘семечко конопля’) совершенно одинаково маркируют признак и используются как синонимичные средства оценки. Например: 1) *Квашня, в ней теста замешивают, а шишó толстый чилавёк так назывáеця.* Холм. (Во второй части высказывания информант констатирует наличие у лексемы переносного значения, используемого по отношению к человеку.) — и 2) *Маладiца расталстéла как квашня.* Остр. 1) *Мы малинькимя дéвчакам бýли тóжа клéчки.* Пск. — и 2) *Пáня Лукинá — што клéчка здравяцкая, толстáя такá.* Остр. *Вот мая дачкá как клéчка — дай бох да вéку багáтым быть.* Печ. 1) *Бáба ёле варахáе, ёли идё, óт калóда, скáжэм.* Слан. *Ей и из дому ни вiтти, такáя калóда.* Порх. — и 2) *Как калóда, распúхиы ата снá.* Пуст. 1) *Люся — дéфка такáя мякúрка, бáба ой-ой.* Сер. — и 2) *У, какá кругла, как мякúра — ésta хлéбец мáленькай.* Печ. 1) *Две какóры танцывáли.* Пск. — и 2) *Чавó ты расплылась, как какóра?* Сош.

Маленького упитанного ребенка именуют клубáшек и клубáшечка ‘маленький клубок’, кáтыш, катышóк, кúбарь ‘хлебный шарик’, кéзик ‘ковш’, лепёха ‘лепёшка’, мякúша ‘средняя, мягкая часть хлеба’, опéкаш ‘круглая булочка’, пампúшка, пампúшечка ‘сдобная круглая булочка’. При этом ряд приведенных лексем употребляется только по отношению к ребенку, а другие (лепёха, опéкаш, пампúшка) могут соотноситься и со взрослым полным человеком: 1) *Сидiть мальчiшка как апéкаш круглэй.* Пушк. — и 2) *Апéкыш гарáст, бóльна талстá.* Оп.

Могучих, крепких и рослых людей в псковских говорах называют дрéвина, дуб, кряж, лесiна и лесiнина ‘большое дерево’, а также как молоткóм оклэсанный: *Я ни думала, што такáя дрéвина памрё.* Остр. *Сынi вiрасли каг дубы в яё.* Пуст. *Здраволéна бáба, как кряш.* Гд. *Вiрасла такáя лясiна и ничавó ни дéлаить.* Холм. Подобные переносные номинации и сравнения имеют сразу две мотивировки.

2.1.4. Номинации и сравнения худого человека

Хотя люди зачастую могут быть носителями одновременно двух отличительных признаков — полнота может сочетаться с низкорослостью (или, как только что указывалось, наоборот, с ростом выше среднего), а высокий рост с худобой — и это неизбежно отражается в том, какими словами называют таких людей и с какими предметами их сравнивают, — все же это обязательное сосуществование признаков. В лексике номинаций и сравнений человека с предметами выделяется отдельная группа «очень худой человек», состоящая из существительных, в основном значении соотносимых с тонкими предметами: *ведели́на* (сингулятив от *ведельё* ‘ботва огородных растений’) *Ана́* [девочка] *как видили́на!* Остр., *дягилі́на* (сингулятив от *дягиль* ‘травянистое растение’) *Ой, тонка́, как дигилі́на.* Локн., *мо́щи* ‘высохшие останки людей’ *Я дошо́ччы был ишо мо́шишы, а патом ниче́ва, апя́ть ф́ те́ла ваишо́л.* Дн., *мо́щелка* ‘косточка’ *В дере́вне мно́га мо́жна пае́сть — а ф́се́ как мо́шишелки.* Остр., *ни́точка* ‘то же, что *ни́тка* — тонко скрученная пряжа для шитья, вязания’ *Сама́ иду́ (с коромыслом) как ни́тачка, ф́се́ но́ги ф́крёст.* Палк., *овси́нка* (образовано от *овси́на* ‘зерно овса’) *Посмотри́, овси́нка кака́я: ру́ки по соло́минке.* Карпов, *па́лка* ‘тонкий сук дерева’ *Бы́ла па́лкай и аста́лась тако́й.* Порх., *пистоле́тка* ‘ручное огнестрельное оружие с коротким стволом’ *То така́я писта́летка бы́ла ра́ньшэ, худа́я.* Печ.

В данную группу также входят фразеологизмы, включающие номинации предметного мира: *одни́ мостоло́жки оста́лись, смóрициться на ни́точку, фунт косте́й, поваре́шка мя́са: Учи́лась — пополни́е бы́ла, а сейча́с одни́ мостале́шки оста́лись.* Пл. *Я сафсе́м смóришы́лась на ни́тачку.* Дед. Он *нибальшо́й, ху́динький мужычо́к, фунт касте́й, поваре́шка мя́са.* Остр. В основе образов здесь также представлены предметы небольшого поперечного сечения — нитка и кость.

2.1.5. Другие группы номинаций и сравнений человека

Другие группы номинаций и сравнений человека с теми или иными предметами, основанные на внешнем сходстве, не столь многочисленны. Так, сторбленного человека называют словами, в основном значении именующими искривленный предмет: *горбыль* 'горб' *Гарбáтый чалавёк* — *гарбыль*. Себ., *костыг* 'кривое шило' *Пётка-та рабóтник*, как *кастык* — *сухой, гарбáтенький, как мая́ мамка*. Н-Рж., *кочерга́* и *кочеры́га* 'железный прут с загнутым концом для перемешивания углей в печи' *За мать, за этой качергí, на́да ёхать сюда́*. Пл., *Вон я се́ла, как качары́га, при балэ́зи свае́й*. Печ., *крюк* 'изогнутый стержень для подвешивания чего-н.' *Гарáст ста́рая и хóди ужэ́ крjúком сагну́шы*. Пск.

Для номинации красивого человека используются лексемы *гонобóлина* 'ягода голубики' *Дэвушка бы́ла, што ганабóлина, харóшэнькая*. Палк., *мали́нушка* 'ласк. ягода малины' *Ёсли п я бы́ла красíва, как мали́нушка красна́*. Кр., *игру́шка* 'предмет для детских игр' *Парни́шка как игру́шка*. Пуст., *карти́на* 'произведение живописи' *Ана́ [учительница] — карти́на, он [ее муж] таки́й несурáзный*. Пуст., *ка́рта* 'то же, что картина' *А Марфу́шка сича́с как ка́рта*. Остр., *ку́кла* 'детская игрушка' и ее уменьшительно-ласкательные производные *ку́колка, ку́лолочка, куклёнок, куклёночек, куклёнушек, кукленёнок*, используемых по отношению к детям: *Што ку́калка дэва́цка бы́ла*. Остр., *Две дэвачки у няё, как кукля́нта*. Кр., *Таки́ рибя́тушки хорóшы, што куклэ́нки, куклэ́нушки*. Гд. *У мяня́ Лёша хадíл как куклэ́начык*. Остр. Как и во всех предыдущих группах визуального уподобления, ассоциации данной разновидности относятся к устойчивым и мотивированным: все употребленные здесь имена существительные имеют отчетливую положительную коннотацию.

Аккуратного, опрятного человека сравнивают с небольшим, крепким грибом или овощем: *Он поспíт — каг груздо́к фстаёт: акурáтный и чíстый*. Пл., *Как надэ́нуца да пайдúт как огури́цы*. Дн. Некрасивого человека называют *глы́за* 'ком' *У, глы́за сидíт*. Стр., *опáдыш* 'опавший плод' *Мíтя, Вíтинька — я ни нагляджу́сь*

на их, не то што *апáдышы* какі. Н-Рж., *ошану́рок* ‘мелкий непривлекательный предмет’ *Придѣш на тáнцы — и пасматрэць нé на каво: адні ашану́рки, а не ребя́та.* Стр., *ла́поть* ‘предмет простой крестьянской обуви’ *Вот и Тóне дастáлся ла́поть.* *А фсё гаварі́ла: не в́ыйду за некрасі́вава, хоть за дарака́, да за красі́вава.* Кр.

Старый человек в псковских говорах получает определения *гриб* ‘низшее споровое растение в виде шляпки на ножке’ *Старі́к, а душá-та фсё малада́я, а пасматрэць — вот гри́п.* Н-Рж., *обáбок* ‘подберезовик’ *Стáрый как абáбак.* Нев., *мхові́к* ‘моховик’ *Амхаві́к.* Копаневич, *корча́вина* ‘пень’ *Стáрая карча́вина, сиді́ д́ома, ня суйся к малады́м.* Печ., *пень* ‘нижняя часть ствола срубленного или спиленного дерева, которая выступает над землей’ *Сиді́ уш, стáрый пень.* Пск., пожилых людей называют *охобóтье* ‘старое тряпьё’ *В дирéвне адно́ ахабóтье астáлась.* Печ.

Устойчивая цветовая ассоциация отражена в использовании лексемы *ога́рыш* ‘огарок’ для номинации смуглого человека: *Черны́ш, ага́рыш! Оп.*

2.2. Временные признаки

Столь же системно метафорические номинации или сравнения с предметами используются в случаях визуального уподобления, но не по постоянному, а по временному признаку. Например, кто лежит не шевелясь, вызывает у говорящих устойчивую ассоциацию с лежащим бревном: *дрові́на* ‘бревно, жердь’ *Лёк, как драві́на.* Палк., *колóда, колóдина* ‘ствол дерева, упавший на землю’ *Я ляжу́, как калóда.* Стр., *Мам, каво́ ты ляжы́ш, как калóдина?* Печ. или с его частью, обрубок: *деревя́ха* ‘обрубок бревна’ *Ни ру́ки, ни но́ги не шавéляцца, лежу́, как деревя́ха.* Н-Рж., *корчавéжка* ‘комель с корнями’ *Бúду адна́ лижа́ть, как карчавéшка, не́каму падайтí́ бúдет.* Пск., *кочервэ́ха* ‘лежащее бревно, коряга’ *Валóкси бы дамóй, не валя́лси бы тут качарвэ́хай.* Порх., *атва́л* ‘упавший сук’ *Он (брат) ляжа́л, как атва́л, ат дэ́рива атрэзанны́й, я аш испужа́лся яво́ — и вот врач гаварі́т: Вы́личу.* Гд., *па́лка* ‘тонкий сук или ствол дерева, срезанные и очи-

ценные от веток' *Ноги отняло, как палка ляжбыть*. Себ., а также *пласт* 'плотный плоский слой чего-н.' *Малец три дні лежал как пласт — пчолы пакусали*. Нев., *Пять дней пластом отличала*. Порх., *кочерыга* 'твёрдый стебель капусты' *Он сам валяеца, как качарыга, напылся*. Пав. *Фчара пиритамилась, ни магу — валюсь как качарыга*. Н-Рж. Все существительные данной группы в основном лексическом значении соотносятся с упавшим или брошенным предметом достаточно большой длины, который лежит неподвижно, что и рождает семантический сдвиг «предмет → человек».

Кто сидит без движения, также сравнивается с неподвижными предметами, но уже находящимися частично в земле, что усиливает идею их абсолютной неподвижности: *валуй* 'пластинчатый гриб' *Есь пасловица: што ты, уаварит, сидиши, как валуй, ушы апустыл; он, валуй, сидит, так и здрябнет и высахнет, и никаму ни нужын*. Себ., *пень* 'нижняя часть ствола срубленного или спиленного дерева, которая выступает над землей' *Валя сиди пень пнём — ни притронулась к плитё*. Гд.

Кто идет, согнувшись, сравнивается с коромыслом: *Што ты ходиши сагнуфшысь ф три пагйбили, как карамысла*. Сош.

Промокшего человека называют *гуня, гунька* 'пелёнка' *Я каг гуня пришла фчара, доши шпарил*. Печ., *Пришол каг гунька мокрый*. Печ., *Бывала, пирябурница рябёнак*. «Во, мокрый как гуня». Палк., *гуца* 'осадок в жидкости' *Придёт как гушиша мокрая, течёт*. Печ., о нем также говорят *раскис как грибина / блищина* 'гриб' *В лесу находиши, придёши, раскиснеш, каг грибина, каг блищина*. Палк.

Грязный человек в псковских говорах получает номинации и прозвища: *зола* 'остатки после сжигания чего-н. в виде серо-черной пыли' *А Залу так празвали, што грязнай, ня мылси никада*. Остр., *коптелка* 'копящий самодельный светильник' и 'изба с печкой без трубы' *Эта Каптелка — фамилию дали таку: атёц хадил цорнай, никагда сябя цыста ня вёл, закаптефшы, мёжа, вшыал — вот и Каптелка*. Остр., *онуча* 'полоса материи,

которую навертывают на ногу под лапти, поршни и т. д.' и 'хозяйственная тряпка' *Баба хóдя как анúча*. Палк.

Плохо одетый человек — *опóрыш* 'плохая, изношенная обувь' Ленингра́цкии *апóрышы*, *паéдимти дамóй, на радíмую старóнку, зáфтра прáзник гадавóй*. (Частушка.) Тор.

Кто идет сзади — *лемéш* 'задняя часть сохи, плуга, сошник' *А пáпка, как лямéш, ззади идёт*. Холм.

Непостоянные цветовые ассоциации: кто посинел от холода — *гонобóлина* 'ягода гоноболи — голубики, растения с темно-синими плодами' *Он посинёл весь, што гонобóлина*. Гд., кто посинел от побоев — *котёл* 'чугунный сосуд' *Óхти тóшинька, анá набíта, сíняя, как катёл*. Палк., сильно побледневший человек — *погáнка* 'бледная поганка — ядовитый гриб белого цвета' *Блénная ты какáя, как пагáнка*. Н-Рж., кто сильно нарумянился — *мáчина* 'соцветие красного мака' *Лицó накрáсила, рассáдила фсё — как мáчина хадíла*. Печ.

3. Звуковые ассоциации

Переносных номинаций, имеющих звуковую мотивировку, не очень много: кто любит поговорить — *брякоту́шка* 'небольшая вещь, которая звякает, бренчит' *Анá и паишла брякать, брякату́шка*. Печ., *кóлокóл, колокóлок и колокóльчик* 'металлическое изделие для звона' *О, калакóл, бóдет фс́якую нелéпасть гаварíть, калакóлит, звани́т*. Холм., *Сáшка, калакóлак такóй, ня дáст паспáть, я паспáла на чярдакэ*. Локн., *Замалчí ты, калакóльчик!* *И калакóлит, и калакóлит — прям над вúхам*. Холм., *мéлен, мелея́, мéля* 'жернов' *Ой, мéлен, тóлька языко́м и мéлет*. Гд., *Да ни милí ты, мели́н, фсё п балта́л*. Беж., *Печни́к наш — настоя́щий мелея́: чéшэ́т язýк по́пусту*. Кар., *Мелея́ — э́та катóрая мéлет фсё падря́т*. Дед., *Ат такóва миля́й прёку ня бóдит*. Н-Рж., *Мéля — пустомеля*. Карпов; кто постоянно ворчит — *брюзгá* 'бубенчик' *Харóшая брюзгá твая́ мать, нет жы́зни ат неё*. Печ.; кто кричит — *граммофо́н* 'музыкальный аппарат с рупором' *Ну ты каг гармафо́н арéш*. Холм., *грым* 'гром' *Грым явó* [мужика] *празва́ли, што ё́н греми́т усё, как напвё́цца*. Н-Сок., *гу́та* 'гу-

док' Кричи́ши, каг зу́та заватская́. Аш. Также к этой группе относятся сравнение *говорит как молоток* 'громко и быстро, отрывисто' *Разговóрчистая ба́ба Мару́ся. Как малаток гаварит, гаварливая ба́ба*. Оп. и фразеологизмы *мелея пустая* 'болтун' *Замолчи ты, мелея пустая!* Кар., *молотъ как мельница* 'много говорить' *Навёрна, бо́льшы фсех набалта́ла, и ф толк и ни ф толк. Мялю́ как мельница*. Пуст., *завести́ свой грамофо́н* 'начать балагурить' *Ну, большэро́тый, завёл свой грамофо́н, натсмéшник протівный*. Гд.

4. Тактильные ассоциации

Тактильная ассоциация единична: *как пёчка* 'об очень горячем на ощупь человеке' *Прихажу́ — а он как пёчка, ни састаять*. Пск. К этому могло бы добавиться только антонимичное узуальное сравнение *холодный как лёд*, однако оно не было записано в псковских говорах. В целом оценка человека, основанная на осязании, нетипична (как и оценка, основанная на обонянии, возможная, но не зафиксированная в материалах ПОС), оценка, даваемая по вкусу, невозможна, и безусловным лидером по числу возникающих ассоциаций является визуальное восприятие человека, которому существенно уступает восприятие слуховое.

5. Оценка поведенческих и умственных особенностей человека

Достаточно часто номинации-метафоры и сравнения с предметами появляются для оценки поведенческих или умственных особенностей человека. Так, глупого человека в псковских говорах называют *волну́ха* 'волнушка' и *кисляк* 'раскисший гриб' *Валну́ха — нукуды́шний тако́й, ниразвито́й, чилавэ́ка так кли́чут; кисляк — то́ жы са́мае*. Пл., *Нера́звитый чилавэ́к е — так валну́ха ён тако́й*. Гд., *дубина* 'толстая тяжелая палка' *А на краю́ дирёвни Дуби́на жывёт, он да таво́ глупай, што сафсём ни панима́ит*. Стр., *истукан* 'изваяние, идол' *Хоть ско́лько говори́ на́шэму истукáну — ему́ фсё равно́ не фтя́мку*. Беж., *Пра-*

дафи́ом везьде́ харашо́, учи́телем хужэ́ всих: вот папрóбууй ево́, и-
 тукáна, научи́ — ино́й как бара́н сиди́т. Остр., Ён был чи́стый
 астукáн, бе́гал с утра́ на дире́вни и са́ фсе́ми здра́овался. Локн.,
 лопу́х ‘сорное растение с широкими листьями, репейник’ Фшкóли
 Питухóф фсигда́ сиди́т лапухо́м. Пск., отóпок ‘стоптанный ла-
 поть’ Взять како́ва ато́пка нявучинава́ — а я вучóная. Остр., Был
 са́мый гря́зный ато́пак, а фсим расприя́жаица. Пуст., пальту́шка
 ‘старое, поношенное пальто’ Прики́нулась тако́й пальту́шкой.
 Вл., пень и пенёк ‘нижняя часть ствола срубленного или спи-
 ленного дерева, которая выступает над землей’ Чилавёк глупый,
 нира́звитый, как пень, ни чирта́ ни панима́ит. Порх., Глупый,
 а што́ с им говори́ть — пень пнём. Нев. А я ниче́во не понима́ю
 от ни́х [эстонцев], сижу́, как пенёк. Пл., пёшка ‘тяжелый лом для
 прорубания льда; фигура низшей ценности в шахматной игре’
 Сястра́ яво́ глупа́я-глупа́я, ну пёшка и пёшка, глупа́я сильна́. Тор.,
 пистоле́т ‘ручное огнестрельное оружие с коротким стволом’ Ат
 вас таки́и пистале́ты прия́жжа́ют, как глупыи. Остр., а также
 голова́ пелáми набита́, где пелá ‘отходы при молотье’: Ф тябя́
 што́, галава́ пяла́м набита́? Пск. Ника́к ф тябя́ галава́ пяла́м
 набита́ — ничёва́ ни сабра́жаиши! Печ.

Мотивированность переноса номинации с того или иного предмета на человека в данной группе не всегда столь же очевидна, как в группах визуальных, звуковых или тактильных ассоциаций. Несомненно, что разные предметы дают различные основания для использования их названий применительно к человеку. Так, гриб с широкой шляпкой, раскисший гриб и лист лопуха, по всей вероятности, соотносятся с недалеким человеком на основании визуального образа (большая поверхность данных предметов — большие уши чересчур доверчивого человека), дубина, идол, пень — как предметы из дерева и нижняя часть дерева (полное отсутствие интеллектуальных способностей), старые, сношенные лапти и пальто — как то, что существенно ниже нормы, пистолет как металлический предмет мотивационно аналогичен деревянным предметам, а фразеологизм обладает самой очевидной мотивировкой: пела, мякина или опилки вместо головно-

го мозга являются самым образным обозначением неспособности мыслить.

Легкомысленный человек — *ветеро́к* ‘ветер’ *Ётыт па́ринь ветяро́к, худо́й тако́й, язы́к-та в няво́ мясен: гъвори́т-та мно́га, а на де́ле яво́ нет.* Гд., *заметель* ‘метель’ *Вот у нас зимой вью́га, така́я ана́ баявая́ — замяте́ль, ветряная де́фка.* Вл., *Он учи́лся на трактари́ста, ма́лец, ана́ за няво́ и вы́шла, така́я заметель.* Вл., *пе́рушко* ‘птичье перо’ *А зя́тя фсе́ Пе́рушкой зва́ли. Да вятряно́й тако́й — вот и Пе́рушка.* Дед., а также *ветер* в *голове́* у кого-н.: *Како́й-та он нихаро́ший: ветир у ниво́ в галавы́.* Пл., *ветра́ мно́го в голове́ у кого-н.: В малады́х ветру́ мно́га в галавы́.* Остр. Все переносы номинации данной группы идентичны по мотивировке: и ветер, легко меняющий направление, и метель с тем же самым непостоянством воздушного потока, и перо, летящее по ветру — это очень яркие образы изменчивости, непостоянства, отсутствия устойчивости, основательности.

Неуклюжий, неповоротливый человек — *борона́* ‘орудие для разрыхления земли’ *Каво́ и ты, барана́, маха́лкам сваи́м маха́иш — фси га́ришки́ разабвёш.* Дн., *во́йлок* ‘материя из плотно сбитой валянием шерсти’, *голдббина* ‘бревно’, *дроче́на* ‘пресная лепешка’ *Мяня́, бы́ла, мыжы́к, живо́й ишишо́, фсе́ драчо́най звал, ня-наваро́тлива бы́ла, чванли́ва.* Пушк., *комя́га* ‘долблёнка’ *Пака́ эту камя́гу даждёшся, сто рас переверне́шся.* Кун., *непропече́нина, непропече́нок, опе́каш* ‘недопеченый хлеб’ *Нипрапече́нина* *така́я, ниправоро́нный чилаве́к, нипячё́нный чилаве́к, так и рябе́нак, как хлеп нипячё́нный.* Локн., *Непрапячё́нак* *тако́й — фсе́ па́дает.* Локн., *Апе́каш* — *кагда́ вакрека́ют, апе́кашэм заву́т. Как вал ана́ бы́ла недалу́гая — вот и есть апе́каш.* Беж., *о́бух* ‘тупая сторона орудия (топора, косы)’ *Абу́х — упря́мый, нипаваро́тливый чалаве́к.* Порх. Лексемы данной группы по-разному мотивируют неповоротливость, однако большинство образов достаточно прозрачны: здесь есть ряд тяжелых предметов (борона, бревно, лодка), к которым примыкает плохо пропеченный хлеб, а также, возможно, и лепешка — и всё это убедительные символы физической инерционности; войлок, предположительно, примыкает к ним как то,

что плохо поддается сгибанию, плохо принимает новую форму, а обух — как то, что является широкой частью орудия, которой нельзя выполнить действия, осуществляемые его рабочей стороной.

Жадный человек — *жмыль, жмых, жом, жомь* ‘что-н. смятое, сжатое, похожее на комок’ *Жмыль и челаvéка назывáют, скупой такой. Схажу я к тебе, а ты ня дáш. «О какой жмыль» гаваря.* Гд., *Жмыль — кто скупой гарáст, назывáют ево жмыль.* Остр., *Жмыль — жмёця, скупярдай такой, вот такова жмыль завут.* Локн., *Кагда чялавек жадный гарáс, так яво абзывáют жмырь.* Кр., *Скупяга, вот жмыха какая, вот жмыха, жомь и сидит.* Себ., *Такие жомы есть, што дáже дáвяца.* Пореч., *кокобра* ‘что-н., неопрятное на вид’, *кóрень* ‘подземная часть растения’, *мухомор* ‘ядовитый гриб’. Первая группа переносных номинаций человека имеет общую прозрачную мотивировку: все эти синонимы производны от глаголов *жать, жать* и в основном значении соотносятся с очень плотным комком, образующимся при выжимании из семян растительного масла. Возможно, лексема *кóрень* примыкает к этой группе как обозначение того, что очень плотно сидит в земле, что так же трудно вырвать, как отделить часть от плотного комка, тогда как номинации *кокобра* и *мухомор* используются по отношению к жадному человеку только на основании их общей пейоративной коннотации.

Ленивый человек — *копна* ‘укладка снопов’ *Вот, скажут, бэсава капна — ляжь, и в агароди фсё лёта ни была.* Печ., *облом* ‘проломленное место’ *Лянуга, аблом, работат ня хоча, агурень.* Н-Рж., *Аблом — ругатильнае слова. Во, гаварят, аблом, ёсли ни работат.* Локн., *обух* ‘тупая сторона орудия (топора, косы)’ *Такой обух — ницаво с йим ня зделаеш.* Оп., а также *леной* как *мешок (травяной)* *Ён как мяшок лянной, лодырь значит.* Н-Рж. А *спакóйных, лянйвых* назывáли как *мяшок травяной, тюлень.* Пск. По внутренней форме такие переносные номинации данной группы как *копна, мешок*, а также *обух* примыкают к группе лексем, обозначающих неповоротливого человека. Что же касается мотивировки переносного значения лексемы *облом*, по всей ве-

роятности, ею может служить пейоративная окраска данного отглагольного существительного.

Подвижный, энергичный человек — *вихрь* ‘сильный ветер, ураган’ Дефчонка — *што вихор, на месьте не посидит*. Вл., *Нашта Юрка вихор какой!* Гд., *молонья* ‘искровой разряд в воздухе скопившегося электричества’ *Хужа зафстё, када на нагах, цэлый день дома моланий ходиш*. Нев., *мотор* ‘автомобиль’ *Миша Мотор*. Пл., *огонь* ‘раскаленные светящиеся газы, пламя’ *А жонка — огонь, ну, жонка держит крепко*. Кр., *поворот* ‘подвижность, ловкость’. Основание для переноса во всех случаях более чем очевидно.

Вспыльчивый человек — *квасок* ‘то же, что квас’ *Кагда кто пирица, фсе гаварят: Чиво ты расхадилса, ну квасок! Квас жэ, как киснит, пузырица*. Оп., *костига* ‘измельченная кора стебля льна’ *Ты как костига*. Порх. И если уподобление вспыльчивого человека квасу объясняется самим информантом, то, возможно, ассоциацию с *костигой* можно объяснить тем, что она относится к быстро вспыхивающим, мгновенно загорающимся от любой искры предметам.

Упрямый человек — *корень* ‘подземная часть растения’, *ножик* ‘инструмент для резания’ *Мушишина хароший, да ана-та ножык*. Остр. *Эта не дефка, а ножык какой-та, так и лезя, ни байца, што пабыют*. Пск., *острець* ‘осока’ и ‘ёрш’, *пень* ‘нижняя часть ствола срубленного или спиленного дерева, которая выступает над землей’ *Што пень, што асёл — с месту ня спихнеш*. Себ.

Одинокий человек в псковских говорах — *былинка* ‘тонкая травинка’ *Асталась я тапёрь анна, каг былинка ф поли*. Сош., *палец Я асталась адна как палиц*. Локн., *пень* ‘нижняя часть ствола срубленного или спиленного дерева, которая выступает над землей’ *Жыла, как пень анна я, жыла не тужыла*. Стр., *пёнушек Жывёш адін биз дитэй, как пёнашык. Пёнашык — эта пинёк*. Кр.

Плохой человек — *бличина*, *грибина* ‘гриб’ *Ранышы гуляиш на ярманки, фсё пра няво знаиш: кто он, хароший али бличина, грибина, плахой значит*. Н-Рж., *грязь* ‘сор, мусор, нечистота’ *Баба — грязь, такая зараза, врённая жэнишина*. Оп., *омут* ‘глу-

бокая яма на дне реки или озера' Во какой *о́мут* чилавёк, плахой чилавёк, *атнашэние* к лю́дям плахо́е. Вл., *ошмёт*ок 'отрезанный, оторванный кусок, остаток' Пагуля́ть — так с настоящим па́рним, а ни с *ашмёт*кам. Н-Рж., А кто бу́диль с таким *ашмёт*-кам жыть? Печ.

Необразованный человек — *деревни́ца* 'деревня' Дифчо́нка *така́ дири́вни́шья*. Стр., *залэ́сица* 'захолустье' Ну и *залэ́сица*, *фсиво́ бай́цца*. Пск., «*Залэ́сицы*» называ́ем мы — *по́риши*, *ла́пти но́сют*. Печ., *пéчка* 'каменное сооружение для отопления помещения' Знал бы — *так написа́л бы и пачита́л бы*, а так — как *пéчка*; *плóха* *нигра́матным*. Печ.

Драчливый — *кирпи́чина* 'большой кирпич' Пско́фский *кирпи́чина* *иди́ть*, *дери́ться*. Печ., неприветливый — *о́бух* 'тупая сторона орудия (топора, косы)' Прихо́дит, как *абу́х*, как *чужо́й*. Пск., сварливый — *пила́* 'стальная зубчатая пластинка для разрезания дерева, металла' *Пилу́* *вазьме́ш на шэю сябе́*. Пуст., *Во пила́*. Ня да́й *бох* *таку́ю пилу́ дабы́ть*. Оп., язвительный — *занóза* 'тонкий, острый кусочек чего-н., вонзившийся под кожу' А на *зади́ристава* *ино́й рас ска́жыш*: Ой, *кака́я занóза!* Пуст. Ён *занóза* *был*, *Гéнка-то*. Пушк. Ну и *занóза она́*. Н-Рж., скандальный — *война́* 'вооруженный конфликт' А в *магази́ни-та* *вэ́чна сканда́лит* *тётка Вайна́*. Как *приде́т*, так *ссо́ра*. Стр., любящий покрасоваться — *козы́рь* 'карта, являющаяся старшей в игре' *Казы́рята* *были*, *таки́и фарси́тстыи лю́ди*, *Кóзырь*. Тор., надоедливый — *лузга́* 'шелуха семян растений', а также *в ка́ждой бóчке гвздо́м* — Он *визде́* и *патска́зывает*, *яму́* и *гаваря́*: «*Ты ф ка́ждой бóчки гвздо́м*». Гд., хулиган — *оку́рыш* 'окурок' *Аку́рышами* *заву́т*, *кто нихарашо́ паступа́е на гуля́нье*, *сам себя́ не веде́*. Печ., задиристый — *коро́ста* 'заразная кожная болезнь' *Вот*, *гаваря́т*, *каро́ста* *яви́лся*, *ему́* *так* и *чэшэца*. Остр., нелюдимый человек — *коверзэ́нь* 'лапоть' Ён *па́рень* *тако́й был* *кавя́рзэ́нь*, *ня-разгаво́рчастый* *тако́й*. Тор., сирота — *обсе́вок* 'незасеянное место', пьяница — *насос* 'приспособление для накачивания воздуха или воды' Я *раскажу́*, как я с *Насосам* *сиво́ння разбира́лся*. *Насос* — да *алкаго́лик*, с нас *де́ник сасе́т*. Пл., иждивенец, нахлеб-

ник — *нашэйник* ‘ошейник’ **Нашэйники** — *эта катóры на шэй сидя. Сын с нявэскай и рябёначык ййхний. Остр. Двух нашэйникаф аишшэ náда вьырастить. Кар. Во, нашэйники, когда́ с моёй шэй свáлитесь?* Остр. и *отрэпа* ‘отходы при обработке волокна’ *Бéлая жысь: спит пакúда хóче, фстáнит — па́йсь, фста́фшы крэхая, как на курóрты живё, на маёй шэй как атрэпа валя́ица.* Остр. Младшего ребенка в семье называют *оскрёбьши* ‘последний блин’, любого ребенка — *отрóсток, отростёлок, отрóдок* ‘побег растения’ *Мóжыт, ёто отрóстки, дёти плимя́нницы?* Стр., *Ёто отростёлок моёй дóчки.* Стр., *Ёта Хамичóф атрóдак, кто дярё́ица.* Беж., оставшегося, уцелевшего человека — *обрывок* ‘оторванный кусок чего-н.’ *Мы абры́фки сямьй камунíста.* Гд. Как бранные слова по отношению к человеку употребляются лексемы *га́шник* ‘шнурок, на котором держатся штаны’ *Ад́ин человек сказа́л друго́му: «Эх, ты, га́шник!» А га́шник есть на кальцо́нах, где апиш́фка, свёрху. Га́шник ф Шумíхи гаваря́т, кагда́ збо́рят, ёта как бы абидна.* Гд., зоб ‘расширенная часть пищевода у птиц’ *А зобáм называ́ют и чела́вэка, как разбра́нцяца.* Гд., *и́дол* ‘статуя, изваяние, которому язычники поклоняются как божеству’ *Ай, худóй мужы́к, и́дал!* Тор., *И́дал, куда́-та заки́нул бо́пку.* Кр., *мостолы́га* ‘кость’ *Ты сматри́-ка — мать ни паё́хал харанíть — масталы́га тако́й.* Печ., а как ласковые — *зóлото, золотíнка, золотíночка, изю́минка, карамéлина: В нас зять — зóлата.* Пыт., *Вот и фсё, ма́я залатíнка.* Пушк., *Ни сярди́сь, дава́й мирíца, ма́я залатíначка!* Тор., *Изю́минка мíлая ты ма́я.* Себ., *Ни хади́ в на́шу дирéвню, ма́я карамéлина — я с табóй игра́ть ни бóду, ма́минькай ни вéлина.* Остр. Как показывает материал, все переносы номинаций с того или иного предмета на человека имеют прозрачную мотивировку.

6. Групповые номинации и сравнения

Уподобляться предметам в псковских говорах может не только один человек, но по некоторым признакам этим свойством обладают и целые группы. Так, большое количество детей в семье рождает их ассоциации с опятами (*опёныши*) и — шире — гри-

бами, которых много, лесными ягодами, также растущими кучно (*гонобóль*), семенами конопли, *копы́лками* — брусками между полозьями и кузовом саней: *У на́шево ба́тюшки семь ребёнкоф да каг грибы́*. Палк., *Вот бу́дут у вас копы́лки — сядиши и бу́диши раскáзывать скáски*. Порх., *Ряб́яты ма́ленькие, та́кие ка-наплíнки, адíн аннаво́ мэньшы*. Порх., *Де́ти как ко́напли*. Печ. *У теб́я дете́й, што гонобóли в лесу́*. Полн.

Очевидно, что употребление по отношению к многочисленным детям в семье таких номинаций и сравнений имеет двойную мотивировку: и количественную, и размерную. Точно так же использование сравнения *как гвоздки́* мотивируется не только количественной ассоциацией, хотя она здесь также задействована, но и физической крепостью детей, тем, что визуально они похожи друг на друга, как отчасти и на предмет, с которым сравниваются: *На́ша дыряве́нская [женщина] в го́ради, то́жа шэсть штук [детей] — и фсе здаро́винькии и ни балéют, как гвостки́*. Печ.

Нельзя сказать, что подобная двойная мотивировка переноса номинации встречается очень часто, однако и редкой она не является, поскольку множественность признаков предмета дает основание для таких семантически двуплановых параллелей. (Вспомним хотя бы первую из приведенных в данной статье групп, номинации высокого человека, где перенос номинации с предмета на человека регулярно осуществляется по двум признакам — «высокий» и «тонкий».) Существенное различие между той группой и последней состоит в том, что в первом случае сочетаются рядоположенные признаки (размерность по разным осям), а в другом — нерядоположенные (размер и количество).

Иногда ассоциация людей с теми или иными предметами может иметь еще более сложную мотивировку. Высказывание информанта о том, что дети *расли́ как апéньшы* (Остр.) базируется на таких признаках, как большое количество, небольшие размеры, а также скорость протекания действия, качественная характеристика осуществления процесса (кучно, дружно и быстро) — признаки, также задействованные в переносе номинации.

7. Многозначные ассоциации

В некоторых случаях ассоциации человека с одним и тем же предметом могут осуществляться по разным признакам, что рождает сразу несколько метафорических номинаций. Так, лексема *борона́* ‘орудие для рыхления земли’ применительно к людям имеет значения: 1) неуживчивый, беспокойный человек *То́лька п спакóйна́я бы́ла: барана́ ни папа́ла*. Локн.; 2) драчун *Барана́ сапли́вая! Шасна́ццать лет, а фсе́ дра́цца лэ́зя*. Дн.; 3) неуклюжий человек *Каво́ ш ты, барана́, маха́лкам сва́йм маха́иш — фси га́ршкí разабьёш*. Дн. Лексема *грех* ‘злой дух, чёрт’ — это: 1) непослушный ребёнок *Ды што ты за грех?* Н-Рж.; 2) дряхлый старик *Лёкцыи ста́вят старика́м рас у гот, на каво́-та́ уча́т, старíк з глуши́я прасидíт рот разíнуфшы, аднi грехí sóбраны*. Тор. *Дубiна* ‘палка’ — это: 1) высокий человек *Экая́ дубiна́ вы́махал*. Палк.; 2) упрямый человек *Како́й упря́мый тако́й, ниразвя́зный, яво́ и заву́т дубiна́, иму́ што скажы́, што нет — фсе́ на сваём ста́йт*. Оп.; 3) глупый человек *А на краю́ дирéвни Дубiна́ живёт, он да таво́ глупа́й, што сафсём ни панима́ит*. Стр. Курдю́к ‘жировые отложения в задней части туловища у овец’: 1) низкорослый человек *Ма́линький — курдю́к, ро́ста ма́линькава, нiскава*. Пуст.; 2) богач *Како́й жы́фшы курдю́к до́брый там — серéбреньи́ сто́пки нахо́дят*. Пск. *Лесiна* ‘дерево’ — это: 1) высокий человек *Вы́расла́ така́я лясiна́ — и нича́во ни де́лаит*. Холм.; 2) кто долго живет на одном месте *Я тут, што лясiна́, пасáжына, пиддiсýт лет пражы́ла у Прiпи́иах*. Себ. *Ломiна* ‘лом, кол’ — это: 1) высокий человек *Ламiна́ вы́сокий тако́й, здра́овый*. Беж.; 2) кто много работает *И к ло́шади атно́сица, и к чилавэ́ку — ламiна́*. Локн.; 3) лодырь, лентяй *Ламiна́ з ламiны́, вот дрянь, ня паи́о́л учора́ сэна́ выгриба́ть з бало́та*. Нев. Лексема *обух* ‘тупая сторона орудия (топора, косы)’ характеризует: 1) неприветливого человека *Прихо́дит, как абух́, как чужо́й*. Пск.; 2) ленивого человека *Тако́й абух́ — ницаво́ с йим ня зде́лаеш*. Оп.; 3) упрямого человека *Абу́х — упря́мый, нипаваро́тливый чалавэ́к*. Порх. Лексема *огурец* может относиться к: 1) тому, кто нарядно одет *Как*

надэнуцца да пайдут как *огурицы*. Дн.; 2) невысокому человеку *Я рóстам была как угурец*. Пл.; 3) полному человеку *Агурец* — он толстинький, круглинький, у няво́ дэсять дятэй. Локн. Лексема *отóпок* ‘стоптанный лапоть’ может называть: 1) того, кто плохо держится на ногах *У, чэрт раскислый, как атóпак изно́шэнный* — *фсякий разгильдяй какой, аль пьяный* — и есть *раскислый, али кто ёли шэвэлица*. Остр.; 2) старую деву *Атóпки* — *ста́рые ла́пти с верёвак, дэфка ста́рая* — *то́жэ атóпак*. Оп.; 3) необразованного человека *Взять како́ва атóпка нявучинава* — *а я вучо́ная*. Остр. *Пёчка* это может быть: 1) полный человек *Ба́ба* — *как пёчка*. Кр.; 2) горячий человек *Прихажу́* — *а он как пёчка, ни састаять*. Пск.; 3) необразованный человек *Знал бы [грамоту]* — *так написал бы и пачитал бы, а так* — *как пёчка; пло́ха ниграма́тным*. Печ. *Пёшка* — это: 1) глупый человек *Сястра́ яво́ глупа́я-глупа́я, ну пёшка и пёшка, глупа́я си́льна*. Тор.; 2) неумелый человек *Ёты пёшки ни уме́ют ни вяза́ть, никаво́*. Остр.; 3) спокойный человек *Тихай чела́век, пёшка*. Гд.; 4) зависимый человек *Я што пёшка, никуда́ ни хаді́ла; на кино́ фсе пайдут, а я с рибя́тами сидёла*. Остр.

Ассоциации с *гвоздём* или *гвоздями* вызывают: 1) быстро вышедшая замуж девушка *Ня на́да выскáкиватъ взáмуш сок-сок, как гво́здох*. Пл.; 2) крепкие здоровые дети *Шэсть штук [детей] и фсе здаро́винькии и ни балёют, как гвостки́*. Печ.; 3) горбатый человек *Гво́зди́ и́щет*. Беж.; 4) незначительный человек *Типёришни лю́ди прóтиф бывáлошних* — *ф каблукé наслéнный гвость*. Гд.; 5) кто непрошено вмешивается во все дела *Он виздэ́ и патскáзывает, яму́ и гаваря́: «Ты ф ка́ждой бо́чки гва́здох»*. Гд. С *пелёнкой* сравнивается: 1) промокший человек *Пришо́л каг гу́нька мо́крый*. Печ.; 2) грязный человек *На́ша Ду́ня гря́зна, каг гу́ня*. Пушк.; с *колодой* — 1) неподвижно лежащий человек *Я ляжу́, как кало́да*. Стр.; 2) крепко спящий человек *Мой сынóк фсе́ спит, как кало́да*. Пушк.; 3) очень полный человек *Ей и из до́му ни вь́тти, така́я кало́да*. Порх.

Ассоциации с *грибом* или *грибами* вызывают 1) маленькие дети *У на́шево ба́тюшки семь ребёнокф да каг грибы́*. Палк.;

2) старый человек *Какóй не старíк, а душá-та фсё маладáя, а пасматрётъ — вот грип.* Н-Рж., *Стáрый как абáбак.* Нев.; 3) мальчик-подросток *Мáлиц — ёта взрóслый, а ёти — грип завúт надрóски.* Холм.; 4) промокший человек *В лесú нахóдиш, придёш раскúснеш, каг грибúна.* Палк., *Дошшь, он весь пирямóкшы приио́л, раскúшышы, каг блíчина.* Дед.; 5) полный человек *Вот и бúдя как абáбак, мýхкий такóй, зажырёя.* Кр.; 6) плохой человек *Рáньшы гуля́иш на я́рманки, фсё пра няво́ знáиш: кто он, харóший áли блíчина, грибúна, плахóй знáчит.* Н-Рж.; 7) непослушный ребенок *Блíцына такá, гóрькая валнёйка, не слúхае бабушку.* Пушк.; 8) аккуратный, бодрый человек *Он поспúт — каг груздо́к фстаёт: акурáтный и чúстый.* Пл.; 9) болтливый человек *Капито́н да Лёнька фсё палапо́цат, два грузд́я. Ид́и, Капито́ша, пагаманím.* Остр.; 10) кто находится в унынии *Как наплáчи, так раскúсня, как абáбак-грип.* Кр.; 11) кто устал, обесилел *Вот в друго́й рас устáниш, рабо́таиш, так бывáла скáжут: О, раскúсла, как абáбак старýй.* Н-Рж.

Совершенно очевидно, что разные признаки предметов дают основания для столь различных образных характеристик человека. Причем типологию развития подобной полисемии выстроить невозможно, поскольку комбинация отличительных особенностей у каждого предмета, с которым сравнивается, сопоставляется человек, индивидуальна.

8. Заключение

Анализ материала псковских говоров показывает следующее. Во всех случаях использования предметной лексики по отношению к людям присутствует какое-либо явное отличие внешности или поведения человека от нормы, стандарта. Чаще всего образные номинации данной группы маркируют визуально обнаруживаемые отличия. В целом номинации предметов для оценки человека используются в псковских говорах достаточно активно, как общерусские, так и собственно диалектные. При этом пейоративная оценка преобладает над мелиоративной, что характерно для языкового сознания как такового.

Выражение благодарности

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00495 «Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуски 30, 31, 32».

Литература

Большакова Н. В. (ред.-сост.) (2013) *Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель*. Псков: ЛОГОС Плюс.

Скляревская Г. Н. (2004) *Метафора в системе языка*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Карпов — *Краткий сборник простонародных слов*. Собрал И. И. Карпов. СПб., 1855. Рукоп. отдел БАН, шифр 17.10.16.

Копаневич — *Словарь И. К. Копаневича 1902–1904 гг.* Рукоп. отдел БАН, шифр 25.4.1.

КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–27. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2017 (издание продолжается).

Сокращения географических названий

Аш. — Ашевский район Псковской области

Беж. — Бежаницкий район Псковской области

Вл. — Великолукский район Псковской области

Гд. — Гдовский район Псковской области

Дед. — Дедовичский район Псковской области

Дн. — Дновский район Псковской области

Кар. — Карамышевский район Псковской области

Кр. — Красногородский район Псковской области

Кун. — Куньинский район Псковской области

Локн. — Локнянский район Псковской области
Ляд. — Лядский район Псковской области
Нев. — Невельский район Псковской области
Н-Рж. — Новоржевский район Псковской области
Н-Сок. — Новосokolьнический район Псковской области
Оп. — Опочецкий район Псковской области
Остр. — Островский район Псковской области
Пав. — Павский район Псковской области
Палк. — Палкинский район Псковской области
Печ. — Печорский район Псковской области
Пл. — Плюсский район Псковской области
Полн. — Полновский район Псковской области
Пореч. — Пореченский район Псковской области
Порх. — Порховский район Псковской области
Пск. — Псковский район Псковской области
Пуст. — Пустошкинский район Псковской области
Пушк. — Пушкиногорский район Псковской области
Пыт. — Пыталовский район Псковской области
Себ. — Себежский район Псковской области
Сер. — Середкинский район Псковской области
Слан. — Сланцевский район Ленинградской области
Сош. — Сошихинский район Псковской области
Стр. — Стругокрасненский район Псковской области
Тор. — Торопецкий район Тверской области
Холм. — Холмский район Новгородской области

ASSESSMENT OF A HUMAN THROUGH NOMINATIONS
AND COMPARISONS IN PSKOV DIALECTS
(A CASE STUDY IN PRESENTIVE VOCABULARY)

Citation: Vasilieva O. Otsenka cheloveka cherez nominatsii i sravneniya v pskovskikh govorakh (na materiale predmetnoy leksiki) [Assessment of a human through nominations and comparisons in Pskov dialects (a case study in presentive vocabulary)]. *Severnorussskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 182–208. (in Russian)

About the author. Vasilieva Olga. St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. <o.vasilieva@spbu.ru>

Abstract. The article contains a comprehensive analysis of all nominations of a human being related to the empirical world which are described in the published issues of *Pskov regional dictionary with historical data*. The use of presentive vocabulary in relation to people usually marks an apparent deviation of a person's appearance or behavior from the norm. Most often, figurative nominations of this kind emphasize differences that can be visually detected. Some of them are permanent (a very tall person, an obese person, etc.), while others are situational (a person who is not moving, who has got soaked, etc.). Less common are figurative nominations with sound motivation (the one who is grumbling, screaming, etc.). It is quite often that figurative nominations based on a *subject*→*person* model are used to assess behavioral or mental features of a human being.

Visual associations are based on the names of objects that have an outstanding feature compared to the similar ones, i.e. tall people are nominated with the names of lengthy objects, fat people — with the names of large and extended objects, and so on. Quite regularly, figurative nominations or comparisons of a person with certain objects are supported by several motivations, e.g. tall and slim people are compared to something lengthy and thin.

The article shows cases where figurative nominations and comparisons based on the names of objects relate to groups rather than individuals, for instance when it comes to a large number of children in a family, which was typical for the Russian peasantry of the mid-twentieth century. Here we find a double motivation: a large number of young children is compared to or nominated figuratively on the basis of a large number of small objects (berries, mushrooms, nails, etc.).

Due to the fact that the objects might have several characteristics at a time, their names can serve as a basis for creating several figurative nominations of a person given according to different motivating features. So, the word that means a ‘worn bast shoe’ can refer both to an uneducated person and to a woman who hasn’t got married; a word that means a ‘digging bar’ or a ‘timber stake’ can refer to a very tall person, as well as to the one who works a lot, and, on the contrary, to a lazy person.

The facts considered give grounds for the conclusion that both linguistic methods of comparing a person with an object — metaphors and comparisons — are used equally often. A person can be called with a name of an object (a metaphor) or compared to it (a comparison); and these are equivalent ways of assessing a person through a marked feature.

Keywords: Pskov dialects, vocabulary of assessment, presentive vocabulary, nominations, comparisons, metaphors, Pskov regional dictionary with historical data.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR project number 19-012-00495 “Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 30, 31, 32”.

References

Bolshakova N. V. (ed.) (2013) *Pskovskiyе narodnyye govory v ikh istorii i sovremennom sostoyanii: bibliograficheskiy ukazatel'* [Pskov dialects in their history and current state: bibliographic index]. Pskov: LOGOS Plus. (in Russian)

Larin B. A. (et al.) (eds.) (1967–2019) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–27. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU — SPbGU. (the publication continues). (in Russian)

Sklyarevskaya G. N. (2004) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. (in Russian)

Н. С. Ганцовская

**ОБЩЕНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА
В ГОВОРАХ КОСТРОМСКОГО ПРИВОЛЖЬЯ:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАССЛОЕННОСТЬ**

Цитирование: Ганцовская Н. С. (2020) Общепародная лексика в говорах костромского Приволжья: функциональная расслоенность. *Севернорусские говоры*, 19: 209–225.

Сведения об авторе. Ганцовская Нина Семеновна. Костромской государственнй университет. Кострома, Россия. <gantsovsky_n@mail.ru>

Аннотация. В статье анализируется употребление общепародной лексики на примере слова *бадья* в говорах историко-культурной зоны Костромского Приволжья, где оно конкурирует в схожих синтаксических условиях со словом *ведро* в условиях диалектно-литературной диглоссии. Дается этимологический и исторический анализ этих слов и рассматривается эволюция их семантики в русском языке вследствие многообразия их функциональной дифференциации. Делается вывод о метонимических сдвигах в семантической структуре слова *бадья* в костромских говорах.

Ключевые слова: общерусская лексика, Костромское Приволжье, диалектно-литературная диглоссия.

Введение

В западных севернорусских костромских говорах велико количество общепародной лексики, которая имеется и в литературном русском языке. Именно она из-за своего большого объема и многообразия лексико-семантических и синтактико-стилистических особенностей создает специфику говоров Костромской группы севернорусского наречия (выделенной по диалектному членению 1964 г.), по сравнению с другими говорами этого наречия — вологодскими, вятскими, белозерско-бежецкими, каргопольскими, онежскими, архангельскими и др.

Костромские диалекты считаются говорами центрального типа: они входят в их второй концентрический круг вокруг Москвы

[РД 1964: 229–231]. И это неудивительно: исторически Костромской край всегда тяготел к великокняжеской московской власти, здесь к XVII в. после событий Смутного времени сложилась новая русская государственность (об этом напоминают имена и события того времени: Железоборовский монастырь вблизи Буя, где некогда пребывал в монашестве сын галичского дворянина Григорий Отрепьев, объявивший себя Лжедмитрием I; Ипатьевский монастырь, где 24 марта 1613 г. Михаил Романов дал свое согласие взойти на русский престол; легендарный Иван Сусанин и др.). Об истории края см., например, в: [Алексеев 1997; Рябинин 1986]. Лексика этой севернорусской историко-культурной зоны, которую мы называем зоной Костромского Приволжья, в значительной мере обнаруживает черты междиалектных соответствий и общенациональной стандартизации, она приобретает узуальный и даже нормативный характер в сложившемся новом современном русском литературном языке.

Как известно, большую часть лексики стандартного (литературного) русского языка составляет лексика, общая с севернорусской. Не исключено, что ее наличие, но в большей степени закрепление, как и грамматических норм, в составе нового, складывающегося на национальной основе русского литературного языка, было связано с активным функционированием общенародной лексики именно на костромских, исконно севернорусских землях. Однако совпадение состава общенародной лексики говоров и литературного языка надо признать не простым, а относительным, сложным единством, что теперь стало предметом внимания многих диалектологов. Как правило, оказывается, что в говорах подобная лексика со стороны семантики, структуры, особенностей функционирования представлена гораздо богаче и разнообразнее, чем в литературном языке. Об этом можно судить по непосредственным наблюдениям за речью носителей говоров и литературного языка и по данным словарей. Можно найти немало высказываний классиков языкознания на эту тему, например, Л. А. Булаховского, который высоко ценил устную народную речь «с ее динамикой разнообразнейших понятий и эмоций на живой

основе» [Булаховский 1937], а Н. И. Толстой говорил об эффективности диалектного материала для изучения лексико-семантических отношений ввиду большого разнообразия и сложности в нем лексико-тематических типов [Толстой 1968: 342].

Общепародная лексика в говорах и литературном языке

Ниже рассмотрим одно из наиболее актуальных слов русских диалектов, имеющих и в литературном языке, на материале говоров зоны Костромского Приволжья (ныне говоры Костромского, Буйского, Сусанинского, Судиславского районов Костромской области), которое является типичным представителем общепародной лексики. Номинация *бадья* — из серии тех артефактов материальной культуры, без которых деревенский человек не мог обойтись в повседневной жизни и от наличия которых зависело благосостояние всего его дома и хозяйства, включая животных и растения. Можно сказать, что опосредованным образом это слово обладает и свойством витальности, поддерживая жизненные силы человека в разных обстоятельствах его домашнего существования. Слово *бадья* в городе известно, но теперь малоупотребительно, разве что в профессионально-технической сфере или же при воспоминании о деревенской или дачно-туристской жизни. *Бадья*, а чаще всплывающая в памяти горожанина *бадейка* — это то же, что *ведро*, *ведёрко*, только с экспрессией просторечия и особой сферой употребления; сейчас эти слова оказались почти забытыми в силу совершенной неприменимости данного артефакта в условиях городского комфорта.

Лексема *бадья* есть во всех представительных словарях литературного языка без каких-либо помет: С. И. Ожегова, академических под ред. Д. Н. Ушакова, МАС, БАС, даже в новейших их переизданиях, со схожими и практически неизменными толкованиями. Вот одно самого последнего времени из нового издания МАС, которое почти дословно повторяет предыдущие: «деревянное окованное или металлическое широкое ведро, немного суженное книзу» с примерами из текстов писателей и этимологической справкой: [перс. *bāḍye* — сосуд для вина < тат. *badiā*,

badia]. Использование *бадьи* в статье специально не указывается, но оно видно из цитат писателей М. Салтыкова-Щедрина, М. Мамина-Сибиряка и Е. Водолазкина: колодезная бадьа; емкость для подъема золотиносного песка из шахты; «бадьа у двери» для хранения воды [АТСРЯ 2016: 141]. Ср. схожую фиксацию слова *бадьа* почти сто лет назад в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, которое также толкуется через посредство слова «ведро»: «**Бадьа**, и, р. мн. -дей, [перс. *bādĵā* — кружка]. Широкое, низкое деревянное ведро. *Бадьёй достают воду из колодца. Руду из рудников поднимают в бадьях*» [Ушаков 1: 75]. В отличие от слова *бадьа* в АТСРЯ слово *ведро* подано в двух значениях: в первом указывается своеобразие его формы и характер использования («в основном для ношения и хранения воды и других жидкостей»), во втором — предназначение — «мера количества чего-либо» [АТСРЯ 2016: 563–564]. Лаконичные примеры показывают его отличительные особенности и многообразие способов его применения: «*Эмалированное ведро. Колодезное ведро. Ведро для мусора. Пустые вёдра. Поить лошадь из ведра. Опрокинуть полное ведро. ...греметь вёдрами; Ведро вина. ...десять вёдер воды. Ведро краски. Ведро огурцов. ...два ведра яблок. Продавать картошку вёдрами*», чего мы не видим в толкованиях этого же словаря по отношению к слову *бадьа* [АТСРЯ 2016: 563–564]. Примерно те же сведения, судя по словарю Ушакова, были актуальны по отношению к этому слову и в первой трети прошлого века: «1. ...*эмалированное в. Помойное в. Коромысло с двумя вёдрами*; 2. Русская мера жидкости (до введения десятичных), равная 1/40 бочки. Ок. 12 литров. *В. вина, пива*» [Ушаков 1: 239].

Лексема бадьа в условиях литературно-диалектной диглоссии

У В. И. Даля *бадьа* «род ушата или большого ведра... для подъёма из колодцев и рудников воды, земли, руды...», а *ведро*... «посудина с ушами и дужкою или перевяслом для носки воды и других жидкостей»... «мера жидкостей» [Даль I: 37; 175]. Интересно, что в статье на *ведро* у него приведены десятки пословиц, а на

бадью — ни одной. Не связано ли это с тем, что Даль опирался в основном на данные стандартизованного русского языка и более знакомые ему южнорусские диалекты, где, видимо, первоначально появился ориентализм *бадья* и совсем не в том значении, которое сейчас подобно значению слова *ведро*. И только в севернорусских говорах, где и *бадья*, и *ведро* означают примерно одно и то же, но первое слово оказалась более востребованным в силу ряда причин (характерно, что у Даля *бадья* — это ‘большое ведро’ [Даль I], а именно такие габариты более всего необходимы в сельском хозяйстве), чем второе, слово *бадья* приобрело широкий спектр жизненно обусловленных функций, а *ведро* оказалось в пассивном запасе, на периферии повседневного употребления. Оно приобрело стилистическую коннотацию чего-то городского, высокого, в лучшем случае нейтрального, одним словом, не своего, обозначая не очень нужный предмет быта (особенно *эмалированное ведро*, а эмалированные бадьи никогда и не употреблялись). Здесь, как кажется, в условиях современной литературно-диалектной диглоссии просматривается этнодиалектная ситуация *свой/чужой*. Хотя в русских говорах все безусловно знают общеславянское слово *ведро* (его этимология убедительно раскрыта, например, в ЭСРЯ под ред. Н. М. Шанского [ЭСРЯ: 37]), а во многих его активно используют, но оно «не свое» в устно-разговорном репертуаре, а заимствование из другой речевой сферы, городской — литературного языка. В то же время некогда заимствованное из восточных языков слово *бадья* прижилось в диалектах, которые располагают только устно-разговорной формой, и стало «своим», употребительным во многих ситуациях, что вообще-то типично для судьбы ориентализмов в русском языке.

Лексема *бадья* в говорах Костромского Приволжья

Приведем примеры функционирования слова *бадья* в говорах Костромского Приволжья. Начнем с демонстрации употребления слова в речи крестьян в двух десятках километрах от Костромы по правую сторону Волги и по левую сторону дороги на Ярославль. Евдокия Петровна Сухарева (Рыжакова), 1910 г. р., ко-

ренная жительница д. Песошня (теперь официально Песочное) Бакшеевского сельсовета Костромского района, по свидетельству дочери, в своей речи во всех жизненных ситуациях употребляла преимущественно слово *бадья*, и очень редко — *ведро*. Вот фрагменты использования в ее речи слова *бадья*, причем ударение она делала на первом слоге: «*Что ты бадью какую взяла, не подымеешь*»; «*Бадьи-то как повешу на коромысел, приду к коровам на полдень-то, сниму с себя, а меня ещё доль страшную качает*» (речь идет о бадьях с водой, которую она несет в поле, где пасется корова, чтобы напоить ее, а потом и подоить). Евдокия Петровна вспоминает также прозвище *Саня-бадья* одного коренастого мужичка в их деревне, уже пожилого человека.

Наше внимание в картотеке Костромского областного словаря привлёк значительный объём текстов-иллюстраций на слово *бадья*, отражающих разнообразные случаи функционирования слова. Сделаем выборку этих примеров в виде словарной статьи только для говоров историко-культурной (этнодиалектной) зоны Костромского Приволжья, расположенной в пределах Костромской низины (см. описание отличительных признаков этнодиалектных костромских зон в [Ганцовская 2017]). Как это принято, толкуем слово *бадья* через посредство слова *ведро*; особенности его употребления (функции) обозначаем буквами со скобкой.

Бадья́, ж. 1. Большое ведро с расширенным верхом, которое использовали для разных хозяйственных нужд, прежде деревянное, глиняное, теперь железное. Употребляется: а) для хранения и доставки воды в дом, для полива огорода. Глиняный таз, но выше обыкновенного. Костр. у. (архивы Костромского музея-заповедника). *Воду носили в бадье*. Костр. (Безгачево). *Где бадья, я за водой пошла*. Сусан. (Копцово). *Бывало в гору-то с двум бадьям идёшь-идёшь*. Буйск. (Калинино). *Ой, бадью-ту на мосту оставила*. Костр. (Шувалово). *Раньше-то бадьи большие были, тяжело было нести, а теперь...* Судисл. (Дудкино). *Все бадьи заняты*. Костр. (Апраксино). *Возьми бадью. Сходи на речку за водой*. Костр. (Ямково). *Воду носили в бадье*. Костр. (Сухоногово). *Налей в бадью воды*. Сусан. (Головинское). *Бадья-то худая*. Сусан. (Ши-

пилово). *Опять все бадьи расставила.* Сусан. (Быстрово). *Принеси бадью с огорода.* Буйск. (Карповское). *Бадью возьми, принеси воды из колодца.* Сусан. (Андреевское). *Из-за хвори бадьи воды не принести.* Костр. (Орлово). *Налей в бадью воды.* Сусан. (Головинское). *С этой бадьёй по воду уж не сходишь: прохудилась совсем.* Костром. (Сущёво). *Опять все бадьи расставила.* Сусан. (Быстрово). б) для хранения, доставки и измерения пищевых продуктов. *Когда копали картошку, бадьями меряли.* Судисл. (Асаново). *Сегодня мы принесли две бадьи грибов.* Судисл. (Михайловское). *Возьми вот эту бадью под картошку.* Судисл. (Шахово). Ср.: *У меня дома целое ведро капусты.* Костр. (Никольское). в) для дойки и кормления скота. *Моя корова целую бадью сегодня надоила.* Буйск. (Романцево). *С бадьёй корову доить хожу.* Костр. (Становщиково). *Вон из бадьи поросёнку-ту налила.* Костром. (Бычиха). *За весь день хоть бы бадью овцам выплеснул.* Сусанино. *Воды-то отнеси скотине в бадью.* Костр. (Шунга). г) для поднятия воды из колодца. *Бадья в колодце деревянная, часто в колодец падает.* Буйск. (Контеево). *Бадья в колодце была деревянная, на два ведра, сверху и снизу шли металлические обручи. Раньше-то колодцы везде были, воду бадьёй черпали.* Костр. (Шунга). *Бадья у колодца прохудилась. Надо вешать новую.* Костр. (Караваево). д) резервуар для отходов и средство их удаления. *Воду из бадьи выплени.* Сусан. (Домославское). *Помой бадью-то, уже воняет.* Сусан. (Носково). *Вон бадья под умывальником стоит. Сходи бадью вылей.* Буйск. (Контеево). *Техники-то на ферме не было, всё бадьям выносили.* Костром. (Фефелово). *Отнеси бадью во двор.* Судисл. (Лиходейки).

Конкуренция слов бадья и ведро

Широко используется в народной речи и уменьш. слово *бадейка* к слову *бадья* с теми же функциями, что и слово *ведро*. Причем наряду с *бадейкой* (и *бадьёй*) может использоваться в хозяйстве и ведро. Обычное отличие их по форме: ведро узкое, одинаковое по всей длине, а бадья и *бадейка* расширены кверху. На-

пример: *Принеси-ка мне бадейку. Вона бадейка в углу-то стоит, а это — ведро.* Костр. (Некрасово + Космынино + Губачево).

Бадéйка, ж. Небольшое ведро. *Принеси воды бадейку.* Костр. (Сущёво). *Я сёстрам помогала: траву рвала, бадейки коровам таскала.* Костр. (Башутино). *За грибам с бадейкой бегала.* Сусан. (Залесье). *Бадейку-то на мосту поставь.* Судисл. (Калинки). *С бадейкой за водой на колонку ходили.* Костром. (Шунга). *Сходи на колонку, бадейку воды принеси.* Сусан. (Попадьино). *Возьми бадейку на мосту, воды принеси.* Сусан. (Медведки). *Ходили за грибам с бадейкой.* Сусан. (Залесье). *Налей-ко водички в бадейку да принеси.* Сусан. (Карповское).

Есть к слову *бадейка* и уменьш.-ласк. форма *бадеечка*: **Бадéечка**, ж. Уменьш. к *бадейка*. *Взяла бадеечку и пошла на мост.* Костром. (Саметь).

Таким образом, слово *бадья*, пришедшее на русскую почву из восточных языков, зафиксированное историческими словарями с XIV в. и толкуемое как сосуд для питья, кратер («бадья серебряна») в Материалах словаря И. И. Срезневского [Срезневский 1: 39], то же в СДЯ (XI–XIV вв.) [СДЯ 1: 104], СРЯ XI–XVII вв. [СРЯ 1: 65], по-видимому, в древнерусском, и даже старорусском языке было далеко не тем предметом по форме, предназначению и функциям, что оно представляет из себя сейчас. В этом отношении для описания особенностей функционирования слова *бадья* в говорах Костромского Приволжья особенно показательны сведения «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (СОРЯМР) по ряду причин. Во-первых, как уже говорилось, весь Костромской край, в том числе территория Костромского Приволжья и его речевой идиом, входили в зону влияния Московской Руси, а ее книжность, складывающаяся на народно-разговорной основе, полнее всего отражалась в деловых документах, частных письмах и сочинениях, основном источнике СОРЯМР (см., например, Введение к Словарю [СОРЯМР: 4–5, 7]). Во-вторых, этот словарь полного типа имеет обширный словарь, богато иллюстрирован и содержит детальное толкование особенностей семантики данной реалии с развернутой этимоло-

гией и выразительной спецификой употребления слова в эпоху становления московской государственности. Приведем полностью словарную статью из СОРЯМР на это слово. «БАДЬЯ, м. (10) [тур., азерб. *badja*, тат. *badjan* 'деревянный сосуд' (из перс. *bādjä* 'сосуд для вина, кувшин')] 1. *Широкое ведро, немного суженное книзу, деревянная кадка*. Слито меду три боди двенадцать полуведер. Южн. Тамож. Кн., 40, 1621 г. Прочитатьщику чарка вина, а слушальщикам бадья меду да 100 рублей в мошну. Росп. прид. 126, XVII в. Семь пуд тритцать гривенок меду-патоки и з деревом в дву бадьях. Сл. Мангаз., 31, 1697 г. В трех больших бадьях сверху по полубадьи вошинного меда згнило. Сл. промысл. 1, 29, 1700 г. // *Мера жидкости, помещающейся в этом сосуде*. Послано в митрь... масла 4 бади и меду бадья неполна... дехтю 2 бадьи. Сл. Промысл. 1, 29, 1674 г. + *бадья* XVII в.: Сл. Перм., Сл. Сибир. 2. *Деревянная широкая окованная посудина, в которую сливают рассол*. Да в волости в Золотице варница да пол клетки соляной, да и в бадьи половина, из чего варят в реки, да и на реки на Золотици в ызбе половина. Сл. промысл. 1, 29, 1566. Вар. *бодья*» [СОРЯМР 1: 74–75].

Что такое *бадья* в народно-разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. по данным СОРЯМР? Деревянная кадка, т. е. широкое ведро или деревянная широкая окованная посудина для хранения полезных съедобных или несъедобных веществ. Это еще не настоящее ведро в современном понимании, удобный вместительный сосуд, транспортабельный в первую очередь, но также и используемый для временного хранения чего-либо или измерения содержимого. Интересно, что как не *ведро*, а глубокий глиняный *таз*, по данным СРНГ, *бадья* использовалась в Кинешме в 1946 г., как *кадушка* для припасов примерно в это же время в Арх., Уфим., Перм., Челябин., Том., Оренб., как *лохань* в Том. и Челябин. Там же отмечаются и другие сосуды и даже предметы, используемые для разных производственных целей в разных регионах России под названием *бадья* [СРНГ 2: 41–42]. В то же время на территории Московской Руси широко использовалось *ведро* с тем же обликом («сосуд с дужкою») и с теми же функция-

ми («для ношения и хранения воды и других жидкостей», «мера вместимости»), из которых главной, как и сейчас, является первая [СОЛЯМР 1: 57–58]. Интересно, что в архангельских говорах *ведро* — это ‘битон’ [АОС 3: 78], а для слов гнезда *бадья*, *бадейка*, *бадеечка*, *бадяга*, *бадьюха* мы находим весь тот спектр значений и употреблений, который имеется в костромских говорах. Это обычно большое расширенное кверху *ведро* с дужками для сбора ягод, например, или вместилище других продуктов, также корову доят в *бадейку* и др. Но архангельское *бадья* и *ведро* в современном понимании горожанина — разное. Об этом говорит хотя бы следующий контекст: «*Две бадьи набрали да ведро, нам и хватит*» [АОС 1: 57]. По данным АОС складывается впечатление, что две функции номинации *бадья* и ее производных — ношения и хранения — находятся в состоянии динамического равновесия, но они разнообразны и, несомненно, влияют на семантику слова и степень ее актуальности в живой речи. Так, например, *бадья* может употребляться, как и в костромских говорах, в метафорическом значении (см. выше *Саня-бадья*), как прозвище толстой женщины: «*У бадья толста*» [АОС 1: 57].

В Словаре донских говоров Волгоградской области (СДГВО) слово *бадья* обозначает ‘битон’, но там оно используется и в значении ‘большое ведро цилиндрической формы или обычное ведро’ [СДГВО: 29]. Номинации же *ведро* (*столпчатое*), *ведрушка*, *ведрушечка*, *ведрушок*, и, как, видимо, более популярное *цыбарка* в донских говорах «предназначены для воды» [СДГВО: 68].

Заключение

Номинация артефакта *бадья* в разных русских регионах и речевых стратах прошла длительный и своеобразный путь развития, несомненно, повлиявший на семантико-структурный статус лексемы. Так, в говорах зоны Костромского Приволжья как части Костромской группы говоров трансформация семантики и употребления слова в результате конкуренции со словом *ведро* привело к замещению качеств последнего и вытеснению его, полностью или частично, из соответствующей речевой сферы. Много-

функциональное употребление слова (примеры см. выше) свидетельствует об активизации периферийных сем слова и генерализации в нем процессуальных признаков. В первую очередь *бадьа* — это сосуд для ношения (за дужку) чего-либо, чаще воды и других жидкостей, а затем уже средство, орудие хранения и меры чего-либо, кстати, логически соприкасающееся с протяженным рядом жизненных бытовых тем и ситуаций, статических и динамических: 1) формы, объема и материала изготовления (большое ведро — 1/40 часть бочки, 12 л. — с дужкой, которое вместе с содержимым человек способен унести в руках или на коромысле на плечах, расширенное кверху, деревянное, железное, близкое по очертаниям к ушату, но отнюдь не эмалированное, что недоступно и не нужно для деревни); 2) качеством наполнения, обусловленного предназначением вещи (для транспортировки и временного хранения жидкостей: воды, помоев, поила для скота, горючих материалов и др., твердых веществ: овощей, удобрений и др.); 3) предметных реалий быта в виде артефактов, с которыми соприкасается рассматриваемая нами емкость (коромысло, колодец и его части, лавка и др.); 4) ситуации, социологической обстановки (неприхотливый сельский быт или же незамысловатая техническая сфера использования в городе, на каком-либо промысле и др.).

Таким образом, исходная номинационная составляющая содержания слова *бадьа* — ‘сосуд определенной формы и объема, то же, что большое ведро’ — дополняется и обогащается от соприкосновения с многообразием других тематических сфер (артефактами-хранилищами жидкости в доме: ковш, горшок, чугун, кринка, бочка, чан, ушат и др.; гидронимами: вода в колодце, пруде, реке и др., которую черпают бадьей; растительным миром: вода для полива огорода, навоз для удобрения растений; животным миром: вода и поило для скота, подойник; строительными и др. хозяйственными работами в доме и за его пределами: песок, глина и др. в бадье и др.). Эти периферийные номинационные темы влияют на семантику слова, создают возможность метонимических переносов, вначале значительных — перекрестный путь пер-

воначальных значений слов *ведро* и *бадья* — а далее способствуют формированию словообразовательной парадигмы без ощутимых изменений формы и общей, уже сложившейся к настоящему времени семантической структуры лексемы *бадья* (особенности метонимических переносов слов различных частей речи в настоящее время продуктивно разрабатываются в трудах Л. Г. Яцкевич и И. Е. Колесовой, см., например, их недавние работы [Яцкевич 2016: 448–510; Колесова 2019: 144–158]). Опираясь на мнение Д. Н. Шмелёва о необязательном закреплении метонимического сдвига в самостоятельное лексическое значение вследствие отнесения метонимии к типу «регулярных семантических соотношений в слове» и характеристике этого явления не просто как словарного, а семантико-синтаксического, Т. С. Коготкова исследует в избранном ею методе семантического анализа — выделение мобильных смысловых элементов слова — заимствованные из литературного языка лексемы, «семантическая структура которых раскрывается в многообразных контекстах диалектной речи...» [Коготкова 1977: 197–198]. В нашем случае подобный метод исследования дает возможность благодаря конкретности обиходно-бытовой речи и обилию примеров функционирования описываемой нами лексемы в костромских говорах точнее выявить план ее выражения, определенные семантические сдвиги, как представляется, метонимического характера, что помогает сделать сравнение ее употребления и конкурирующей с ней лексемы *ведро* со сходной семантикой в речевых средах разных говоров и стандартного языка. Удастся выявить в говорах и метафорическое использование слова *бадья* (в костромских прозвище мужчины *Саня-бадья*, в донских характеристика женщины — *бадья толста*).

Каждый русский говор обнаруживает семантико-функциональное своеобразие лексем *бадья* и *ведро* по сравнению с литературным языком и исходными моментами их существования в русском языке. Однако, как кажется, предпосылок для закрепления метонимических сдвигов в новых значениях слова *бадья* в народно-разговорной речи нет, поскольку резко изменилась внеязыковая действительность и говоры становятся анахронизмами.

Вместе с тем прекращается и семантико-синтаксическое развитие анализируемого нами слова *бадьа*.

Выражение благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809а «Диалектное исследование лексики и ономастики Костромского края».

Литература

Алексеев С. И. (1997) *Археология Костромского края*. Кострома: [Б. и.].

Булаховский Л. А. (1937) *Исторический комментарий к литературному русскому языку*. Харьков: Киев.

Ганцовская Н. С. (2017) Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения. *Вестник Костромского государственного университета*, 23 (S): 65–70.

Коготкова Т. С. (1977) Семантические заметки (К проблеме освоения литературной лексики в современных говорах). *Диалектологические исследования по русскому языку*. М.: Наука: 194–208.

Колесова И. Е. (2019) Семантические модели формирования в русских говорах словообразовательных парадигм когерентных существительных на базе прилагательных со значением цвета. *Севернорусские говоры*, 18: 144–158.

Рябинин Е. А. (1986) *Костромское Поволжье в эпоху средневековья*. Л.: Наука.

Толстой Н. И. (1968) Некоторые проблемы сравнительной славянской этимологии. *Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов*. М: Наука.

Яцкевич Л. Г. (2016) Грамматический синкретизм неизменяемых знаменательных частей речи в русских народных говорах. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016*. СПб.: Нестор-История: 68–73.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения районов Костромской области

Буйск. — Буйский

Судисл. — Судиславский

Костр. — Костромской

Сусан. — Сусанинский

Сокращения источников

- АОС — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1. М.: МГУ, 1980; Вып. 3. М.: МГУ, 1983.
- АТСРЯ — *Академический толковый словарь русского языка*. Т. 1. Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Изд. дом ЯСК, 2016.
- РД — *Русская диалектология*. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964.
- СДГВО — *Словарь донских говоров Волгоградской области*. Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель.
- СДЯ (XI–XIV вв.) — *Словарь древнерусского языка (XI–XVII вв.)*: в 10 т. Т. 1. Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988.
- СОРЯМР — *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1. СПб.: Наука, 2004.
- Срезневский — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. В 3 т. М., 1893–1912.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- СРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1. М.: Наука, 1975.
- Ушаков 1935 — Ушаков Д. Н. (ред.) (1935) *Толковый словарь русского языка*. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935.
- ЭСРЯ — *Этимологический словарь русского языка*. Под ред. Н. М. Шанского. Т. 1, вып. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.

COMMON VOCABULARY IN THE DIALECTS
OF THE KOSTROMA VOLGA REGION:
FUNCTIONAL STRATIFICATION

Citation: Gantsovskaya N. (2020) Obshchenarodnaya leksika v govorakh kostromskogo Privolzh'ya: funktsional'naya rassloyonnost' [Common vocabulary in the dialects of the Kostroma Volga region: functional stratification]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 209–225. (in Russian)

About the author. Gantsovskaya Nina. Kostroma State University. Kostroma, Russia. <gantsovsky_n@mail.ru>

Abstract. The subject of study in the article is the nationwide lexis functioning in the dialects as well as in the literary language. The word *бадья* [badya] is analyzed in the dialects of historical and cultural zone of Kostroma Volga region, a part of Kostroma group of dialects of North Russian vernacular. It possesses the features of center dialects, where the number of words common in form and general meaning with the lexis of the literary language is especially big. The proposition is adduced that such lexis is presented much more abundantly and variously in the dialects than in the literary language from the point of semantics, structure and peculiarities of functioning. The author gives a lot of examples of using the word *бадья* [badya] in the dialects of Kostroma, Buy, Susanin and Sudislavl regions of the described zone showing the variety of functional stratification of this lexical unit, which undoubtedly influence its semantic, syntactic and stylistic qualities. Based on historical, etymological and regional dictionaries, the author reveals the dynamics of the semantic development of lexemes *бадья* [badya] and *ведро* [vedro] (which are close in their present meaning and use) together with their derivatives. Moreover, the productivity of these lexemes in different strata of the Russian language is examined. From the author's point of view, there is an ethno-dialect situation *свой/чужой* [svoy/chuzhoj] in Kostroma dialects under the conditions of modern literary and dialect diglossia, where the word *бадья* [badya] is perceived as one's own, and the word *ведро* [vedro] as the one which comes from a different sphere — the literary language. The unequal proportion of words *бадья* [badya] and *ведро* [vedro] in semantics, functional stratification and use in different dialects of the Russian language is pointed out, the dissonance being observed more completely in the dialects of remote territories of north and south, for example, Archangelsk, Don and Volgograd dialects. The conclusion is made that significant functional stratification of

nationwide lexis in dialects results in appearance of metonymic shifts of different intensity in semantic structure of the word.

Keywords: nationwide lexis, Kostroma Volga Region, dialect and literary diglossia.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 18-012-00809 “Study of the dialect lexis and onomastics of the Kostroma Region”.

References

Alekseev S. I. (ed.) (1997) *Arkheologiya Kostromskogo kraya* [Archeology of the Kostroma Region]. Kostroma: [Without Publisher]. (in Russian)

Bulakhovskiy L. A. (1937) *Istoricheskiy kommentariy k literaturnomu russkomu yazyku* [A historical commentary on the Russian literary language]. Harkov: Kiev. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2017) Govory Kostromskoy oblasti: problemy vnutrennego chleneniya [Kostroma region dialects: internal division issues]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 23 (S): 65–70. (in Russian)

Kogotkova T. S. (1977) Semanticheskiye zametki (K probleme osvoeniya literaturnoy leksiki v sovremennykh govorakh) [Semantic notes (On the problem of mastering literary vocabulary in modern dialects)]. In: *Dialektologicheskiye issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological studies on the Russian language]. Moscow: Nauka: 194–208. (in Russian)

Kolesova I. Ye. (2019) Semanticheskiye modeli formirovaniya v russkikh govorakh slovoobrazovatel'nykh paradigm kogerentnykh sushchestvitel'nykh na baze prilagatel'nykh so znacheniyem tsveta [Semantic models of formation in the Russian dialects of derivational paradigms of coherent nouns on the basis of adjectives with the meaning of colors]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 144–158. (in Russian)

Ryabinin Ye. A. (1986) *Kostromskoye Povolzh'ye v epokhu srednevekov'ya* [Kostroma Volga in the Middle Ages]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Tolstoy N. I. (1968) Nekotoryye problemy sravnitel'noy slavyanskoy etimologii [Some problems of comparative Slavic etymology]. In: *Slavyanskoye yazykoznanie. VI Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov* [Slavic linguistics. VI International Congress of Slavists]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2016). Grammaticheskiy sinkretizm neizmenyayemykh znamenatel'nykh chastey rechi v russkikh narodnykh govorakh [Grammatical syncretism of unchanging significant parts of speech in Russian dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2016* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2016]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 68–73. (in Russian)

Н. А. Красовская, Л. В. Кильмаматова

ОТРАЖЕНИЕ ЛОКУСА СЕВЕРА И ЮГА В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Цитирование: Красовская Н. А., Кильмаматова Л. В. (2020) Отражение локуса севера и юга в диалектной лексике бытовой культуры. *Севернорусские говоры*, 19: 226–243.

Сведения об авторах. Красовская Нелли Александровна, Кильмаматова Любовь Владимировна. Тульский государственный университет им. Л. Н. Толстого. Тула, Россия. <nelli.krasovskaya@yandex.ru>

Аннотация. В рамках данной статьи авторы размышляют над проблемой локализации диалектной лексики. По мнению исследователей, далеко не всегда можно говорить о четком противопоставлении лексических единиц, например, по территории их бытования в говорах южнорусского и севернорусского наречий. Многие диалектные слова имеют обширные ареалы распространения, которые не укладываются в границы двух основных наречий русского языка. В статье анализируется лексика, отражающая бытовую культуру, основным источником информации о локализации диалектной лексики является «Словарь русских народных говоров».

Ключевые слова: ареал, диалектная лексика, севернорусское наречие, южнорусское наречие.

Введение

Рассматривая лексику определенного говора или группы говоров, исследователи чаще всего стараются обозначить территорию существования той или иной диалектной лексемы или совокупности лексем. Проблема бытования лексических единиц представляется актуальной и при системном описании какого-либо говора или группы говоров, и при картографировании определенных слов, и при составлении лексических атласов, и при разработке словарных статей для различных лексикографических изданий. Однако фиксировать точное распространение какого-либо диалектного слова не всегда возможно в силу ряда объ-

ективных причин, поэтому зачастую у исследователей возникает стремление представить картину распространения определенных диалектных единиц более обобщенно: например, как «северное» или «южное».

Опыт работы по составлению карт для «Лексического атласа русских народных говоров» и материалы первого выпуска «Растительный мир» названного атласа свидетельствуют о том, что ареальная характеристика диалектных лексем очень сложна, хотя можно видеть примеры, когда карты демонстрируют довольно понятную и определенную картину в распространении той или иной лексемы или семантики какого-либо слова. Приведем в качестве примера семантическую карту № 9, отражающую распространение значений слов *елошник*, *елишник*, *елошняк* [ЛАРНГ I: 47], где картина локализации семантики диалектных лексем видится довольно четкой, и, например, карту № 155 «Лопух», где ареальный рисунок очень сложен [ЛАРНГ I: 522]. Именно поэтому мы считаем, что вопросы территориальной отнесенности диалектных лексических единиц являются по-прежнему актуальными.

Часто в определении территориальной принадлежности слова исследователям помогают лексикографические источники, например, словари сводного типа («Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь русских народных говоров») или словари региональные. Легче рассматривать вопросы бытования отдельных лексических фактов в тех говорах, где созданы большие электронные или бумажные своды диалектной лексики, где ее описание проводилось и проводится системно на протяжении многих десятков лет. Сложнее определяться с территориальной маркированностью лексических единиц в тех случаях, когда созданная картотека недостаточна, нет полноценных лексикографических источников, фиксирующих совокупность лексических единиц указанной территории, или сами говоры являются переходными, находятся между диалектными зонами или располагаются на контактной, пограничной территории.

Именно поэтому нам представляется важным в рамках данной статьи обратиться к некоторым фактам сопоставления территории бытования ряда лексических единиц.

Материалом для исследования послужили диалектные лексические явления, зафиксированные нами в одном из районов, территориально относящемся к тульской группе говоров и расположенном в ее восточной части. Как известно, тульские говоры с середины 60-х годов XX в., согласно диалектному членению, отраженному на диалектологической карте русского языка, разработанной ИРЯ РАН, относятся к переходным межзональным говорам типа Б южнорусского наречия. Мы не будем здесь перечислять всех признаков, которые подтверждают южнорусскую отнесенность рассматриваемых говоров. Нас интересуют лексические факты, о которых довольно часто говорят, что они так же определены, как и иные отличительные признаки говоров, в частности тульских. В ходе проведения исследования мы не только анализируем диалектные лексемы, которые условно относим к южнорусскому наречию, в частности к тульским говорам, но и пытаемся на основании данных самого авторитетного среди диалектологов лексикографического свода — «Словаря русских народных говоров» (добавим, что в некоторых случаях мы пользовались материалами и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля) — сопоставить сведения о локусе лексем на предмет определения их южнорусской или севернорусской отнесенности.

Несколько слов скажем о том, почему мы обращаемся к лексическим единицам, отражающим факты бытовой культуры. С одной стороны, традиционный крестьянский быт на севере и на юге имеет много общего: обычно жилище строилось из доступных материалов (дерево или камень), оно всегда имело важнейший центр — некий источник тепла, простую мебель, нехитрую посуду и т. д. С другой стороны, условия жизни крестьян на севере и юге нашей страны имеют ряд отличий, в том числе связанных с природно-климатическими особенностями, влияющими на тип постройки, основные продукты питания, предметы домашнего обихода, которые использовались в крестьянском хозяйстве, и др.

Остановимся подробнее на понятии «бытовая культура». Общеизвестно, что под бытом понимается сфера социальной жизни людей, к которой относятся удовлетворение материальных потребностей в пище, одежде, жилище и духовных потребностей, а также культура, общение, отдых, развлечения. Можно сказать, что быт — уклад повседневной жизни человека. Таким образом, понятие бытовой культуры связано с жизненными привычками населения, устройством жилища человека, домашними предметами, одеждой, обувью, пищей, характером ряда действий, которые совершают люди и т. д.

Оговоримся, что для представленного здесь анализа мы в основном обращаемся к лексическим единицам, зафиксированным в населенных пунктах, расположенных в верхнем течении реки Непрядвы, протекающей в Воловском районе Тульской области. Так, нами были обследованы следующие населенные пункты Воловского района: д. Красный Холм, д. Пруды, д. Алексеевка, с. Никитское и с. Непрядва. Данная территория имеет богатую историю, однако говоры указанных населенных пунктов изучены недостаточно. Хотя нельзя не сказать о том, что некоторые особенности говоров этой территории были рассмотрены в работах Е. Ф. Будде [Будде 1898], В. Н. Сидорова [Сидоров 1949], Н. А. Красовской, Л. В. Кильмаматовой [Красовская, Шестопалова 2016; Красовская, Кильмаматова 2020] и др. Лексический материал до сих пор не систематизирован в виде отражения в словарях, словниках. На сегодняшний день лексика, бытующая на указанной территории, не получила своего полного описания. Именно поэтому обращение к ней является актуальным и своевременным.

В рамках данной статьи мы остановимся только на примерах из тематической группы «Устройство жилища (жилые и хозяйственные постройки, их части, способы устройства жилища, мебель)». Однако укажем, что собранный нами в ходе полевой работы лексический материал позволяет его описывать и систематизировать и в рамках иных тематических групп.

Лексические единицы, относящиеся к тематическим группам «Устройство жилища», «Тип постройки» и т. п., локализованные в иных районах и относящиеся к иным группам русских говоров, неоднократно становились предметом рассмотрения лингвистов. Необходимо заметить, что устройство жилья — это традиционно важный этнический, природно-климатический, социальный показатель жизни человека. Данная тематическая группа находится на пересечении интересов ученых, занимающихся проблемами этнолингвистики, лингвокультурологии, диалектологии, лексикологии и др. Названная тематическая группа неоднократно рассматривалась в работах таких лингвистов, как А. К. Байбурин [Байбурин 1983], Е. А. Батурчева [Батурчева 1999], В. Е. Гольдин [Гольдин 1965], Д. К. Зеленин [Зеленин 1991] и мн. др. Дом для человека является не просто строением, которое спасает его от неблагоприятных условий природы: дом — это место, где человек отдыхает, создает уют, проводит большую часть времени. Устройство дома зависело от статуса человека в сообществе, мировоззрения, рода деятельности, материальных возможностей, традиций и, наконец, от мастерovitости человека и его эстетических пристрастий.

Диалектная лексика жилища в ракурсе территории бытования

Обратимся к устройству жилого помещения крестьян деревень Воловского района, расположенных по берегам реки Непрядвы. Характерным жилищем в конце XIX – начале XX вв., с вариантами которого мы встречались в ходе полевой работы в наше время, была изба южнорусского комплекса, восточного варианта. Она была двухкамерная без подклети. Одна ее половина была жилой, а другая — соединяла жилую часть дома с крыльцом и называлась сени. Сени — это неотапливаемое помещение с тремя стенами, примыкающими к избе. Они не имели потолка, но были покрыты общей с избой крышей. Изба чаще всего была сделана из обожженного кирпича, ставилась параллельно улице. Сени делали из известнякового камня. Дома чаще всего были

неоштукатуренными и не побеленными известью. Двор был расположен поперечной связкой с избой. Вход на него был из сеней. В доме чаще всего было 2–3 окна, которые располагались на главном фасаде параллельно улице. Иногда было еще одно окно на боковом фасаде. Внутри дома находилась русская печь. Чаще всего ее делали в дальнем от входа углу. Устьем она была обращена ко входу. Красный угол находился по диагонали от печи, т. е. около входной двери. Иногда печь делали посередине избы с устьем от окон главного фасада. В этом варианте между стеной и печью был сделан помост из досок, на котором спали. Под ним в зимнее время держали молодых ягнят и телят. Чаще всего в переднем углу находились иконы, стоял стол, а возле него лавки и скамейка. Возле печи была установлена скамья и сделана полка для хранения посуды. В большинстве сел дома были расположены в два ряда параллельно улице, на одной стороне они были обращены к улице окнами, а на другой — дворами. Перед домом делали подвал из известнякового камня. Внутри он был со сводами, а сверху — засыпан землей и обложен дерном.

В ходе анализа попытаемся сопоставить собранный нами материал с данными «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) на предмет определения локуса ряда зафиксированных лексем и установления предположительного района их бытования.

Нами были зафиксированы следующие лексемы, относящиеся к данной группе.

Городьба́ ('забор') [*а у нас гърад'ба́ там вот, вон там вонъ*] (д. Красный Холм). СРНГ дает данную лексему в близких значениях: «Городьба́, ы, ж. 1. Материал для изгороди. Южн. р-ны Краснояр. 2. Огороженное место, где растут овощи и плодовые деревья. Сев. Прииссыккулье ... Огороженное место» [СРНГ 7: 63]. Нас интересуют первые два лексико-семантических варианта указанной лексемы. Следует сказать, что среди отмеченных регионов нет тульского, однако, по нашему мнению, употребление слова *городьба́* в тульских говорах близко первому и второму значениям с небольшим семантическим сдвигом. СРНГ дает лексему *городьби́шка*, толкование которой близко рассматриваемому

нами: «Городьбишка ... Уменьш.-уничиж. к городьба (изгородь, плетень). Городьбишку сама городит. Шегар. Том.» [СРНГ 7: 63]. Думается, что внутренняя форма данного слова довольно прозрачна. Корень *-город-*, *-горож-* напрямую связан с семантикой ограждения, создания границы, строительства ограждений. Отметим, что основная локализация данной лексемы, отмеченная в СРНГ, — говоры Сибири, которые являются вторичными, более поздними в своем формировании. Материал СРНГ, таким образом, не дает основания утверждать, что рассматриваемую лексему можно считать типично южной, южнорусской, но и к севернорусским говорам, в строгом смысле, согласно материалам словаря, ее отнести сложно.

Далее остановимся на словах, которые можно объединить в синонимический ряд с общим значением 'сарай, хозяйственная постройка'. Это лексемы *хи́за*, *ри́га*, *шалáш*. При более детальном рассмотрении можно выявить ряд дифференциальных сем, которые наблюдаются у данных слов. Так, слово *хи́за* используется для обозначения вообще любого сарая, который в широком смысле применяется для различных хозяйственных нужд, а лексемы *ри́га* и *шалáш* чаще используются для обозначения помещения, в котором сушат снопы. Наши рассуждения подтверждаются следующим примером употребления: *хи́за* ('сарай') [*мы звáл'и х'и́зы сарáј*] (с. Непрядва). Слово *хи́за*, безусловно, связано со словом *хижа*. В данном случае мы обратимся к материалам «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Словарная статья дает основание утверждать, что в интересующем нас значении данная лексема имеет довольно широкое распространение, однако чаще встречается на территории южнорусского наречия: «*Хижа* и *хижина*, *хижинка* ж. црк. *хижица* — лачуга, избенка, убогий кров; *хижа*, *сиб.* — шалаш в лесу; *юж.* — чулан сбоку сеней, клеть; *хижка*, *дон.* — отдельная кухонька, нередко землянка ... *Хи́за* ж. стар. и *хизина* црк. — хижа, хижина ... *Хизык* м. тул-нвсл. — холодная избенка на лето; клетушка, амбарчик, где летом спят» [Даль 4: 904]. Нельзя сказать, что рассматриваемое слово не известно на других территориях, но на севере оно имеет

значение, выражающее особенности погоды: отмечается в архангельских, вологодских, олонечких говорах, чаще называя резкий, холодный ветер, плохую погоду.

Остановимся на лексеме *ры́га* ‘сарай для сушки снопов’, которое имеет смысловую параллель *шалáш* ‘сарай для сушки снопов’ [*р’ууѣ-тѣ бал’шáѣ былá. А у нас шалáш нъзывáл’и*] (с. Непрядва). Слово *ры́га* дается в СРНГ: «Ры́га и ры́га ... 1. Большой сарай с печью для сушки снопов и обмолота ... Рыга. Ряз., Калинин., Орл. ... 2. Постройка, помещение с печью для сушки зерна в снопах, овин. Сузун. Новосибир., ... Волог., Арх., КАССР, Ленингр., Новг. Рыга — куды снопы-то сажают. Калинин., Пск., Моск., Ярослав., Влад., ... Калуж., Тул., Вят., Тобол.» [СРНГ 35: 101]. Данная лексема широко распространена в говорах и чаще всего ее относят к южнорусским лексическим явлениям. Однако при более тщательном анализе словарной статьи можно прийти к выводу, что в СРНГ фиксируется целый ряд лексико-семантических вариантов лексемы *рыга* (*рыга*) и у большинства из указанных вариантов мы наблюдаем не только южнорусскую локализацию, но и среднерусскую, и в ряде случаев — севернорусскую: вологодские, архангельские, псковские, ярославские и др. говоры. Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что при основной территории бытования — различные группы говоров южнорусского наречия — словарь указывает на целый ряд и иных территорий. Следовательно, отнести данное слово только к южнорусскому наречию, согласно материалам словаря, все-таки невозможно.

Если останавливаться на лексеме *шалáш*, то, видимо, в данном случае мы наблюдаем общеизвестное слово, с некоторым переосмыслением. Толковые словари литературного языка толкуют его как ‘временная небольшая постройка для жилья из жердей, кольев, покрытых ветками, соломой и т. п.’ [МАС IV: 698]. Дialectное употребление отличается от литературного наличием ряда сем, поэтому можно предположить, что лексема *шалáш* в исследуемых нами говорах будет считаться семантическим диалектизмом.

Среди разновидностей названий жилья нам встретилось название небольшой избы — *изба́-глядёлка* (‘маленькая изба’) [*изба́-глад’э́лкэ, мал’ин’кэ́жэ*] (д. Пруды). Традиционно считается, что для южнорусских говоров более характерным является употребление слова *хата*, однако в исследуемых населенных пунктах активно используется и слово *изба*. Обратимся к СРНГ: «1. Изба́, ы, ж. 1. Жилой дом из одной комнаты (с русской печью). Белозер. Новг., Новг., Север., Арх., Сев.-Двин., Онеж., Волог., Ленингр., Твер., Калин., Яросл., Костром., Вят., Нижегород., Горьк., Влад., Иван., Моск. «Изба — здание о четырех стенах, до трех сажен в стороне; с переборкой в середине (о 5 стенах) — дом». Пск., Смол., Калуж., Тул., Орл., Тамб., Пенз.» [СРНГ 12: 85–86]. Приведенные выше выдержки из словарной статьи к слову *изба* свидетельствуют о том, что локализация данного слова очень широка, т. к., безусловно, оно уходит корнями в глубокую древность и входит в разряд ключевых понятий, связанных с жизнью человека. Нельзя однозначно говорить о том, что на территории южнорусского наречия появление слова *изба* невозможно, оно существует и занимает довольно обширный локус как на севере, так и на юге.

Среди разновидностей названий жилья, представленных в СРНГ, мы не обнаружили слова *глядёлка*, эта лексема фиксируется во множественном числе в значении ‘глаза’. Можно предположить, что название избы действительно дано по признаку глаз-окон (обычно окна сравниваются с глазами), в данном случае, если помещение небольшое, то и окошки маленькие, это является ключевым отличительным признаком, поэтому вполне возможно, что именно эта лексема является определяющей в характеристике жилого помещения. На территории распространения тульских говоров нами неоднократно фиксировалось указание на количество окон в жилом помещении как констатация размеров данного жилища: в два окошка (совсем маленькое), в три окошка (несколько побольше — следовательно, жили чуть лучше) и т. д. Видимо, определяющая семантика слова *гляделки* не является неожиданной по отношению к слову *изба*, т. к. русским го-

ворам известны названия-характеристики типа *изба-пряха, изба-непряха* и т. д.

В крестьянском жилом доме большую роль играла основная балка, которая являлась несущей при сооружении потолка. Центральное положение этой балки придавало ей особый статус, который во многом считался сакральным. Именно поэтому иллюстрация использования данной лексемы свидетельствует о ее определенной роли в ходе, например, свадебного обряда: *ма́тица* ('балка, служащая основанием для потолка дома') [*ра́н'ишъ мо́дъ бы́ла, как пѣсыла́жутъ свѣтъѣцъ, за́йт'итъ на́дъ зъ фтару́жу ма́т'ицу*] (д. Красный Холм, д. Алексеевка). В СРНГ данная лексема отмечается в нескольких значениях, среди которых имеется и то, о котором мы ведем речь: «2. Ма́тица ... 1. Матица верхняя. Балка-матица на потолке. Иркут. 2. Планка на потолке около печной трубы, прикрывающая щель прорези, сделанной для трубы. Трубч., Брян. Орл.» [СРНГ 18: 30]. Следует уточнить, что словарь не отмечает в первом значении южнорусскую локализацию, но данная лексема довольно часто встречается в южнорусских, в том числе в тульских, говорах. Территория распространения указанного слова в первых двух значениях (а именно о них идет речь) довольно широкая, поэтому мы опять же не можем с уверенностью сказать, что рассматриваемая лексема имеет статус строго южнорусской.

Внутреннее устройство жилого помещения подразумевает наличие более чистой комнаты, которая в разных населенных пунктах могла называться по-разному. В нашем материале встретилась сложная лексема *зал-приѣмыш* ('комната для приема гостей') [*тут зал-пр'иѣмыш, там нач'иш'иш'ь, уас'т'ѣж пр'ин'имал'и*] (д. Пруды). Материалы СРНГ включают в свой словник лексему *зал*, однако ее значение не совпадает с зафиксированным нами: «Зал, а, м. 1. Прихожая. «На Дону в доме зажиточного казака различали прихожку [или зал], стряпуху, горницу». Бломквист. 2. Спальня. Ср. Амур» [СРНГ 10: 187]. Именно поэтому мы считаем, что данное слово в говорах приобретает некий оттенок значения по сравнению с использованием его в ли-

тературном языке: напомним, что в литературном языке оно обозначает 'просторная парадная комната в частном доме для торжественных случаев, для танцев и т. п.' [МАС I: 535]. Видимо, семы 'приём' и 'гости' в говорах передаются вторым существительным *приёмьши*. Лексема *приёмьши* имеется в СРНГ, но в иных значениях, указание на помещение используется в случае наименования приемного пункта воинской части или приемного покоя больницы. Таким образом, отсутствие фиксации рассматриваемого наименования в СРНГ не дает нам возможности определить локализацию этой сложной лексемы.

В крестьянской избе большую роль играло ее обустройство, чаще всего оно было полифункционально. Обратимся к слову *кут* ('огороженная часть избы за печью') [*заход'иши, а в уул'у п'эч'кь, а ат п'эч'к'и ид'от кут*] (д. Красный Холм, д. Пруды). Слово *кут* в СРНГ имеет широкий спектр значений, среди которых угол, кухня, лавка, огороженное место, место за печкой и др. Надо подчеркнуть, что практически во всех значениях слово отмечено как тульское: «Кут ... 1. Место, где сходятся внешние или внутренние стороны предмета, угол чего-либо. Судж. Курск., ... Ворон., Дон., Кубан., Терск. ... Орл., Брян., Тул., Калуж., Южн., Петрогр. ... 2. Угол в избе, в доме. ... Курск., ... Орл., Брян., Калуж., Ряз., Южн., Моск., Влад., Арх., Латв. ССР, Прикам., Пенз., Урал., Хакас. Краснояр. || Угол против устья русской печи. Кадн. Волог., Волог., Сев.-Двин., Беломор. ... Арх., Костром., Ярослав., Горьк., Перм., Орл., Тул., Ворон., Калуж., Том., Хакас. Краснояр. ... 3. Задний угол в доме, избе около входной двери. Тул., Калуж., Брян., Курск.» [СРНГ 16: 163–165]. Кут — слово, безусловно, многозначное, мы привели лишь основные лексико-семантические варианты данной лексемы, и можно предположительно указать на довольно широкий ареал распространения, который не замыкается только в границах южнорусского наречия, поскольку есть указания на архангельские, вологодские, пермские, костромские говоры.

Наряду с кутом в традиционном интерьере крестьянского жилого помещения присутствовал *коник*. *Кóник* ('лавка, находяща-

яся под иконами') [*а кóн'ик нъзывáлс'и на ст'энк'в ид'от па-дыкóнъм'и, уулавóј*] (д. Красный Холм, с. Никитское). Обратим внимание на толкование, которое имеется в СРНГ: «Кóник ... 1. Широкая лавка у входной двери избы, имеющая вид ларя, с откидной крышкой или задвижными дверцами, и служащая местом для спанья, хранения посуды, продуктов, инструментов и т. п. Нижегород., Волог., Казан., Тамб., Ряз., Калуж., Твер. ... 2. Кóник. Скамья в избе. Лежишь ты, свекор, мертвый на конику. Жиздр. Калуж., Калуж., Ряз., Ворон., Новг. Уселася на конике» [СРНГ 14: 255–256]. Данная лексема широко распространена в русских говорах и чаще всего обозначает разновидности лавок и перекрытий. Однако анализ словарной статьи позволяет с уверенностью говорить, что лексема встречается и в южнорусском наречии, и в севернорусском, и в ряде говоров среднерусских (поскольку в словарной статье СРНГ содержатся указания на нижегородские, вологодские, новгородские и др. говоры), т. е. локализация данного слова не укладывается только в границы южнорусского наречия.

Рядом с русской печью имеется *казёнка* ('место для лежания при печи') [*каз'óнкъ д'эльлэс' навъишь, а пѣт каз'óнкѣ т'ил'атъ с'ид'эл'и*] (д. Красный Холм). СРНГ одним из значений дает именно такое: «10. Помост, лежанка у печки; под ним зимой помещался молодой скот и птица. Спать на казенке. Слов. Акад. 1814. Слов. Акад. 1847 [с пометой «простонар.»] ... Влад., Нижегород., Казан., Пенз., Тамб., Смол., Брян., Орл., Курск., Калуж., Тул., Моск., Ряз., Симб., Вят.» [СРНГ 12: 318]. Судя по приведенным данным из СРНГ, можно говорить о достаточно широком использовании рассматриваемой лексемы. Мы опять же не можем утверждать, что данная лексическая единица используется только носителями южнорусских говоров, здесь видим указание на владимирские, вятские, нижегородские говоры.

Крестьянские семьи обычно были многодетными, поэтому важное место в жилом помещении было отведено детской кровати. Нам встретилось слово *рѣли* ('детская кровать, подвешиваемая к потолку, люлька') [*с'ич'ас кал'áск'и, а тады́ и л'у́лк'и н'э былъ, р'э́л'и бѣл'и, кач'áл'и*] (д. Алексеевка). Именно такое зна-

чение СРНГ не фиксирует, однако есть многочисленные варианты с указанием на разновидности качелей, частей качелей, например, имеется следующее значение: «2. Качели. Это качели, по нашему — рели. Ряз., ... Моск., Твер., Пск., Новг., Ленингр., Печор., Яросл., Влад., Нижегород.» [СРНГ 35: 47]. Можно предположить, что использование данной лексемы в указанном выше значении явилось следствием переноса по смежности, потому что подвешивание кровати к потолку напоминало качели, да и служило для целей укачивания ребенка. Рассматриваемое нами употребление ближе всего ко второму лексико-семантическому варианту. Отметим, что территория бытования рассматриваемой лексемы довольно широкая и включает в себя южнорусские, среднерусские и севернорусские говоры.

Заключение

Подведем некоторые итоги рассмотрения лексем, входящих в тематическую группу «Устройство жилища», с точки зрения их локализации и предполагаемой отнесенности к определенному наречию. В качестве опорного источника нами был выбран «Словарь русских народных говоров», материалы которого представляют собой богатейшее собрание не только по количеству лексических единиц, но и по количеству словоупотреблений и территориальных фиксаций. Именно поэтому мы считаем, что обращение к СРНГ вполне оправданно (в дальнейшем подобная работа должна быть проведена с материалом региональных словарей).

Указанная тематическая группа является одной из важнейших для понимания культуры быта человека, традиционно проживающего на земле, ведущего оседлый образ жизни. В целом нужно сказать, что зафиксированная нами лексика (территория верхнего течения реки Непрядвы) указывает на традиционные формы организации жилья, исторически сложившиеся в Центральной России. Об этом как раз и свидетельствует широкая локализация многих рассмотренных нами диалектных лексем (их включенность в лексические системы говоров южнорусских и среднерусских).

Однако многие из проанализированных лексических единиц нельзя отнести только к южнорусскому наречию — территория их бытования распространяется и на ряд севернорусских говоров. И даже если мы встречаемся с фактами незначительных отличий в семантике, то сами лексические единицы зафиксированы на территории ряда говоров севернорусского наречия.

Подобный вывод, сделанный на примере рассмотрения некоторых лексических единиц одной тематической группы, представляется довольно интересным, поскольку разрушает представление о четкой локализации диалектных лексем. И, наоборот, подтверждает многочисленные наблюдения, сделанные при составлении карт для «Лексического атласа русских народных говоров», о сложной ареальной характеристике ряда лексических единиц, о неоднозначности их распространения на территории севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров. Подобные размышления заставляют задумываться и над причинами указанного явления, среди которых может быть и интердиалектный характер многих лексических единиц, и многочисленные миграционные процессы, которые неоднократно наблюдались в истории нашей страны, и переходный характер многих говоров.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Литература

Байбурин А. К. (1983) *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Л.: Наука.

Батурчева Е. А. (1999) Из истории названий жилища. *Русский язык в школе*, 3: 82–84.

Будде Е. Ф. (1898) *О народных говорах Тульской губернии*. СПб.: Типография императорской Академии наук.

Васильев П. Г. (2006) *Волово: юбилейное издание к 80-летию Воловского района Тульской области*. М.: ГОУ ВПО МГУЛ.

Гольдин В. Е. (1965) О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах. *Вопросы теории и методики изучения русского языка*. Саратов: 282–290.

Зеленин Д. К. (1991) *Восточнославянская этнография*. М.: Наука.

Красовская Н. А., Кильмаматова Л. В. (2020) Диалектная лексика трудовой деятельности людей, проживающих по берегам реки Непрядвы. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2 (2): 47–57.

Красовская Н. А., Шестопалова (Кильмаматова) Л. В. (2016) Проявление системных отношений в лексике русских говоров Воловского района Тульской области. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016*. СПб.: Нестор-История: 340–348.

Сидоров В. Н. (1949) Об одном тульском говоре с гласной Е, не изменившейся в О. *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР: 277–289.

Сокращения источников

Даль — Даль В. И. (2004) *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т. 4. М.: АСТ; Астрель.

ЛАРНГ — *Лексический атлас русских народных говоров*. Т. 1. Растительный мир. Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.

МАС — *Словарь русского языка*: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

REFLECTION OF THE LOCUS OF NORTH AND SOUTH
IN THE DIALECT VOCABULARY OF HOUSEHOLD CULTURE

Citation: Krasovskaya N., Kilmamatova L. (2020) Otrazheniye lokusa severa i yuga v dialektnoy leksike bytovoy kul'tury [Reflection of the locus of North and South in the dialect vocabulary of household culture]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 226–243. (in Russian)

About the authors. Krasovskaya Nelli, Kilmamatova Lubov. Tula State University named after L. N. Tolstoy. Tula, Russia.

<nelli.krasovskaya@yandex.ru>

Abstract. In the framework of this article, the authors reflect on the problem of localization of Russian dialectal vocabulary. According to researchers, it is far from always possible to speak of a clear juxtaposition of lexical units, for example, according to the territory of their existence in the South Russian and North Russian dialects. Many dialect words have extensive distribution areas that do not fit into the boundaries of the two main dialects of the Russian language. The article analyzes the vocabulary that reflects everyday culture, the choice of this thematic group was made by chance, because the culture of life is both the culture of housing, and the culture of housekeeping. The main material of the study was lexical units indicating the type of housing, especially its arrangement and decoration. The considered lexemes were recorded by the authors of the article in the eastern part of the Tula dialect group, which so far has no systematic lexicographic description.

It would seem that traditional housing is directly related to the natural and climatic conditions, the nature of the main human activity, and the tokens belonging to the thematic group under consideration should be quite clearly contrasted as North Russian and South Russian. However, the analysis based on the materials of the consolidated “Dictionary of Russian Folk Dialects” yields the opposite result: almost all the dialect lexemes analyzed have a wide area of existence and cover both the North/Central Russian dialects and the South Russian dialects. This observation confirms the conclusions that map-makers constantly come to when compiling the “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”: dialect lexical units in most cases have very complex and diverse types of distribution. Such thoughts make us think about the reasons for this phenomenon: among which may be the inter-dialect nature of many lexical units, and the numerous migration processes that have been repeatedly observed in the history of our country, and the transitional nature of many dialects.

Keywords: area, dialect vocabulary, North Russian dialect, South Russian dialect.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 19-512-18008. Project title: “Symbols of Russian and Bulgarian Verbal Texts of Culture”.

References

Baturcheva Ye. A. (1999) Iz istorii nazvaniy zhilishcha [From the history of home names]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian at school], 3: 82–84. (in Russian)

Bayburin A. K. (1983) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in ceremonies and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Goldin V. Ye. (1965) O yazykovom vyrazhenii tematicheskikh svyazey nazvaniy postroyek i ikh chastey v russkikh govorakh [On the linguistic expression of thematic links between the names of buildings and their parts in Russian dialects]. *Voprosy teorii i metodiki izucheniya russkogo yazyka* [Issues of theory and methods of studying the Russian language]. Saratov: 282–290. (in Russian)

Krasovskaya N. A., Kilmamatova L. V. (2020) Dialektnaya leksika trudovoy deyatel'nosti lyudey, prozhivayushchikh po beregam reki Nepryadvy [Dialect vocabulary of labor activity of people living along the banks of the Nepryadva River]. *Diskurs professional'noy kommunikatsii* [Discourse of professional communication], 2(2): 47–57. (in Russian)

Krasovskaya N. A., Shestopalova (Kilmamatova) L. V. (2016) Proyavleniye sistemnykh otnosheniy v leksike russkikh govorov Volovskogo rayona Tul'skoy oblasti [The manifestation of systemic relations in the vocabulary of Russian dialects of the Volovsky district of the Tula region]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2016* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2016]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 340–348. (in Russian)

Sidorov V.N. (1949) Ob odnom tul'skom govore s glasnoy Ye, ne izmenivsheysya v O [About a Tula dialect with the vowel E, which has not been changed in O]. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR: 277–289. (in Russian)

Vasilyev P.G. (2006) *Volovo: yubileynoye izdaniye k 80-letiyu Volovskogo rayona Tul'skoy oblasti* [Volovo: jubilee publication dedicated to the 80th anniversary of the Volovsky district of the Tula region.]. Moscow: GOU VPO MGUL. (in Russian)

Vendina T.I. (ed.) (2017) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical atlas of Russian folk dialects]. Vol. 1. *Rastitel'nyy mir* [Plant world]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russian)

Yevgenyeva A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

О. Н. Крылова

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА
НАИМЕНОВАНИЙ ВЕРХНЕЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ
В НОВГОРОДСКИХ ГОВОРАХ**

Цитирование: Крылова О. Н. (2020) Лексико-семантическая группа наименований верхней женской одежды в новгородских говорах. *Севернорусские говоры*, 19: 244–260.

Сведения об авторе. Крылова Ольга Николаевна. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия.
<krylova_olga2004@mail.ru>

Аннотация. Новгородский традиционный костюм XIX – начала XX вв. являлся частью общерусского и развивался в русле севернорусских традиций. Основными видами верхней одежды новгородских крестьянок считаются традиционные для Русского Севера кафтан, пониток, шугай, шуба. Специфика новгородской верхней одежды состояла в том, что традиционные ее виды дольше бытовали в удаленных северо-восточных уездах. В частности, здесь, еще в начале XX в. сохранялись такие архаичные ее виды, как балахон и свита. При этом новые городские виды одежды быстрее входили в сельский быт в более развитых юго-западных уездах. Таким образом, изучение новгородского костюма позволяет расширить представление о столь значительном явлении народной культуры, как русский традиционный костюм, обогащая его материалами региона, сыгравшего важную роль в становлении и развитии русской национальной традиции.

Ключевые слова: севернорусские говоры, женская верхняя одежда, лексика, новгородские говоры.

Современная наука о языке активно разрабатывает направления, в которых язык рассматривается как «культурный код нации», источник и носитель этнокультурных сведений и национальной ментальности. В русле современных лингвистических парадигм, таких как этнолингвистика и лингвокультурология, находятся и исследования по региональной лингвистике.

В предлагаемой статье рассматриваются лексические единицы, относящиеся к значимому для человека «отрезку действи-

тельности» — сфере одежды, которые были зарегистрированы в новгородских говорах. Народные говоры все чаще привлекают внимание лингвистов. Это связано с укрепившимся пониманием говора как варианта языка, в котором, как в зеркале, отразилась и сохраняется русская национальная народная духовная и материальная культура. Поэтому не случайно, что особенно много внимания исследователи говоров уделяют анализу архаических элементов концептуальной картины мира, сохранившихся в народном сознании и в говоре [Вендина 1998; Жмурко 2001; Мельникова 2004; Налетова 2002]. В этой связи лексика, сегментирующая сферу одежды, также представляет несомненный научный интерес. «Изучая лексику <...> одежды в целом, мы погружаемся в самобытный мир прежней, уходящей или уже ушедшей деревни с ее своеобразием жизни — кропотливой, трудной работой, поэтичностью сельских вечеров, многоцветием праздников. Фиксацией соответствующей лексики мы в какой-то степени реанимируем его в сознании и в восприятии жителей современной деревни, носителей современных говоров» [Климкова, Назарова 2002: 223]. Аналогичную точку зрения высказывают и другие исследователи [Батырева 2003; Осипова 1999]. Лексика одежды, будучи теснейшим образом связанной с историей и бытом народа, информативна именно в плане отражения динамики развития жизни, эволюции сознания и новаций быта. Поэтому названия одежды, обуви, головных уборов и рукавиц составляют обширный и, пожалуй, наиболее подвижный пласт словаря и требуют постоянного внимания со стороны лингвистов.

В предлагаемой статье рассматриваются лексические единицы лексико-семантической группы наименований верхней женской одежды, отмеченные в новгородских говорах в XIX – начале XX в. Материалом исследования послужили «Новгородский областной словарь» (далее — НОС), «Словарь русских народных говоров» (далее — СРНГ), а также материалы, извлеченные из архивных и этнографических источников.

Верхняя одежда, бытовавшая на территории Новгородской губернии, отличалась большим разнообразием. Ее основными

традиционными видами были *кафтáн*, *шугáй*, *шуба*, *полушубок*. В летнее время «*мужики по будничным дням ходят в серых кафтаных или таких же армяках; женщины тоже в кафтаных или набойчатых крашенинных сарафанах... зажиточные женщины и девицы... ситцевые сарафаны и шугаи из черной или желтой нанки, штофа и проч. Зимую носят полушубки, нагольные и серые армяки. Тулунов, крытых сукном, немного*» [Новгородский сборник 1866: 160]. Кроме традиционных видов верхней одежды, которые изготавливались в соответствии с деревенской модой, на протяжении XIX – начала XX в. в деревню из городской культуры проникают новые виды, прежде здесь отсутствовавшие: *казакáн*, *пальтúшка*, *тепломáт*, *казачóк* и др. Они становились в первую очередь принадлежностью богатых сельских семей.

Все виды верхней одежды различалась прежде всего по времени ношения (летняя и зимняя) и функциональному назначению (рабочая, повседневная, праздничная), а также по материалам, крою, отделке и украшениям. Мужская и женская верхняя одежда различались главным образом видовым набором, что связано с половозрастным разделением труда в деревне. Известно, что в холодное время года жизнь женщины была сосредоточена дома или вблизи него, тогда как мужчина осуществлял связь с внешним миром, занимаясь промыслами, заготовкой дров, поездками в город, на рынок и т. д. В силу этих причин, повседневная и рабочая женская верхняя одежда была менее разнообразна, чем мужская. В покрое одежды общей для мужчин и женщин особых различий не было.

«*Платье мужское обыкновенное зимнее, — так описывается одежда жителей села Бронницкий Ям Новгородского уезда в 1840-х гг., — овечья шуба и сверху армяк сераго или толстаго синяго сукна; праздничное: на вате поднадевка длинная суконная или нанковая, сверху тонкаго синяго сукна армяк, подбитый фланелью; у зажиточных: тулуны на мерлушечьем меху, покрытые синим же сукном. Платье летнее... короткая поддевка из толстаго синяго сукна или из нанки; праздничное... из тонкаго синяго сукна армяк... Платье женское обыкновенное зимнее... полушубок*

из овчины, крытый нанкою или драдедамом праздничное... штофная на заячьем меху шуба... летнее верхнее состоит в рабочий день из шугая ситцевого или нанкового на вате, в праздники — из шугая шелковой материи на вате же...» [Добронравов: л. 3–4].

Одним из основных видов верхней мужской и женской одежды, которую носили весной, осенью и зимой в качестве рабочей и повседневной, был *кафтáн*. На территории Новгородской губернии кафтаны бытовали повсеместно. Для их пошива использовали полушерстяное или шерстяное сукно домашнего изготовления. Лен и шерсть не красили, поэтому кафтаны имели в основном серый или коричневый (красно-бурый) цвет [Чернышев 1915: 855]. Длина кафтанов обычно была от колена до середины голени, реже до щиколотки. Она не зависела от кроя и является прежде всего хронологическим признаком. В XIX в. бытовали длинные кафтаны, значительно ниже колена, в конце XIX — начале XX в. начинают распространяться более короткие кафтаны, до колена.

По крою кафтаны могли быть отрезными по талии и неотрезными. Неотрезные по талии кафтаны изготавливались приталенными и расширяющимися книзу (раскошенными). Отрезные по талии кафтаны были «раскошенными» и шились со складками или сборками сзади (с борами), а также без них. *«Одежда деревенских жителей состоит, по большей части, из овчинного полушубка и кафтана сераго домашняго сукна, сшитаго, или со сборками, или как халат...»* [Пушкарев 1844: 71]. Наиболее распространёнными были отрезные по талии, со сборками кафтаны. В центральных, восточных и некоторых южных уездах Новгородской губернии их носили еще в начале XX в. Приталенные кафтаны наряду с другими зафиксированы в западных уездах. Крой у мужских и женских кафтанов был одинаков. Как правило, кафтаны шили с воротом, обшитым матерчатой обшивкой (около 1 см), или с воротником-стойкой (высотой 2–6 см), реже с отложным воротником («воротником шалью»). В начале XX в. отложные воротники получают широкое распространение. Кафтаны имели большой запах, застегивались на два–три крючка или

пуговицы и нередко подпоясывались кушаком. Кафтаны обычно не украшали, за исключением воротника, который обшивался полосками неотбеленного холста, реже однотонной фабричной ткани.

Локальной разновидностью кафтана, зафиксированной в Новгородском уезде, был так называемый *сържаник* [СРНГ 36: 145], который получил свое наименование от названия ткани, из которой он шился, — *сържи* ('грубое домотканое сукно') и представлял собой одежду со сборами сзади (как у полукафтаны).

В ряде волостей Белозерского уезда в качестве повседневной и праздничной демисезонной верхней мужской и женской одежды выступала *світа* или *світка*, сшитая из грубого домашнего сукна. В качестве праздничной использовалась свита с борами из более тонкого сукна. В современных говорах Новгородской области лексема *світка* зафиксирована со значением 'безрукавка': *Свитку раньше постоянно дома носили, чтобы тепло было. Свитки раньше шили из домотканого грубого холста*. Под.¹ *Свитку сверху платья надевали, безрукавка така, спереди на пуговицах, шилась утеплённая*. Мал., Сол. [НОС: 1066].

В восточной части губернии бытовал *поніток*, использовавшийся в основном в качестве верхней женской одежды. Он, как и *світа*, изготавливался из домотканого полусукна (*понітнины*, *поніточнины*). *Понитки* были отрезными по талии, с многочисленными складками или сборками сзади. В начале XX в. распространяются понитки без «боров», часто с хлястиком. Длина понитка доходила до колен. Ворот оформляли обшивкой или делали невысокий воротник-стойку высотой 2–3 см. Праздничные понитки украшали нашивками из полос ткани по вороту, краям рукавов, верхней поле и кантом по линии талии, а также простроченными узорами на рукавах, карманах, полях. Данный вид одежды сохранился и в наши дни: *Пониток — верхняя бабья одёжа из шерстяной ткани, с борами*. Пест. [НОС: 900]. В качестве наиме-

---

¹Географические пометы, принятые в использованных словарях, сохраняются.

нования верхней женской одежды в Новгородском районе отмечена лексема *саван*: *Саван-то женская одежда: кошённый кафтан, сборённый сзади, прямой спереди. Надевали саван токо по празднакам, берегли его*. Новг. [НОС: 1053].

Праздничная и повседневная женская одежда, которую носили в холодную погоду в любое время года, называлась: *шугáй, телогрѣя, шугáйка, душегрѣйка* [Чернышов 1915: 855]. «*Купчихи носят телогреи парчовые, бархатные, штофные, с гладкою спиною, сборами внизу, обложенные спереди галуном, с рукавами; еще душегреи короткие без рукавов*» [Сумароков 1839: 6]; «*Женщины носят красные, и пестрые, и черные сарафаны, по верх их летнею порою надевают шугаи, а зимою шубы...*» [Дубровин 1871: 212–213].

Шугáй представлял собой короткую одежду с длинными рукавами, со спинкой, отрезной по талии или выше, внизу ткань была собрана в плотные валики или складки; он шился на подкладе и подбивался ватой или льняной куделью для тепла и создания дополнительного объема. Этот вид одежды отличался большим разнообразием: шугаи могли застегиваться по прямой или по косой линии — слева направо, передние полы у них могли быть цельными или отрезными, как спинка. Шугаи делали с большим круглым отложным воротником, воротником-стойкой или их шили без воротника, с глубоким вырезом на груди. Длина шугая доходила до середины бедра или была немного выше.

Изготавливались шугаи обычно из фабричной ткани. Например, будничные шугаи в селе Бронницкий Ям в 1840-х гг. шили из ситца или нанки на вате, праздничные — из шелковой материи на вате же. По сообщению корреспондента РГО этого же времени из села Васильевского Новгородского уезда, священника Багрянского, в будние дни женщины носили *шугай саржевый*. Праздничные шугаи шились из парчи, штофа, могли иметь кокетку и воротник и выглядели очень нарядно. Зажиточные крестьянки носили шугаи на заячьем меху с беличьей или лисьей оторочкой.

По словам корреспондента РГО из Кирилловского уезда, *журка*, или *шугáй* — это ‘женское короткое платье, похожее на мужскую куртку’ [Слова, поговорки, пословицы 1849: л. 1об.,

Зоб.]. Лексикографическое подтверждение находим в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г.: *жу́рка* ‘женское короткое платье, наподобие куртки’ Кирил. Новг. [Опыт 1852: 57]. В Словаре В. И. Даля лексема *жу́ра* дана с пометой Новг. в значении ‘короткая верхняя женская одежда’ [цит. по: СРНГ 9: 227].

В конце XIX в. шугаи со сборами выходят из употребления. Их место занимает одежда более простого облика и кроя — утепленная кофта или жакет с прямой неотрезной спинкой (*шуга́йка*), которые, как и шугай, подбивались куделей или ватой. В «Новгородском областном словаре» лексема *шуга́йка* отмечена со значением ‘вид одежды, фуфайка’: *Шугайки* — это мы фуфайки так зовем, вон у меня висит *шугайка*. *Шугайки* на ваты или кудели шьют, стегают вдоль и поперек на груди и на спины у женских, это узор такой делают. Спереди на пуговицы застёгивается, носят чаще осенью и весной, одевают и зимой, в их работать легко, они лёгкие и не длинные. Оп., Мош., Новг., Пест., Хв., Чуд., Шим. [НОС: 1314]; *шугайчонка* ‘пренебр. к шугайка’. *Накинешь шугайчонку да бежать*. Пест. [НОС: 1314]; *казáнка* ‘вид верхней одежды’. *Казанки* носили раньше и сейчас тоже носят. *Казанка* — фуфайка, пальтушка. Валд. [НОС: 359].

Основной зимней мужской и женской одеждой была шуба. Она использовалась повсеместно в качестве рабочей, повседневной и праздничной одежды. Наличие добротных шуб у членов семьи было признаком состоятельности крестьянского хозяйства. Шубы широко использовались в различных обрядах, прежде всего в свадебном, выступая в качестве символа плодородия и богатства.

Мужские и женские шубы различались размерами и отделкой. Длина шубы обычно доходила до середины голени или была чуть ниже, иногда — до щиколотки. Шились шубы из дубленых овчин мехом внутрь. Самыми распространенными были так называемые нагольные, то есть ничем не покрытые шубы, реже встречались шубы, покрытые тканью. Нагольные шубы обычно имели светло-коричневый цвет, который в зависимости от осо-

бенностей процесса дубления мог приобретать красноватый или желтоватый оттенок.

В XIX в. широкое распространение имели шубы «на борах» (т. е. со складками), круглые шубы. В ряде районов такие шубы считались исключительно праздничной одеждой, причем как у женщин, так и мужчин. Их делали отрезными по талии, сильно расширенными книзу и с многочисленными сборками сзади и по бокам.

В конце XIX в. вошли в моду «шубы на фантах» или «в скобку». Носили их представители молодого поколения обоих полов, но чаще девушки и молодые женщины. Эти шубы отличались тем, что у них сзади были заложены две глубокие складки. Как описывает автор 1890-х гг., такой фасон назывался шубой «в скобку» из-за того, что *«средина спины у такой шубы делается без продольного шва, а на боках в талии книзу идут две продольные складки»*. Полы шубы *«заходят друг на дружку и застегиваются на две пуговицы — одна у левого плеча, а другая против талии»* [Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 686. Л. 1]. В начале XX в. шубы на борах постепенно выходят из моды. Широкое распространение в это время получают приталенные шубы без складок (в талию).

Традиционная шуба имела обшитый кожей ворот или небольшой кожаный воротник-стойку, шириной 2–5 см. Подобные шубы назывались в народе *голошёрками*. *«Зимую около шеи подвязывают ситцевые платки, даже шарфы. Платки подвязывают так, что из-под платка и <...> воротника шубы видна рубашка, а иногда и голая шея»* [Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 707. Л. 3].

Кроме нагольных шуб, повсеместно встречались крытые тканью шубы, которые считались праздничными. В XIX в. крытые шубы являлись принадлежностью богатых и состоятельных семейств. По словам корреспондента РГО из села Васильевского Новгородского уезда священника Багрянского, в 1840-х гг. праздничными у мужчин считались *«шубы, сукном крытые»*, у женщин — *«шубы штофные»*. М. Синозерский в 1890-х гг. выделяет атласные *«без талии»* шубы как праздничную зимнюю одежду девушек [Синозерский 1896: 535].

В конце XIX – начале XX в. крытые тканью шубы стали достаточно широко использоваться в качестве праздничных и в небогатых семьях. У них были шубы, «крытые казинетом, чортовой кожей», «китайкой, разноцветным люстрином», в то время как у богатых — добротным сукном и «треком». В западных уездах Новгородской губернии такие шубы с отложным воротником, обшитые фабричным материалом обычно синего цвета, называли бекéшами.

Праздничная верхняя одежда состоятельных мещанок и крестьянок в XIX в., кроме традиционной шубы и шугая, была представлена и другими видами верхней одежды городского типа. «Зимний женский наряд [жительниц Валдая] состоял из шубок лисовых, покрытых парчой, бархатом, епанчеек — верхних накидок на плечи бархатных, подбитых кунным мехом или другим» [Пардалоцкий 1876].

В качестве диалектных наименований для обозначения шубы в новгородских говорах используются следующие лексемы: *шубник* ‘верхняя одежда из овчины’: *Шубники* шили коротеньки. Др. *Шубники* у мужчин и женщин, с овчин шьют. Ок. Пенжак по колено есть *шубник*, шьют из овчины. Оп., Дем. [НОС: 1314]; *шубница* ‘верхняя одежда на меху для женщин’: *Шубницы* из овчин шили, бабам они. Пест., Молв. [НОС: 1314]; *шубничек* ‘ум. ласк. к шубник’. *Шубничек* прямой такой, ловкой, гладенькой и два кармана, обделаны вилюшечкам, *шубничек* для богатой невесты. Кр. [НОС: 1314]; *шубничийшко* ‘пренебр. к шубник’: *Шубничийшко* лоснучий, облоснувший был. Кр. [НОС: 1314].

В начале XX в. шуба становится короче (несколько выше середины голени) и широкое распространение получают шубы, окрашенные в черный и темно-коричневый цвет. В современных новгородских говорах для обозначения короткой меховой одежды используются лексемы *полушубчик* ‘короткая, до колен, верхняя меховая одежда, обычно овчинная; полушубок’ Новг. [НОС: 895]; *полушубенник* ‘то же, что полушубчик’: *Ну шубы шили, полушубенники шили.* Хв. [НОС: 895]; а также составное наименование

шубная пальтúха ‘полушубок’. *Шубная пальтуха у женщин из овчины*. Оп. [НОС: 785].

В последней трети XIX – начале XX в. в деревне получает распространение городская одежда, сшитая по типу пальто (*казакин, теплома́т* и др.), которая имела распространение главным образом как праздничная одежда зажиточных крестьян. Зимние пальто шились на вате или меху. Воротники у них были отложными. Пальто для молодых женщин и девушек делали приталенные, часто с рукавами «с пышками». В последней трети XIX в. приталенное женское пальто городского покроя, покрытое черным сукном, во многих районах Новгородской губ. называли *казаки́ном*. На рубеже XIX–XX вв. оно выходит из моды. «*Теперь от пришлых влияний замечается перемена в одежде ... Вместо “казакинов” шьются “польта”, а девушки <носят> “дипломаты” (ватные пальто) и жакетки*» [Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 703. Л. 20]. В конце XIX в. лексема *диплома́т* в значении ‘верхняя женская одежда’ бытовала в Крестецком уезде Новгородской губ. [СРНГ 8: 66].

В еще большей мере верхняя одежда городского типа была усвоена женщинами. Молодые женщины «*носят теплые на вате пальто, пальтушки покороче, пальто и казачки*», девушки — «*казачки или жакетки, а также пальто*», причем около села Белого (в настоящее время поселок Любытино) пальто носили «*с модными широкими рукавами*», они имели «*городской покрóй*» [Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 64]. В некоторых местах новомодные пальто называли *теплома́тами*. Они представляли собой «*осеннюю и весеннюю одежду молодых женщин и девиц*» городского типа, которая «*шьется из черной суконной или бумажной материи, длина повыше колена, делается на вате и в талию*». *Теплома́т* ‘пальто’. Тихв. Новг., 1914 [СРНГ 44: 55], *те́пломат* ‘пальто’. Черепов. Новг., 1922 [СРНГ 44: 55]. Микропарадигма ‘пальто’ в современных новгородских говорах представлена следующими лексемами: *гэйшиа* ‘длинное пальто’: *Гейшии* — *пальты длинные шили, простые*. Сол. [НОС: 160]; *казати́н* ‘вид верхней одежды для женщин; пальто’: *Казатин с борам, таки пальту-*

хи были. Тут талия, как у платья бористого, кругом боры. **Казатины** бабы носили, из точки раньше-то шили. Оп. **Казатин** до колен, **казатин** на подкладки, пояс с кисткой, маленький вороток и пелька, рукав без шлага, подоплика подшивалась сзади. Новг., Сол., Чуд. [НОС: 358]; **пальтушка** ‘пальто’. Новг. [СРНГ 25: 182]; **пóлька** ‘длинное пальто’: **Полька** долгая, шили на ваты. Сол. **Полька** — зимнее пальто прямого покроя, расширенное книзу. Чуд. **Польки** носили чуть ли не до самой зени. Новг., Уторг. [НОС: 895].

В современных говорах широко представлена группа слов с общим значением ‘короткое пальто, полупальто’: **гэйша** ‘женское полупальто’: **Гейша** — пальто до коленок, шили из сукна. Под., Дем., Пест., Сол., Шим. [НОС: 160]; **пальтуха** ‘женская короткая верхняя одежда; полупальто’: **Пальтуха** — дак кофта аль пинжак, кой сверху одевают. Старухи-ты вси пальтухи носят, чтобы теплей было. И с юбкой **пальтуха**-то хорошо. Тихв. Новг. **Шубная пальтуха** у женщин, из овчины. **Пальтухи** редко накрывали чем-нибудь, а так и носили. Оп., Бат., Валд., Вол., Дем., Кр., Мал., Молв., Мош., Мст., Ок., Новг., Пест., Полав., Сол., Ст., Хв. Новг. [НОС: 785]; **пальтушечка**: **Пальтушечки** были в талию. Новг. Новг. Одежи хорошей не было, одна **пальтушечка** на праздник. Мош. Новг. [НОС: 785]; **пальтушинка**: **Пальтушинку** какую-то сгоношить. Шили из точки, из ситца. Валд. Новг. [НОС: 785]; **пальтушка**: Зимние **пальтушки** шитые на ваты. Летние — подкладка и материал. Валд. Новг. **Пальтушка** коротенька, а пальто длинное. Люб. Новг. Одеда бы пальто подлиннее, а то в **пальтушке** холодно. Холм., Бор., Кр., Мал., Молв., Мст., Новг., Ок., Пест., Ст., Тихв., Хв., Чуд. Новг. [НОС: 785]; **пальтушóнка** (**пальтущёнка**): Вся точивная и подкладка точивная. И **пальтушонка**, пачесей аль изгребы подложишь, точивная вся. Кр. Новг. Я нахватила какую-то **пальтущёнку** и бежать сзади. Новг. Новг. [НОС: 785]; **полупáльтик**: **Пальты** длинные до самой зени, по колено — **полупальтик**. Ст. [НОС: 894]; **полупóлек**: **Полуполек** — зимняя одежда по колено. Сол., Бат. [НОС: 894]; **полупóлька**: **Полуполька** — дамское короткое пальто. Под. [НОС: 894]; **пóлька**: **Полька** — короткое пальто, полупальто. Сол. Принеси-ка мне паль-

то, я его обрежу, и получится ещё хорошая *полька*. Под. *Полька* — короткая, вроде пальтушки. Бат., Вол., Мст., Новг., Ст., Уторг., Чуд., Шим. [НОС: 895]; *пóлечка* ‘короткое зимнее пальто’ Сол. [НОС: 887]; *польчóнка*: В будни одевали полушубки, старые *польчонки*. Сол. [НОС: 895]; *вёкша* ‘плюшевое полупальто’: Раньше у нас у каждой была *векша* и считались мы богатыми. Сол. [НОС: 95].

В конце XIX – начале XX в. широкое распространение сначала в качестве праздничной, а затем повседневной и рабочей демисезонной женской одежды получает *пальтушка* (*пальтуха*, *пальтушка*, *пинжак*). Она представляла собой утепленную, на вате или льноволокне (кудели), укороченную, распашную, неотрезную по талии одежду прямого кроя или приталенную со складками сзади. «Женицины носят еще короткие кофты на вате, называемые пальтушками, — сообщается о праздничной женской верхней одежде в конце XIX в. — В последнее время в большом употреблении у женщин драповые жакетки» [Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 703. Л. 19об.]. В качестве будничной одежды в Боровичском уезде носили «куртки теплые на пакле из крашенного в синий цвет и в полоски домашнего холста». Порой «красильщик только красит в синий или красный цвет нитки, а женицины из синих, красных и белых ниток ткнут холст разных узоров». Куртка «шьется на пакле или изгребях и пачесле... на холицовой подкладке» [Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 61–62, 66]. Длина пальтушки доходила до середины бедра. Застегивалась она на крючки или пуговицы. Рукава пришивали по проймам, причем у праздничных пальтушек их часто делали «с пышками». В конце XIX в. у пальтух обычно были воротники-стойки, в начале XX в. — небольшие отложные воротники. Праздничные пальтушки могли быть приталенными, нередко имели оторочку бархатом или плюшем по вороту, рукавам и полам. *Тепломáт* ‘зимний женский жакет на вате со сборками’: *Тепломат* шит как костюм длины, подоле чуть, три сзади борины, такие складочки, ну наскрозь зашиты, только в талии, застегивается на пуговках, воротник стоя-

чий, не отложной, на вате **тепломат**-то, женская одежина така. Пест., Тихв. [СРНГ 44: 56].

В конце XIX – начале XX в. в деревенской среде широкое распространение под влиянием городской моды получили неотрезные приталенные кофты *казакі* (*казачкі*): **Казачок** — кофта, в талию, носили навывпуск, рукава шили в плечах широкие, пышные, ниже локтя были узкими и застегивались на ряд пуговиц. Кофта **казачок** по талии, а сверху блёсточки нашиты и кружавина. Под. А ещё я **казачок** сшила, это кофта такая с кушачком внизу, с оборкой, в талию. Чуд. **Казачки** в талию одевались на юбку, рукавы длинные с пышкой, из кашемира и шерсти раньше шили. Молв. Красивых **казачков** не было, но на супрядку ходила не хуже всех. Шим., Бат., Вол., Мст., Новг., Ст., Тихв. [НОС: 359]; *казак*: **Казак**, казаком шили кофту в талию со много частичок, по бокам-то широко, с колоколам. Сколько разрезано на подлинки. Мануфактуру по верху, а какой-нибудь ситец на подлинки вниз-то. Под. **Казак** — кофта в талию с борами внизу и с пышками на рукавах. Шили из шёлка и бархата. Новг. **Казаки** на подкладки, а внизу воланы. **Казак** с хорошего матерьяла, атлас. Полав., Дем., Молв., Мст., Тихв., Сол., Ст., Чуд. [НОС: 358]; *казакін* (*казатін*): **Казакин** — кофточка в талию с оборками, на плечах пышки. **Казатин** — летняя женская одёжинка. Новг. [НОС: 358]. А также отрезные кофты — *баски*. *Баска* ‘вид женской кофты в талию с разной отделкой; нарядная кофта’: **Кофты** — **баски**, вся в талию, в несколько клинов, а ниже с воланом. Пола на боку застёгивалась у **баски**, воротник как у мужской рубашки, закрытой ворот делали. Рукав у **баски** с пышкой, длинной, узкой. Мош. **Баска** — кофта с клиньям сзади, грудь-то наберут борам, шёлк-то шарчит. Мал., Валд., Дем., Др., Кр., Люб., Молв., Ок., Оп., Пест., Сол., Уторг., Хв., Холм., Шим. [НОС: 23–24].

Таким образом, из представленного материала видно, что верхняя одежда отличалась и отличается большим разнообразием не только в покрое и фасонах, но и в названиях. Она характеризуется словообразовательной, фонематической и акцентной вариативностью, разнообразием лексических средств для выра-

жения одного и того же понятия, что говорит о лексическом богатстве диалектов, их неисчерпаемых возможностях в плане выражения для обозначения самых тонких семантических оттенков.

Литература

Батырева Л. П. (2003) *Лексика тематической группы «Обувь» в говорах Ивановской области*. Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т.

Вендина Т. И. (1998) *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. М.: Индрик.

Жмурко О. И. (2001) *Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области*. Иваново: Иван. гос. ун-т.

Климкова Л. А., Назарова И. В. (2000) *Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997*. СПб.: Наука: 101–109.

Мельникова Е. Г. (2004) *Парадигматические отношения в лексике (На материале наименований погоды в псковских говорах)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь.

Налетова Н. И. (2002) *Названия растений в псковских говорах*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь.

Осипова Е. П. (1999) *Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.

Сокращения источников

Добронравов — Добронравов И. Сведения о жителях Новгородского уезда Бронницкого Яма, 1848 г. *Архив РГО*. Р. 24. № 3.

Дубровин 1871 — Дубровин С. Позёры в Новгороде (Этнографическая наброска). *Отечественные записки*. Т. 4 (197). № 7. Июль. 1871.

Новгородский сборник 1866 — *Новгородский сборник*: В 5 вып. Вып. 5. Череповецкий уезд. Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1866.

НОС — *Новгородский областной словарь*. Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Изд. 2-е. Подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

Опыт — *Опыт областного великорусского словаря*. СПб., 1852.

Пардалоцкий 1876 — Пардалоцкий Ф. Город Валдай, 1876 г. *Архив РГО*. Р. 24. Оп. 1. № 22. Л. 6об.–7об.

- Пушкарев 1844 — Пушкарев И. *Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях*. Т. 1. Тетр. 1. Новгородская губерния. СПб., 1844.
- Синозерский 1896 — Синозерский М. О выборе невест в Новгородской губернии. *Живая старина*. 1896. Вып. 3–4. Разд. 5.
- Слова, поговорки, пословицы 1849 — Слова, поговорки, пословицы, приметы и песни Кирилловского уезда, 1849 г. *Архив РГО*. Р. 24. Оп. 1. № 9. Л. 1об., 3об.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- Сумароков 1839 — Сумароков П. *Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году*. СПб., 1839.
- Чернышев 1915 — Чернышев Н. Быт крестьян в Череповецком уезде. 1848 <г.>. Зеленин Д. К. *Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества*. Вып. 2. Петроград, 1915: 855–857.

LEXICAL AND SEMANTIC GROUP OF NAMES
OF WOMEN'S OUTWEAR IN NOVGOROD DIALECTS

Citation: Krylova O. (2020) Leksiko-semanticheskaya gruppy naimenovaniy verkhney zhenskoy odezhdy v novgorodskikh govorakh [Lexical and semantic group of names of women's outwear in Novgorod dialects]. *Severno-russkiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 244–260. (in Russian)

About the author. Krylova Olga. Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia. <krylova_olga2004@mail.ru>

Abstract. Clothing is an important element of everyday life indicating both the national and regional identity of people and their property status. This article examines the vocabulary associated with the names of women's outwear noted in Novgorod dialects in the 19th – early 20th centuries. Among the sources of research were data from the *Novgorod regional dictionary*, the *Dictionary of Russian folk dialects* as well as archival and ethnographic sources.

The Novgorodian traditional costume of the 19th – early 20th centuries was part of the general Russian costume and was developing in line with the Northern Russian traditions. The main types of the Novgorodian peasant women's outwear, such as *kaftan*, *ponitok*, *shugay*, *shuba*, were traditional for the Russian North. The specificity of Novgorodian outwear is that its traditional types existed longer in the peripheral north-eastern districts of Novgorod province. Particularly, some archaic types (such as *balakhon* and *svita*) were worn there till the early 20th century. At the same time, new urban types of clothing quickly entered rural life in the more developed southwestern counties. The presented material shows rich variety of the analyzed lexical and semantic group. Thus, the microparadigm “a coat” is represented by such lexemes as *geisha*, *kazatin*, *polka*, and *teplomat*. As a result of urban influence in the 19th century, such clothes as *pal'to*, *pal'tushka*, *kazaki* (*kazachki*), etc. appeared in the village. Today, archaic names of clothes have been preserved mainly in the speech of the elderly dialect speakers.

Keywords: Northern Russian dialects, names of women's outwear, lexis, Novgorod dialects.

References

Batyreva L. P. (2003) *Leksika tematicheskoy gruppy «Obuv'» v govorakh Ivanovskoy oblasti* [The vocabulary of 'footwear' thematic group in the dialects of Ivanovo region]. Shuya: Shuyskiy gos. ped. un-t. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Klimkova L. A., Nazarova I. V. (2000) *Leksika zhenskikh golovnykh uborov v nizhegorodskikh govorakh* [Names of women's headwear in Nizhny Novgorod dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1997* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 1997]. St. Petersburg: Nauka: 101–109. (in Russian)

Mel'nikova E. G. (2004) *Paradigmaticheskiye otnosheniya v leksike (na materiale naimenovaniy pogody v pskovskikh govorakh)* [Paradigmatic relations in vocabulary (on the basis of weather designations in Pskov dialects)]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Tver'. (in Russian)

Naletova N. I. (2002) *Nazvaniya rasteniy v pskovskikh govorakh* [Names of plants in Pskov dialects]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Tver'. (in Russian)

Osipova E. P. (1999) *Naimenovaniya odezhdy v ryazanskikh govorakh (etnolingvisticheskiy i lingvogeograficheskiy aspekt)* [Names of clothes in Ryazan' dialects (ethnolinguistic and linguogeographic aspects)]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Moscow. (in Russian)

Strogoва V. P. (ed.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Vendina T. I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [The Russian linguistic worldview through the lens of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik. (in Russian)

Zhmurko O. I. (2001) *Leksika pripody: Opyt tematicheskogo slovaryaya govorov Ivanovskoy oblasti* [The vocabulary of nature: A draft thematic dictionary of the dialects of Ivanovo region]. Ivanovo: Ivan. gos. ped. un-t. (in Russian)

А. Н. Левичкин, О. Н. Крылова, Р. В. Гайдамашко

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПИНЕГИ II. ЗАГАДКИ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Цитирование: Левичкин А. Н., Крылова О. Н., Гайдамашко Р. В. (2020) Фольклорные материалы Пинеге II. Загадки о материальной культуре. *Севернорусские говоры*, 19: 261–278.

Сведения об авторах. Левичкин Александр Николаевич, Крылова Ольга Николаевна, Гайдамашко Роман Валентинович. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия.
<alevi66@gmail.com>

Аннотация. Настоящая статья является продолжением публикации загадок, собранных Г. Я. Симиной во время диалектологических экспедиций на Пинегу (см. Левичкин, Крылова, Гайдамашко 2019). В центре загадок — окружающий человека мир: природная и бытовая жизнь. Темы, актуальные для загадок, связаны с миром природы, человеком, сферами его деятельности и бытия. В данной части представлены загадки, отгадки которых входят в тематические группы «Одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения, аксессуары», «Крестьянское жилище», «Двор, хозяйственные строения», «Баня», «Отопление в доме, печь», «Освещение», «Кухонная утварь», «Посуда, емкости», «Мебель», «Пути сообщения», «Средства передвижения», «Упряжь». Некоторые приводимые далее загадки уже были ранее записаны на Пинеге и введены в научный оборот московскими коллегами (см., напр., Качинская 2014), но тем важнее сравнить их более свежие материалы с материалами Г. Я. Симиной. Это важно как в аспекте верификации материала, так и в отношении возможных расхождений в сюжетах.

Ключевые слова: пинежские говоры, фольклор, загадка, диалектная лексика, материальная культура.

Одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения, аксессуары

Овца ф корову заехала.	Штó же офця ф кобы́ле.
(Отготка: Э́то цюлок запихаш в ботинок)	(Чулок и ботинок) Нюхча, 1974.
Марьина Гора, 1959.	

Пупка да папка
да две чечевіцы,
да трэтей
Фадэй.
(Шапка, шуба, две рукавицы,
ремень)
Шотогорка, 1959.

Цетыре в избѣ,
а пята на улицы.
(Отготка: рукавица)
Марына Гора, 1959.

Худá худышка
ф сильшки.
(Отготка: это пугопка ф пѣтел-
ке, сильшка это пѣтелка)
Марына Гора, 1959.

Мáленька воробышка
в сѣлышке давится.
(Пуговица)
Матвера, 1964.

Под лѣсом лѣса
вѣснут колѣса.
(Сережки в ушах)
Хаймусово, 1972.

Не говорѣт,
а врѣмя скáзывает¹.
(Часы)
Нюхча, 1974.

Што такѣ перед нáми:
две оглѣбли за ушáми,
на глазáх по колесу́,
да сидѣлка на носу́.
(Очки)
Филимоново, 1959.

Крестьянское жилище

Стоѣт быцѣшшо
проклѣваны боцѣшша.
(Дом, а вот эти окѣшка про-
клѣваны)
Марына Гора, 1959.

Мáрья на Мáрью глядѣят,
вместе не сойдущѣя
и врось не разойдущѣя.
(Косяки у двери)
Нюхча, 1974.

Стоят два брáцца,
вмѣсте не сойдуща
и врось не разойдуща.
(Стомнякѣ² во дверѣх)
Шардонемь, 1962.

Никогѣ она не обижаѣт,
а все еѣ толкаѣт.
(Дверь)
Хаймусово, 1972.

¹Вариант на другой карточке: *скáзывает*.

²Вариант на другой карточке: *Стомникѣ*.

Одін хóдит,
другой вóдит,
трéтий пéсенки поéт.
(Отгóтка: ёто двери, я вожу́,
двéри-ти хóдят, крjúцкi
циркают ти ноги)
Марына Гора, 1959.

Днём весít,
а нóчью в дýроцьку глядít.
(Ёто крjúчэк)
Марына Гора, 1959.

Поля́ стеклянны́е,
а мэ́жы деревя́нны́е.
(Окно)
Нюхча, 1974.

Блю́до оловя́нно,
края́ деревя́нны.
(Оконны́е рамы)
Валдокурье, 1972.

Пóлна пець перепéць,
а калítок не прийсь.
(Рама)
Нюхча, 1974.

Вокру́к избúшки
фсе поползúшки.
(Ставни)
Валдокурье, 1972.

Та́ня да Ма́ня
свiдцяцця,
не обойму́цця.

(Пол и потолок)
Валдокурье, 1972.

Сóрок братей
на аднóй поду́шке спят.
(Потолок)
Чучепога, 1972.

Семна́цьцетъ бра́цьцей
на аднóй поду́шке лежа́т.
(Про потоло́к ёто)
Марына Гора, 1959.

В аднóм горшкé сто кишóк,
одна́ кишкá
поперéк горшкá.
(Потоло́чины и матица)
Нюхча, 1974.

Сóрок брата́ноф
на аднóм сго́ловке спят.
(Матица)
Валдокурье, 1972.

Цып за цып,
концы́ за пець.
(Щель в бревне)
Валдокурье, 1972.

А у вас да у нас
одiн за́йко увя́с.
(Мох в стeнб́, избú кладúт
муша́т, мох кладúт, он увя́с)³
Шардонемь, 1962.

У нас да у вас
одiн за́йко увя́с.

³Вариант на другой карточке: *Мох в стене*.

(Это мох, дом-от
ф стéну-то кладут)
Марыина Гора, 1959.

Собáчка не лáет,
не кусáет,
а в дом не пуска́ет.
(Замок)
Хаймусово, 1972.

Ма́ленька саба́цька
сверну́лась лежы́т,
не кусáет и на лáет
и в дом не пуска́ет.
(Отготка: замóк)
Марыина Гора, 1959.

Ма́ленька соба́цька
не лаё, не кусаё,
в дом не пускаё.
(Замок)
Матвера, 1964.

Стои́т коро́ва,
дыра́ гото́ва,
пришо́л бык,
в дыру́ тык.
(Замóк и ключь)
Шардонемь, 1962.

Стои́т коро́ва —
дыра́ гото́ва,
пришо́л бык,
коро́ву тык,
коро́ва мык.

ру́бят, (Замок и ключ)
Нюхча, 1974.

Стои́т коро́ва,
дыра́ по́ла,
стоит бык,
в дыру́ тык.
(Отготка: это ключо́м в дыру́
тык)
Марыина Гора, 1959.

Стои́т коро́ва,
дыра́ гото́ва.
Пришо́л бык,
коро́ву жык,
и коро́ва мык.
(Корова — замок, бык — ключ)
Нюхча, 1974.

Стари́к стару́шку
пшелкану́л в раку́шку,
што же ты стару́шка,
холодна́ твоя́ раку́шка.
(Замок и ключ)
Нюхча, 1974.

У ста брёвен
шы́шка вёснё.
(У ворóт замок)
Шардонемь, 1962.

У ста брёвен
шы́шка вёснё.
(У ворóт замок)
Шардонемь, 1962.

Отопление в доме, печь

На передé рóшки,
а на задé шолгацѣк.

(Печь)

Нюхча, 1974.

Стойт лáрчик средь избѣы,

в лáрчике есть плат,

в плáте зóлото.

(Изба, печь, чело, жар)

Валдокурье, 1972.

Мать толста́,

дочь красна́,

сын под небеса́ ушо́л.

(Печь, огонь, дым)

Козлово, 1972.

Мать добра́,

дочь красна́,

сын мудѣ́р,

под небеса́ ушо́л.

(Печь, огонь, дым)

Чучепога, 1972.

Мать толста́,

дочь красна́,

сын храбе́р

в небеса́ ушо́л.

(Печь, огонь да дым)

Хаймусово, 1972.

Мать толста́,

дочь⁴ красна́,

сын⁵ хоробе́р

под небеса́ ушо́л.

(Печь, огонь, дым)

Нюхча, 1967.

Мать толста́,

доць длинна.

сын храбе́р

под небеса́ ушол.

(Печь, труба, дым)

Шотогорка, 1959.

Мать толста́,

доць красна́,

сын хоробе́р

под небеса́ ушол.

(Мать — это печь, доць

красна́ — огонь, сын хоро-

бе́р — дым)

Марьи́на Го́ра, 1959.

В Па́шиной избушке

красные бобу́шки.

(Угли в печи)

Сура, 1969.

В Па́шиной избушке

кра́шены бобу́шки.

(Угли в печи)

Засу́рье, 1969.

⁴Вариант на другой карточке: *доць*.

⁵Вариант на другой карточке: *а сын*.

В на́шей избу́шке
красные бобу́шки.
(Угли в печи)
Нюхча, 1974.

В ма́ленькой избу́шке
рассы́пались золотые игру́шки.
(Угли в печи)
Хаймусово, 1972.

По́лна коро́бочка
красных яичек.
(У́гли в морильнице)
Чучепога, 1972.

На у́лице столбо́м,
в избе́ скáтертью.
(Дым)
Чучепога, 1972.

Што на сара́й не заки́нешь.
(Дым)
Нюхча, 1974.

Што с сара́я не сброси́ш.
(Дым)
Нюхча, 1974.

Хам идёт по грядке
в шолковой рубашке.
Догадлива невеста
отворила окошко:
— Пойди, Хам, вон,
на боярский дом,
где бояры живут,

где фурашки шьют.
(Трубка, дым)
Засурье, 1969.

Хам идёт по грядке
в шолковой рубашке.
Догадлива невеста
отворила окошко:
— Пойди Хам вон
на боярский двор,
где бояре живу́т,
где фуражки шьют.
(Дым в избе по-черному)
Сура, 1969.

Што в век не пересече́ь.
(Огня)
Валдокурье, 1972.

Красной котёнок
по шостку бежит.
(Огонь)
Чучепога, 1972.

День колпи́т,
ночь колпи́т,
одно у́тро спит.
(Отгодка: это заслон-от от
пёцки)
Марьяна Гора, 1959.

По́лна шля́па
ви́нных я́гот.
(Загнёт)
Валдокурье, 1972.

Двор, хозяйственные строения

Два сто́йт,
два ле́жыт,
пя́той хóдит,
шостóй вóдит,
се́мой пёсенки поё.
(Ворота скрипучие)
Сульца, 1968.

Сто́йт соха́тый,
весь дырова́тый.
(Поленица дров)
Валдокурье, 1972.

Баня

Пя́деся́т порося́т
над одны́м голося́т.
(Отготка: ёто на ка́менку-ту ки-
неш жа́ру, так угóльё-то за-
шурцит)
Марьи́на Го́ра, 1959.

Пя́тьдеся́т порося́т
в оди́н го́лос голося́т.
(Кипи́т вода, ко́вды ка́мень
брусно́й в во́ду-то бро́сят,
проропо́чёт)
Шардо́мень, 1962.

Пе́тьдеся́т порося́т
в оди́н го́лос голося́т.
(А в ба́ни жар дава́ш, жар
ки́неш на ка́мницю)
Шардо́мень, 1963.

Пя́тьдеся́т порося́т
в оди́н го́лос голося́т.
(В ба́не воду на ка́мни льют)⁶
Ню́хча, 1974.

Уж я в ба́йне на полку́
сыро́ежок натолку́.
(Банные листьё)
Пестенниково, 1960.

Два мужика́: оди́н бе́лый, дру-
го́й зе́лёный.

Бе́лый гово́рит зе́лёному: я тебё
наго́во видал,
а зе́лёный гово́рит, я на тебё бы-
вал.
(Банный ве́ник)
Валдокурье, 1972.

Пришла́ мякота́,
захвати́ла за бока́.
Я ему́ дала́
и но́ги призна́ла.

(Это ве́ник, мяхкий, вот и мях-
кота́. Э́то в ба́не ве́ником
хво́щемся)
Шото́ва Го́ра, 1963.

⁶Вариант на другой карточке: *Ба́йну когда то́пят, то жа́ру поддают.*

Стара бабка
вся в заплáтках.
(Камница)
Матвера, 1964.

Стоит бабка
фся в заплáтках.
(Каменка в бане)
Валдокурье, 1972.

Стоит татарка,
фся в заплáтках.

(Отготка: каменка)
Марьяна Гора, 1959.

Один говорит, я нагу видáл,
другой говорит, я на ей бывал,
а третьей говорит, я ей тáркивал.
(Отгóтка: ёто каменка говорит,
я нагу видала, веник на ей
бывáл, а мýло-то говорит,
я ей тáркивал)
Марьяна Гора, 1959.

Освещение

Висит груша,
нельзя скýшать.
(Лампочка)
Хаймусово, 1972.

Стоит старець на одной нóшке
и крошýт крошанинку.
(Лучина)
Нюхча, 1974.

Старой старицёк
на одной нóшке стои́т,

крушанинку крошýт.
(Отготка: ёто, бывáло, не был
керосин, стои́т коры́то,
ф коры́ти пáлка, в ей
железно наколо́цено, лу-
ци́ну-ту пехáем, дак и свé-
тит, не были лампы-те,
угольки ф коры́то-то пада-
ют)
Марьяна Гора, 1959.

Мебель

Стоит каба́к
на четырёх нога́х
в красных сапога́х.
(Стол)
Валдокурье, 1972.
Четы́ре бра́та
под одной шляпой.
(Стол)
Матвера, 1964.

Цеты́ре бра́та
под одной шляпой.
(Стол)
Шардомень, 1963.
Цеты́ре бра́та
и фсе под одной кры́шей.
(Стол, четы́ре но́ги, фсе под
одной столёсьницей)
Шардонемь, 1962.

Четы́ре бра́тца
под одно́й шля́пой сто́ят.
(Стол)
Чучепога, 1972.

Цеты́ре бра́цця⁷
под одні́м покрыва́льцем
сидя́т.
(Стол)⁸
Нюхча, 1974.

Цеты́ре бра́цця
под одні́м покрыва́лышком
сто́я.
(Отго́тка: сто́лик-от это)
Марына Гора, 1959.

Дне́м гора́ми,
а но́чью поля́ми.
(Постель)
Валдокурье, 1972.

Что в избе́ за Фила́тки.
(Полати)
Чучепога, 1972.

Не крешшо́ный,
не моле́ный,
а бо́гу мо́лицья.
(Зыбка и очап)
Нюхча, 1974.

Стоит го́род
ни на водо́й
ни на землі́.
Ф том городу́
нем воево́да.
(Это зыбка ве́снэ)
Березник, 1959.

Без рук, без ног,
а бо́гу мо́литця.
(Зыбка)
Чучепога, 1972.

Посуда, емкости

Кузьма такоськой⁹,
сел на ко́нь
да по́ехал в ого́нь.
(Горшок — в печь)¹⁰
Кеврола, 1970.

Я на то́пки быва́л,
я на ко́пки быва́л,
на крута́не быва́л,

на пожа́ре быва́л,
оболокли́ мене́ пе́струю ри́зу,
посади́ли ф кра́сные са́ни,
повезли́ мене́ по фсем городáм.
Выхо́дят ста́ры стару́шки,
молоды́ молоду́шки,
ста́ры старички́,
молоды́ молоццы́

⁷Вариант на другой карточке: *бра́цца*.

⁸Вариант на другой карточке: *Ножки стола*.

⁹Вариант на другой карточке: *Такоськой*.

¹⁰Вариант на другой карточке: *Горшок на ухвате*.

пéстрых риз смотрётъ.
(Горшок)
Шардомень, 1963.

Стáрый сидит в осекú,
пересёлся со смехú.
(Чугунок кипит в печке)
Матвера, 1964.

Стоит стáрець в осекú,
весь порвáлся со смехú.
(Чугун кипит в печи)
Сура, 1969.

Стоит стáрець в осекú,
пересёлся со смехú.
(Чугун кипит)
Нюхча, 1974.

Стоит старец в осекú,
весь порвался со смехú.
(Чугун кипит)
Засурье, 1969.

Сидит стáрець в осеку,
весь порвáлся со смехú.
(Это цюгуньник кипит ф печи.

В осекú — в огни)
Марьина Гора, 1959.

Ўтка в мóре,
а хвос на забóре.
(Отгóтка: кофш)
Марьина Гора, 1959.

Щúка в мóре
хвост на угóре.
(Ковш в ушате)
Веркола, 1973.

Утка в море,
а хвост на забóре.
(Ковш)
Хаймусово, 1972.

Ўтка в мóре,
а хвост на забóре.
(Ковш)
Нюхча, 1974.

Ўтка в мóри,
хвост на угóри.
(В ушате ковш)
Богатка, 1963.

Ўтка в мóри,
хвост на забóри.
(Кофш)
Шардомень, 1963.

Стоит на берегú,
а ссит за рекú.
(Самовар)
Козлово, 1972.

Свёрху дýра,
снiзу дýра,
а в середiне
огонь да водá.
(Отгóтка: самовáр)
Марьина Гора, 1959.

Свёрху дырá,
и снiзу дырá,
а в середiне
огонь да водá.
(Самовар)
Чучепога, 1972.

У дэфки у красотки
зашаяло ф серётке,
у дброго молоцьця
закапало с конця.
(Отготка: самовар, зашаяло —
зашурцяло)
Марына Гора, 1959.

С мóлода бывало
фсякому давала,
на карацьки стала,
да ешшó рас дала.
(Вот самовар-от, опружат дак)
Шардомень, 1963.

Бéреги желéзны,
водá дорогá,
рыба бес кóсти.
(Сковорода, масло, блины)
Нюхча, 1974.

Стар старичóк
через кúрю сцит,
тóлько хер свистít.
(Лагún, пíво цидя)
Шардонемь, 1962.

Стар старицék
цéрес кúрю стойт,
только сук свистит.
(Это лагún, в лагунí-то пиво)
Марына Гора, 1959.

Без душі родíлся,
на́роду пригодíлся.
Дам пить — пьёт,
попрошу́ — отдаёт.

(Бочонок)
Валдокурье, 1972.

Ушы есть,
да головы нет.
(Ушат)
Чучепога, 1972.

У тúшы úшы,
головы нéту.
(Ушат)
Богатка, 1963.

У нáшей тúши
вы́росли úши,
а головы нет.
(Ушат)
Валдокурье, 1972.

У Ирки — две дырки,
у кота — два хвоста.
(Это два ведра да коромысло)
Марына Гора, 1959.

Два брацьця
пошли купацьця,
а трéтий на берегу валяецця.
(Два ведра и коромысло)
Нюхча, 1974.

Две гáлоцки
сидят на одной пáлоцьке.
(Два ведра и коромысло)
Нюхча, 1974.

Два брацьця
пошли в воду купацьця.
(Это ве́дра, воду́ несёшь)
Марына Гора, 1959.

Два брѣтца
бегут в воду купаться.

(Ведро на коромысле)
Хаймусово, 1972.

Кухонная утварь

Три телѣнка,
одѣн хвост.
(Вилка)
Чучепога, 1972.

Полижѣ,
полижѣ
и назѣт положѣ.
(Лошка)
Нюхча, 1974.

По лѣвкам скок,
по пѣлу скок
и сел в уголок.
(Веник)
Хаймусово, 1972.

По пѣлу скок,
по лѣфкам скок,
в уголок сел и не ворѣхнеца.
(Веник)
Матвера, 1964.

Мѣленький Трофѣмчик
скѣчил чѣрес овѣнчик.
(Голѣк или старѣй веник)
Валдокурѣе, 1972.

По пѣлу скок,
по лѣфке скок,
сѣдет в уголок,
не шелѣхнеца.
(Веник)
Нюхча, 1974.

Пѣ полу скок,
по лѣфке скок,
сел в уголок,
не ворѣхнеца.
(Веник)
Нюхча, 1974.

По полу скок,
по лѣфкам скок,
в уголок сел и не ворѣхнеца.
(Веник)
Матвера, 1964.

Пѣ полу скок
и по лѣвкам скок,
сѣдѣ в уголок,
не ворѣхнется.
(Веник)
Кеврола, 1970.

Пѣ полу скок,
да по лѣфки скок,
сѣдя в уголок,
не волѣхнеца.
(Вѣник)
Шардомѣнь, 1963.

Скруцѣн, связан,
по избѣ плѣшо.
(Отготка: веник)
Марѣина Гора, 1959.

Скруцѣн, связан,
по лѣфкам скок

и по́ полу скок,
сел в уголо́к
и не воро́хнёцця.
(Отготка: Э́то веник — избу-то
па́шо, такú он завязан весь,
де́лают из берёзового кúсья)
Марына Гора, 1959.

По избé па́шет,
а в у́гол спатъ хóдит.
(Веник)
Чучепога, 1972.

По́ полу скок
и по ла́фкам скок,
седе́ в уголо́к,
не воро́хнецця.
(Веник)
Кеврола, 1970.

По по́лу скок,
по ла́фкам скок,
сел в уголо́к
и не воро́хнёцця.
(Веник)
Козлово, 1972.

Вэ́ситця,
болта́етця,
фсяк за негó хвата́етця.
(Полотенце)
Чучепога, 1972.

Éлочек пучо́к
у́тром в огоньке,

но́чью в уголке.
(Помело)
Чучепога, 1972.

У попа у го́ренки
цясты́ окóленки.
(Решето)
Кеврола, 1970.

У по́па в го́рницы¹¹
цясты́ окóльницы.
(Решото́)¹²
Марына Гора, 1959.

Ма́ленька коро́вушка
немно́шко до́йт,
а фсем оделíт.
(Умывальник)
Березник, 1959.

Висíт болта́ецця,
фсе за нево́ хватаю́цця.
(Рукомойка)
Валдокурье, 1972.

Коро́вушка пё́стра,
тíтичка во́стра,
потихо́ньку до́йт,
фсех наделит.
Цедíльница.
(Медный умывальник)
Шиднема, 1968.

Ма́ленька коро́вушка
малéхонько до́йт

¹¹Вариант на другой карточке: *го́рницы*.

¹²Вариант на другой карточке: *Э́то решето́*.

да фсех напойт.
(Рукомойка)
Шардонемь, 1963.

Мáленька корóвушка
малéхонько дойт.
А фсех наделит.
(Рукомóйник)
Марьина Гора, 1959.

Корóвушка пéстра,
титушки вóстры,
помалéньку дойт,
а фсем наделит.
(Рукомойка)
Нюхча, 1967.

Корóвушка пéстра,
ти́тоцька вóстра,
помалéнецьку дойт
и фсем наделит.
(Рукомойник)
Нюхча, 1974.

Корóвоцка пéстра,
ти́тецька вóстра,
понемно́шку дойт
фсех наделит.
(Рукомойка)
Нюхча, 1974.

Стану порáну,
пойду к дедку Роману.
(Пойти умыться к рукомойке)
Хаймусово, 1972.

Две но́ги, трéтья пáлка.
(Ухват)
Валдокурье, 1972.

Что в избé за корóвьи рога.
(Ухват)
Чучепога, 1972.

Кузьма Такоськой
сел на ко́нь
да поехал в огонь
(Крюк, кочерга)
Кеврола, 1970.

Чёрный конь
ска́чет в огóнь.
(Кочерга)
Карпогоры, 1964.

Прóтиф печьки на лáвоцьку
запихáл пáлоцьку
ф шыро́ку дыроцьку.
(Мутóфка ф квашни́)
Марьина Гора, 1959.

Су́ха
кошкá
ко́сье
грызé.
(Отготка: это деревянна мялка,
коноплё мнут)
Марьина Гора, 1959.

Пути сообщения

Што ко стенé не приста́виш. (Дорога) Нюхча, 1974.	перемéшиваё. (Слёды) Матвера, 1964.
А што ко стенý не привáлиш. (Дорога) Нюхча, 1974.	В лес идú — каравáшки мешú, а из лесу идú — перемéшиваю.
Цего же ко стенý не привалит? (Отгóтка: доро́га) Марына Гора, 1959.	(Следý, по однóй доро́ги хó- диш, тудý да сюдý) Шардонемь, 1962.
Сам не ви́жу: а другím указываю. (Отгóтка: верстовóй столп) Марына Гора, 1959.	В лес идéш, каравáшки месíш, из лесу идéш, перемéтываёш.
В лес идé — коровáшки месé, а из лесу идé	(Éто слéды, в лес идéш по снегу, дак и следы надéлаешь) Марына Гора, 1959.

Средства передвижения

Éду, éду, слéду нéту. Рéжу, рéжу, крóви нéту. (Река и лотка) Нюхча, 1974.	Доро́га рóвная, ло́шадь деревя́нна, везёт не кормя́. (Лодка) Чучепога, 1972.
Éду, éду — хóду нéту, рéжу, рéжу — крови нету. (Отгóтка: Э́то лóтка по реки плывё) Марына Гора, 1959.	А што ель в оле́не. (Лыжи) Нюхча, 1974. Два волка́ бежа́т, оба́ на́ небо глядя́т, оба́ по́ясы плетúт, оба́ шóлковы.

(Сани)
Нюхча, 1974.

Два волка бежы́т,
о́ба на не́бо глядя́т,
оба по́ясы плету́т,
о́ба шо́лковы.
(Сани)
Нюхча, 1974.

Два во́лка бежа́т,
оба на́ небо глядя́т.
(Сани)
Матвера, 1964.

Два бра́тца живу́т за дорошкой,
друк с дру́шкой не ви́дятца.
(Сани)
Матвера, 1964.

Худ идё по го́рке,
да худ — по подго́рке.
Ты худ,
я худ.
С ху́да не сверни́сь,
ху́дом подопри́сь.
(Сани?)
Матвера, 1964.

Упряжь

Лёзу, лёзу
по желе́зу
на мяснью́ го́ру,
сяду на деревя́нну скаме́йку.
(Стремя, лошадь, седло)
Валдокурье, 1972.

[Заго́тка]
В мясно́м горшо́цке
желе́сце кипи́т.
(Удела́ в ро́те у ло́шади)
Марьина Гора, 1959.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09039.

Литература

Качинская И. Б. (2014) Термины родства и языковая картина мира: сопряжение «семейного» и «телесного» регистров (по материалам архангельских говоров). *Севернорусские говоры*, 13: 165–177.

Левичкин А. Н., Крылова О. Н., Гайдамашко Р. В. (2019) Фольклорные материалы Пинеги. Загадки о природе. *Севернорусские говоры*, 18: 277–297.

Alexander Levichkin, Olga Krylova, Roman Gaidamashko

FOLKLORE MATERIALS FROM PINEGA. PART 2.
RIDDLES ABOUT MATERIAL CULTURE

Citation: Levichkin A., Krylova O., Gaidamashko R. (2020) Fol'klornyye materialy Pinegi II. Zagadki o material'noy kul'ture [Folklore materials from Pinega. Part 2. Riddles about material culture] *Severnoruskiye govory* [Northern Russian Dialects], 19: 261–278. (in Russian)

About the authors. Levichkin Alexander, Krylova Olga, Gaidamashko Roman. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. <alevi66@gmail.com>

Abstract. This article is a continuation of the publication of riddles collected by G. Ya. Simina during dialectological expeditions to Pinega (see Levichkin, Krylova, Gaidamashko 2019). The riddles are based on the world around us: both natural and everyday life. Topics that are relevant to riddles are related to the natural world, the man, the spheres of his activity and existence. This part presents riddles from the following thematic groups: “Clothes, footwear, headwear, mittens, jewelry, accessories”, “Peasant housing”, “Yard, household buildings”, “Bath”, “Heating in the house, oven”, “Lighting”, “Kitchen utensils”, “Dishes, containers”, “Furniture”, “Means of communication”, “Vehicles”, “Harness”. Some of the presented riddles were previously recorded in Pinega region and introduced into scientific discourse by colleagues from Moscow (see, for example, Kachinskaya 2014), but it is all the more important to compare their more recent materials with those by G. Ya. Simina. This is important in terms of both verification of the material and possible discrepancies in the plots.

Keywords: Pinega dialects, folklore, riddle, dialect vocabulary, material culture.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 17-29-09039.

References

Kachinskaya I. (2014) Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira: sopryazheniye «semeynogo» i «telesnogo» registrov (po materialam arkhangel'skikh govorov) [Kinship terms and the linguistic worldview: coupling of

the familial and the corporeal codes (based on Arkhangelsk dialects)]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 13: 165–177. (in Russian)

Levichkin A., Krylova O., Gaidamashko R. (2019) Fol'klornyye materialy Pinegi. Zagadki o prirode [Folklore materials from Pinega. Riddles about nature]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 277–297. (in Russian)

О. В. Попова

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ДИАЛЕКТИЗМОВ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)**

Цитирование: Попова О. В. (2020) Лексико-семантические особенности диалектизмов анатомической тематики (на материале архангельских говоров). *Севернорусские говоры*, 19: 279–293.

Сведения об авторе. Попова Ольга Валентиновна. Северный государственный медицинский университет. Архангельск, Россия.
<polga1703@rambler.ru>

Аннотация. В данной статье рассматриваются лексико-семантические особенности диалектизмов анатомической тематики на материале архангельских говоров. Сопоставительный анализ проводился с использованием диалектных словарей в качестве источников. Для выяснения сходства и различия были определены следующие критерии: наличие вариантов произношения и написания, синонимичность и полисемия внутри одного источника и среди разных источников. Диалектизмы, относящиеся к названиям частей тела человека, анализировались по группам. Анализ позволил сделать ряд выводов в отношении лексико-семантических особенностей диалектизмов в каждой группе: они включают фонетические (произносительные), орфографические и лексические варианты.

Ключевые слова: этнолингвистика, архангельские говоры, диалектизмы, части тела человека, фонетические (произносительные) варианты, орфографические варианты, лексические варианты, синонимичность, полисемия, этнографизмы.

Введение

Своеобразие архангельских говоров, иногда именуемых областным архангельским наречием, на протяжении многих лет является предметом обсуждения во многих статьях, в том числе, посвященных вопросам этнолингвистики. Отчасти это объясняется интересом к этногенезу поморов, который, как отмечают исследователи, «обусловлен слиянием культур протопомор-

ских, преимущественно угро-финских (чудских), племен Беломорья и восточных словен, заселявших территорию чудского Заволочья» [Поморская энциклопедия 2012: 434] и интересом к самой этой русскоязычной группе, которая с XII в. заселила берега Белого и Баренцева морей и отличалась особым типом ведения хозяйства, преимущественно в виде рыболовного промысла и промысла морского зверя, а также своеобразными культурой и языком. Поморский говор имеет ряд специфических особенностей, как фонетических, так и морфологических, которые зафиксированы в специальных словарях.

Целью данной статьи является выявление лексико-семантических особенностей диалектизмов анатомической тематики, а именно слов, обозначающих части тела человека (так называемых *соматизмов*), которое проводилось на материале архангельских говоров, в том числе поморского. Актуальность статьи обусловлена необходимостью провести сопоставительный анализ корпуса примеров ряда источников с целью обобщения лексико-семантических особенностей слов заявленной тематики. Данная тема еще не получила достаточного изучения в этнолингвистике на сегодняшний день.

В качестве источников были выбраны «Архангельский областной словарь» (выпуски с 1 по 16 под редакцией О. Г. Гецово́й, выпуски 17 по 20 под редакцией Е. А. Нефедовой), «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», составленный А. О. Подвысоцким, и «Словарь говоров Русского Севера» (тома 1–5 под редакцией А. К. Матвеева, тома 6–7 под редакцией М. Э. Рут). Корпус примеров был сформирован посредством сплошной постраничной выборки из словарных статей, если слово удовлетворяло критериям поиска, т. е. было нарицательным именем существительным мужского, женского или среднего рода, имеющим значение части тела человека, иногда употребляющимся в сочетании с именем прилагательным и не относящимся к так называемой табуированной лексике, т. е. не имеющим явно грубый и ругательный оттенок. Общий корпус примеров составляет примерно пятьде-

сят. Для выявления лексико-семантических особенностей представляется целесообразным сгруппировать диалектизмы по разным основаниям.

Лексико-семантические особенности диалектных соматизмов

1. Первая группа диалектизмов включает полностью совпадающие или имеющие форму, понятную носителю современного литературного русского языка, несмотря на различия в морфемах и случаи выпадения гласных или так называемого полногласия / неполногласия, например, *гла́ва*, -ы, ж. [АОС 9: 66] 'голова', *глаз*, -а, м., мн. *глаза́*, *гла́зы*, *гла́зья* [АОС 9: 77] 'глаз', *гло́тка*, -и, ж. 'горло' и синонимы *голо́шко*, *го́рла* [АОС 9: 108], *живот*¹, -а, м. 'брюшная полость' [АОС 14: 38], *груды́на*¹, -ы, ж. 'передняя часть туловища от шеи до живота, грудь' [АОС 10: 88], *запястье* (*запя́стье*), -ья, ж. [АОС 19: 259] 'запястье' и ряд других. Рассмотрим их подробнее.

Одной из лексико-семантических особенностей данной группы является наличие большого количества однокоренных слов, образованных при помощи суффиксов субъективной оценки: -к-, -ёнк-, -оньк-, -ашк- и др., в том числе уменьшительно-ласкательного значения. Так, например, слово *гла́ва*, -ы, ж. [АОС 9: 66] имеет параллельное образование *головы́зна*, -ы, ж. 'верхняя часть тела человека... голова' с вариантами *головы́нушка*, *головы́шка*, *головёнка*, *головёшка*, *головы́зня*, *головы́на*, *головы́ца*, *головы́ща*, *головы́ще*, *голова́*, *голова́нька*, *голову́ха*, *голова́ушка* [АОС 9: 240].

Словарная статья на слово *глаз*, -а, м., мн. *глаза́*, *гла́зы*, *гла́зья* приводит в значении 'глаза' производные *глазы́ща*, *глядёлки*, *шары́* [АОС 9: 77], *гла́зко*¹, -а, им. мн. *гла́зка*, *гла́зки*, ср. ум.-ласк.? [АОС 9: 90], а также производные уменьшительно-ласкательного значения и экспрессивного оттенка, также образованные при помощи суффиксов, например, *глазёно*, *глазёшко*, *гла́зик*, *глазо́к*, *глазо́нько*, *глазо́чек* [АОС 9: 90] и от глагола *глядеть* — *глядёлки*, -лок с экспрессивным оттенком [АОС 9: 136]. Для слова *груды́на*, -ы, ж. 'передняя часть туловища от шеи до живота, грудь' [АОС

10: 88] находим варианты *грудка*¹, -и, ж., *грудинка*¹, -и, ж., *грудца*, -и, ж., как видно из примеров, ласкательного оттенка [АОС 10: 90, 89, 93 соответственно]. Слово *желудок*, -дка, м. [АОС 13: 293], которое в поморском говоре фиксируется как *желуток*, -тка, м. [АОС 13: 294], с ласкательным оттенком *желудочек*, -чка, м. [АОС 13: 294], а также вариант *желут* [АОС 13: 294], имеет такие значения, как 'пищеварение' и 'живот' [АОС 13: 293], что демонстрирует явление полисемии. В медицинской терминологии слово «желудок» имеет значение 'часть пищеварительного тракта (трубки, канала), расположенная между пищеводом и тонким кишечником'. Полисемия в данном диалектизме является результатом метонимического переноса, когда под словом 'желудок' могут пониматься и живот (место, где происходит пищеварение), и сам процесс пищеварения, в котором этот внутренний орган непосредственно задействован.

Наибольшей вариативностью в данной группе обладает диалектизм *дэзно*, -а, ср. [АОС 10: 425], *дэсло́*, -а, ср. *чаще во мн. ч.* [АОС 11: 105]; *десно́* (*дэсно*, *дэсно*, *десна́*), -а, им. мн. *дэсна*, *дэсна*, ср. [АОС 11: 105] и *дясна*, -сен, мн. [АОС 12: 465] 'десна', где наблюдаются случаи чередования звонкой и глухой согласной в корне, различные модели акцентуации и изменение корневой гласной при сохранении значения.

Диалектизм *брюхо*, -а, мн. *брюха́* и *брюхи*, р. мн. *брюх* и *брюхов* 'живот' [АОС 2: 146] также демонстрирует большое количество вариантов и производных. Отмечены такие производные, как *брушина́*, -ы, ж. [АОС 2: 142, 146], *брюшина́*, *брюшенёнка*, *брюшина́*, -ы, ж. 'живот', *брюшини́ща*, *брюши́ца*, -ы, ж. *брюши́ца*, *брюшко́* 'живот' [АОС 2: 146], а также уменьшительно-ласкательный вариант *брюшинка́*, -и, ж. [АОС 2: 148]. Интересно, что диалектизм *брюшина́*, -ы, ж. имеет значение 'желудок' [АОС 2: 147], не совпадающее с медицинским значением, т. к. в медицинской терминологии *брюшина* означает несколько иное: 'тонкая серозная оболочка, выстилающая изнутри стенки брюшной полости и покрывающая расположенные в ней органы'.

Отдельное место в данной группе занимает диалектизм *жіла*², -ы, *им. мн.* жилы и жилья, *ж.* в трех значениях: 'кровеносный сосуд', 'вена' и 'сухожилие'. Диалектизм также имеет многочисленные производные: *жілина*, -ы, *ж.* [АОС 14: 101]; *жіла*², -ы, *им. мн.* жилы и жилья, *ж.* Ср. *жілина* 'кровеносный сосуд, вена; сухожилие', *жиль*, *пожілье*, *жілка*² 'кровеносный сосуд, вена; сухожилие', *жілочка* 'кровеносный сосуд, вена; сухожилие' [АОС 14: 97]; *жілка*², -и, *ж.* [АОС 14: 104]; *жіло*³, -а, *ср. Собир.* Ср. *жілье* 'кровеносный сосуд, вена; сухожилие' [АОС 14: 108]; *жілочка*, -и, *ж. Ум.-ласк.* к *жілка*² 'кровеносный сосуд, вена; сухожилие' [АОС 14: 112]; *жиль*, -и, *ж.* [АОС 14: 113]; *жілье*, -ья, *ср. Собир.* [АОС 14: 113].

Все перечисленные примеры первой группы наглядно иллюстрируют связь с общим праязыком — праславянским языком, от которого, по справедливому замечанию Ф. П. Филина, «...Восточнославянский (древнерусский) язык, как и другие славянские языки, унаследовал от общеславянского языка фонетико-фонологическую, грамматическую и лексическую основу» [Филин 2009: 29]. Другие исследователи также отмечают родственную связь архангельских говоров как группы севернорусских говоров, «в большей степени сохранивших черты древнего словенского (славянского) языка» [Поморская энциклопедия 2012: 434]. Известно, что Беломорье активно заселялось поселенцами, которые делились на три потока: новгородский-псковский, владимирский-ростовский-суздальский и московский, что повлияло на лексический состав языка. Так, например, у К. П. Гемп читаем: «в течение XIII–XIV веков на основе русской лексики — и новгородцев, в первую очередь, и пришельцев из центральных областей — окончательно определилась и беломорская лексика: беломорский диалект и бытовая терминология» [Гемп: 31–32]. Отдельные черты праславянского языка проступают и в примерах с выпадающей гласной или так называемыми полногласными, свойственными для восточнославянской группы, и неполногласными корневыми лексемами, свойственными для западно- и южносла-

вянской групп, например, *глава*, -ы, ж. 'голова', *глас*, -у, м. в значении 'голос' и др.

2. Вторая группа диалектизмов включает так называемые «пограничные случаи». Для них характерно то, что диалектизм содержит морфемы, роднящие его со словом анатомической тематики, или корневая морфема совпадает с корневыми морфемами в словах других частях речи, например, в глаголах *дышать*, *есть* ('употреблять пищу'), *жевать* ('пережевывать'). Следовательно, значение диалектизма можно вывести, зная корневую морфему. В эту группу вошли такие диалектизмы, как *бёрдица*, -и, ж. [АОС 1: 164], *вилáшки*, -шек, ед. нет [АОС 4: 98] 'бедро', *бочина*², -ы, ж. Ср. *бочище* 'бок, боковая часть тела человека' [АОС 2: 96], *гúзно* (редко *гузно*), -а, ср. Ср. *гужó*, *гúзка* 'задняя часть тела человека', *гúзнишко* 'нижняя задняя часть тела человека' [АОС 10: 138], *ды́хало*, -а, ср. [АОС 12: 451–252] и *ды́хло*, -а, ср. [АОС 12: 453] 'органы дыхания, грудь', *еда́ло*, -а, ср. 'рот, губы' [АОС 13: 37], *жева́к*, -а, м. 2. Экспресс. Во мн. [АОС 13: 263] и *жернова́ / жорновы*. 2. Экспресс. Перен. Во мн. 'зубы' [АОС 14: 318], *за́денка (за́динка)*, -и, ж. Ср. *зад во 2 значении* 'нижняя задняя часть тела человека' [АОС 16: 221], *за́персть*, -и, ж. [АОС 18: 337], *за́перстье (запе́рьсье)*, -тья, ср. [АОС 18: 338], *за́пясть (запя́сть)*, -и, ж., *заплéчи*¹, -плéчей (плéч), мн. Ср. *зако́рки* 'верхняя часть спины, заплечье', *заплéчки*¹, *заплéчье* 'верхняя часть спины до шеи, плечи, лопатки' [АОС 19: 35], *запя́ток*, -тка, м., 'пятка' [АОС 19: 261], *запя́тье*, -ья, ср. 'задняя часть стопы, пяточная кость' [АОС 19: 262], *занаты́лок*, -лка, ж. и *запаты́лок*, -лка, м. [АОС 18: 196 и 307 соответственно] и *запоты́лок*, -лка, м. [АОС 19: 125] 'затылок'. Здесь наблюдаются случаи чередования согласных «р» и «д» в корне в диалектизме и слове русского литературного языка (*бёрдица*, -и, ж. в значении 'бедро'), расширение корневой морфемы (*занаты́лок*, -лка, ж., *запаты́лок*, -лка, м., *запоты́лок*, -лка, м.), чередование «а» и «о» в корневой морфеме (*запаты́лок*, -лка, м., *запоты́лок*, -лка, м.), выпадение согласной (*за́перстье (запе́рьсье)*, -тья, ср.), добавление приставки (*заплéчи*¹, -плéчей (плéч), мн.). В примере с диалектизмом *мезе́нец, мезе́нчин* [Подвысоцкий: 269] 'мизинец' также отме-

чаем чередование гласных «е» и «и» в диалектизмах и слове русского литературного языка *мизинец*.

Наиболее интересным в этой группе представляются слова со значением ‘желчный пузырь’: *жо́лоч* (*же́лоч*, *же́луч*, *жо́луч*), -и, ж. [АОС 14: 259]; *жо́лость*, -и, пр. ед. -ё, ж. [АОС 14: 259]; *жолч* (*жолс*), -а (-и), м. и ж. [АОС 14: 271]; *жо́лчее*, -ья, ср. [АОС 14: 272]; *жо́лчей*, -ея, м. [АОС 14: 272]. В этом значении отмечены также сочетания с прилагательным, например, *желчегóнной пузы́рь* [АОС 13: 294], *жи́льчевой*, -ая, -ой. Ср. *жо́лчевой* в сочетании *жи́льчевой пузы́рь* [АОС 14: 117], *жо́лочевой* [АОС 14: 260], *жо́лучевой* [АОС 14: 272], *жо́лочевый пузы́рь*, *жо́лочной* (*же́лочной*) *пузы́рь* [АОС 14: 260], *жо́лтóй пузы́рь* (*пузырёчек*) [АОС 14: 263], *жо́лчевый пузырёк* [АОС 14: 272], *жо́лчной*¹, -ая, -ое (*жо́лчевой*) в сочетании *жо́лчной пузы́рь* [АОС 14: 272], *жо́лчной*², -ого, м. [АОС 14: 272], а также выбивающийся из общего ряда диалектизм *залаза́* [АОС 17: 284]. Также встречаем многочисленные варианты для слов со значением ‘нижняя, переходящая в спину часть шеи человека’, или, если определить иначе, ‘соединение шейного отдела позвоночника и спины’: *заго́рбок*, -бка, м. Ср. *загорóбка*, *загре́бок*, *загри́в*, *загри́вок*, *загря́вок* [АОС 16: 109].

Что касается таких случаев, как *ви́дыши* [АОС 4: 94], *глядёльце*, -а, ср. [АОС 9: 136], *глядíло*, -а, ср. [АОС 9: 140], *челове́чек* [АОС 9: 92], *чёртыш* [АОС 4: 94; АОС 9: 92], *чёрныш* [АОС 4: 62; АОС 9: 136] ‘зрачок’, то их можно отнести к частному случаю, т. к., с одной стороны, есть непосредственная связь с глаголами *видеть* и *глядеть* при сужении значения (‘зрачок’, а не ‘глаз’), а, с другой, мотивацию значения диалектизмов *челове́чек*, *чёртыш* и *чёрныш* именно в значении ‘зрачок’ можно объяснить лишь отчасти. То же самое можно сказать о диалектизмах *вихлѐц*², -а, м. Ср. *вихало́к*, *вихло́к*, *вихлу́шка* и *вихля́к*, -а, м. Ср. *вилáшки* [АОС 4: 111]. Первый диалектизм (*вихлѐц*²) употребляется в значении ‘задняя, переходящая в спину часть шеи у человека и животных’, второй (*вихля́к*) — в значении ‘тазобедренный сустав, место около этого сустава’ [АОС 4: 111], а *вилáшки* — ‘бедро, место соединения бедер с туловищем’ [АОС 4: 98]. Все эти диалектизмы и их варианты

можно связать с глаголами несовершенного вида *влиять* и *вихляться*, которые как раз и передают основное движение тазобедренного сустава. Связь корневой морфемы диалектизмов с глаголом наглядно демонстрируют и другие примеры: *лупышій* (насм.) [Подвысоцкий: 255] ‘глаза’ и *мялка* (насм.) [Подвысоцкий: 283] ‘рот’. Первый диалектизм связан с глагольным сочетанием *вылупить глаза*, а второй с русским глаголом несовершенного вида *мять* в значении ‘перемалывать, размалывать, разминать, например, пишу’.

3. Третья группа диалектизмов включает те случаи, когда нет совпадения формы, т. е. диалектизм анатомической тематики полностью отличается от слова общеупотребительной лексики. Корпус этих примеров также составлен на основе «Архангельского областного словаря». Это следующие случаи: *брѣла*, -ы, ж. ‘губа’ [АОС 2: 144]; *взгірко*, -а, ср. ‘зрачок глаза’ [АОС 4: 62]; *воротѣ*, -ья, ср. ‘губы’ (?) [АОС 5: 112]; *вѣтка*, -и, ж. ‘голень’ [АОС 8: 285]; *гáгра*, -ы, ж. *Экспресс*. Ср. *багра́*, *гагáрка*, *гáча*¹ ‘о ногах или руках’; *грабу́ля*, *Экспресс*. ‘грубая, натруженная рука’ [АОС 9: 21]; *гузе́нка*, -и, ж., *ум.-ласк.* ‘прямая кишка’ [АОС 10: 137]; *ѣман*, -а, м. ‘название пальца руки в детской считалке’ [АОС 13: 177]; *заветь*¹ (*завить*¹) (*заветь ... заветь...*) -и, ж. Ср. *заветка* ‘часть руки между предплечьем и кистью, запястье’, а также, в том же значении: *заветка*, *заветье*, *заводина*², *заво́ек*, *заво́й*¹, *заво́я*, *завя́зь*, *завя́сть*, *завя́ть* [АОС 15: 334], *заветье* (*завитье*), -ья, ср. [АОС 15: 335] с вариантами *заво́ина* (*заво́ена*), -ы, ж. Ср. *заво́й*¹ + *заво́инка*; *заво́инка*, -и, ж. *Ум.-ласк.* к *заво́ина*; *заво́й*¹, -о́я, м. Ср. *заветь*¹, *заво́ина*, *заво́йка*, *заво́йна*, *заво́йник* [АОС 15: 400], причем диалектизмы *заво́ина* (*заво́ена*) употребляются и в значении ‘запястье’ [АОС 15: 400], и в значении ‘щиколотка’ [АОС 15: 400]; *залóза* (*залозá*, *золозá*), -лóзы, ж. [АОС 17: 364] ‘желчный пузырь’; *закóрки*, -рок (-ков?), *мн.* Ср. *закоко́ришки*, *закорко́шки*, *закрóмки*, *закрóшки*, *заку́корки* [АОС 17: 174], а также *закоко́шки*¹ (*закуко́шки*), -шек, *мн.* и *закокрóшки* ‘верхняя часть спины, заплечь’ [АОС 15: 116]. Интересно, что диалектизм *заку́корки*, -ков?, *мн.* имеет большое количество вариантов: *верхо́вье* ‘пле-

чи, часть спины около шеи, *зако́рки* 'верхняя часть спины, заплечье', *заку́кля*, *закукорёшки*, *заку́коры*, *закуко́шки*, *заку́кры*¹, *заку́ри*, *заку́рки* [АОС 17: 239].

Нельзя не упомянуть и факт различного толкования разными источниками одного и того же диалектизма. Здесь следует заметить, что в данном сопоставлении выборка касалась только диалектизмов, зафиксированных на территории Архангельской области, например, в отношении диалектизма *га́ча*, -и, ж. [АОС 9: 49], который в «Архангельском областном словаре» фиксируется в значении 'о руках и ногах' в экспрессивном значении и чаще во множественном числе. В «Словаре говоров Русского Севера» находим диалектизм *га́ча* в значениях 'штанина', 'нижняя часть штанины' и 'рукавицы', которые имеют косвенное отношение к указанному значению [СГРС 3: 18]. То же справедливо в отношении диалектизма *заво́й*¹, -о́я, м. в значении не только 'запястье', но и 'сугроб' [АОС 15: 400–401] и 'след заплесков воды на берегу' [Подвысоцкий: 147]. Диалектизм *еда́ло*, -а, ср. в «Архангельском областном словаре» дается в значении 'рот, губы' [АОС 13: 37], а в «Словаре говоров Русского Севера» мы встречаем его в значении 'человек, имеющий обыкновение ругаться, браниться' [СГРС 3: 302–303]. Полисемия данного слова проявляется также в том, что диалектизм *еда́ло* имеет значение 'приготовление кушанья, блюдо' Ср. еда [АОС 13: 37]. Еще один пример — диалектизм *брю́шко*, который в «Архангельском областном словаре» фиксируется в значении 'мягкая мясистая часть какого-н. члена тела. Задняя, мягкая часть бедра, голени ноги, икра' [АОС 2: 149], тогда как в «Словаре говоров Русского Севера» он зафиксирован в более узком значении 'подушечка пальца', а с акцентологическим вариантом *брюшкó* — в значении 'икра ноги; икроножная мышца' [СГРС 1: 194]. При исследовании источников также были найдены случаи совпадения в фиксировании диалектизмов анатомической тематики *козенóк*, *козунóк* [Подвысоцкий: 206] и *козонóк* [СГРС 5: 217] в значении 'сустав пальца на руках и ногах' и 'кость, выступающая в изгибах пальцев на руках; фаланга пальца' соответственно, причем А. О. Подвысоцкий фиксировал этот

диалектизм повсеместно, а диалектизм *козонók* фиксируется составителями «Словаря говоров Русского Севера» на территории Виноградовского и Пинежского районов, а также на территории Вологодской области в Верховажском и Вожегодском районах.

4. Четвертая группа объединяет семантические диалектизмы, имеющие иное, чем в русском литературном языке, значение. К ней относим: *бок*, -а, м. 'брюхо' [АОС 2: 52], *большáк*, -а, м. 'большой или средний палец руки' Ср. большой палец (следует отметить, что в «Словаре говоров Русского Севера» исследователи фиксируют диалектизм *большáк*¹ в значениях «хозяин дома, глава семьи», «старший сын, брат» и «домовой», а *большáк*² — в значении «центральный поплавок у невода» [СГРС 1: 143]), *бровь* 'крутой берег реки' [АОС 2: 122], *висóк*¹, -скá, м. 'место у самого наружного края глаза' [АОС 4: 106], *голóвка*, -и, ж. 'сустав' [АОС 9: 246], *глóтók*, -ткá, м. 'кадык' [АОС 9: 109], *гóрльшкo*, -а, ср. 'кадык' с уменьшительно-ласкательным оттенком [АОС 9: 352], *живóт*, -а, м. 'брюшная полость' и 'внутренние органы, находящиеся в брюшной полости' [АОС 14: 38] с вариантами *живóтик*, -а, м. 'передняя средняя часть тела человека' [АОС 14 : 47], *животíна*, -ы, ж. и *животíнка*, -и, ж. [АОС 14: 51] в двух значениях: 1. 'Сторона тела человека, животного, противоположная спине, живот', 2. 'Внутренние органы, находящиеся в брюшной полости' [АОС 14: 48], *замóк* (*зáмок*), -мкá, м. 'суставная сумка, сустав' [АОС 18: 102], *запáзуха*, -и, ж. 'подмышечная впадина' [АОС 18: 277].

Заключение

Проанализированные диалектизмы анатомической тематики, несмотря на то, что корпус их невелик, представляют ценный материал для выделения целого ряда лексико-семантических особенностей, связанных прежде всего с фонетическими (произносительными), орфографическими и лексическими вариантами. При анализе примеров были привлечены различные источники, основным источником послужил «Архангельский областной словарь».

Среди отобранных диалектизмов четко выделилась группа полностью совпадающих или понятных современному носителю русского языка диалектизмов анатомической тематики, образованных по разным словообразовательным моделям, объединенных происхождением от общего праславянского языка. Вторая группа включает анатомические диалектизмы, значение которых можно вывести, зная значение корневой морфемы. Третья группа содержит определенное количество так называемых этнографизмов, т. е. названий предметов и понятий, характерных для быта и хозяйства территории или местности, не имеющих параллелей в русском литературном языке, а в нашем случае это касается названий частей тела человека. Четвертая объединяет диалектизмы, которые совпадают со словами русского литературного языка, но имеют другое значение. Первые три группы характеризуются большим количеством синонимов, в том числе диалектизмов с уменьшительно-ласкательным значением, а также, насмешливым, шутивным и даже бранным и пренебрежительным оттенками. Также были отмечены случаи многозначности, например, диалектизм *желудок*, который в поморском говоре фиксируется как *желуток*, имеет еще такие значения, как ‘пищеварение’ и ‘живот’, а слово *запяток* помимо значения ‘пятка’ имеет такие значения, как ‘задник обуви’, ‘лыжное крепление’ и ‘часть саней’.

В отношении фонетических (произносительных) и орфографических вариантов во всех группах отмечены случаи вариантности ударения, в том числе варьирование ударных гласных, например, *глаза́* (*гла́зы, гла́зья*), *десно́* (*дѣсно, дѣсно, десна́*), *запястье* (*запя́стье*) и др., случаи оглушения, например, *желуток* вместо *желудок*, чередования согласных «б» и «в» в начале слова (*бочина* и *вочина*), согласных «з» и «с», «л» и «н» в корневой морфеме (*дѣсла, дѣслы* и *дѣзно, дѣсло, десно́, дѣсно, дѣсно, десна́*), чередование корневых гласных «е/ё» и «я» в корневой морфеме, например, *десно́* (*дѣсно, дѣсно, десна́, дѣсна*), чередование согласных «р» и «д» в корневой морфеме, например, *бедро* — *бердице*, а также в диалектизме и слове русского литературного языка (*бѣрдица* и *бедро*), чередование согласных «н» и «п» с расширением корневой мор-

фемы, например, *занаты́лок* и *запаты́лок*, чередование «а» и «о» в корневой морфеме (*запаты́лок* и *запоты́лок*), выпадение согласной (*за́перствье* и *запе́рсье*), добавление приставки (*заплéчи*), чередование гласных «е» и «и» в суффиксе (*за́денка* — *за́динка*), в корневой морфеме диалектизма и слова русского литературного языка (*мезе́нец* / *мезе́нчин* и *мизинец*), а также варианты, обладающие тождественным значением, но с изменением рода и числа, например, *заплéчи*, и *заплéчки*, *заплéчье*, *запя́ток* и *запя́тье*.

Интересно, что все группы содержат диалектизмы экспресивного оттенка, например, *бошкалы́га* ‘голова’ [АОС 2: 97] и др.

Также заслуживают внимания отдельные случаи метонимического переноса, например, *гло́тка* ‘горло’ [АОС 9: 108], *глаза́* ‘лицо’ [АОС 9: 87], *живот* ‘внутренние органы, находящиеся в брюшной полости’ [АОС 14: 38], *ли́ца* ‘щека’ [Подвысоцкий: 251].

В заключение необходимо отметить, что данная работа выявила ряд существенных особенностей диалектизмов анатомической тематики, демонстрирующих своеобразие севернорусских говоров в целом и архангельских говоров в частности.

Литература

Лаверов Н. П. (ред.) (2012) *Поморская энциклопедия*: в 5 т. Т. 4: Культура Архангельского Севера. Гл. ред. Т. С. Буторина. Архангельск: Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова.

Филин Ф. П. (2009) *Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк*. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком».

Сокращения источников

АОС — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–20. М.: МГУ; Наука, 1980–2019 (издание продолжается).

Гемп — Гемп К. П. *Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений*. Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова; науч. ред. В. Н. Булатов. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004.

- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. О. (2008) *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018. (издание продолжается).

Olga Popova

LEXICAL AND SEMANTIC PECULIARITIES
OF THE DIALECT WORDS PERTAINING TO THE BODY PARTS
(BASED ON THE ARKHANGELSK DIALECT)

Citation: Popova O. (2020) Leksiko-semanticheskiye osobennosti dialektizmov anatomicheskoy tematiki (na materiale arkhangel'skikh govorov) [Lexical and semantic peculiarities of the dialect words pertaining to the body parts (based on the Arkhangelsk dialect)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 279–293. (in Russian)

About the author. Popova Olga. Northern State Medical University. Arkhangelsk, Russia. <polga1703@rambler.ru>

Abstract. The article is concerned with lexical and semantic peculiarities of the dialect words pertaining to the body parts. All dialect words (about 50 examples) have been taken from the Arkhangelsk dialect which seems to be a unique linguistic phenomenon belonging to the Northern Russian dialects — a manner of speaking that includes the language of pomors spoken on a vast territory of the Belomorje region. The main objective is to find some differences and similarities based on the corpus of vocabulary.

The dialect words pertaining to the parts of the body are selected successively meeting some inclusion criteria, i. e. nouns of masculine, feminine or neuter gender in the Nominative case singular, sometimes in combination with an adjective and with no taboo usage. They are compared and contrasted with the purpose of spotting some differences and similarities as well.

Four groups are distinguished, each one having a particular set of examples and demonstrating the main lexical and semantic peculiarities. The first group consists of dialect words that fully coincide with the existing Russian words including some variants and derivatives formed with the help of the suffixes or that at least have the forms which can be understood by the native speakers in spite of some differences in morphemes. All these dialect words illustrate close relationship with the original Slavic language where they all come from. The second group consists of some 'borderline' cases when a dialect word has morphemes making it close to the name of the body part or when the root morpheme coincides with the root morphemes in other parts of speech. With some instances of letter transposition and some interesting examples of synonyms it turned out that these dialect words are quite numerous. The third group incorporates dialect words, or ethnographisms, which are typically dialectal in the sense of their unique form, which is difficult to guess and

to derive. One more fact is worth mentioning while analyzing dialect words in this group: different sources interpret this or that dialect word differently. The fourth group is made up of dialect words which have a different meaning compared with the corresponding Russian word.

A number of instances of stress, including root vowel accentuation, instances of numbness and graphic changes, changes of the consonants and root vowels are marked.

Keywords: ethnic linguistics, Arkhangelsk dialects, dialect words, parts of human body, contrast analysis, occurrence in dictionaries, phonetic (pronunciation) variants, orthographic variants, lexical variants, synonymy, polysemy, ethnographisms (ethnic words).

References

Filin F. P. (2009) *Proiskhozhdeniye russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskiy ocherk* [The origin of the Russian, Ukrainian and Belorussian languages. A historical and dialectological essay]. Moscow: Knizhnyy dom. (in Russian)

Getsova O. G., Nefedova Ye. A. (eds.) (1980–2019) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 1–20. Moscow: MGU; Nauka. (the publication continues). (in Russian)

Laverov N. P. (ed.) (2012) *Pomorskaya entsiklopediya* [Pomor encyclopedia]. In 5 vol. Vol. 4: *Kultura Arkhangel'skogo Severa* [Culture of the Arkhangelsk North]. Arkhagelsk: Severnyy Arkticheskiy Federalnyy Universitet. (in Russian)

Matveyev A. K., Rut M. E. (eds.) (2001–2018). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1–7. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta (the publication continues). (in Russian)

М. В. Боброва, Е. В. Колосько

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛОВА ЧЁ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Цитирование: Боброва М. В., Колосько Е. В. (2020) Принципы лексикографического описания слова *чѣ* в диалектном словаре. *Севернорусские говоры*, 19: 294–314.

Сведения об авторах. Боброва Мария Владимировна, Колосько Елена Валентиновна. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия. <bomaripgu@yandex.ru>

Аннотация. В статье поднимаются вопросы описания слова *чѣ* в связи с проблемами отражения в дифференциальном диалектном словаре диалектно-просторечной лексики. Авторами предложены решения таких частных вопросов, как: функционально-стилевая принадлежность лексемы *чѣ*, написание слова *чѣ*, его лексико-грамматическая отнесенность, семантизация слова *чѣ*, пунктуация в высказываниях со словом *чѣ*, др. На основе намеченных подходов к решению обозначенных проблем предложены принципы подачи указанной лексемы в диалектном словаре.

Ключевые слова: *чѣ*, диалектно-просторечная лексика, дифференциальный диалектный словарь.

Введение

Настоящая статья посвящена одному из самых сложных в аспекте лексикографического описания слову — *чѣ* (из *что* / *чего*). Авторы публикации непосредственно столкнулись с необходимостью представить данную лексему в «Словаре говора д. Акчим

Красновишерского района Пермской области (Акчимском словаре)» (М. В. Боброва; см. [АС 6]) и в «Словаре русских народных говоров» (далее также СРНГ) (Е. В. Колосько; работа по составлению словарной статьи осуществляется в настоящее время).

Мы задались целью найти решение наиболее важных и сложных проблем описания диалектно-просторечного слова *чѐ* в дифференциальном диалектном словаре — решение, которое поможет в работе составителям региональных словарей. В задачи входило отразить слово *чѐ* как объект лексикографического описания в содержательном, формальном и функционально-коммуникативном аспектах, а также в связи с общими вопросами лексикографической теории.

Поиск решения разного рода вопросов, связанных с указанным словом, осложняется уже тем, что на данный момент не разработаны четкие подходы к интерпретации фактов употребления *чѐ* в речи. Нами не обнаружено специальных работ, посвященных данной лексеме. В словарях же образ слова *чѐ* обычно весьма бледен и невыразителен, принципы его описания отличаются крайней несогласованностью, непоследовательностью и даже противоречивостью. По нашему мнению, положение данной лексемы в лексикографических источниках указывает на то, что роль данного слова в живой народной речи, невероятное разнообразие его проявлений и функций явно недооценены, а зачастую проигнорированы.

Мы обращались к проблеме лексикографического описания диалектно-просторечных слов в диалектных словарях в статье «Проблемы лексикографического описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре (на примере слова *чѐ*)» (в печати в журнале «Вопросы лексикографии»), где данные о слове *чѐ* привлекались в качестве иллюстративного материала. Последовательность изложения материалов в настоящей статье будет отвечать логике построения упомянутой работы, где проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться, были объединены в две основные группы: 1) связанные с общими методологическими установками и 2) связанные с принципами описания слова

в словарной статье. В рамках данных групп выделены более частные вопросы. В настоящей статье мы сосредоточимся на поиске подходов к обозначенным вопросам, непосредственно касающимся слова *чѐ*.

1. Обоснование включения слова *чѐ* в диалектный словарь

1.1. Вопрос о функционально-стилевой принадлежности лексемы *чѐ* и корректности включения ее в дифференциальный диалектный словарь

Необходимо констатировать, что в последние десятилетия слово *чѐ*, имеющее диалектную природу, стало очень активно употребляться носителями просторечия и даже разговорной литературной речи. Вследствие этого произошли серьезные изменения его статуса: теперь это единица переходной, «периферийной» зоны — на пути от слов собственно диалектных (т. е. территориально ограниченных) к просторечным (т. е. общепонятным, широкоупотребительным). Так, например, А. И. Рыко и С. Б. Степанова не исключают возможности признать формы *шо*, *чѐ* «допустимыми в некоторых случаях вариантами» слов *что*, *чего* [Рыко, Степанова 2010: 109]. Безусловно, данный вопрос требует особого исследования. В настоящем случае обозначим наиболее существенные положения по проблеме, на которые мы опираемся в наших выводах:

— очевидно, что к настоящему времени слово *чѐ* расширило сферу функционирования и приобрело статус диалектно-просторечного;

— принципиальный отказ слову *чѐ* в том, что оно является диалектным (хотя бы в ранге периферийной единицы, находящейся на стыке разных идиомов языка), приводит к парадоксальной ситуации, когда одна из ярчайших единиц современной живой речи игнорируется составителями словарей, призванных фиксировать актуальные языковые состояния. В результате данное слово не попадает в словари литературного языка в силу его «нелитературности», в словари просторечия — в силу недоста-

точного развития просторечной лексикографии и в словари диалектные — в силу утраты им статуса чисто диалектного.

По нашему убеждению, слово *чѣ* сохраняет признаки диалектного (как часть диалектной системы, в которой органично переплетаются элементы разных идиомов языка) и, несмотря на стилистические изменения в языке и в речи, нуждается в описании в диалектных словарях — как полного, так и дифференциального типа.

1.2. Вопрос о дифференциации *чѣ* как самостоятельной лексемы и *чѣ* как фонетического варианта форм лексемы *что*

Вариативность языковых единиц в потоке живой, неподготовленной речи сталкивает нас с таким важным вопросом, как проблема разграничения стяженной формы общерусской лексемы *что*, а также ее формы *чѣго* — и лексикализованного варианта *чѣ*. Следует констатировать: данная проблема фактически неразрешима. Обычно равно недоказуема ни одна из версий происхождения зафиксированной формы, особенно тогда, когда в речи носителей говора соседствуют все варианты. В Акчимском словаре полного типа данная проблема была снята, поскольку, в соответствии с принятыми в нем принципами, лексема *чѣ*, как диалектная, и *что*, как общерусская, но имеющая диалектные значения, были описаны в одной словарной статье. Но как поступить составителям дифференциального словаря? По нашему мнению, во избежание серьезных для диалектной лексикографии и диалектологии в целом ошибок следует признать презумпцию употребления лексемы *чѣ* (без различения *чѣ*¹, *чѣ*² < *что* и *чѣ*³ < *чѣго*) в говорах. При этом каждая имеющаяся фиксация должна быть принята к работе над соответствующей словарной статьей.

2. Описание слова *чѐ* в словарной статье дифференциального диалектного словаря

2.1. Вопрос о написании слова *чѐ*

Лексикографическая сложность рассматриваемой лексемы, безусловно, находит отражение на всех этапах ее представления в словаре. Уже написание заголовочного слова, а затем его манифестаций в иллюстративном материале ставит лексикографов перед выбором того или иного варианта.

2.1.1. Вопрос о выборе гласной буквы

При выборе орфографического облика рассматриваемой лексемы составители словарей опираются на несходные принципы: фонетический (в варианте *чо*) и фонематический / морфематический (в варианте *чѐ*). Причем такое расхождение обнаруживается на всем пути данной лексемы по страницам отечественных словарей. Так, впервые данное слово появилось в «Опыте областного великорусского словаря» в форме *чо* (в т. ч. в составе сочетания *чо-для* ‘для чего’ и экспрессивного выражения *чо-ты?* [Опыт 1852: 259]), затем было повторено в этом же написании в словаре В. И. Даля (местоимение, в т. ч. в составе сочетаний *чо-для* ‘для чего’ и *чож-то?* ‘что такое, почему так, как так, для чего?’ [Даль IV: 557]; статья была оставлена без изменений в редакции И. А. Бодуэна де Куртенэ [Даль, 4-е изд. IV: 1355 стб.]), в «Словаре областного архангельского наречия» (в сочетании *чо-для* ‘для чего’ [Подвысоцкий 1885: 189]). Предполагаем, что выбранная форма позволяла составителям словарей подчеркнуть необычность подобной огласовки слова в народной речи (но ср. *чѐ* в словаре Ф. И. Поликарпова, материалы для которого собирались в 1893 г. [Поликарпов 1913]).

Форма *чо* обнаруживается и в более поздних словарях, например, в [СРГНО: 588; СРОГ: 290; ЯОС 10: 61; др.], а также в варианте *чось* в [СРГО II: 278]. Однако в XX в. преобладает вариант *чѐ*, ср., например, в [АС 6: 154–162; НОС 2010: 1270; Прокошева 2002:

408–409; СГССЗ: 178; СДГВО 6: 653; СДГВО 2011: 653; СО Доп. 2: 190–191; СПГ 2: 523; СРСГСЧБО 3: 222; СРДГ: 188; СРГНП: 416; СРГЮП: 341–342; СРСГТЯ 4: 129; др.]

При решении редакторского коллектива того или иного словаря опираться на современные нормы орфографии следует учитывать, что правила предписывают выбор буквы *o* для слов, для которых не обнаруживается безударной формы с *e*, и выбор буквы *ё* для слов, для которых она обнаруживается (ср., например, *шорты*, *чопорный* — и *иёлковый*, т. к. есть *шелка́*, *жёлтый*, т. к. есть *желтизна*, и т. д.). В нашем случае очевидна связь *чѐ* с формами исходной лексики *что: чего, чему, чем*, ср. также (о) *чѐм*. Эти соответствия указывают на необходимость выбора написания через *ё*. Вместе с тем выдвинем идею о целесообразности использования формы *чо* для говоров с твердым цоканьем — для достоверности передачи характера согласной фонемы. И это подводит нас к следующему вопросу: об отражении качества согласного.

2.1.2. Вопрос об отражении качества согласного

Как известно, в говорах фонема <ч'> реализуется в разнообразных фонемах или звуках, зависящих от типа диалекта: [ч'], [ч], [ц], [ц'], [ц''], [ш], [ш'], [т'] (см. [Пожарицкая 2005; Русская диалектология 2005: 62–65; Русская диалектология 1998: 39–40]). И в каких-то случаях варианты с ними имеют системный характер (регулярно используются всеми или большинством носителей говоров), а в каких-то случаях — внесистемный. Важно при этом, являются ли они собой реликтовые факты в говорах, подвергшихся значительному влиянию литературного языка либо соседних диалектов, и нуждаются ли в лексикографическом описании (ср. реликты цоканья типа *пшенисный* 'пшеничный', *молосный* 'молочный', *ясный* 'ячневый', подобные во владимирско-поволжских, костромских и вологодских говорах [Пожарицкая 2005: 93]), или же перед нами отдельные вкрапления в речи носителей говоров на стадии трансформации системы консонантизма. При квалификации таких фактов следует тщательно взвешивать все имеющиеся о данном диалекте сведения (в том числе комментарии составителей словарей), опираться на особенности отражения со-

ответствующей лексемы собирателями в региональных словарях. На наш взгляд, целесообразно представить на соответствующем алфавитном месте не только ведущий вариант *чѣ*, но и его фонематические варианты *цѣ / цо / чо / шо / щѣ* для говоров цокающих / с отвердевшими аффрикатами / с аффрикатами, утратившими заговор.

2.1.3. Вопрос о написании сочетаний с другими словами, частицами

Совершенно по-разному лексикографами решается вопрос о передаче устойчивых сочетаний *чѣ* с другими лексемами, такими как *ино, йно, но, ли, ле, да, и*, со словообразующими частицами: *-то, -ко, -йто* (из *ето*), *-нибудь / -нинабудь / -нидь / -нить*, их комбинациями: *-то-сь, -ко-сь, -ко-ся, -то-ся*, др. Эти несоответствия возникают на пересечении разных проблем: проблемы определения степени лексикализации таких сочетаний, степени их устойчивости, грамматического и лексико-грамматического статуса, других — и требуют специального рассмотрения. На данный момент лишь констатируем значительные расхождения в написании таких лексем в разных словарях (ср. *чѣйно / чѣ-йно / чѣй-но / чѣ-й-но, чѣ ли / чѣ-ли* и под.) и настоятельную потребность в разработке теории подобных слов.

Современная русская орфография предписывает слитное написание для целостных лексем, имеющих одно основное ударение и особое значение, раздельное — для самостоятельных слов, обладающих особым ударением и несходной семантикой, дефисное — для переходных случаев. В соответствии с этим, например, отдельно должны писаться частицы *ино, йно, но* при сохранении исконного значения ‘иное, другое, еще’, ‘иначе’ (ср.: *Чѣ ино тебе надо?* (Перм.)¹), частицы *ли, ле* при сохранении значения ‘или’ (ср.: [Того так называют,] *Хто ругает ли чѣ ли, поедом заедает*

---

¹Здесь и далее приводятся цитаты из Картотеки «Словаря русских народных говоров», обобщающей данные рукописных и опубликованных источников, в том числе территориальных словарей. Список словарей и источников см. в конце статьи.

(Омск.)). Однако применительно к лексическим системам отдельных говоров следует допустить возможность дефисного и слитного написаний при размывании исходной семантики частиц.

2.1.4. Вопрос о написании слова *чѐ* в иллюстративных материалах

В словарях мы обнаруживаем разные способы воспроизведения зафиксированной диалектной речи: средствами современной орфографии (с правкой диалектных фонетических явлений, например: передача *яво* через *его*, *ишука* через *щука* и под.), так называемой «упрощенной» орфографии (с сохранением общепринятого написания при невозможности неверного прочтения, как в окончаниях прилагательных на *-ого* или в местоимении *его*, и с передачей ярких фонетических особенностей говора, искажаемых в обычной орфографии, таких как *дожжык*, *затясываеце*, *на мятле* и под.) или фонетической транскрипции (с применением диакритик для передачи мягкости согласных, ударения и др.).

Нам представляется целесообразным придерживаться упрощенной орфографии, но максимально бережно сохранять цитируемые материалы без искажений, даже если это противоречит принципу единообразия. Во-первых, это исключает ошибки при передаче заимствуемых (цитируемых из разных источников) данных. Во-вторых, это исключает искажение фонетических особенностей (особенностей в произнесении звуков, в ритмико-мелодическом рисунке, в специфичных звукосочетаниях), неизбежно возникающее при переходе на нормированную орфографию. В-третьих, этого требуют общепринятые этические нормы воспроизведения цитат.

2.2. Вопрос о лексико-грамматической отнесенности лексемы *чѐ*

Одна из наиболее существенных проблем — отсутствие единообразия подходов лексикографов к идентификации лексико-грамматической отнесенности слова *чѐ* в контекстах. Для сравнения: 1) в словаре Среднего Прииртышья *чѐ* представлено только как местоимение [СРСГСП 3: 309]; 2) в Вершининском словаре выделены следующие омонимы *чѐ*: местоимение (вопросительное, относительное, определительное, неопределенное, ука-

зательное), наречие, союз, частица [ВС 7: 253–258]; 3) в Акчимском словаре (словаре полного типа) выделены в самостоятельные словарные статьи четыре омонима *чѐ*: местоимение (вопросительное, относительное, указательно-выделительное, неопределенное, в т. ч. в роли наречия (наречные местоимения / местоименные наречия) и предлога), союз (соединительный, противительный, изъяснительный, следственный, причинно-следственный, условно-уступительный, сравнительный, присоединительный), частица (вопросительная, усилительная, экспрессивно-эмоциональная, вопросительно-усилительная), вводное слово [АС 6: 154–162]. (Выбор словарей для сравнения относительно произволен).

Безусловно, одна из причин таких расхождений кроется в отсутствии четкой грамматической теории. Данные четырех «Академических грамматик» [Виноградов, Истрина, Бархударов 1953; Шведова 1970; Шведова 1980; Шведова 2005] значительно расходятся в описании соответствующих явлений (ср., например, теорию местоимений или частиц).

Не менее значима сложность самого языкового (точнее, речевого) диалектного материала, поскольку для живой речи очень характерно явление контаминации: структурной, семантической, функциональной. Ср. в высказывании: *Чѐ ты поедешь с редких кустов в густые кусты?* (Омск.), в котором *чѐ* — это вопросительное местоимение в роли наречия цели, но с наложением функции эмоциональной частицы, т. к. в данном риторическом высказывании есть оттенок недоумения и неодобрения. На наш взгляд, для диалектного словаря очень важно «не потерять», отразить все возможные оттенки значения и коннотации лексемы. Поэтому мы допускаем подачу одной цитаты в разных частях словарной статьи.

3. Вопрос о семантизации слова *чѐ* в конкретном контексте

Вторая по сложности проблема пересекается с рассмотренной выше. Интерпретация частеречной принадлежности слова в контексте всегда предопределяет и способ толкования, что предель-

но осложняется явлением контаминации в живой речи. Ср., например, в сочетании *для чё*. В высказывании типа: *Для чё не пришёл?* (Тихв. Новг.) — решение однозначно: перед нами устойчивое сочетание предлога с вопросительным местоимением в наречном значении (в значении наречия причины: *для чё* ‘почему?’). Но в цитате *А я не знала, для чё им* (Омск.) однозначного решения уже не находится, поскольку сочетание *для чё* в данном контексте можно интерпретировать как сочетание относительного местоимения с предлогом (т. е. «для чего»), а можно — как такое сочетание в наречном значении (в значении наречия цели, т. е. «зачем»). Ср. подобные факты с двоякой интерпретацией роли второстепенных членов предложений — дуплексивов (в терминологии Л. Д. Чесноковой): как дополнения и обстоятельства (*подготовил для охоты*), как дополнения и определения (*запах розы*), под.

К сожалению, большинство слов записано в минимальном контексте, что связано с низкой скоростью фиксации диалектной речи «под карандаш» в полевых условиях. Кроме того, предельно малы возможности транскрибированных текстов передавать оттенки ритмико-мелодического рисунка (интонации) высказывания. Как следствие, приходится констатировать слабость (слабую дифференцирующую силу) значительной части имеющихся у диалектных лексикографов контекстов. В настоящее время подобные вопросы обычно снимаются благодаря современным техническим возможностям, однако материалы прошлых лет уже не поддаются корректровке.

Нередко при опоре на уже имеющиеся словари мы вынуждены (особенно в отсутствие иллюстративных материалов) довериться чутью собирателей и составителей. И, безусловно, мы по-прежнему находимся в поиске оптимального решения обозначенных проблем.

4. Вопрос о семантизации слова *чѐ* в связи с его полисемичностью

Работа с данной лексемой вынуждает констатировать ее очень высокую полисемичность, что в целом характерно для частотных слов. Помимо большого количества омонимов обнаружены многочисленные их лексико-семантические варианты (ЛСВ), семантические варианты и оттенки.

Вновь сравним данные разных словарей (без учета количества сочетаний слов и фразеологизмов): в словаре Среднего Прииртышья [СРСГСП 3: 309] определены 7 ЛСВ местоимения; в Вершининском словаре выделены 12 ЛСВ местоимения, два — наречия, три — союза, четыре — частицы (итого 21 ЛСВ); наиболее подробно разработана структура словарной статьи *чѐ* в полном Акчимском словаре, где выделены 19 ЛСВ местоимения, 8 — союза, 6 — частицы, два — вводного слова (итого 35 ЛСВ).

Пробная статья на слово *чѐ* для СРНГ включает 37 ЛСВ: всего 14 ЛСВ местоимения, 10 ЛСВ союза, 10 — частицы, 2 — вводного слова, один — существительного. При этом обнаруживается явление контаминации: например, некоторые частичные (в роли частицы) комбинации лексем выступают в междометной функции, ср. во фразе типа: *Ну че, девки, перепоняли* [после объяснения]? (Амур.), где контактоустанавливающая частица *ну чѐ* выступает также в роли побудительного междометия, с требованием объяснения своих действий; или: *Ну чѐ? Почто надо было так делат?!* (Красновишер. Перм.), где контактоустанавливающая частица *ну чѐ* выступает также в роли эмоционального междометия, с оттенком неодобрительности, укоризны.

5. Вопрос об определении статуса и об описании сочетаний *чѐ* с частицами и (наречными) местоимениями

Как уже отмечалось, животрепещущим остается вопрос о статусе и семантике сочетаний типа *чѐ(ино)*, *чѐ(йно)*, *чѐ(ко)*, *чѐ(т)(ко)*, *чѐ(ко)(сь)*, *чѐ(то)(сь)*, *чѐ(ко)(ся)*, *чѐ(то)(ся)* и под. В си-

лу недоказуемости степени завершенности процесса лексикализации подобных лексических комбинаций представляется логичным на данном этапе подавать блоки соответствующих сочетаний в статье на *чѣ*: *чѣ ино*, *чѣ йно*; *чѣ йто* (из *чѣ это*); *ли чѣ* (*ли*), *да чѣ* (*да*), *да куда* (*да*); др. — в отдельном написании. Однако вопрос об устойчивых сочетаниях крайне сложен и требует специального глубокого исследования, желательного в формате, отличном от журнальной статьи, которая не дает возможности раскрытия столь важной темы.

6. Вопрос об отражении функционально-коммуникативного статуса лексемы *чѣ*

Анализируемый материал показывает, что лексема *чѣ* участвует в определенных функционально-коммуникативных ситуациях, т. е. свойственна разным дискурсам. И это не только случаи нейтрального ее употребления в позициях, свойственных в первую очередь общерусской лексеме *что*. *Чѣ* часто используется в эмоционально насыщенных контекстах, как экспрессивно-оценочная единица, в риторических высказываниях. Именно это, полагаем, предопределило такую пестроту лексико-грамматических вариантов реализации лексемы с формальных позиций, ЛСВ и их оттенков — с позиций содержательных.

Принадлежность слова стихии живой неподготовленной речи, на наш взгляд, также должна найти свое воплощение в словарной статье. Это может быть реализовано следующими способами: 1) в авторских комментариях к иллюстрациям, в которых конкретизируются условия возникновения контекста с *чѣ*; 2) в соответствующих пометах, сопровождающих материалы; 3) в принципах отбора иллюстраций; 4) в формулировках ЛСВ; 5) в выборе знаков препинания. Ср., например:

◇ С кого-л. *чѣ* возьмѣшь. От кого-л. ничего хорошего не нужно ждать. С *неправданного* [бессовестного] *чѣ* *возьмѣшь*, его уже не *воспитаешь* (Богдан. Свердл.);

Пренебр. В риторических вопросах и восклицаниях указывает на уничижительную оценку кого-, чего-л.; никакой, плохой, ниче-

го хорошего. *Чё мы — никуда не ездили, в лесу родились, пню молились, чё мы знам* (Усть-Цилем. Арх.). *Я чё, одноклассник, грамоте знаю плохо* (Караг. Перм.). *Они мещане были, культурны, а мы чё, пиканники, бедны, неграмотны* (Красноуфим. Свердл.). *Ты молодой да хлётский, а я чё, старуха уж* (Иркут.);

В обращении к кому-л. выражает возмущение, негодование по поводу чьего-л. неправильного поведения. *Чё бегаешь взаднят, Нинка, иди гуляй или дома сиди* (Усть-Цилем. Арх.). *Чё ты её всё кубришь, чай не замёрзнет и так* (Алекс. Куйбыш.). *Чё ты распустился, панафида чёртова?* (Судж. Курск.). *Дак это чё она сидит? Ребёнок плачет, а она всё равно сидит тут!* (Красновшер. Перм.). *Вы чё бутузитесь?* (Ирбит. Свердл.). *Чё ты заухал, заорал?* (Урал.). *Сопляк, подбери вожжи, чё распустил?* (Омск.). *Счас тебя как охвостну, чё толкаешься!* (Южн. Краснояр.). *Вы чё сидите-то? У вас там корова тонет в ритвине* (Иркут.).

7. Вопрос о пунктуации в высказываниях со словом *чё*

В тесной связи с проблемами, обозначенными выше, мы считаем необходимым поставить еще одну проблему, связанную с передачей *чё* на письме и не оговоренную в упомянутой нашей публикации, — проблему (не)выделения этого слова запятыми, поскольку в исследованных нами источниках нет единообразия подходов к ее решению. Нередко составители словарей слабо отражают интонационный рисунок диалектной записи, в частности не ставят требуемых знаков (запятых, вопросительных и восклицательных знаков) даже при явной их необходимости, не разделяют развернутое высказывание на предложения, ограничиваясь запятыми между грамматическими частями. И это затрудняет адекватное восприятие иллюстраций.

По нашему мнению, выделение *чё* требуется в случае, когда на это указывает наличие паузы после данного слова. Необходимость постановки запятой может возникнуть, например, тогда, когда частица *чё* выступает с оттенком междометности и используется для привлечения внимания собеседника: *Чё, я пойду?* (Зна-

мен. Омск.) Указанием на это может служить характерная для междометий препозиция в высказывании и пауза после слова.

Однозначно выделение на письме требуется тогда, когда данная лексема выступает в роли вводного слова. Во-первых, это регламентируется современными нормами пунктуации. Во-вторых, на необходимость этого указывает характерная пауза, возникающая после данного слова в потоке речи (отсутствие паузы перед ним, вероятно, и обусловило иные написания — без запятых), ср.: *А чё, Лёшка ладно говорит!* (Красновишер. Перм.), *Ты, знаешь чё, Юра, Богу молись, а чёрту в глаза не плюй!* (Том. Том.), *Чё, облокачься-то надо как-нибудь, от купишь чё-нибудь на себя, каку-нибудь одежку* (Кирен. Иркут.). Установлению соответствующей функции может помочь прием подстановки синонимичных вводных слов (в приведенных примерах — *между прочим, знаешь, конечно*).

Правильная постановка запятой позволит дифференцировать различные лексико-грамматические и семантические воплощения слова *чё* в конкретных контекстах, ср. в высказывании типа:

Чё [почему?] голову повесила? (Ср. Урал) (*чё* — вопросительное местоимение в роли наречия причины) — *Чё, вы уже пошли?* (Том. Том.) (*чё* — усилительная частица в контактоустанавливающей функции, служащая привлечению внимания собеседника и выступающая в риторическом вопросе);

А чё [зачем?] и сажать-то? (Усть-Цилем. Арх.) (*чё* — вопросительное местоимение в роли наречия цели (с отрицательным значением — ‘незачем’) с наложением значения эмоциональной частицы, призванной передать недоумение, недопонимание) — *А чё [(по)слушай(те)], травы-то много набрали, девки?* (Тарск. Омск.) (*чё* (в сочетании *а чё*) — усилительная частица в контактоустанавливающей функции, служащая привлечению внимания собеседника, с наложением значения побудительного междометия, т. к. говорящий требует ответа);

А чё [что?] надо говорить-то? (*чё* — вопросительное местоимение с предметным значением) — *Чё [и что, ну что,*

(по)слушай], *тебя горе берёт, шчë у меня дети живут дружно?* (Усть-Цилем. Арх.) (*чë* — усилительная частица в контактоустанавливающей функции в риторическом вопросе, служащая привлечению внимания собеседника, с наложением значения эмоционального междометия, призванного передать неодобрение, упрек, иронию говорящего) — *Чë, стукнулся? Охма, с тобой, я не знаю, что делать!* (Красновишер. Перм.) (эмоциональная частица с наложением значения эмоционального междометия, призванная выразить сочувствие либо иронию в риторическом высказывании).

Заключение

Обозначенные нами позиции в решении поставленных вопросов позволяют сформулировать следующие принципы лексикографического описания лексемы *чë* в дифференциальном диалектном словаре.

1) Слово *чë* является диалектно-просторечной единицей и нуждается в лексикографическом представлении в диалектном словаре.

2) При выборе написания *чë* целесообразно выбирать вариант с *ë*, который отвечает современным правилам орфографии. Лексикализованные фонематические варианты *цë / цо / чо / шо / щë* следует описывать в самостоятельных словарных статьях.

3) Во избежание пропуска важных элементов лексической системы говор и лексико-семантической структуры слова *чë* диалектным лексикографам необходимо опираться на принцип презумпции употребления слова *чë* (т. е. самостоятельного фонематического варианта), нежели фонетического варианта форм лексемы *что* (*что / чего*).

4) Существуют омонимичные лексемы с фонетическим обликом *чë*, лексико-грамматическая отнесенность конкретной лексемы определяется контекстом.

5) Слово *чë* многозначно. Его ЛСВ определяются частеречной отнесенностью конкретного омонима, условиями контекста.

6) Диалектно-просторечное слово *чѐ* обладает особой экспрессивно-эмоциональной нагруженностью, выступает в определенных функционально-коммуникативных ситуациях (свойственно разным дискурсам), и эти его особенности нуждаются в манифестации различными средствами в словарной статье.

7) При воспроизведении иллюстративных материалов необходимо опираться на современные нормы пунктуации, отталкиваться от функций слова и его сочетаний в контексте.

Литература

Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.) (1953) *Грамматика русского языка*. М.: Изд-во Академии наук СССР.

Касаткин Л. Л. (ред.) (2005) *Русская диалектология*. М.: Академия.

Колесов В. В. (ред.) (1998) *Русская диалектология*. М.: Высшая школа.

Пожарицкая С. К. (2005) *Русская диалектология: учебник*. М.: Академический проект: Парадигма.

Рыко А. И., Степанова С. Б. (2010) Фонетическая реализация слов ЧТО, ЧЕГО в спонтанной русской речи (по материалам звукового корпуса ОРД). *Фонетика сегодня*. М.: 108–109.

Шведова Н. Ю. (ред.) (1970) *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука.

Шведова Н. Ю. (ред.) (1980) *Русская грамматика*. М.: Наука.

Шведова Н. Ю. (ред.) (2005) *Русская грамматика* М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

СОКРАЩЕНИЯ

Географические пометы

Алекс. **Куйбыш**. — п. г. т. Алексеевка Куйбышевской области

Амур. — Амурское

Богдан. **Свердл**. — Богдановичский р-н Свердловской области

Знамен. **Омск**. — Знаменский р-н Омской области

Ирбит. **Свердл**. — Ирбитский р-н Свердловской области

Иркут. — Иркутская губерния (область)

Караг. **Перм**. — Карагайский р-н Пермской области

Кирен. **Иркут**. — Киренский р-н Иркутской области

Красновишер. **Перм**. — Красновишерский р-н Пермской области

Красноуфим. Свердл. — Красноуфимский р-н Свердловской области
Омск. — Омская область
Перм. — Пермская губерния (область, край)
Ср. Урал — Средний Урал
Судж. Курск. — Суджанский уезд Курской губернии
Тарск. Омск. — Тарский р-н Омской области
Тихв. Новг. — Тихвинский уезд Новгородской губернии
Том. Том. — Томский р-н Томской области
Урал. — Уральское
Усть-Цилем. Арх. — Усть-Цилемский р-н Архангельской области
Южн. Краснояр. — Южные р-ны Красноярского края

Сокращения источников

- АС — Скитова Ф. Л. (ред.). *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области* (Акчимский словарь): в 6 вып. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–2011.
- ВС — Блинова О. И. (ред.). *Вершининский словарь*: в 7 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
- Даль — Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка*: в 4-х т. М., 1863–1866.
- Даль, 4-е изд. — Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка*: в 4 тт. СПб.; М., 1903–1909.
- НОС 2010 — Клевцова А. В., Петрова Л. Я. (ред.). *Новгородский областной словарь*. Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; авт.-сост. А. В. Клевцова и др. СПб.: Наука, 2010.
- Опыт — *Опыт областного великорусского словаря*, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб., 1885.
- Поликарпов 1913 — Поликарпов Ф. И. *Нижнедевицкий словарь*. Воронеж, 1913.
- Прокошева 2002 — Прокошева К. Н. *Фразеологический словарь пермских говоров*. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- СГССЗ — Юмсунова Т. Б. (ред.). *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999.
- СДГВО — Кудряшова Р. И. (ред.). *Словарь донских говоров Волгоградской области*: в 6 т. Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун. Волгоград: ВГИПК РО, 2006–2009.

- СДГВО 2011 — Кудряшова Р. И. (ред.). *Словарь донских говоров Волгоградской области*. Волгоград: Издатель, 2011.
- СО Доп. — Палагина В. В. (ред.). *Среднеобский словарь*. Дополнение: в 2-х ч. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986.
- СПГ — Борисова А. Н., Прокошева К. Н. (ред.). *Словарь пермских говоров*: в 2-х т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- СРГНО — Федоров А. И. (ред.). *Словарь русских говоров Новосибирской области*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979.
- СРГНП — Ивашко Л. А. (ред.). *Словарь русских говоров Низовой Печоры*: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
- СРГО — Карпенко Ю. А., Уэмура С. (ред.). *Словарь русских говоров Одесщины*: в 2-х т. Одесса: Астропринт, 2000–2001.
- СРГЮП — Подюков И. А. (ред.). *Словарь русских говоров Южного Прикамья*: в 3-х вып. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.
- СРДГ — Овчинникова В. С. *Словарь русских донских говоров*: в 2-х т. Ростов: Изд-во Рост.-на-Дону гос. ун-та, 1975–1976.
- СРОГ — Жидко В. А., Мулкиджанян М. И., Хидещели А. А. *Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР)*. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1977.
- СРСГСП — Садретдинова Г. А. *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*: в 3-х т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.
- СРСГСЧБО — Палагина В. В. (ред.). *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1967.
- СРСГТЯ — Дружинина М. Ф. *Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии*: в 4-х т.: учебное пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997–2007.
- ЯОС — Мельниченко Г. Г. (ред.). *Ярославский областной словарь*: в 10-ти т. Ярославль: Изд-во Яросл. пед. ин-та, 1991. Т. 10. У-Ящорка.

Maria Bobrova, Elena Kolosko

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE WORD *CHO* IN THE DIALECT DICTIONARY

Citation: Bobrova M., Kolosko E. (2020) Printsipy leksikograficheskogo opisanija slova *cho* v dialektnom slovare [Principles of lexicographic description of the word *cho* in the dialect dictionary]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 19: 294–314. (in Russian)

About the authors. Bobrova Maria, Kolosko Elena. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. <bomaripgu@yandex.ru>

Abstract. The article raises questions about the description of the word *чѐ* [cho] in connection with the problems of reflection of dialectal colloquial vocabulary in a differential dialect dictionary. The following problems are discussed: 1) those related to the general methodological guidelines (justification for the inclusion of the word *чѐ* [cho] in the dialect dictionary) and 2) those related to the principles of describing this word in the dictionary entry. The authors propose solutions for such individual issues as functional and communicative status of the word *чѐ* [cho]; spelling of the word *чѐ* [cho]; its lexical and grammatical attribution; etc. On the basis of the proposed approaches, the principles of lexicographic description of the specified lexeme are defined: 1) the word *чѐ* [cho] is a dialectal colloquial lexical unit and should be represented in dialect dictionaries; 2) the invariant *чѐ* [cho] and phonemic variants *чѐ* [tsʰo], *чo* [tso], *чо* [cho], *шо* [sho], *чѐ* [shchʰo] should be reflected as the head words; 3) dialect lexicographers need to rely on the presumption of using the word *чѐ* [cho], rather than a phonetic variant of the forms of the lexeme *что* (*что/чезо*) [chto (chto/chego)]; 4) there are homonymous words, the lexical and grammatical attribution of a particular word is determined by the context; 5) the word *чѐ* [cho] is polysemantic; 6) the dialectal colloquial word *чѐ* [cho] has a special expressive and emotional load, acts in certain functional and communicative situations (it is typical for different discourses), and these features need to be manifested by various means in the dictionary entry; 7) in reproducing illustrative materials it is necessary to rely on the modern punctuation norms and to start with the lexical and grammatical functions of the word and its combinations in the context.

Keywords: cho, dialectal colloquial vocabulary, differential dialect dictionary.

References

- Blinova O. I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino dictionary]. In 7 vol. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (in Russian)
- Borisova A. N., Prokosheva K. N. (eds.) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm dialects]. In 2 vol. Perm: Knizhnyy mir. (in Russian)
- Druzhinina M. F. (1997–2007) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Yakutii* [Dictionary of old Russian dialects on the territory of Yakutia]. Yakutsk: Izd-vo YaGU. (in Russian)
- Fedorov A. I. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti* [Dictionary of Russian dialects of the Novosibirsk region]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. (in Russian)
- Ivashko L. A. (ed.) (2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian dialects of Lower Pechora]. In 2 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (in Russian)
- Karpenko Yu. A., Uemura S. (eds.) (2000–2001) *Slovar' russkikh govorov Odesschiny* [Dictionary of Russian dialects of Odessa region]. In 2 vol. Odessa: Astroprint. (in Russian)
- Kasatkin L. L. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademiya. (in Russian)
- Klevtsova A. V., Petrova L. Ya. (eds.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)
- Kolesov V. V. (1998) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russian)
- Kudryashova R. I. (ed.) (2006–2009) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. In 6 vol. Volgograd: VGIPK RO. (in Russian)
- Kudryashova R. I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti*. [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. Volgograd: Izdatel'. (in Russian)
- Meľnichenko G. G. (ed.) (1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl regional dictionary]. In 10 vol. Vol. 10. Yaroslavl': Izd-vo Yarosl. ped. in-ta. (in Russian)
- Ovchinnikova V. S. (1975–1976) *Slovar' russkikh donskikh govorov* [Dictionary of Russian Don dialects]. In 2 vol. Rostov: Izd-vo Rost.-na-Donu gos. un-ta. (in Russian)
- Palagina V. V. (ed.) (1964–1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of old Russian dialects of the middle part of the Ob river basin]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (in Russian)

Palagina V. V. (ed.) (1986) *Sredneobskiy slovar'. Dopolnenie* [Dictionary of the middle Ob. Addition]. In 2 parts. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (in Russian)

Podyukov I. A. (ed.) (2010–2012). *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the southern Kama region]. In 3 vol. Perm: Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta. (in Russian)

Pozharitskaya S. K. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademicheskii proekt: Paradigma. (in Russian)

Prokosheva K. N. (2002) *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta. (in Russian)

Ryko A. I., Stepanova S. B. (2010) *Foneticheskaya realizatsiya slov CHTO, CHEGO v spontannoy russkoy rechi (po materialam zvukovogo korpusa ORD)* [Phonetic realization of the words CHTO, CHEGO in spontaneous Russian speech (based on the materials of the OSD sound corpus)]. In: *Fonetika segodnya* [Phonetics today]. Moscow: 108–109. (in Russian)

Sadretdinova G. A. (1992–1993) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya* [Dictionary of old Russian dialects of the Middle Irtysh region]. In 3 vol. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (in Russian)

Shvedova N. Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A grammar of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Shvedova N. Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [A Russian grammar]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Shvedova N. Yu. (ed.) (2005) *Russkaya grammatika* [A Russian grammar]. Moscow: In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. (in Russian)

Skitova F. L. (ed.) (1984–2011) *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar')* [Dictionary of the dialect of the village Akchim, Krasnovishersk district of the Perm region (Akchim dictionary)]. In 6 vol. Perm: Izd-vo Perm. un-ta. (in Russian)

Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov S. G. (eds.) (1953) *Grammatika russkogo yazyka* [A grammar of the Russian language]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (in Russian)

Yumsunova T. B. (ed.) (1999) *Slovar' govorov staroobryadtsev (semeyskikh) Zabaykal'ya* [Dictionary of dialects of old believers (Semeyskie) of Transbaikalia]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (in Russian)

Zhidko V. A., Mulkidzhanyan M. I., Khideshcheli A. A. (1977) *Kratkiy slovar' russkogo ostrovnogo govora (d. Ul'yanovka Signakhskogo rayona GSSR)* [A brief dictionary of the Russian island dialect (Village Ulianovka, Signakh district, GSSR)]. Tbilisi: Izd-vo Tbil. un-ta. (in Russian)

И. А. Кобелева

«НОВГОРОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ»: ПОТЕРЯННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Цитирование: Кобелева И. А. (2020) «Новгородский областной словарь»: потерянная фразеология. *Севернорусские говоры*, 19: 315–329.

Сведения об авторе. Кобелева Ирина Арнольдовна. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия. <kobir@list.ru>

Аннотация. Статья представляет собой анализ двух изданий «Новгородского областного словаря» с целью продемонстрировать, что некоторые новгородские фразеологизмы не привлекли внимания составителей и могут быть обнаружены лишь в иллюстративном материале словарных статей. Эти потерянные фразеологизмы имеют полное право на лексикографическое отражение, поскольку они находят прямые параллели с фразеологическими единицами: 1) разработанными в этих же словарях, 2) представленными в других диалектных словарях, 3) имеющимися в литературном языке. Предлагается перечень новгородских фразеологизмов для потенциального расширения словаря.

Ключевые слова: русские народные говоры, Новгородская область, диалектная фразеология, лексикография, фразеография, словарь, словарная статья.

Введение

Фразеологический состав русских говоров Новгородской области изначально был отражен в «Новгородском областном словаре», 13 выпусков которого увидели свет в 1992–2000 гг. [НОС¹].

В 2010 г. Институтом лингвистических исследований РАН этот словарь был переиздан как юбилейный однотомник, посвященный 1150-летию Великого Новгорода. Авторы, подготовившие второе издание (далее — НОС²), отмечают, что «объем Словаря значительно вырос, в ряде случаев изменился способ подачи материала, уточнены значения слов и фразеологизмов, грамматические, стилистические и иные пометы, внесены графические изменения, расширилась география многих слов» [НОС²: XV].

В НОС¹ при разработке фразеологии используются специальные значки (в первых двух выпусках — Δ, в остальных — #). Устойчивое выражение помещается в словарной статье, посвященной тому или иному его компоненту, например:

КОСТКА, -и, ж. Кость, отдельная составная часть скелета позвоночных. <...> # БЕЛАЯ КОСТКА. Человек знатного происхождения. *Я жил 16 лет с ней, я называл её белой коской. Она сама ни умывалась, ничего не делала.* Сол. КОСТКА СТЁРТА. О трудно прожитой жизни. *Без иллюстр.* Кр. [НОС¹ 4: 125].

В НОС² при разработке фразеологии принят только значок Δ, например:

КРАСНИНА, -ы, ж. Покрасневшее от ушиба место на теле. <...> Δ ПОД КРАСНИНУ (КРАСНИНКУ). Красноватого цвета. *Долговато тако, под краснину мясо.* Ок. Горянка — это гриб, ёно растёт на моху в болоти, коричнева свету, а то под краснинку. Валд. [НОС²: 452].

В НОС² появились новые фразеологизмы, например: РЕШЕТОМ НАСЕЯНО ‘о большом количестве чего-л. на определенном пространстве’ [НОС²: 618], ПРОЙТИ ГОРЫ И НОРЫ ‘много испытать, пережить’ [НОС²: 653], ГЛАЗАМИ НЕ ОБМАХНУТЬ ‘взглядом не окинуть’ [НОС²: 671] и др., но при этом исчезли прежние. Так, например, во втором издании не находим оборотов КАК В ПОЛЕ ОБАБОК ‘об одиноком человеке’ [НОС¹ 6: 76], МЕЖДУ ГЛАЗ НОС УПРЁТ ‘о ловком, хитром человеке, воре’ [НОС¹ 11: 93], НЕДОБРАЯ НАРОХАЛА ‘о нежелательном приходе кого-л.’ [НОС¹ 13: 57] и др.

Некоторые единицы, иллюстрирующие употребление заголовочного слова в первом издании «Новгородского областного словаря», во втором издании получили статус фразеологических и справедливо дополнили его фразеологическую часть (обозначены там специальным знаком — Δ). Ср., например:

ВАЛАНДАТЬ. Говорить вздор. *Валандала, валандала я языком.* Вол. [НОС¹ 1: 105] и Δ ВАЛАНДАТЬ ЯЗЫКОМ. Говорить бесполоково, много и не по делу. *Валандала, валандала я языком.* Вол. [НОС²: 89].

ПОНОРОВЫК. Нрав, характер. *Сын на матушке дрова возил, молоду жену на пристяжечке водил, а молода-то жена с поноровыком.* Хв. [НОС¹ 8: 110] и Д С ПОНОРОВЫКОМ. Упрямый, своенравный, с норовом. *Сын на матушке дрова возил, молоду жену на пристяжечке водил, а молода-то жена с поноровыком.* Хв. [НОС²: 901].

Нет оснований сомневаться, что с таким же оформлением и в НОС¹, и в НОС² должны были быть представлены все устойчивые выражения, бытующие в русских говорах на территории Новгородской области и — что важно — записанные собирателями. Однако по каким-то причинам довольно многие из них были обойдены вниманием авторов и в настоящее время могут быть обнаружены лишь в иллюстративной части словарных статей.

Обнаруженные в иллюстрациях новгородские фразеологические единицы могут быть предложены к лексикографической разработке по нескольким причинам.

1. Если они являются вариантами разработанных в этом же словаре фразеологических единиц. Например, в словарной статье на глагол ОБОЙТИ в обоих изданиях НОС приводится иллюстрация: *Ваня-то обошел Руссу и Ладогу, тяпнул горюшка.* Валд. [НОС¹ 6: 99; НОС²: 674]. Но при этом оба издания выводят фразеологизм ТЯПНУТЬ КУЧУ ГОРЮШКА ‘испытать трудности, неприятности в чем-л.’ с иллюстрациями: *Уж у него на своём веку тяпнута куча горюшка: и в голоде, и в холоде пожил.* Валд. *Уж в этой семье она тяпнула кучу горюшка.* Ок. *За всю свою жизнь тяпнута куча горюшка у меня.* Бор. [НОС¹ 11: 82; НОС²: 1216]. Соответственно, данный фразеологизм можно дополнить вариантом ТЯПНУТЬ ГОРЮШКА.

2. Если они имеют прямые параллели с аналогичными выражениями, разработанными в этих же словарях. Например, в словарной статье на слово ЗЕМЛЯНИЦА оба издания включают иллюстрацию: *А на косогорах и пригорах земляницы, как посеено, земляницы уж поспели.* Под. [НОС¹ 3: 95; НОС²: 332], в которой есть оборот КАК НАСЕЯНО. При этом в статье на глагол НАСЫПАТЬ разработан фразеологизм КАК НАСЫПАНО ‘много’: *В прошлом*

году на такой хороший малинник свели. Ягод как насытано. Бор. В болоте ягод как насытано. Ок. Клюквы в этом году много в Коломинском болоте, везде как насытано. Хв. [НОС¹ 6: 19; НОС²: 621], что позволяет дополнить аналогичным фразеологизмом словарную статью глагола НАСЕЯТЬ.

3. Если они соответствуют аналогичным фразеологизмам из других диалектов русского языка. Например, на слово ПОЛОВНИЦА есть иллюстрация: *По одной половницы ходить надо у свекрови-то.* Молв.: см. [НОС¹ 8: 89; НОС²: 888]. При этом, по данным русских говоров, есть выражения: ПО ОДНОЙ ПОЛОВЕНЬКЕ ХОДИТЬ ‘беспрекословно повиноваться, подчиняться кому-либо; быть послушным, вышколенным’ [СВГ 7: 139], ПО ОДНОЙ ПОЛОВКЕ ХОДИТЬ (ИДТИ) ‘беспрекословно повиноваться, подчиняться кому-либо’ [СВГ 7: 140]. Аналогичным образом можно было бы истолковать и фразеологизм ПО ОДНОЙ ПОЛОВНИЦЕ ХОДИТЬ ‘бесприкословно подчиняться, повиноваться кому-либо’.

4. Если они соответствуют фразеологизмам, зафиксированным в словарях русского литературного языка. Так, в статье на БЕЗРАЗГИБНО приведен пример с выражением ОТ СОЛНЦА ДО СОЛНЦА: *Раньше-то рожь жнешь все серпом безразгбно от солнца до солнца.* Холм. [НОС¹ 1: 45; НОС²: 31]. Словарь литературного языка приводит синонимичную единицу: ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ ‘с утра до вечера, весь день’ [ФСРЛЯ: 249].

Фразеологический материал, выбранный из НОС¹ и НОС² в соответствии именно с этой, четвертой, причиной, и анализируется в настоящей статье, которая в целом соответствует жанру «материалы для словаря». Предлагается перечень потенциально возможных для отражения в следующих изданиях «Новгородского областного словаря» фразеологических единиц, соотносимых по семантике и лексико-грамматической принадлежности с фразеологизмами русского литературного языка. Принципы подачи материала в статье следующие:

1) порядок расположения фразеологизмов обусловлен последовательностью обнаружения их на страницах НОС¹ (начиная

с первого выпуска — и далее по порядку; номер выпуска и страница указываются);

2) словарная статья из НОС¹ приводится полностью, к НОС² дается отсылка «так же», если оформление анализируемой единицы в двух изданиях «Новгородского областного словаря» совпадает; в иллюстративной зоне предлагаемая к описанию фразеологическая единица выделена нами;

3) если в НОС² не обнаружены ни компоненты предлагаемой фразеологической единицы, ни сама единица, ссылка на второе издание «Новгородского областного словаря» опускается;

4) фразеологизмы из «Фразеологического словаря русского языка» или «Фразеологического словаря русского литературного языка» приводятся в качестве подтверждения существования подобных единиц в русском языке;

5) для предлагаемых фразеологизмов, извлеченных из двух изданий НОС, не выводится значение по двум причинам: во многих случаях оно полностью совпадает с приводимым тут же значением фразеологической единицы из «Фразеологического словаря русского языка» или «Фразеологического словаря русского литературного языка»; значение диалектного фразеологизма, требующее несколько иной формулировки, остается на усмотрение авторов и составителей «Новгородского областного словаря».

Фразеологизмы для потенциального расширения «Новгородского областного словаря»

1) ТРЕПАТЬСЯ ЯЗЫКОМ

НОС¹: см. БАЛЯСНИК¹ ‘болтливый, несерьезный человек’: *Все ходит, языком треплется, а дела никакого не видит этот балясник.* Под. [НОС¹ 1: 30].

НОС²: так же [НОС²: 18].

Ср.: **Чесать [трепать, трещать, молоть] языком.** Заниматься пустой болтовней, пустословить [ФСРЯ: 526].

2) НИ КОЛА, НИ ДВОРА, НИ МИЛОГО ЖИВОТА

НОС¹: см. БЕЗДОМОВНЫЙ 'не имеющий своего дома': *Он бездомовный, у яво ни кола, ни двора, ни милого живота*. Холм. [НОС¹ 1: 43].

Ср. ФСРЯ: **Ни кола ни двора**. 1. Совсем ничего (нет, не имеется и т. п. у кого-либо). 2. Никакого жилья (нет, не имеется где-либо) [ФСРЯ: 201].

3) ДАТЬ БЛЁМБУ

НОС¹: см. БЛЁМБА 'оплеуха, подзатыльник': *Как дам блембу*. Мош. [НОС¹ 1: 59].

НОС²: так же [НОС²: 44].

Ср.: **Давать заушницы кому**. Бить кого-либо по затылку [ФСРЛЯ: 163].

4) ЧТО ИЗ ВЕДРА

НОС¹: см. БРАТЬ: # БРАТЬ ПОЛОЕМ 'быть сильному дождю': *Большой дождь таким берет полоем, что из ведра чохает*. Мош. [НОС¹ 1: 84].

Ср.: (Лить) **Как из ведра**. Очень сильным потоком, струей. О проливном дожде [ФСРЯ: 58].

5) ВЫЛУПИТЬ (ОКАРАЧИТЬ) БУЛЫНДЫШИ

НОС¹: см. БУЛЫНДЫШИ 'глаза': *Чего вылупила свои булындыши, чего окарачил булындыши-то*. Хв. [НОС¹ 1: 99].

Ср.: **Вылупить глаза (глазищи)**. Широко раскрыв, вытаращив глаза, уставиться на кого-либо [ФСРЛЯ: 116].

6) ДАТЬ БУХОВИНУ

НОС¹: см. БУХОВИНА 'подзатыльник': *Если не напрядёшь, так матка буховину даст*. Шим. [НОС¹ 1: 101].

Ср.: **Давать заушницы кому**. Бить кого-либо по затылку [ФСРЛЯ: 163].

7) С ЗАРИ ДО ЗАРИ

НОС¹: см. ГРУНИСТЫЙ 'обладающий большим количеством крупного зерна; колосистый': *С зари до зари жала грунистый овес*. Ст. [НОС¹ 2: 64].

НОС²: так же [НОС²: 198].

Ср.: **От зари до зари**. С утра до вечера, весь день [ФСРЛЯ: 249].

8) НА ВСЮ МОЩЬ

НОС¹: см. ЗАГИЛИТЬ ‘закричать «кукареку»’: *Раньше с петухам вставали, загилил петух на всю мощь — вставай*. Сол. [НОС¹ 3: 18].

НОС²: так же [НОС²: 278].

Ср.: **Во всю мочь**. С предельным напряжением, интенсивно (делать что-либо) [ФСРЛЯ: 380].

9) ХОТЬ КРИЧИ

НОС¹: см. ЗАПОР: # В ЗАПОР ЗАЙТИСЬ ‘занеметь, заочинеть от холода’: *Полоскала бельё-то да руки-то в запор зашлись, что хоть кричи, когда в тепле-то стали отходить, беда*. Бор. [НОС¹ 3: 62].

Ср.: **Хоть криком кричи**. Выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения [ФСРЛЯ: 323].

10) НА ВСЮ ГЛОТКУ

НОС¹: см. ЗЕПАТЬ ‘кричать очень громко’: *Другая баба зепае(т) на всю глотку. Вот зепае(т) во всё горло*. Вол. [НОС¹ 3: 96].

НОС²: так же [НОС²: 334].

Ср.: **Во всю глотку**. Очень громко (кричать, орать и т. п.) [ФСРЯ: 108].

11) КАЛГАН ПУСТОЙ у кого

НОС¹: см. КАЛГАН (КАЛЧАН) ‘голова’: *Калган-то у тебя пустой*. Ст. [НОС¹ 4: 8].

Ср.: **Пустая голова [башка] у кого**. Кто-либо неумен, несообразителен, глуп [ФСРЯ: 113].

12) КАК С ВЕДРА

НОС¹: см. КОСОЙ: # КОСОЙ ДОЖДЬ ‘дождь, идущий наклонно к поверхности земли’: *Косой дождь идет как с ведра. Косой дождь с балачины*. Под. [НОС¹ 4: 123].

Ср.: (Лить) **Как из ведра**. Очень сильным потоком, струей. О проливном дожде [ФСРЯ: 58].

13) **НАВАЛИТЬСЯ НА ГОЛОВУ** чью

НОС¹: см. ЛЕСОВИК¹ ‘чёрт’: *Лесовик ты, навалился на мою голову*. Пест. [НОС¹ 5: 20].

НОС²: так же [НОС²: 504].

Ср.: **Свалиться на голову кому**. Неожиданно, внезапно случиться, выпасть на долю кому-либо (обычно о чем-либо неприятном) [ФСРЛЯ: 596].

14) **ТОЛЬКО ПЯТКИ ЛИПАЛИ**

НОС¹: см. ЛИПАТЬ ‘мелькать’: *И подрал изо всех сил, только пятки липали*. Хв. [НОС¹ 5: 26].

НОС²: так же [НОС²: 508].

Ср.: **Только пятки сверкают у кого**. Кто-либо очень быстро убегает, удирает, бежит и т. п. [ФСРЯ: 374].

15) **НЕСТИ ЛОМИНУ**

НОС¹: см. ЛОМИНА ‘что-л. неясное, бессмыслица’: *Несешь ты какую-то ломину, прямо слушать нечего*. Ст. [НОС¹ 5: 38].

НОС²: так же [НОС²: 517].

Ср.: **Нести нелепицу**. Говорить несусветную, невообразимую чепуху, глупости [ФСРЛЯ: 407].

16) **ПО САМЫЕ МАКУШИ**

НОС¹: см. МАКУША ‘верхняя оконечность, вершина чего-л.’: *Ну, nonечь и снегу было, смородья так по самые макуши в снегу стояла*. Парф. [НОС¹ 5: 67].

НОС²: так же [НОС²: 540].

Ср.: **По макушку**. Весь, полностью [ФСРЛЯ: 358].

17) **НА ДУШЕ МУСКУРОДНО**

НОС¹: см. МУСКУРОДНО (МУСКУРОТНО, МУСКУРОДНО) ‘плохо’: *Что-то сегодня на душе мускуродно. Ну, быть беде!* Хв. [НОС¹ 5: 110].

НОС²: так же [НОС²: 573].

Ср.: **Скребет на душе [на сердце]** у кого. Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно [ФСРЯ: 429].

18) ГОДЫ НАБЕГЛИ кому

НОС¹: см. НАБЕГНУТЬ 'подойти (о времени)': *Вот и мне набегли годы-то*. Под. [НОС¹ 5: 120].

НОС²: так же [НОС²: 581].

Ср.: **Годы (года) подходят кому**. Наступает возраст, когда следует сделать что-либо [ФСРЯ: 111].

19) ПЕРЕБИРАТЬ ПО КОСТОЧКАМ

НОС¹: см. НАБОРЫ 'зимние гуляния молодежи из разных деревень': *После Нового года в одну из деревень собираются гости, чаще всего наборы приурачиваются к какому-нибудь религиозному празднику, танцуют, пляшут кадрили с частушками, бабы сидят, судачат, перебирают по косточкам*. Ст. [НОС¹ 5: 124].

НОС²: так же [НОС²: 584].

Ср.: **Перебирать косточки кого чьи**. Сплетничать, судачить, злословить о ком-либо [ФСРЛЯ: 459].

20) МОЛОТИТЬ ЯЗЫКОМ

НОС¹: см. НАВАЛИТЬ¹ 'наговорить чего-л. злого, насплетничать': *Всю жизнь языком молотит бабка эта, токо грехи свесть, навалит на кого*. Ст. [НОС¹ 5: 126].

НОС²: так же [НОС²: 586].

Ср.: **Чесать [трепать, трещать, молоть] языком**. Заниматься пустой болтовней, пустословить [ФСРЯ: 526].

21) НАЛЁТНЫЙ НАНЁС кого

НОС¹: см. НАЛЁТНЫЙ 'нечистая сила, черт': *Налетный вас нанес, да черт, вот и налетный*. Мал. [НОС¹ 5: 152].

НОС²: так же [НОС²: 604].

Ср.: **Черт [бес, леший, нелегкая] несет кого**. Кто-либо приходит, является обычно некстати, не вовремя и т. п. [ФСРЯ: 526].

22) С СОЛНЦА ДО СОЛНЦА

НОС¹: см. ОБРЯДИТЬ 'выполнить работы по дому, по хозяйству': *Ставали с сонца до сонца, домой прибежишь, тут надо*

всё обрядить и около ребятишков походить, а топерь не такая жизнь. Сол. [НОС¹ 6: 110].

НОС²: так же [НОС²: 682].

Ср.: **От зари до зари.** С утра до вечера, весь день [ФСРЛЯ: 249].

23) ДАТЬ ПОВОЛЬКУ кому

НОС¹: см. ПОВОЛЬКА ‘свобода; простор, раздолье’: *Уж дали они повольку ребятам.* Под. [НОС¹ 8: 10].

Ср.: **Давать (дать) волю кому.** Предоставлять свободу в поступках, действиях и т. п. [ФСРЯ: 123].

24) НАБИТЬ <СВОЮ> ПУНЮ

НОС¹: см. ПУНЯ ‘живот’: *Набил пуню и доволен.* Валд. *Набил свою пуню.* Сол. [НОС¹ 9: 61].

НОС²: так же [НОС²: 980].

Ср.: **Набивать <себе> живот.** Наедаться досыта [ФСРЛЯ: 385].

25) БОГ СМИЛОВАЛ

НОС¹: см. СМИЛОВАТЬ ‘оказать милость в чем-л. кому-л.’: *Были загоревши, да бог смиловал.* Мош. [НОС¹ 10: 96].

НОС²: так же [НОС²: 1108].

Ср.: **Бог миловал.** Ничего плохого не случилось, все обошлось благополучно [ФСРЯ: 39].

26) НИ ДВОРА, НИ КОЛА

НОС¹: см. СОГЛЯТАЙ ‘бродяга, нищий’: *Соглятай — босяк: ни двора, ни кола. Это он ходил по липовой дороге с берёзовым паспортом.* Новг. [НОС¹ 10: 111].

НОС²: так же [НОС²: 1116].

Ср.: **Ни кола ни двора.** 1. Совсем ничего (нет, не имеется и т. п. у кого-либо). 2. Никакого жилья (нет, не имеется где-либо) [ФСРЯ: 201].

27) НЕСТИ СУРАЗИНУ

НОС¹: см. СУРАЗИНА³ ‘нелепость’: *Суразина — нелепость. Несёт Петька-то суразину.* Новг. [НОС¹ 10: 188].

НОС²: так же [НОС²: 1162].

Ср.: **Нести нелепицу**. Говорить несусветную, невообразимую чепуху, глупости [ФСРЛЯ: 407].

28) НЕСТИ СУРАЗИЦУ

НОС¹: см. СУРАЗИЦА ‘нелепость’: *И несёшь ты суразицу*. Валд. [НОС¹ 10: 188].

НОС²: так же [НОС²: 1162].

Ср.: **Нести нелепицу**. Говорить несусветную, невообразимую чепуху, глупости [ФСРЛЯ: 407].

29) КАК ЗЕНИЦУ ХРАНИТЬ

НОС¹: см. ТУЕС¹ ‘футляр для бруска’: *Туес как зеницу храню, а то и брусок класть некуда. Туес — удлинённая коробочка, сплетённая из бересты для хранения бруска*. Мал. [НОС¹ 11: 69].

НОС²: так же [НОС²: 1208].

Ср.: **Как зеницу ока**. Бдительно, заботливо, тщательно (беречь, хранить и т. п.) [ФСРЯ: 171].

30) ВОЛОСЫ НА ГОЛОВЕ ДУБОМ СТАЛИ

НОС¹: см. УДИВ: # НА УДИВ ‘странно’: *Уж это-то на удив, и волосы на головы дубом стали*. Мош. [НОС¹ 11: 87].

НОС²: так же [НОС²: 1223].

Ср.: **Волосы становятся [встают, поднимаются] дыбом у кого**. Кого-либо охватывает ужас [ФСРЯ: 77].

31) ДАТЬ УЖБАНА

НОС¹: см. УЖБАН ‘подзатыльник’: *Дала ужбана да в сельсовет побежала*. Холм. [НОС¹ 11: 88].

НОС²: так же [НОС²: 1223].

Ср.: **Давать заушницы кому**. Бить кого-либо по затылку [ФСРЛЯ: 163].

32) КАК ПОРОСЯТ НА УРЕЗКУ КОРМИТЬ

НОС¹: см. УРЕЗКА ‘убой скота’: *Как поросят на урезку, кормили*. Ст. [НОС¹ 11: 96].

НОС²: так же [НОС²: 1230].

Ср.: **Как на убой**. Сытно, обильно (кормить, потчевать) [ФСРЯ: 488].

33) СНЕГА В ЗИМУ НЕ ВЫПРОСИШЬ

НОС¹: см. ХАНЖА¹ ‘скряга’: *У меня соседка така ханжа, снегу в зиму не выпросишь*. Мал. [НОС¹ 12: 7].

НОС²: так же [НОС²: 1241].

Ср.: *Зимой снега (снегу) не выпросишь у кого*. О скупом, жадном человеке [ФСРЛЯ: 119].

34) ДАТЬ ЧУЧВАРИНУ

НОС¹: см. ЧУЧВАРИНА ‘оплеуха’: *А отец говорит: «Все пришедиши, а только тебя нет». Да как даст чучварину. Не помню, на чём и стояла*. Ок. [НОС¹ 12: 72].

НОС²: так же [НОС²: 1288].

Ср.: *Давать заушницы кому*. Бить кого-либо по затылку [ФСРЛЯ: 163].

35) ШЛЁПАТЬ ЯЗЫКОМ

НОС¹: см. ШЛЁПАЛКА¹ ‘болтунья’: *Шлёпалка, языком шлепает, много говорит*. Новг. [НОС¹ 12: 100].

НОС²: так же [НОС²: 1308].

Ср.: *Чесать [трепать, трещать, молотъ] языком*. Заниматься пустой болтовней, пустословить [ФСРЯ: 526].

36) ЩЕКАТЫЙ НА ЯЗЫК

НОС¹: см. ЩЕКАТЫЙ ‘бойкий на словах’: *Такая же щекатая на язык-то*. Новг. [НОС¹ 12: 112].

НОС²: так же [НОС²: 1317].

Ср.: *Боек на язык [на слова]*. Находчив в разговоре, красноречив [ФСРЯ: 41].

Выводы

Таким образом, как показывают наши наблюдения, в иллюстративной зоне двух изданий НОС скрываются фразеологизмы, требующие самостоятельной разработки в словарных статьях. Количество разработанных фразеологизмов в НОС¹ не называется, а в аннотации к НОС² указывается — около 2600 фра-

зеологизмов. Наши наблюдения показывают, что это количество может быть довольно заметно увеличено.

Литература

От редколлегии словаря (2010) *Новгородский областной словарь*. Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Изд. 2-е. Подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука: XV.

Сокращения источников

НОС¹ — *Новгородский областной словарь*. Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1992–2000.

НОС² — *Новгородский областной словарь*. Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Изд. 2-е. Подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Учебное пособие по русской диалектологии. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

ФСРЛЯ — Федоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. 3-е изд., испр. М.: Астрель, АСТ, 2008.

ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка*. Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.

NOVGOROD REGIONAL DICTIONARY: LOST PHRASEOLOGY

Citation: Kobeleva I. (2020) «Novgorodskiy oblastnoy slovar'»: poteryannaya frazeologiya [Novgorod regional dictionary: lost phraseology]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 315–329. (in Russian)

About the author. Kobeleva Irina. Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. Syktyvkar, Russia. <kobir@list.ru>

Abstract. The article includes a comparative analysis of the phraseological material contained in two editions of the *Novgorod regional dictionary*.

The author has carefully studied the illustrative material of all dictionary entries, which are available in both editions of the named dictionary. This made it possible to establish that, for some reason, several Novgorodian phraseological units had not attracted attention of the dictionary makers: they appear only as examples of use of certain dialectal lexemes and are only found in the illustrative part of the entries.

In individual cases, the second edition of the dictionary compensates for this omission and provides set expressions in the phraseological zone of the entry. However, in the second edition we mainly observe the same situation as in the first one.

In the article, with several dozens of examples given, we prove that these lost phraseological units have every right to obtain an independent lexicographic representation, since they reveal direct lexical, grammatical and semantic parallels with the units described in the dictionaries of the Russian literary language.

Keywords: Russian folk dialects, Novgorod region, dialectal phraseology, lexicography, phraseography, dictionary, dictionary entry.

References

Fedorov A. I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Russian literary phraseological dictionary]. 3rd ed., corr. Moscow: Astrel'. (in Russian)

Molotkov A. I. (ed.) (1986) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Russian phraseological dictionary]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda folk dialects]. V. 1–12. Vologda. (in Russian)

Strogova V. P. (ed.) (1992–2000) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. V. 1–13. Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo. (in Russian)

Strogova V. P. (ed.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Е. Б. Кузьмина

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОМЕТЕ БЕЗ ДОП.
(БЕЗ ДОПОЛНЕНИЯ) В «ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ
СЛОВАРЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»

Цитирование: Кузьмина Е. Б. (2020) О грамматической помете *без доп.* (без дополнения) в «Псковском областном словаре с историческими данными». *Севернорусские говоры*, 19: 330–342.

Сведения об авторе. Кузьмина Елена Борисовна. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
<elena_kuzmina01@mail>

Аннотация. Статья посвящена одной из проблем метаязыка диалектных и общих словарей русского языка: содержанию и использованию грамматической пометы *без доп.* (без дополнения). В работе раскрывается разное содержание этой пометы в лексикографической практике, а также проанализировано ее употребление в «Псковском областном словаре», выявлены основные недочеты и ошибки в постановке пометы *без доп.* и обозначены причины этих ошибок. Привлечение теоретических сведений по грамматике русского языка позволило уточнить и описать группы глаголов, при которых может стоять эта помета.

Ключевые слова: диалектология, лексикография русского языка, диалектная лексикография, псковские говоры.

Грамматическая помета *без доп.* (без дополнения) давно и прочно вошла в метаязык лингвистических словарей русского языка. Она активно употребляется в большинстве нормативных толковых словарей литературного языка. Ср.: ГОВОРИТЬ... 2. *перех.* и *без доп.* Выражать в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т. п.; произносить что-л. — в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС]; ДУМАТЬ... 1. *О ком-чем, над чем и без доп.* Направлять мысли на кого-что-н., размышлять — в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [СОШ 1989] и др.

Однако очень редко во вступительной части к словарю раскрывается содержание этой пометы. Только в двух толковых словарях есть описание этой пометы — в «Толковом словаре рус-

ского языка» Д. Н. Ушакова [ТСУ] и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова значение пометы *без доп.* формулируется следующим образом: «Если в одном значении глагол требует дополнения, а в другом значении употребляется без дополнений, то при этом последнем значении ставится помета: *без доп.*» (§ 74 вступления) [ТСУ 1: LVII], т. е. эта помета ставится при переходных глаголах, которые имеют непереходные значения.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (издание 1989 г.) представлено иное понимание этой грамматической пометы: «Если глагол имеет сильное управление и в то же время широко употребляется без дополнения, то указывается вопрос управляемого падежа и далее помечается: “и без доп.”, напр.: ДУМАТЬ... 1. О ком-чем, над чем и без доп.» [СОШ 1989: 10]. В чем же заключается различие в содержании пометы в этих словарях? Во-первых, с формальной точки зрения в словаре С. И. Ожегова расширена формулировка пометы — от «*без доп.*» до «*и без доп.*». Это связано с условиями употребления пометы: поскольку в словаре Ожегова она ставится при релятивных значениях переходных глаголов (которые регулярно в контекстах употребляются в конструкциях с дополнением) в случае, когда такое дополнение по каким-то причинам опускается.

Однако практика использования пометы *без доп.* в словаре Д. Н. Ушакова свидетельствует, что помета ставится также и в тех случаях, что и в словаре С. И. Ожегова, ср.: ДУМАТЬСЯ, думается, *безл., несов., кому-чему и без доп. (разг.)*. Представляться, казаться. Думается мне, что живым ему не вернуться с войны [ТСУ 1: 582].

Следует отметить, что уже в издании 1995 г. словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой данная грамматическая помета отсутствует как во вступительной части, так и в тексте словаря, где она ранее стояла. Авторы словаря в разделе грамматических помет никак не комментируют эти изменения. Чем же может быть вызван этот отказ от употребления грамматической пометы *без*

доп. и почему она отсутствует, например, в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к практике использования ее в словарном описании грамматических свойств глаголов. Анализ множества случаев использования этой пометы приводит к выводу о том, что она применяется непоследовательно, противоречиво, иногда необоснованно. Так, часто указание пометы *и без доп.* не подкреплено доказательной иллюстративной базой словаря и приходится в таком случае «верить на слово» составителям.

В ряде случаев иллюстрации, которые демонстрируют употребление *без доп.*, подобраны неверно. Так, в словаре под ред. А. П. Евгеньевой на глагол *молвить* приводятся следующие иллюстрации: **МОЛВИТЬ...** *перех. и без доп. устар. Сказать (говорить), произнести (произносить)*. Старик не осмелился перечесть, Не дерзнул поперек слова молвить. Пушкин, Сказка о рыбаке и рыбке. — И молвил он, сверкнув очами: — Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, Как наши братья умирали! Лермонтов, Бородино [МАС II: 289]. В первой иллюстрации дополнение присутствует, во втором примере тоже, только выражено оно не одним словом, а конструкцией с прямой речью, других контекстов «без доп.» не представлено.

Практика употребления грамматических помет в диалектных словарях опирается на их использование в толковых словарях литературного языка. Как отмечается во вступлении к «Словарю русских народных говоров» в § 21, посвященном грамматическим пометам: «Система этих [грамматических — Е. К.] помет и техника их подачи те же, что и в выше упомянутом академическом “Словаре современного русского литературного языка”» [СРНГ I: 11]. Поэтому и помета *без доп.* перешла из метаязыка толковых нормативных словарей в диалектные словари. Однако и здесь содержание ее не стало более ясным, а употребление более последовательным.

Так, материалы «Архангельского областного словаря» [АОС] показывают, что помета *без доп.* используется и при описании эл-

липтических конструкций, где дополнение возможно и восстанавливается из предыдущего контекста или его отсутствие ситуативно и подчинено закону экономии языковых усилий в речевой практике: оно не выражено лексически, поскольку это является избыточным (когда дополнение очевидно, т. е. объектом в конструкции является сам говорящий (отсутствует дополнение — *меня*) или собеседник / знакомый / близкий ему человек (отсутствуют дополнения — *тебя, его* и т. д.) (ср. **ВИДАТЬ**... 5. *Кого-что, с кем и без доп. То же, что видаться во 2-м знач.*). В словаре наряду с конструкциями с выраженными дополнениями (3 дядей Федей не видал давно. ПРИМ. 33. Што мне нёго видать, как розостались-то. В-Т. Грк.) приведены в качестве конструкций с *без доп.* эллиптические: Я боле и забыла, редко выдаю, они же дома не живут. ПИН. Пкш. [АОС 4: 88].

Подобные замечания можно сделать и при анализе употребления пометы *без доп.* в «Псковском областном словаре с историческими данными»: в качестве конструкций *без доп.* чаще всего указаны структуры эллиптического характера. Ср. **ОБЛЯЯТЬ**... 2. *кого. перен. Грубо ругать. — без доп.* Эта придёшь ты ка мне и аблаеш, а я-та асержусь и фсё равно дела не заделаю. А кабы ты пахарошэму пришёл, так ты заделала бы, и тебе харашо и мне не абидна. Аш. [ПОС 22: 189].

В ряде случаев конструкции с переходными глаголами, объект при которых выражен неканоническими типами прямых дополнений: генитивной группой, предложной группой, замещающей прямой объект, сентенциальным актантом (инфинитивным оборотом, придаточными предложениями, зависимым инфинитивом, группой с наречием или квантификатором), квалифицируются как абсолютивные. Ср. **ЗАКАЗАТЬ**... 1. *что. Поручить, попросить изготовить, исполнить, доставить что-н. — без доп.* Красила ей Машка Сямяцкая, как закажыш, так ана и шйот. Н-Сок. В меня в багюшки заказън абвенчацць. Печ. [ПОС 11: 221] — в первом предложении прямое дополнение выражено наречием *как* (~ что), во втором — инфинитивом *обвенчаться* (заказан (что?) обвенчаться).

Помета *без доп.* используется с 1-го выпуска Псковского словаря, но в 1-й инструкции словаря [ПОС 1: 6–18] ее содержание не раскрывается (она есть только в списке принятых условных сокращений). Во 2-й редакции инструкции уже определены условия употребления этой пометы: «Если отдельные значения или оттенки многозначного переходного глагола употребляются без дополнения, то при этих значениях или оттенках значения ставится помета *без доп.* ... Если глагол или значение употребляется как с дополнением, так и без него, то ставится комплексная помета: **ГОНЯТЬСЯ** [...] 1. *За кем и без доп. Бежать за кем-н., стараясь настичь, поймать*» [ПОС 15: 25].

Однако отсутствие четкой формулировки и описания всех условий постановки пометы *без доп.* в «Псковском областном словаре» привело к отмеченным ошибкам и непоследовательности в ее использовании.

В 3-й редакции инструкции помета получает более точное описание, ее содержание конкретизируется: «Данной пометой обозначается не эллиптическое отсутствие дополнения, которое легко восстанавливается из контекста, помета *без доп.* указывает, что действие, обозначенное глаголом, сосредоточено на самом субъекте и не переходит на другой объект, а значит, при глаголе в этом значении не требуется конструкции с прямым дополнением» [ПОС 27: 18].

Несмотря на эти уточнения постановка грамматической пометы *без доп.* до сих пор вызывает затруднения и вопросы у составителей словаря. Каковы же могут быть условия постановки этой пометы?

1. Пометой *без доп.* маркируется абсолютное (синтаксически непереходное) употребление переходных и косвеннопереходных глаголов, имеющих сильное управление. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин **абсолютивный** определяется как «самодовлеющий, не требующий распространения и уточнения другими словами». Ср. *Солнце пекло; Он курит; У неё полное ведро* (в отличие от *Женщина пекла хлеба; Он курит крепкие сигары; Человек, полный энергии*) [Ахманова 1966: 29].

2. При абсолютивном употреблении переходных глаголов всегда отмечается деконкретизация и деиндивидуализация объекта: неконкретность или нереферентность (неиндивидуализированность) объекта влечет за собой снижение степени переходности глагола [Касевич 1992: 26]. Ср. *Не перебивайте его, он сейчас говорит. Он говорит всегда громко; Не мешайте ему, он ест; Он ест с аппетитом.* Деконкретизацию и, как следствие, опущение объекта допускают и другие глаголы: *рисовать, петь, шить, вязать, играть на рояле* [Долинина 1992: 130; Рахилина 2000: 31].

3. С другой стороны, при абсолютивном употреблении происходит обобщение семантики глагола (как следствие деконкретизации объекта). Переходные глаголы в абсолютивном употреблении передают действие более отвлеченное, действие вообще, при этом внимание сконцентрировано на самом процессе, который абстрагируется от объекта. Так, глагол *гнать* в исходном значении 'понуждать к быстрому бегу, движению; ускорять движение кого-, чего-нибудь' и 'заставлять двигаться в каком-нибудь направлении' (ср. *гнать лошадь* и *гнать облака*) употребляется с названиями транспортных средств: *он гнал машину на предельной скорости; А время гонит лошадей* (А. С. Пушкин). «В непереходном употреблении глагол может обозначать любой тип движения, в том числе и быструю езду (*Он гнал что есть силы, чтобы успеть на вокзал*). По-видимому, первоначально глагол стал употребляться непереходно путем опущения названия транспортного средства, а затем его значение обобщилось на все способы движения (*Куда ты так гонишь 'бежишь'*)» [Летучий 2006: 347].

4. К абсолютивному употреблению способны глаголы определенных семантических групп. Так, отдельную группу составляют глаголы со значением способности к действию, ср.: *Он хорошо рисует; Ребёнок уже говорит* (в значении 'умеет говорить'), процесса (*Он сидит и рисует* (в значении 'занимается рисованием')). К глаголам со сниженной переходностью относят: 1) глаголы, обозначающие разного рода состояния (*любить* и др.); 2) глаголы со значением деятельности, которые непосредственно не влияют на состояние объекта (*играть во что, играть на чем*; с «внут-

ренним» объектом: думать о чем и др.) [Томмола 2006: 154–158]. Ю. Ю. Авалиани считает, что переходные глаголы в непереходном употреблении перемещаются в семантическую группу глаголов состояния (в более узком смысле — группу, выражающую определенную деятельность человека) [Авалиани 1962: 156]. Составление полной семантической классификации таких глаголов — задача будущих исследований.

5. К абсолютивному употреблению в большей степени тяготеют глаголы несовершенного вида, поскольку они вообще имеют меньшее количество синтаксических связей в отличие от глаголов совершенного вида, которые обладают большей валентностью (в силу большей динамичности этих глаголов). Как отмечается в исследованиях: «При разнообразии возможных объектов релятивность глагола выступает отчетливее, граница между абсолютивными и релятивными значениями — резче. При ограниченности круга объектов обозначение объекта менее обязательно, граница между абсолютивным и относительным употреблением слова стирается... Действительно, глаголы **дать, взять, бросать, встретить** предполагают множество объектов, а **читать, шить, варить, гладить, сеять** — ограниченное их число» [Исмаилова].

6. Значимым фактором при определении релятивности или абсолютивности употребления может являться словообразовательная структура глагола. Как отмечается в Грамматике-80, «переходные **префиксальные** глаголы сов. вида редко употребляются абсолютивно; обычно при них назван объект» [Русская грамматика 1980: 598].

7. При выявлении абсолютивного употребления глагола следует учитывать наличие эллипсисов, которые свойственны разговорному синтаксису. Ср. *Она подошла ко мне и обняла (*меня)*.

8. При постановке пометы *без доп.* необходимо помнить о нетипичных способах выражения дополнения в синтаксических конструкциях, к которым относятся:

а) генитивная группа: *Я не читал этой книги;*

б) предложная группа, замещающая прямой объект: *Мы купили по книге; Я почесал ему за ухом;*

в) сентенциальный актант, в том числе:

— инфинитивный оборот (*Я люблю ходить в кино*);

— придаточное предложение с союзом *что* или *чтобы* (*Я попросил, чтобы он пошёл в кино; Я понял, что он пойдёт в кино*);

— придаточное предложение с союзом *когда* или *если* (*Я не люблю, когда унижают. Ты знаешь, я не люблю, если кто в кухне сидит* [А. П. Чехов. Кухарка женится (1885–1886)]);

— зависимый инфинитив (*Он принёс попить / поест*), обозначающий предмет, предназначенный для какой-либо цели (в данном случае для еды или питья).

г) группа с наречием или квантификатором: *Я так решил; Книги стоили по-разному; Он много пьёт / Он пьёт много вина* [Русская корпусная грамматика].

В соответствии с этими принципами помету *без доп.* в «Псковском областном словаре» следовало поставить при глаголе *вяза́ть* в значении '3. Плести спицами, крючком или на специальной машине из пряжи, ниток' при цитатах: *Некэли мне быль крючком везать*. Н-Рж.; *Хвастовать ня буду, но вязаю я лучшие всех*. Гд. [ПОС 6: 113]; глаголе *говорить* в значении '1. Обладать способностью речи': *Живот нас понимае, только ни гаварит; карова фсё панимая*. Н-Рж. и т. д., при оттенке значения 'передавать, воспроизводить человеческую речь (о приборах, технических системах)': *То был старый* [телефон] — *гаварил, тяперь новый — и малчит*. Пск. *В воскресенья радива целый день гаварит*. Порх. [ПОС 7: 33], глаголе *пить* в значении '3. Употреблять спиртные напитки': *Ён, змей, где-нибудь пьё*. Порх. *Валодя начал пить. Пропил он всю неделю, идёт домой*. Чернышёв, Сказ. и лёг., 107 [ПОС 26: 193] и др.

Проанализировав содержание и употребление пометы *без доп.* в «Псковском областном словаре», мы попытались обозначить основные условия ее постановки, однако исследование вопроса абсолютного употребления переходных глаголов требует дальнейшего продолжения, в том числе и на теоретическом уровне.

Выражение благодарности

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00495 «Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуски 30, 31, 32».

Литература

Авалиани Ю. Ю. (1962) *Материалы по сложному глаголу курдского языка*. Самарканд; Изд-во Самарк. ун-та им. Алишера Навои.

Ахманова О. С. (1966) *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия.

Долинина И. Б. (1992) Категория переходности в ее отношении к лексике и синтаксису. *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. СПб.: Наука: 100–114.

Исмаилова Н. Ш. *Глаголы отвлеченного действия*. [<https://centry-test.ru/tema4/glagoly-otvlechenngo-deistvija.html>] (дата обращения 05.10.2020).

Касевич В. Б. (1992) Субъектность и объектность: проблемы семантики. *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. СПб.: Наука: 5–29.

Летучий А. Б. (2006) Лабильность в русском языке: случайность или закономерность? *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды международной конференции Диалог'2006. М.: РГГУ: 343–348.

Рахилина Е. В. (2000) *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: ИРЯ РАН.

Русская грамматика. (1980) Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука.

Русская корпусная грамматика. Рук. проекта В. А. Плунгян. [<http://rusgram.ru/>] (дата обращения 05.10.2020).

Томмола Х. (2006) Сниженная переходность и управление: акционально-аспектуальные свойства глагола. *Проблемы типологии и общей лингвистики*. СПб.: Нестор-История: 154–158.

Сокращения источников

- АОС — Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–20. М.: МГУ, 1980–2019 (издание продолжается).
- МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28. Под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ / СПбГУ, 1967–2020 (издание продолжается).
- СОШ — Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- ТСУ — *Толковый словарь русского языка*: В 4 тт. Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

Elena Kuzmina

ON THE USE OF GRAMMATIC LABEL *BEZ DOP.*
(WITHOUT OBJECT) IN PSKOV REGIONAL
DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA

Citation: Kuzmina E. (2020) O grammaticheskoy pomete *bez dop.* (bez dopolneniya) v «Pskovskom oblastnom slovare s istoricheskimi dannymi» [On the use of grammatic label *bez dop.* (without object) in Pskov regional dictionary with historical data]. *Severnорusskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 330–342. (in Russian)

About the author. Kuzmina Elena. St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. <elena_kuzmina01@mail>

Abstract. The article is devoted to one of the problems typical for Russian dialectal and general dictionaries' metalanguage: the meaning and use of the grammatical label *bez dop.* ('without object'). The work reveals different meanings and interpretations of this label realized in lexicographic practice, and also analyzes its use in *Pskov Regional Dictionary*, identifies the main drawbacks and errors associated with this label as well as the reasons for these errors. The label *bez dop.* highlights that the action indicated by the verb is focused on the subject itself and is not transferred to another object, which means that the verb used in this exact meaning does not require a direct objective construction. Having analyzed plenty of use cases, the author has come to the conclusion that the label *bez dop.* is applied inconsistently and sometimes unreasonably. Involvement of theoretical grammar of the Russian language made it possible to clarify and describe the groups of verbs which can be characterized with this label.

Keywords: dialectology, lexicography of the Russian language, dialect lexicography, Pskov dialects, Pskov regional dictionary with historical data.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR project number 19-012-00495 "Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 30, 31, 32".

References

Akhmanova O. S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russian)

Avaliani Yu. Yu. (1962) *Materialy po slozhnomu glagolu kurdsogo yazyka* [Materials on a complex verb in Kurdish]. Samarkand: Izd-vo Samark. un-ta im. Alishera Navoi. (in Russian)

Dolinina I. B. (1992) *Kategoriya perekhodnosti v yeyo otnoshenii k leksike i sintaksisu*. [Category of transitivity and its relation to lexis and syntax]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub'yektnost'. Ob'yektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [A theory of functional grammar. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of an utterance. Definiteness/indefiniteness]. St. Petersburg: Nauka: 100–114. (in Russian)

Evgenieva A. P. (ed.) (1982–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Moscow: Rus. yaz. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Getsova O. G. (ed.) (1980–2019) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 1–20. Moscow: MGU; Nauka. (the publication continues). (in Russian)

Kasevich V. B. (1992) *Sub'yektnost' i ob'yektnost': problemy semantiki* [Subjectivity and objectivity: problems of semantics]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub'yektnost'. Ob'yektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [A theory of functional grammar. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of an utterance. Definiteness/indefiniteness]. St. Petersburg: Nauka: 5–29. (in Russian)

Larin B. A. (et al.) (eds.) (1967–2019) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–27. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU — SPbGU. (the publication continues). (in Russian)

Letuchiy A. B. (2006) *Labil'nost' v russkom yazyke: sluchaynost' ili zakonomernost'?* [Lability in Russian: an exception or a rule]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii Dialog'2006* [Computer linguistics and intelligent technologies. Proceedings of the Dialog'2006 international conference]. Moscow: RGGU: 343–348. (in Russian)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (eds.) (1989) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz. (in Russian)

Plungyan V. A. (ed.) (2020) *Russkaya korpusnaya grammatika* [The Russian corpus grammar]. [<http://rusgram.ru/>] (accessed: 05.10.2020).

Rakhilina E. V. (2000) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [A cognitive analysis of presentive nouns: semantics and co-occurrence]. Moscow: IRYa RAN. (in Russian)

Shvedova N. Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenkiye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya* [The Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Tommola H. (2006) Snizhennaya perekhodnost' i upravleniye: aksiional'no-aspektual'nyye svoystva glagola [Substandard transitivity: actional and aspectual features of the verb]. *Problemy tipologii i obshchey lingvistiki* [Problems of typology and general linguistics]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 154–158. (in Russian)

Ushakov D. N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russian)

А. В. Приображенский

ПРОЕКТ «СЛОВАРЯ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ СЕВЕРА КАРЕЛИИ»

Цитирование: Приображенский А. В. (2020) Проект «Словаря оленеводческой лексики деловых документов севера Карелии». *Севернорусские говоры*, 19: 343–356.

Сведения об авторе. Приображенский Андрей Владимирович. Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, Россия.
<primlp47@list.ru>

Аннотация. В статье рассматривается проект историко-этнографического словаря оленеводческой лексики деловых документов XVIII–XX вв., относящихся к северу Карелии. Словарь будет содержать лексику оленеводства русских говоров Кемского Поморья и северно-карельских диалектов, а также исторические и этнографические сведения о традиционном, колхозном и совхозном оленеводстве на севере Карелии. В него войдут данные об ареале распространения диалектного слова (с четкой локализацией вплоть до населенного пункта) и времени его фиксации в документе. В конце каждой словарной статьи приводятся параллельные наименования из собственно-карельских говоров карельского языка.

Ключевые слова: север Карелии, лексика деловых документов, оленеводческая терминология, проект словаря.

Введение

Данная статья посвящена проекту «Словаря оленеводческой лексики деловых документов севера Карелии». Подробно характеризуются источники будущего словаря (печатные и архивные), рассматривается структура словарной статьи, приводятся примеры словарных статей по отдельным тематическим группам оленеводческой лексики.

Кратко коснемся вопроса о возникновении и своеобразии оленеводства на севере Карелии. На данной территории сначала оленеводством занимались только ее коренные жители — лопари. Существует точка зрения, что истоки формирования тра-

диционной лопарской системы оленеводства следует связывать с таежными районами Северной и Средней Карелии, где произошло первоначальное одомашнение оленя южными лопарями [Лукьянченко 1971: 30]. В «Отдельной записи» 1591 г. описываются Кемь, собственно-карельские поселения Подужемье, Пибозеро и Маслозеро, а также обширные территории «дворцов» и «веж» лесных лопарей, крещеных и некрещеных — Топозеро, Кестеньга, Муромозеро, Керетьозеро, Куземозеро, Вокшезеро, Воньгозеро, Воронье озеро и др. [МИК 1941: 319–327; Жуков 2016: 380]. В 1680 г. брались подати с 8 погостов лесных лопарей на Пяозере, Шомбе и в других местах северной Карелии [Жуков 2003: 36]. Заимствование оленеводства от саамов карелами, а от последних русскими произошло предположительно в XVII в. [Козьмин 1997: 115].

Традиционное оленеводческое хозяйство на севере Карелии было мелким в 68,4% случаев и служило лишь подспорьем к основным занятиям населения: полеводству, луговодству, лесному промыслу у карелов и рыболовству у поморов. Здесь была представлена избенная форма оленеводства, когда владельцы-погонщики (*райники*) жили оседло, а олени в течение всей зимы содержались при хозяйстве или у избы. Использовался олень преимущественно как ездовое животное, незаменимое при северном бездорожье [Гладин 1925: 94].

Наибольшее развитие оленеводство на севере Карелии получило в 1910–1912 гг. Первая мировая и Гражданская войны, голод нанесли большой удар по оленеводству. С 1923 г. оно начинает быстро восстанавливаться, но позднее из-за хозяйственного развития региона — железной дороги, лесопильных заводов и лесных заготовок — уменьшается в размерах и в некоторых местах приходит в упадок (село Ковда, Шуерецкое) [Гладин 1925: 92].

В 30-е гг. XX в. в большинстве рыболовецких и сельскохозяйственных колхозов севера Карелии часть оленей была обобществлена. Однако многие колхозники сохранили оленей в личном пользовании, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, по данным Всесоюзной переписи скота, на 1 января 1936 го-

да в Гридинском сельсовете числилось 22 колхозных оленя, 246 оленей — в личном пользовании колхозников и 9 — у единоличников [Гридино 1936]. В начале 1930-х гг. на севере Карелии были созданы два оленеводческих совхоза — Кестеньгский и Кандалакшский¹.

Великая Отечественная война, оккупация Кестеньгского и Калевальского районов нанесли огромный урон оленеводству в Карелии. Архивные источники свидетельствуют, что на оккупированной территории севера Карелии были утрачены все домашние олени — 6307 особей [Север Карелии 1944].

В послевоенный период очагами оленеводства, кроме оленеводческого совхоза (Пильдозеро), были рыболовецкие села Гридино, Калгалакша и Соностров. Летом 1954 г. Оленеводческий совхоз из д. Пильдозеро был переведен в поселок Воньга [Сегаль 1959: 33].

Источники и материал словаря

При определении семантической структуры слова и в качестве дополнительного справочного материала в историко-этнографическом словаре оленеводческой лексики деловых документов XVIII–XX вв., относящихся к северу Карелии, будут активно использоваться самые разные источники. Укажем только наиболее существенные из них. Впервые особенности оленеводства у поморов и карел описал Г. Р. Державин в «Поденной записке» 1785 г., в которой приводятся и некоторые лексемы (*керёжка*, *ягель* и др.) [Эпштейн 1987: 111, 117]. Более полные этнографические сведения о езде на домашних оленях в северных частях Карелии, об оленьих санях для возки груза и керезах, оленьей упряжи, райдах содержатся в работах XIX в. [Камкин 1880]. Ряд

---

¹До 1938 г. Кандалакшский район был частью Карельской АССР. Осуществлялся летний вольный выпас, характерный и для традиционного оленеводства севера Карелии. После советско-финской войны за счет трофейных оленей стадо увеличилось до 2000 голов, и его перегнали на новые пастбища к Алакурти [Сегаль 1962: 54].

публикаций первой половины XX в., посвященных оленеводству на севере Карелии, содержат статистические сведения о количестве оленей по уездам и поселениям [Капица 1924; 1928]. Некоторые из них описывают карельские клейма, по которым отличали домашних оленей [Золотарев 1924]. История и состояние оленеводства в Карелии до конца 50-х гг. XX в. подробно рассматриваются в работах зоолога А. Н. Сегалья [Сегаль 1959; 1962]. В 1950-х – 1970-х гг. вышли специальные этнографические исследования о материальной культуре карел, средствах и способах их передвижения [Тароева 1959; 1965; 1976]. Детальное этноисторическое исследование оленеводства у карел северной части Карелии до прихода к власти большевиков провел финский этнолог Ю. Кортесалми [Kortesalmi 1996].

Основным материалом словаря послужит оленеводческая лексика, извлеченная из деловых документов из фондов Национального архива Карелии 20–60-х гг. XX в. К ним относятся отчеты по обследованию оленеводства в Кемском и Ухтинском уездах КАССР [Гладин 1925; Эглит 1929; Язвиков 1936], акты о приеме оленей, о продаже государственных оленей, заявления граждан на выдачу им оленей, переписка местных органов власти и управления, протоколы заседаний правления и общих собраний колхозов, годовые и статистические отчеты колхозов и оленеводческих совхозов и т. д.

Архивные материалы, использованные в словаре, охватывают села и деревни, населенные преимущественно русскими: Киппоиха (совхоз), Ковда Кандалакшского района, Гридино, Калгалакша, Поньгома Кемского района, Кереть, Чупа-пристань Лоухского района. В словарь включены и материалы сел и деревень с карельским населением: Воньга, Пильдозеро Кемского района, Кестеньга, Ламбасгуба, Софьянга Кестеньгского района, Нильмозеро, Соностров Лоухского района.

Состав словаря и структура словарной статьи

Словарь включает русскую оленеводческую лексику, употребляемую в Кемском, Лоухском и Кандалакшском районах. В словаре будут представлены следующие группы оленеводческой лексики: дифференцирующие названия оленей по полу и возрасту, наименования средств передвижения и их частей, оленьей упряжки, болезней оленей, наименования владельцев-погонщиков и пастухов оленей, построек для содержания оленей и др. В материалах деревень, населенных преимущественно карелами, зафиксировано несколько слов карельского языка, записанных кириллицей (*вуонило, уркаля, хякки*). Несмотря на то, что отчетная документация в пунктах с карельским населением велась на русском языке, в быту местные жители говорили по-карельски. В этой связи в конце каждой словарной статьи после знаков | = приводятся параллельные наименования из собственно-карельских говоров карельского языка.

Помимо начальной формы, грамматических помет, толкования слова в словарной статье приводятся иллюстрации из деловых документов, которые свидетельствуют об особенностях той или иной реалии и часто содержат количественные данные. Указываются населенные пункты, где зафиксировано слово, а также источники данных.

Справочный раздел словаря будет включать статьи с энциклопедической информацией о влиянии на оленеводство в Карелии различных исторических событий (Первая мировая война, «Карельская авантюра», Советско-Финляндская война, Великая Отечественная война, коллективизация), других народов (саамы, коми-ижемцы, финны), о населенных пунктах, где держали оленей, о породах оленей и т. д.

Примеры словарных статей

ВОНДЕЛКА, ж. Оленья самка в возрасте от одного года до двух лет. Нельзя не отметить бессовестной эксплуатации важе-

нок и вонделок. Их гоняют почти до последних дней отела, вследствие чего они сильно худеют и нередко рожают мёртвых телят или же делают выкидыши [Глади́н 1925]. Олени-вонделки — 6. *Киппоуха*, 1934. Вонделки, тельные 1 раз — 11. *Киппоуха*, 1934. Олени-вонделки, нетели — 19. *Киппоуха*, 1936. Оленей-вонделок — 1. *Соностров*, 1945. | = карельск. *виоп'н'ело* 'ланка, оленуха [двухгодовалая самка оленя]' Вокнаволо́к, Кестеньга [Федотова, Бойко, 2009: 340]; *вионне́ло*, *вионни́ло* 'годовалая самка оленя' Оуланга, Кестеньга, Тихтозеро [Kortesalmi 1996: 341].

ДЕРЕВА́, *мн.* Клеици (деревянные полуовальные бруски) оленьего хомута. Дерев оленьих — 5. *Гридино*, 1940. Дерев оленьих — 3. *Гридино*, 1944, 1945. Дерев оленных — 6. *Калгалакша*, 1944. Дерев — 28 штук. *Гридино*, 1957.

ИГНА, *ж.*, чаще *мн.* игны. *Вожжа в оленьей упряжке; веревка с петлей на конце для отлова оленей.* При отпуске оленей прикрепленные к оленям игны Смоленников обвил кругом шей оленей и отпустил оленей в лес, а на остальных трех оленях поехал в Ковду. *Ковда*, 1922. Согласно данных сельсовета, чтобы избежать упадка скота, нам здесь необходимо укрепить наш колхоз, то есть мы здесь вопрос и ставим, что на каждое хозяйство оставить по одному оленю, а другие сдать, колхоз берет на себя мясопоставки на 1934 год. Весь имеющийся инвентарь конечно должен быть также обобществлен, включая игны. *Гридино*, 1934б. Игон — 29. *Калгалакша*, 1940. Игон разных — 29. *Калгалакша*, 1944. Игны веревочные — 47. Игны ременные — 110. *Соностров*, 1940. Игны — 65 шт. *Гридино*, 1957. | = карельск. *hiihna* 'лямка, тонкая веревка, шнур' Север Карелии [Федотова, Бойко 2009: 47]. Хихны были очень универсальными орудиями оленевода. Чаще всего это были ремни, сделанные из твердой кожи, но были и веревки [Kortesalmi 1996: 147].

ОГОРО́Д, *м.* Изгородь вокруг оленьего пастбища. Огород для оленей. *Кестеньга*, 1936. Оленевый огород. *Нильмозеро*, 1940. | = карельск. *laijin* 'изгородь для оленей' Калевала, Гайколя, Оуланга [Федотова, Бойко 2009: 129].

ОЛЕНЬ:

> **ПЕРЕДОВОЙ ОЛЕНЬ**, *м. Крайний с левой стороны в упряжи олень, к уздечке которого прикрепляется единственная для управления всей запряжкой вожжа* [Подвысоцкий 1885: 109]. Настоящим прошу Гридинский колхоз «Победа» меня отправить на седьмю, так как я не могу возить почту, нет оленей передовых. *Гридино*, 1933. | = *карельск. ajoкаś* ‘первая [лошадь], первый [олень] в упряжке’ Калевала, Вокнаволок, Кестеньга [Федотова, Бойко 2009: 9].

СИГОСТЕГА, *ж. Аркан-лассо для поимки оленя*. При поимке оленей употребляют особого рода лассо, которое называется здесь сигостега. Наброшенная сигостега на рога оленя заставляет его остановиться, и он в большинстве случаев дает спокойно взять себя в руки хозяину [Глади́н 1925]. | = *карельск. piogiva* ‘аркан, лассо для поимки оленей’ Оуланга, Кестеньга [Kortesalmi 1996: 353]; *piogiva* ‘аркан, лассо’ Кестеньга [Федотова, Бойко, 2009: 183].

УПРЯЖЬ, *ж. Совокупность принадлежностей для присоединения оленя к саням*. Упряжь построена так: на шею оленя надевается деревянный или кожаный хомут, к которому прикрепляется длинный ремень, так называемое тягло, которое пропускается между ног оленя и прикрепляется при помощи петли к саням. Сразу же за лопатками к спине туловище оленя перехватывается тоже ремнем, на котором укрепляется под животом палка для удержания тягла. При такой упряжке олень тянет груз как бы на одной шее и на животе, вследствие чего он очевидно быстро утомляется. При быстрых поворотах тягло, подхватывая ноги животного, может его совершенно сшибить. В общем и целом упряжка оленей во всех отношениях заставляет желать много лучшего [Глади́н 1925]. О выделении пастуха-оленевода для воинской части. Говорит тов. Пикетов, что для сохранения поголовья оленей и ремонта упряжи требуется опытный оленевод и преданный общественному делу. *Гридино*, 1938б. Упряжь оленья — 8. *Кереть*, 1940. | = *карельск. petraraiti* ‘оленья упряжка’ Вокнаволок [Федотова, Бойко 2009: 204].

ХОМУ́Т, м., мн. хому́ты. *Часть оленьей упряжи — кожаный или деревянный остов, надеваемый на шею оленя.* Хомуты — 11. *Нильмозеро*, 1940. Хомуты — 12. *Кереть*, 1940. Хомуты — 9. *Чунапристань*, 1940. Хомуты — 10. *Ламбасгуба*, 1940. Хомуты — 16. *Поньгома*, 1944. Хомуты оленьи — 76. *Соностров*, 1940. Хомуты оленьи — 30 шт. Хомуты с игнами — 9 шт. *Софьянга*, 1940. Хомуты оленные — 32. *Соностров*, 1944, 1945. Хомуты деревянные — 2. Хомуты одиночные ременные — 8. *Киппоиха*, 1934. Хомуты — 28. Хомуты — 35. *Кестеньга*, 1936. Хомуты ременные — 49. Хомуты деревянные — 10. *Киппоиха*, 1936. Хомуты из ремней — 42 шт. Хомуты деревянные — 38 шт. Хомут для оленей без гужей — 7 шт. *Кестеньга*, 1938. Хомутов для оленей — 18. *Пильдозеро*, 1944. Хомуты — 43 пары. *Пильдозеро*, 1951. Хомуты оленьи — 23 пары. *Пильдозеро*, 1953. Хомуты оленьи — 19 (девятнадцать). *Воньга*, 1954. Хомуты оленьи — 44 шт. *Воньга*, 1958. Хомуты — 31. *Воньга*, 1961б. | = карельск. *käšäyš* ‘кожаный олений хомут’ Оуланга, Кестеньга, Тихтозеро, *käšäš* ‘то же’ Тихтозеро, Тирозеро [Korteesalmi 1996: 345].

Заключение

Таким образом, словарь представит различные тематические группы оленеводческой лексики деловых документов XVIII–XX вв., относящихся к северу Карелии, — дифференцирующие названия оленей по полу и возрасту, наименования средств передвижения и их частей, оленьей упряжки, болезней оленей, названия владельцев-погонщиков и пастухов оленей, построек для содержания оленей и т. д. Словарь будет включать исторические и этнографические сведения о традиционном, колхозном и совхозном оленеводстве на севере Карелии, данные об ареале распространения диалектного слова (с четкой локализацией вплоть до населенного пункта) и времени его фиксации в документе. В конце каждой словарной статьи будут приведены параллельные наименования из собственно-карельских говоров карельского языка.

Литература

Жуков А. Ю. (2003) *Управление и самоуправление в Карелии XVII в.* Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого.

Жуков А. Ю. (2016) История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII – середины XVIII века. *Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования.* Петрозаводск: Карельский научный центр РАН: 378–381.

Золотарев Д. А. (1924) Карельские клейма. *Известия Русского географического общества*, 56 (1): 141–153.

Камкин Н. (1880) Архангельские карелы. Этнографический очерк. *Древняя и новая Россия*, 2: 291–309.

Капица Л. (1924) Материалы к изучению оседлого оленеводства Карелии и западного побережья Белого моря. *Известия Общества изучения Карелии*, 1: 3–13.

Капица Л. (1928) К вопросу о современном положении оленеводства в Северной Карелии. *Карело-Мурманский край*, 10–11: 41–43.

Козьмин В. А. (1997) Оленеводство у русских. *Проблемы археологии и этнографии*, 5: 100–121.

Лукьянченко Т. В. (1971) *Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX – начале XX в.* М.: Наука.

Сегаль А. Н. (1959) *Северный олень и оленеводство в Карелии.* Петрозаводск: Госиздат КАССР.

Сегаль А. Н. (1962) История северного оленя и оленеводство в Карелии. *Северный олень в Карельской АССР (морфология, систематика, экология, физиология, вопросы оленеводства).* М.; Л.: Наука: 41–57.

Тароева Р. Ф. (1959) Средства и способы передвижения у карел в до-революционное время. *Вопросы истории Карелии. Труды Карельского филиала АН СССР*, 22: 39–51.

Тароева Р. Ф. (1965) *Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк.* М.; Л.: Наука.

Тароева Р. Ф. (1976) Материальная культура карел как один из источников решения вопроса об этногенезе. *Происхождение карел.* Йоэнсуу: Университет Йоэнсуу: 149–167.

Эпштейн Е. М. (1987) *Державин в Карелии.* Петрозаводск: Карелия.

Kortesalmi J. (1996) Pohjois-Vienan poronhoito. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.

Сокращения источников

Из архивных источников приводятся полные наименования важнейших.

- Воньга (1954) — Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. Р-1654, оп. 5, д. 112/1188.
- Воньга (1958) — НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 70/519, л. 198–250.
- Воньга (19616) — НА РК, ф. Р-698, оп. 17, д. 17/85, л. 307–367.
- Глади́н (1925) — *Отчет по обследованию оленеводства в Кемском уезде АКССР* // НА РК, ф. Р-265, оп. 1, д. 12/138, л. 92–100.
- Гридино (1931) — НА РК, ф. Р-3415, оп. 1, д. 1/3, л. 79–81об.
- Гридино (1933) — НА РК, ф. Р-3415, оп. 1, д. 1/7, л. 10–11.
- Гридино (1934) — НА РК, ф. 3415, оп. 1, д. 1/11, л. 45–48.
- Гридино (1936) — НА РК, ф. Р-1984, оп. 1, д. 2/16, л. 44.
- Гридино (1938) — НА РК, ф. Р-3415, оп. 1, д. 2/26, л. 87–90об.
- Гридино (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 3/23, л. 42–79.
- Гридино (1944) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 15/134, л. 161–176.
- Гридино (1945) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 18/167, л. 290–306.
- Гридино (1957) — НА РК, ф. Р-3415, оп. 1, д. 5/113, л. 23.
- Калгалакша (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 3/23, л. 1–28.
- Калгалакша (1944) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 15/134, л. 127–145.
- Кемь (1922) — НА РК, ф. Р-265, оп. 1, д. 4/55, л. 25.
- Кереть (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 4/25, л. 120–127.
- Кестеньга (1936) — НА РК, ф. 698, оп. 5, д. 80/7266, л. 1–53.
- Кестеньга (1938) — НА РК, ф. Р-698, оп. 5, д. 100/890, л. 102–112.
- Киппоиха (1934) — НА РК, ф. Р-698, оп. 5, д. 45/442, л. 5–6, 11–12.
- Киппоиха (1936) — НА РК, ф. Р-698, оп. 5, д. 80/7266, л. 90–106.
- Ковда (1922) — НА РК, ф. Р-265, оп. 1, д. 4/53, л. 4–5.
- Ламбасгуба (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 4/26, л. 197–204об.
- МИК (1941) — Отдельная запись Семена Юренева Соловецкому монастырю на земли в Кемской и Подужемской волостях. *Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.* Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941: 319–327.
- Нильмозеро (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 4/25, л. 1–19.
- Пильдозеро (1944) — НА РК, ф. Р-1654, оп. 1, д. 31/217, л. 41–63.
- Пильдозеро (1951) — НА РК, ф. Р-1654, оп. 5, д. 72/786.
- Пильдозеро (1953) — НА РК, ф. Р-1654, оп. 1, д. 45/361, л. 29–41.

- Подвысоцкий (1885) — Подвысоцкий А. О. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб., 1885.
- Поньгома (1944) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 15/134, л. 95–102об.
- Север Карелии (1944) — НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 33/442, л. 94.
- Соностров (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 4/25, л. 185–192.
- Соностров (1944) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 15/134, л. 236–243об.
- Соностров (1945) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 18/167, л. 325–332об.
- Софьянга (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 4/26, л. 163–170.
- Чупа-пристань (1940) — НА РК, ф. Р-623, оп. 3, д. 4/25, л. 82–89.
- Федотова, Бойко (2009) — Федотова В. П., Бойко Т. П. *Словарь собственно-карельских говоров Карелии*. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2009.
- Эглит (1929) — Эглит И. *Оленеводческое хозяйство в Ухтинском уезде, 1929* // НА РК, ф. Р-698, оп. 5, д. 14/151, л. 7–10.
- Язвиков (1936) — Язвиков Л. П. *Оленеводство в АКССР, 1936* // НА РК, ф. Р-1173, оп. 1, д. 5/64, л. 30–40.

THE DICTIONARY OF REINDEER HERDING LEXIS USED IN BUSINESS DOCUMENTS OF NORTH KARELIA: A PROJECT

Citation: Priobrazhenskiy A. (2020) Proekt «Slovarya olenevodcheskoy leksiki delovyykh dokumentov severa Karelii» [The dictionary of reindeer herding lexis used in business documents of North Karelia: a project]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 343–356. (in Russian)

About the author. Priobrazhenskiy Andrey. Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, Russia. <primlp47@list.ru>

Abstract. The article deals with a project of historical and ethnographic dictionary of reindeer herding lexis used in the 18–20th century business documents of the North of Karelia. The dictionary will contain lexis related to reindeer herding used in the Russian dialects spoken in Kem' Pomorye area as well as in the North Karelian dialects of the Karelian language. It will also include historical and ethnographic information about traditional, collective-farm and government-run reindeer herding in the North of Karelia. The dictionary will contain the following groups of reindeer herding lexis: designations of deer differentiated by gender and age; vehicles and their components; parts of a reindeer team; deer diseases; owners, drivers and herders of deer; buildings for keeping deer, etc. For the purpose of determining the semantic structure of a word as well as for extra reference the dictionary will use a variety of printed and archival sources. The author provides a detailed description of the dictionary sources, examines the structure of the entry, and suggests sample entries on certain thematic groups of reindeer-herding vocabulary. The issue of the origin and specificity of reindeer herding in the North of Karelia is briefly considered. Among the archival documents one can note the following: reports on the reindeer herding surveys in Kem' and Ukhta districts of KASSR; deer acceptance certificates; sales documents for government-owned deer; claims for deer from citizens; correspondence between local authorities about reindeer herding; minutes of administrative and general meetings of collective farms; annual and statistical reports of collective farms and government-run reindeer herding farms. The dictionary will contain information about the area of distribution of a dialect word (with clear localization up to the community) as well as about the time of its fixation in the document. At the end of each dictionary entry, parallel names from the Karelian language dialects are given. The reference section of the dictionary will include articles

with encyclopedic information about communities where deer were kept, breeds of deer, the impact of various historical events (World War I, Karelian uprising, Soviet-Finnish war, Great Patriotic War, collectivization) and other peoples (Saami, Izhma Komi, Finns) on reindeer herding in Karelia.

Keywords: North of Russian Karelia, vocabulary of business documents, reindeer herding terminology, dictionary project.

References

Epstein E. M. (1987) *Derzhavin v Karelii* [Derzhavin in Karelia]. Petrozavodsk: Kareliya. (in Russian)

Fedotova V. P., Boyko T. P. (2009) *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of Karelian dialects in Karelia]. Petrozavodsk: IYALI KNC RAN. (in Karelian, Russian)

Geyman V. G. (ed.) (1941) Otdel'naya zapis' Semena Yureneva Solovetskomu monastyryu na zemli v Kemskoy i Poduzhemskey volostyakh [Separate record of Semyon Yurenev to the Solovetsky monastery on the lands of the Kemsky and Poduzhemy sky volosts]. *Materialy po istorii Karelii XII-XVI vv.* [Materials on the history of Karelia of the 12–16th centuries]. Petrozavodsk: Gosizdat KFSSR: 319–327. (in Russian)

Kapitsa L. (1924) Materialy k izucheniyu osedlogo olenevodstva Karelii i zapadnogo poberezh'ya Belogo morya [Materials for the study of sedentary reindeer herding in Karelia and the western coast of the White Sea]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Karelii* [Proceedings of the society for Karelian studies], 1: 3–13. (in Russian)

Kapitsa L. (1928) K voprosu o sovremennom polozhenii olenevodstva v Severnoy Karelii [On the current situation of reindeer herding in North Karelia]. *Karelo-Murmanskiy kray* [Karelian and Murmansk region], 10–11: 41–43. (in Russian)

Kortesalmi J. (1996) *Pohjois-Vienan poronhoito* [Reindeer breeding in the Northern part of the White Sea Karelia]. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys. (in Finnish)

Kozmin V. A. (1997) Olenevodstvo u russkikh [Reindeer herding of the Russians]. *Problemy arkheologii i etnografii* [Problems of archeology and ethnography], 5. St. Petersburg: 100–121. (in Russian)

Lukyanchenko T. V. (1971) *Material'naya kul'tura saamov (loparey) Kol'skogo poluostrova v kontse XIX – nachale XX veka* [The material culture of the Saami (Lapps) of Kola Peninsula in the late 19 – early 20th century]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Segal' A. N. (1959) *Severnnyy olen' i olenevodstvo v Karelii* [Reindeer and reindeer herding in Karelia]. Petrozavodsk: Gosizdat KASSR. (in Russian)

Segal' A. N. (1962) *Istoriya severnogo olenya i olenevodstvo v Karelii* [History of reindeer and reindeer herding in Karelia]. *Severnnyy olen' v Karel'skoy ASSR (morfologiya, sistematika, ekologiya, fiziologiya, voprosy olenevodstva)* [Reindeer in the Karelian ASSR (morphology, systematics, ecology, physiology, issues of reindeer herding)]. Moscow, Leningrad: Nauka: 41–57. (in Russian)

Taroeva R. F. (1959) *Sredstva i sposoby peredvizheniya u karel v dorevol'yutsionnoye vremya* [Means and methods of transportation of the Karelians in pre-revolutionary times]. *Voprosy istorii Karelii. Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR* [Proceedings of the Karelian branch of the Academy of Sciences of the USSR], 22. Petrozavodsk: 39–51. (in Russian)

Taroeva R. F. (1965) *Material'naya kul'tura karel (Karel'skaya ASSR): etnograficheskiy ocherk* [The material culture of the Karelians (Karelian ASSR): an ethnographic essay]. Moscow, Leningrad: Nauka. (in Russian)

Taroeva R. F. (1976) *Material'naya kul'tura karel kak odin iz istochnikov resheniya voprosa ob etnogeneze* [The material culture of the Karelians as one of the sources of solving the issue of ethnogenesis]. *Proiskhozhdenie karel* [The origin of the Karelians]. Joensuu: Universitet Joensuu: 149–167. (in Russian)

Zhukov A. Yu. (2003) *Upravlenie i samoupravlenie v Karelii XVII v.* [Governance and self-government in 17th-century of Karelia]. Velikiy Novgorod: Izd-vo Novgorodskogo universiteta. (in Russian)

Zhukov A. Yu. (2016) *Istoriya karelov Pomor'ya i Belomorskoy Karelii v svete novykh istochnikov kontsa XVII – serediny XVIII veka* [History of the Karelians of Pomorye and Belomorian Karelia in the light of new sources of the late 17 – mid 18th century]. *Rol' nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [The role of science in solving problems of region and country: fundamental and applied research]. Petrozavodsk: KNC RAN: 378–381. (in Russian)

Zolotarev D. A. (1924) *Karel'skie kleyma* [Karelian brands]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian geographical society], 56 (1): 141–153. (in Russian)

НАРОДЫ СЕВЕРА: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А. Н. Ракин

ЛЕКСИКА ЛУГОВОГО ЛАНДШАФТА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Цитирование: Ракин А. Н. (2020) Лексика лугового ландшафта в коми языке. *Севернорусские говоры*, 19: 357–373.

Сведения об авторе. Ракин Анатолий Николаевич. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, Россия. <anatolij.rakin@mail.ru>

Аннотация. Статья посвящена одному из компонентов ландшафтной лексики суши — обозначениям лугового ландшафта в коми языке. Анализ фактического материала, относящегося в основном к коми литературному языку, проводится с применением как диахронических, так и синхронных методов лингвистического исследования. Исходя из предметно-понятийного содержания номинативных единиц, вся совокупность рассматриваемых названий распределяется по шести основным подгруппам. Исконная часть лексики лугового ландшафта коми языка характеризуется наличием четырех компонентов древней лексики: прауральского, прафинно-пермского, прапермского и пракоми. Иноязычный компонент коми лексики лугового ландшафта состоит из немногочисленных по своему составу заимствований, проникших из двух внешних источников.

Ключевые слова: коми язык, лексика, обозначения лугового ландшафта, исконный лексический фонд, заимствования.

Введение

Обозначения лугового ландшафта в коми языке представляют собой один из компонентов ландшафтной лексики суши, составными частями которой также являются следующие группы названий: 1) рельефно-ландшафтная микросистема, состоящая из: а) обозначений возвышенностей (*вывтас* 'возвышенность', *чой* 'гора', *мыльк* 'холм', *рӧч* 'бугор', *креж* 'скала', *чурк* 'грива' и т. д.); б) лексики равнинного ландшафта (*тиӧтшикӧсін* 'равнина', *ковтыс* 'долина' и т. д.); в) лексики низменного ландшафта (*увтас* 'низменность', *кырӧм* 'овраг', *сёртас* 'впадина', *сён* 'ложбина' и т. д.); 2) обозначения лесного ландшафта (*вӧр* 'лес', *лыска вӧр* 'хвойный лес', *корья вӧр* 'лиственный лес', *парма* 'тайга', *рас* 'роща', *яг* 'бор', *поддін вӧр* 'подлесок', *пуийӧд* 'поросль' и т. д.); 3) обозначения болотного ландшафта (*нюр* 'болото', *вывтас нюр* 'верховое болото', *увтас нюр* 'низинное болото', *куш нюр* 'безлесное болото', *гыбад* 'трясина') и т. д. К изучению темы «Ландшафтная лексика» в пермском языкознании приступили совсем недавно. К настоящему времени опубликовано несколько статей как по гидроландшафтным обозначениям [Ракин 2018; Ракин 2019а; Ракин 2019в], так и по лексике суши [Ракин 2019б; Ракин 2019г].

Цель данной статьи — выявить системные признаки, отличающие обозначения лугового ландшафта от других компонентов лексики суши коми языка, определить состав исследуемой группы названий и провести ее систематизацию, установить истоки и основные этапы формирования и развития данной микросистемы.

Корпус названий лугового ландшафта коми языка состоит из 60 лексических единиц, относящихся к 26 объектам номинации. Основным источником фактического материала послужил словарный состав коми литературного языка, содержащийся в лексикографических изданиях [КРК; РКС; СТС]. Что касается диалектных слов, принадлежность к данной категории отмечена лишь у одного наименования: *паун* диал. 'луг, поросший кустарником' [КРК: 489].

Сопоставительные примеры приводятся из словарей коми-пермяцкого и удмуртского языков [КПРС; КПРСРКПС; Борисов 1991; УРС; РУС; WW; СТС]. Диахроническая классификация исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников [КЭСКЯ; UEW; Uotila 1938; Wichmann 1923–1924]. Состав ландшафтных названий иноязычного происхождения и их количество устанавливается с помощью исходных слов, выявленных нами из словарей русского языка [Даль 1989; Даль 1990; СРГСУ 1971; СРГСУ 1983; СРНГ 1981; СРЯ 1984].

Лексика лугового ландшафта

По своему семантическому содержанию обозначения лугового ландшафта в коми языке не однородны, они являются моносемантическими или полисемантическими названиями. К первой категории, т. е. к названиям, имеющим одно значение, относящиеся к одному ландшафтному объекту, принадлежит подавляющее большинство анализируемых лексем: *дав* 'лесное пастбище' [РКС: 601], *лос* 'сырой кочковатый луг' [КРК: 358], *ойдлытӧм видз* 'суходольный луг' [РКС: 944], *увтас видз* 'низинный луг' [КРК: 680], *эрд* 'поляна' [КРК: 770] и т. д. Группа полисемантических названий, обладающих несколькими значениями, относящимися к нескольким ландшафтным объектам, состоит всего из трех обозначений: *ласта* — 1) 'низинный луг', 2) 'луг в долине реки' [КРК: 346; СТС: 47], *луд* — 1) 'пастбище', 2) 'лужайка' [КРК: 364], *эжа* — 1) 'дерн', 2) 'луг', 3) 'лужайка', 4) 'трава' [КРК: 766]. Особенностью исследуемой микросистемы ландшафтной лексики является также то, что слова с переносным значением здесь отсутствуют, все без исключения названия имеют прямое значение: *адз видз* 'пойменный луг' [КРК: 25], *видз* 'луг' [КРК: 98], *куш* 'поляна' [КРК: 324], *йирӧданін* 'пастбище' [КРК: 247], *туруна видз* 'травянистый луг' [КРК: 664], *юйывса видз* 'верховой луг' [КРК: 776] и т. д.

Исходя из предметно-понятийного содержания коми названий лугового ландшафта, все обозначения данной категории можно распределить по нескольким группам.

Часть названий в коми языке употребляется для обозначения различных типов лугового ландшафта: *видз* ‘луг’ [КРК: 98], *эжа* ‘лужайка’ [КРК: 766], *эрд* ‘поляна’ [КРК: 770] и т. д.

Следующие обозначения указывают на рельефные особенности объекта номинации: *выетас видз* ‘суходольный луг’ [КРК: 130], *ласта* ‘низинный луг’ [КРК: 346], *тишӧтикӧс видз* ‘равнинный луг’ [СТС: 47], *увтас видз* ‘низинный луг’ [КРК: 680], *гӧра-вывса видз* ‘горный луг’ [РКС: 165] и т. д.

Названия, характеризующие почвенные особенности и специфику растительного покрова объекта номинации: *вутикӧс видз* ‘кочковатый луг’ [КРК: 129], *кос видз* ‘суходольный луг’, *лос* ‘сырой кочковатый луг’, *нюрсялӧм видз* ‘заболоченный луг’ [РКС: 231], *паун* ‘луг, поросший мелким кустарником’ [КРК: 489], *туруна видз* ‘травянистый луг’ [КРК: 664] и т. д.

Названия, смысловое содержание которых связано с местонахождением или с каким-либо признаком, обусловленным кратковременным состоянием объекта номинации: *адз видз* ‘пойменный луг’ [КРК: 25], *вадор видз* ‘прибрежный, приречный луг’ [КРК: 77], *вӧр кост видз* ‘лужайка’ [РКС: 404], *вӧр эрд* ‘лужайка’ [РКС: 404], *нюр выв видз* ‘болотистый луг’ [РКС: 404], *юбердса видз* ‘прибрежный луг’ [КРК: 744], *юйывса видз* ‘верховой луг’ [КРК: 776], *юсайса йирсянін* ‘пастбище на другом берегу реки’ [КРК: 248], *ягдорса видз* ‘луг, расположенный около соснового бора’ [КРК: 782], *ваӧн босьтлан видз* ‘пойменный луг’ [РКС: 404], *ойдлан видз* ‘заливной луг’ [КРК: 454] и т. д.

Названия, указывающие на хозяйственное предназначение объекта номинации: *йирӧданін* ‘пастбище’ [КРК: 247], *йирӧчанін* ‘пастбище’ [РКС: 601], *йирсянін* ‘пастбище’ [КРК: 248], *скӧт йирӧданін* ‘пастбище’ [КРК: 247], *турун пуктан видз* ‘сенокосный луг’, *ытикан видз* ‘сенокосный луг’ и т. д.

Названия, отражающие качественные или количественные признаки объекта номинации: *неыджыд видз* ‘луговина’ [РКС: 404], *чулька-мылька видз* ‘кочковатый луг’ [КРК: 719], *шыльыд видз* ‘гладкий луг’ [СТС: 47] и т. д.

В составе лексики лугового ландшафта коми языка подавляющее большинство номинативных единиц представляет собой исконные обозначения. Древний пласт названий, пусть и в незначительных количествах, состоит из слов допермского, общепермского и пракоми происхождения. К допермскому фонду обозначений лугового ландшафта относятся три слова, унаследованные из уральского и финно-пермского праязыков. Обозначения прафинно-угорского происхождения здесь отсутствуют.

К числу слов, возникших в прауральском языке, просуществовавшем до IV тысячелетия до н. э. [Лыткин 1974: 409], в составе исследуемой микросистемы пермских языков относится лишь одно слово: кз. *луд* 'лужайка, пастбище', кп. *луд* 'лужайка; поляна; пастбище; дерн', удм. *луд* 'поле' < общеп. *lud- 'выгон; луг' [КЭСКЯ: 163] < ур. *lamte 'низменность' [UEW: 235]. Генетические соответствия имеются в финском, эстонском, марийском, ненецком, энецком, селькупском языках. Рассмотренные выше слова пермских языков свидетельствуют о том, что они начали употребляться в качестве обозначения лугового ландшафта лишь после образования прапермского языка-основы.

Другие два слова унаследованы из финно-пермского праязыка, относимого к периоду с конца III тысячелетия до середины II тысячелетия до н. э. [Лыткин 1974: 433]:

1) кз. *куш* 'поляна, полянка', кп. *кушин* 'поляна', удм. *куш* 'поляна, лужайка (в лесу)' < общеп. *kuš 'голый, обнаженный' [КЭСКЯ: 148] < ф.-п. *kušz 'голое место' [UEW: 678]. В качестве генетических дальнеродственных соответствий приводятся слова из мордовских языков;

2) кз. *турун* 'трава', кп. *турун* 'трава', удм. *турын* 'трава' < общеп. *turin 'трава' [КЭСКЯ: 287] < ф.-п. *tarna 'трава' [UEW: 792]. Соответствия приводятся из финского и эстонского языков. Предполагают [UEW: 792; КЭСКЯ: 287], что эти древние названия, сохранившиеся в современных пермских и некоторых прибалтийско-финских языках, являются не исконными словами, а заимствованиями финно-пермской эпохи, имеющими древнеиранское или древнеиндийское происхождение.

Отдельную группу древних слов составляют названия общепермской эпохи, которые появились до VIII в. н.э. [Хайду 1985: 49], после распада прафинно-пермской языковой общности и в результате образования прапермского языка-основы:

1) кз. *видз* 'луг, покос, пожня', кп. *видз* 'луг, покос, пожня', удм. *возь* 'луг, покос' < общеп. **vзз'*- 'луг' [КЭСКЯ: 55];

2) кз. *эжа* 'дерн; луг; лужайка', кп. *эжа* 'дерн', удм. *ожо* 'трава, дерн' < общеп. *ежа 'дерн; луг' [КЭСКЯ: 331].

Особенностью прапермских обозначений лугового ландшафта является то, что они употребляются только в современных пермских языках и дальнеродственных соответствий не имеют. Номинативные единицы данной группы, как и названия предыдущих эпох, являются не мотивированными однословными образованиями.

Ландшафтная лексика пракоми происхождения характеризуется тем, что ее формирование происходило после распада прапермской языковой общности и расхождения предков коми с удмуртами, т. е. в период от IX до XI в. н.э. [Лыткин 1957: 25]. Поэтому этот разряд лексических единиц встречается в основном в двух северных пермских языках — в коми-зырянском и коми-пермяцком. Генетические соответствия им в удмуртском языке отсутствуют:

1) кз. *кушин* 'поляна' [КРК: 324], кп. *кушин* 'безлесное место' [КПРС: 207], *кушин* 'поляна' [КПРСРКПС: 75] < прак. *kušin 'поляна'. Данное обозначение в современных коми языках является производным словом, состоящим из корневой части *куш* 'поляна, голое место' (< ф.-п. *kušz 'голое место') [UEW: 678] и словообразовательного элемента *ин*, по-видимому, таковым оно было и в пракоми языке;

2) кз. *эрд* 'поляна, открытое место' [КРК: 770], кп. *ердот* 'лужайка' [КПРС: 136] < прак. *erd 'поляна, открытое место'. Коми-пермяцкий пример является производным словом, имеющим в своем составе продуктивный суффикс *-от*;

3) кз. *йонд* 'болотистое место, заросшее несъедобной травой, кустарниками и мелкими деревьями' [КРК: 252], кп. *йонд*

‘низменный, сырой, болотистый луг’ [КПРС: 159] < прак. *jōned ‘болотистый луг с осотом’. Если считать производящей основой данных ландшафтных обозначений слово *йөн* ‘осот’, повсеместно употребляющееся в обоих коми языках, их следует признать производными названиями, образованными с помощью суффикса -*ōd*;

4) кз. *туруна видз* ‘травянистый луг’ [КРК: 664], кп. *туруна видз* ‘травянистый луг’ [КПРС: 495] < прак. *turina-viž ‘травянистый луг’;

5) кз. *нюрсялӧм видз* ‘заболоченный луг’ [КРК: 231], кп. *нюрсялӧм видз* ‘заболоченный луг’ [КПРС: 283] < прак. **n'urs'alem-viž* ‘заболоченный луг’;

6) кз. *шыльыд видз* ‘гладкий луг’ [СТС: 47], кп. *шыльыт видз* ‘гладкий луг’ < прак. **šul'it-viž* ‘гладкий луг’.

Рассмотренные выше обозначения лугового ландшафта пракоми происхождения свидетельствуют о том, что, в отличие от других компонентов древней лексики, данная группа включает не только однословные непроеизводные названия, но и производные двучленные составные образования.

По своему происхождению самый поздний слой составляют собственно коми-зырянские обозначения лугового ландшафта, возникшие после отделения наших предков от коми-пермяков. Отличительной особенностью данной категории лексических единиц является то, что они употребляются только в речи носителей современного коми-зырянского языка, на территориях проживания других родственных народов, в том числе и коми-пермяков, не встречаются.

В составе собственно коми обозначений структурно различаются однословные названия и составные конструкции. Часть однословных обозначений представляет собой непроеизводные названия, состоящие только из корневой морфемы: *дав* ‘лесное пастбище’ [РКС: 601], *тод* ‘кочковатый сырой луг’ [КРК: 643]. Остальные примеры данной группы являются производными образованиями, имеющими в своем составе не только корневую часть, но и другие морфологические элементы:

1) слово *куштов* 'поляна' [КРК: 325] произведено от глагола *куштыны* 'оголять, оголить; обнажать, обнажить' [КРК: 325], с помощью суффикса *-ов*. Данную морфему возводят к древнему суффиксу *-ol*, имеющему генетические соответствия не только в финно-угорских, но и в самодийских языках [Серебренников 1963: 171];

2) целый ряд обозначений лугового ландшафта характеризуется наличием морфологического показателя *-ин*, восходящего к самостоятельному слову *ин* 'место' [Серебренников 1963: 147]: *вутшкӧсин* 'кочковатый луг', ср. *вутшкӧсь* 'кочковатый, с кочками', *йирӧданін* 'пастбище' [КРК: 247], *йирӧдчанін* 'пастбище' [РКС: 601], *йирсянін* 'пастбище' [КРК: 248], ср. *йирӧдны* 'пасти', *йирсьыны* 'пастись', *йирсьӧдчыны* 'пасти на подножном корму', *эрдаин* 'поляна' [КРК: 770], *восьсаин* 'поляна' [КРК: 116], ср. *восьса* 'открытый' [КРК: 115].

Составные названия в системе обозначений лугового ландшафта представляют собой сочетания из двух и трех слов.

Двучленные названия образованы по четырем структурным моделям.

1) Структурная модель «существительное + существительное»: *адз видз* 'пойменный луг' (*адз* 'пойма', *видз* 'луг'), *вадор видз* 'прибрежный луг' (*вадор* 'берег', *видз* 'луг'), *вевтас видз* 'суходольный луг' (*вевтас* 'суходол', *видз* 'луг'), *вӧр эрд* 'лужайка' (*вӧр* 'лес', *эрд* 'поляна'), *вывтас видз* 'суходольный луг' (*вывтас* 'суходол', *видз* 'луг'), *дав видз* 'суходольный луг' (*дав* 'лесное пастбище', *видз* 'луг'), *скӧт йирӧданін* 'пастбищный луг' (*скӧт* 'скотина', *йирӧданін* 'пастбище'), *увтас видз* 'низинный луг' (*увтас* 'низменность', *видз* 'луг').

2) Структурная модель «прилагательное + существительное». В соответствии с внутренней дифференциацией прилагательных в составе обозначений данной модели различаются:

— структурная модель «качественное прилагательное + существительное»: *кос видз* 'суходольный луг' (*кос* 'сухой', *видз* 'луг'), *тиӧтшкӧс видз* 'равнинный луг' (*тиӧтшкӧс* 'ровный', *видз* 'луг'), *нейджыд видз* 'луговина' (*нейджыд* 'небольшой', *видз* 'луг');

— структурная модель «относительное прилагательное + существительное»: *вутшкӧсь видз* ‘кочковатый луг’ (*вутшкӧсь* ‘кочковатый’, *видз* ‘луг’), *гӧравывса видз* ‘горный луг’ (*гӧравывса* ‘горный’, *видз* ‘луг’), *гӧравывса пӧскӧтина* ‘высокогорное пастбище’ (*гӧравывса* ‘горный’, *пӧскӧтина* ‘пастбище’), *туруна видз* ‘травянистый луг’ (*туруна* ‘травянистый’, *видз* ‘луг’), *юбердса видз* ‘приречный луг’ (*юбердса* ‘приречный’, *видз* ‘луг’), *юсайса йирсянін* ‘пастбище на другом берегу реки’ (*юсайса* ‘заречный’, *йирсянін* ‘пастбище’), *ягдорса видз* ‘луг, расположенный около соснового бора’ (*ягдорса* ‘приборовой’, *видз* ‘луг’).

3) Структурная модель «причастие + существительное»: *нюрсялӧм видз* ‘заболоченный луг’ (*нюрсялӧм* ‘заболоченный’, *видз* ‘луг’), *ойдлан видз* ‘заливной луг’ (*ойдлан* ‘заливной’, *видз* ‘луг’), *ойдлытӧм видз* ‘суходольный луг’ (*ойдлытӧм* ‘не заливаемый’, *видз* ‘луг’), *пуктан видз* ‘сенокосный луг’ (*пуктан* ‘заготавливаемый’, *видз* ‘луг’), *ытикан видз* ‘сенокосный луг’ (*ытикан* ‘скашиваемый’, *видз* ‘луг’).

4) Структурная модель «существительное + послелог»: *эрд выв* ‘поляна’ (*эрд* ‘поляна’, *выв* ‘верх’).

Составными названиями из трех слов являются 4 примера. Обозначения данной группы образованы по следующим моделям:

1) Структурная модель «существительное + послелог + существительное»: *нюр выв видз* ‘болотистый луг’ (*нюр* ‘болото’, *выв* ‘верх’, *видз* ‘луг’), *эжа выв видз* ‘лужайка’ (*эжа* ‘луг’, *выв* ‘верх’, *видз* ‘луг’).

2) Структурная модель «существительное + причастие + существительное»: *турун пуктан видз* ‘сенокосный луг’ (*турун* ‘трава’, *пуктан* ‘заготавливаемый’, *видз* ‘луг’).

3) Структурная модель «прилагательное + прилагательное + существительное»: *чулька-мылька видз* ‘кочковатый луг’ (*чулька* ‘с бугорками’, *мылька* ‘с холмиками’, *видз* ‘луг’).

Неисконная часть лексики лугового ландшафта коми языка состоит из двух типов заимствований: названий русского и прибалтийско-финского происхождения.

К первому типу заимствований относятся следующие примеры:

1) *кулига* 'лужайка, прогалина в лесу; небольшой покос' [КРК: 315] < рус., ср. *кулига* 'прогалина, полянка' [Даль 1989: 216], *кулига* 'поляна' [СРГСУ 1971: 73];

2) *луг* 'лужайка' [КРК: 388] < рус., ср. *луг* 'луговая сухоходольная поляна (обычно в лесу)' [СРНГ 1981: 174];

3) *навёлёк* 'заливной луг' [РКС: 447] < рус., ср. *наволок* 'заливной луг' [СРЯ 1984: 334], *наволок* 'пойменные луга' [Даль 1989: 334], *наволок* 'пойменный луг' [СРГСУ 1971: 160];

4) *присад* 'пойменный луг на наносной береговой полосе' [КРК: 552] < рус., ср. *присада* 'заливной луг, покос на берегу реки' [СРГСУ 1983: 134];

5) *пöскöтина* 'пастбище, выгон' [КРК: 565] < рус., ср. *поскотина* 'пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью' [СРЯ 1984: 315], *поскотина* 'пастбище, выгон' [СРГСУ 1983: 103], *поскотина* 'выгон, пастбище' [Даль 1990: 333].

Второй тип заимствований представлен лишь одним примером: *паун* 'луг, поросший мелким кустарником' [КРК: 524] < приб.-ф., ср. ф. *раупа* 'лужа', эст. *рауп* 'лужа' [КЭСКЯ: 217]. Как видим, при заимствовании произошло изменение семантики гидронимического исходного слова, в результате чего в коми языке оно перешло в разряд лексики суши.

Заключение

Завершая лингвистический анализ обозначений лугового ландшафта, следует сказать, что данная группа номинативных единиц обладает такими предметно-понятийными, семантическими и структурно-словообразовательными признаками, которые позволяют рассматривать ее в качестве отдельной микросистемы в составе ландшафтной лексики суши коми языка.

Исконная часть лексики лугового ландшафта обладает четырьмя компонентами древнего происхождения (вместо пяти в других отраслях словарного состава), сформировавшимися

в прауральскую, прафинно-пермскую, прапермскую и пракоми эпоху. Верхний слой в диахронической иерархии обозначений лугового ландшафта составляют образования, появившиеся в период самостоятельного существования коми-зырянского языка, после его отделения от коми-пермяцкого. Собственно коми-зырянская группа обозначений характеризуется наличием не только одноклассных, но и составных названий, состоящих из двух и трех слов. Для образования многословных конструкций использованы такие части речи, как существительные, прилагательные, причастия и послелого. Иноязычный компонент, образовавшийся на базе двух внешних источников, состоит из поздних заимствований, проникших из русского и прибалтийско-финских языков.

Литература

Лыткин В. И. (1957) *Историческая грамматика коми языка*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.

Лыткин В. И. (ред.) (1974) *Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)*. М.: Наука.

Ракин А. Н. (2018) Гидроландшафтная лексика коми языка. *Севернорусские говоры*, 17: 107–122.

Ракин А. Н. (2019а) Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка. *Вестник Марийского государственного университета*, 13 (2): 252–261.

Ракин А. Н. (2019б) Ландшафтная лексика суши в коми языке (обозначения возвышенностей). *Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России*: сборник по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск: Издательство Анны Зелениной: 142–146.

Ракин А. Н. (2019в) Гидроландшафтная лексика удмуртского языка. *Финно-угорский мир*, 11 (3): 286–276.

Ракин А. Н. (2019г) Обозначения лесного ландшафта в удмуртском языке. *Вестник урovedения*, 9 (4): 710–717.

Серебренников Б. А. (1963) *Историческая морфология пермских языков*. М.: Изд-во АН СССР.

Хайду П. (1985) *Уральские языки и народы*. М.: Прогресс.

Uotila T. E. (1938) *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis*. Helsinki.

Wichmann Y. (1923–1924) Etymologisches aus den permischen Sprachen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, XVI: 185–212.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- Борисов 1991 — Борисов Т. К. *Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь*. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991.
- Даль 1989 — Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1989.
- Даль 1990 — Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1990.
- КПРС — *Коми-пермяцко-русский словарь*. Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М.: Русский язык, 1985.
- КПРСРКПС — Немтинова Г. И., Федосеева В. В., Яркова Л. Ф. *Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь*. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1993.
- КРК — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. *Коми-роч кывчукор*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.
- КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
- РКС — Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. *Русско-коми словарь*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- РУС — *Русско-удмуртский словарь*. Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
- СРГСУ 1971 — *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Т. 2. Под. ред. Н. П. Костина. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1971.
- СРГСУ 1983 — *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Т. 4. Под. ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983.
- СРНГ 1981 — *Словарь русских народных говоров*. Т. 17. Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1981.
- СРЯ 1984 — *Словарь русского языка*: В 4 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. М.: Русский язык, 1984.
- СТС — *Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь*. Под общей ред. Р. Ш. Насибуллина. Сыктывкар: ГОУ ДПО КРИРОиПК, 2007.
- УРС — *Удмуртско-русский словарь = Удмурт-ӹуч кыллюкам*. Отв. ред. Л. Е. Кириллова. 2-е доп., перераб. изд. 1983 г. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2008.

- WW — *Wotjakischer Wortschatz*. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987.
- UEW — Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. B. 1–2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1988.

Сокращения названий языков и диалектов

диал. — диалектное слово	рус. — русский язык
кз. — коми-зырянский язык	удм. — удмуртский язык
кп. — коми-пермяцкий язык	ур. — уральский праязык
общеп. — общепермский язык-основа	ф. — финский язык
прак. — пракоми язык	ф.-п. — финно-пермский праязык
приб.-ф. — прибалтийско-финские языки	эст. — эстонский язык

VOCABULARY OF MEADOW LANDSCAPE
IN THE KOMI LANGUAGE

Citation: Rakin A. (2020) Leksika lugovogo landshafta v komi yazyke [Vocabulary of meadow landscape in the Komi language]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 19: 357–373. (in Russian)

About the author. Rakin Anatoliy. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Syktyvkar, Russia. <anatolij.rakin@mail.ru>

Abstract. The paper deals with one of the components of the landscape vocabulary — designations of the meadow landscape in the Komi language. As an independent microsystem, this lexical and thematic group has its own structural organization, an individual composition of the objects of nomination together with a specific set of lexical units for their designation. The analysis of actual material related mainly to the Komi literary language is carried out using both diachronic and synchronous methods of linguistic research. At the semantic level, the vocabulary of the meadow landscape differs between unambiguous and polysemantic words, which all without exception have direct meanings. On the basis of subject conceptual content of nominative units, the entire set of names under consideration, in accordance with their denotative characteristics, is divided into five main subgroups.

Using the comparative historical method of research, the hierarchy of the primordial part of the meadow landscape vocabulary of the Komi language is represented, which is characterized by the presence of four components of the ancient vocabulary: proto-Uralic, proto-Finno-Permic, proto-Permic, and proto-Komi. The part of the original vocabulary that arose during the period of independent existence of the Komi language, which does not have genetic correspondences in other related languages, is analyzed with respect to the features of the structural word-forming system consisting of one-word designations and compound names. The derivation or non-derivation basis of the analyzed words as well as the belonging of two-word and three-word compounds to the corresponding parts of speech are used as a criterion for classifying single-member lexemes. The foreign-language component of the Komi meadow landscape vocabulary consists of a few borrowings that have penetrated from two external sources.

Keywords: Komi language, vocabulary, meadow landscape designations, primordial fund, borrowings.

References

Batalova R. M., Krivoshchyokova-Gantman A. S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk. (in Komi-Permyak, Russian)

Beznosikova L. M., Aybabina Ye. A., Kosnyreva R. I. (2000) *Komi-roch kyvchukör* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Komi, Russian)

Beznosikova L. M., Zaboyeva N. K., Kosnyreva R. I. (2003) *Russko-komi slovar'* [Russian-Komi dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian, Komi)

Borisov T. K. (1991) *Udmurt kyll'ukam = Tolkovyy udmurtsko-russkiy slovar'* [Udmurt-Russian explanatory dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IYAL UrO AN SSSR. (in Udmurt, Russian)

Filin F. P. (ed.) (1981) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 17. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Hajdú P. (1985) *Ural'skiye yazyki i narody* [Uralic Languages and peoples]. Moscow: Progress. (in Russian)

Kirillova L. Ye. (ed.) (2008) *Udmurtsko-russkiy slovar' = Udmurt-žuch kyll'yukam* [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IYAL UrO RAN (in Udmurt, Russian).

Kostin N. P. (ed.) (1971) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. 2. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (in Russian)

Lytkin V. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Lytkin V. (ed.) (1974) *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of Finno-Ugric languages)]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Lytkin V., Gulyayev Ye. (1999) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Komi, Russian)

Matveyev A. K. (ed.) (1983) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. 4. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (in Russian)

Nasibullin R. Sh. (ed.) (2007) *Sistemno-tematicheskii russko-udmurtsko-komi slovar'* [A system-thematic Russian-Udmurt-Komi dictionary]. Syktyvkar: GOU DPO KRIPOiPK. (in Russian, Udmurt, Komi)

Nemtinova G. I., Fedoseyeva V. V., Yarkova L. F. (1993) *Komi-permyatsko-russkii i russko-komi-permjatskii slovar'* [Komi-Permyak-Russian and Russian Komi-Permyak dictionary]. Kudymkar: Komi-Permyatskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Komi-Permyak, Russian)

Rakin A. (2018) *Gidrolandshaftnaya leksika komi yazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Komi language]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 23–38. (in Russian)

Rakin A. N. (2019a) *Gidrolandshaftnaya leksika komi-permyatskogo yazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Komi-Permyak language]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 13 (2): 252–261. (in Russian)

Rakin A. N. (2019b) *Landschaftnaya leksika sushi komi yazyka (oboznacheniya vozvyshehnostey)* [Landscape vocabulary of land in the Komi language (designation of hills)]. In: *Finno-ugorskiy mir v polietnicheskom prostranstve Rossii* [The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia]. A collection of materials from the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies (Izhevsk, June 4–7, 2019). Izhevsk: Izdatelstvo Anny Zeleninoy: 142–146.

Rakin A. N. (2019c) *Gidrolandshaftnaya leksika udmurtskogo yazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Udmurt language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 11 (3): 268–276. (in Russian)

Rakin A. N. (2019d) *Oboznacheniya lesnogo landshafta v udmurtskom yazyke* [Designations of the forest landscape in the Udmurt language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 9 (4): 710–717. (in Russian)

Rédei K. (1986–1988) *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [Uralic etymological dictionary]. Vol. 1–2. Budapest: Akadémiai Kiadó. (in German)

Serebrennikov B. A. (1963) *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permic languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (in Russian)

Outila T. E. (1938) *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis* [Zyryan chrestomathy with grammatical and etymological vocabulary]. Helsinki. (in German, Komi)

Vakhrushev V.M. (ed.) (1956) *Russko-udmurtskiy slovar'* [Russian-Udmurt dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i nacional'nykh slovarey. (in Russian, Udmurt)

Wichmann Y. (1923–1924) Etymologisches aus den permischen Sprachen [Etymology of the Permic languages]. *Finnisch-ugrische Forschungen*, XVI: 185–212. (in German)

Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen [Votyak vocabulary. Recorded by Y. Wichmann. Edited by T.E. Uotila and Mikko Korhonen]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987. (in German)

Yevgenyeva A. P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ИВАШКО (1928–2019)

15 сентября 2019 г. филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета понес тяжелую утрату — ушла из жизни доктор филологических наук, профессор Людмила Александровна Ивашко.

Более 70 лет жизни Л. А. Ивашко связаны с кафедрой русского языка филологического факультета и Межкафедральным словарным кабинетом имени проф. Б. А. Ларина, где она работала последние десять лет (2010–2019) ведущим научным сотрудником.

Большая часть творческой жизни Людмилы Александровны прошла на кафедре русского языка филологического факультета Ленинградского (позже Санкт-Петербургского) государственного университета, где она читала лекции по русской диалектологии, по лексикологии, лексикографии и словообразованию современного русского языка, вела практические занятия, руководила курсовыми, дипломными работами студентов, диссертационными исследованиями аспирантов.

Большое творческое и педагогическое мастерство Л. А. Ивашко проявила, руководя ежегодной полевой диалектологической практикой студентов, которую они проходили в псковских и севернорусских (печорских) деревнях.

Будучи великолепно лингвистически подготовленной, зная изучаемый говор и уклад крестьянской жизни, она умело учила студентов вести беседу с крестьянами, интересовывать их темами бесед, направлять разговоры в нужное для диалектолога русло. Людмила Александровна всегда участвовала сама в таких беседах, следила за студенческими записями, которые выполнялись всегда вручную в условленной транскрипции. А после записей, которые должны были производиться и на сенокосе, и на пастбище, и у русской печки, и у прялки, и за едой, и за вязанием венков — одним словом, в любой жизненной ситуации крестьянина, студенты под руководством Людмилы Александровны приступали к самой сложной части практики: осмыслению записанного материала, определению значений записанных слов. И этот очень трудный этап практики проходил под строгим контролем великолепного учителя — Л. А. Ивашко. Это была настоящая школа полевой научной работы студента-филолога. Материалы, собранные в полевых условиях, составляют уникальные богатства картотек Псковского и Печорского областных словарей. Карточки в картотеках, которые писали студенты под ее руководством или она сама, отличаются совершенством, грамотностью, точностью и лингвистической, и этнографической, и четким почерком. И это большой личный вклад Людмилы Александровны в создание картотек Межкафедрального словарного кабинета, которые признаны достоянием Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета.

Активная научная деятельность Л. А. Ивашко началась в 1956 г. после защиты кандидатской диссертации, которую она написала под руководством проф. Б. А. Ларина. Диссертация была посвящена изучению русских говоров в коми окружении. Большая часть научных трудов Людмилы Александровны каса-

лась изучения русской народной фразеологии, по этой же теме ею была защищена докторская диссертация (1994 г.).

Незаурядность лингвистического таланта Л. А. Ивашко проявилась в лексикографии. Она была автором и редактором четырех экспериментальных словарей, созданных и создаваемых в Межкафедральном словарном кабинете: словаря «Моления» Даниила Заточника, словаря автобиографической трилогии М. Горького, Печорского областного словаря, Псковского областного словаря с историческими данными. Особенно много сил и творческой энергии Л. А. Ивашко отдала Псковскому областному словарю, она была автором и редактором 28 выпусков (1967–2020 гг.) этого словаря. Ее лексикографический талант был огромным подспорьем в создании этого нового и очень трудного по замыслу Б. А. Ларина словаря. Потеря такого автора и редактора невосполнима. Работа над Словарем продолжается, и в нашей памяти навсегда останется ее умение думать над каждой словарной трудностью, внимательно вчитываться в текст, не торопясь выстраивать словарную статью, стараться разобраться при помощи этнографических источников в устройстве того или иного предмета крестьянского быта, описываемого в Словаре.

Л. А. Ивашко имеет более 200 научных публикаций. За 50-летний труд в Университете Людмила Александровна награждена памятной настольной медалью «Санкт-Петербургский университет», правительственной медалью «Ветеран труда».

Л. А. Ивашко — мужественный и волевой человек. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 13 лет, вместе со своими родителями она пережила самый страшный первый год блокады Ленинграда, похоронила отца, а во время эвакуации в товарном вагоне от истощения умерла ее мать¹. Л. А. Ивашко имеет нагрудный знак «Жителю блокадного Ленинграда». После окончания войны в 1952 г. Людмила Александровна поступила в Университет.

---

¹См. воспоминания Л. А. Ивашко: Ивашко Л. А. Первый год блокады // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Вып. 10. СПбГУ, 2017. С. 110–116.

Л. А. Ивашко была членом Коммунистической партии Советского Союза, позже Российской Федерации. Это был честный, добропорядочный человек, патриот своей Родины, своего Университета. Она очень любила поэзию и сама писала стихи. Сохранился сборник ее стихов² — в основном это экспромты, которые она сочиняла моментально — во время научных заседаний, дружеских встреч, — они отличаются искрометностью, доброжелательностью, юмором.

Вечная память о Людмиле Александровне Ивашко, замечательном человеке, блестящем профессоре, талантливом ученом, незаурядном лексикографе навсегда сохранится в сердцах ее учеников и коллег.

И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова

---

²Людмила Александровна Ивашко. Перловник. Литературно-художественное издание. СПб.: ФормаТ, 2013.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ИВАШКО. БИБЛИОГРАФИЯ

1955

1. Лексика печорских говоров: дис. ... канд. филол. наук. Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1955. 244 л. (на правах рукописи)

1956

2. Лексика печорских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956. 14 с.

1957

3. Методические указания к контрольным работам № 1 и № 2 по курсу современного русского литературного языка (в соавт. с В. Г. Ветвицким и В. А. Приходько). Л.: ЛГУ, 1957.

1958

4. Заимствованные слова в печорских говорах // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. филологических наук. 1958. № 42 (343). С. 84–103.

1959

5. Второе межвузовское совещание по вопросам региональных словарей и словаря писателя (информация) // Филологические науки. 1959. № 3. С. 168–170.

1960

6. Фразеологические комплексы слова в картотеке Псковского областного словаря // Псковская отраслевая конференция по составлению областных словарей: Тезисы докладов. Псков: ПГПИ, 1960. С. 20–21.

1962

7. Из наблюдений над диалектной фразеологией // Слово в народных говорах Русского Севера. Л.: ЛГУ, 1962. С. 40–48.

8. Заметки по фразеологии (по материалам картотеки Псковского областного словаря) // Псковские говоры. I: Сб. трудов первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. С. 238–251.

9. Псковские говоры. I: Сб. трудов первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. Редактор (соредакторы: Б. А. Ларин, Б. Л. Богородский, С. М. Глускина, И. Т. Гомонов).

1963

10. О значениях слова «место» в севернорусских говорах // Из истории слов и словарей: Очерки по лексикологии и лексикографии. Л.: ЛГУ, 1963. С. 47–53.

11. Некоторые фразеологические параллели белорусского языка и псковских говоров // Навуковая канферэнцыя па пытаннях лексікалогіі і лексікаграфіі: Тэзісы дакладаў. Минск, 1963. С. 33–34.

1964

12. Словарь русских говоров Прибалтики // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1964. Вып. 4. С. 164–168 (в соавт. с О. С. Мжельской).

1966

13. Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1966. Вып. 4. С. 120–131 (в соавт. с О. С. Мжельской).

1967

14. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. А – *бабвё* (составление словарных статей). С. 42–88.

15. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. Редактор (соредакторы: И. Т. Гомонов, Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина, А. И. Лебедева, О. С. Мжельская).

1968

16. Расширение значения числительных при фразеологизации (на материале языка М. Горького) // Программа и тезисы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения М. Горького. Л.: ЛГУ, 1968. С. 65–66.

17. Принципы составления словаря М. Горького (инструкция Объяснительного словаря автобиографической трилогии М. Горького) // Словоупотребление и стиль Горького. Л.: ЛГУ, 1968. С. 144–193 (в соавт. с П. М. Алексеевым, Е. А. Белоусовой, И. Л. Городецкой, Л. С. Ковтун, Г. А. Лилич, И. С. Лутовиновой, Д. М. Поцепней, Е. Е. Талицкой, О. И. Трофимкиной, О. И. Фояковой, И. В. Яновой).

18. Псковский областной словарь и некоторые дискуссионные вопросы региональной лексикографии // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 143–147 (в соавт. с О. С. Мжельской).

19. Псковские говоры. II: Сб. трудов второй Псковской диалектологической конференции. Псков: ПГПИ, 1968. Редактор (соредакторы: Б. Л. Богородский, С. М. Глускина, И. Т. Гомонов, О. С. Мжельская).

1969

20. Заметки по диалектной фразеологии // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л.: ЛГУ, 1969. С. 251–258.

1970

21. Проект словаря печорских говоров. Пробные словарные статьи: Ю. Ф. Денисенко, Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, Л. В. Пчелкина, Э. В. Федорова // Севернорусские говоры. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Мещерский Л.: ЛГУ, 1970. С. 76–94.

22. Псковские говоры как источник изучения разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов: Саратовский ун-т, 1970. С. 242–294 (в соавт. с О. С. Мжельской).

1971

23. Словарь говора деревни Деулино (рецензия) // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1971. Вып. 1. С. 140–144 (в соавт. с О. С. Мжельской).

1972

24. Об одной лексической группе в немецко-русском «Разговорнике» 1607 г. // Слово в лексико-семантической системе языка. Краткое содержание докладов XIV научно-методической конференции преподавателей кафедры русского языка. Л.: ЛГУ, 1972. С. 45–47 (в соавт. с О. С. Мжельской).

25. Слова общего рода в псковских говорах и их лексикографическое описание // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь: ПГУ, 1972 (в соавт. с О. С. Мжельской).

26. Русская диалектология: Учеб. пособие / Под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972. 302 с. (в соавт. с А. С. Гердом, Л. В. Капорулиной, В. В. Колесовым, А. И. Корневым, Н. А. Мещерским, Г. Я. Симиной, В. И. Трубинским, О. А. Черепановой).

1973

27. Имена существительные с уменьшительно-оценочными суффиксами в псковских говорах и их лексикографическое описание // Псковские говоры. III. Псков: ПГПИ, 1973. С. 181–193 (в соавт. с О. С. Мжельской).

28. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1973. В составе редколлегии.

29. Псковские говоры. III: Сб. науч. трудов. Псков: ПГПИ, 1973. Редактор (соредакторы: Б. Л. Богородский, С. М. Глускина, И. Т. Гомонов, О. С. Мжельская).

30. Словарь-каталог философских терминов в произведениях В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1973. Вып. 1. С. 160–161 (в соавт. с Г. А. Лилич).

31. Лексика псковских говоров и псковских памятников письменности в исследованиях студентов ЛГУ // Псковские говоры. III. Псков: ПГПИ, 1973. С. 304–310 (в соавт. с А. И. Лебедевой и О. С. Мжельской).

1974

32. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1974. *Баба – баять, бурный – бы, вдруг – великопостный, возвратить – волноваться* (составление словарных статей) С. 74–87, 167–171, 192–199, 260–269.

1975

33. К вопросу об ареальном изучении фразеологии // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1975. Вып. 4. С. 110–115.

34. Севернорусские говоры: Сб. науч. трудов. Вып. 2: Л.: ЛГУ, 1975. В составе редколлегии.

1976

35. Интеръязыковые и интердиалектные фразеологические связи // Вопросы фразеологии. IX. Самарканд, 1976. С. 133–138.

36. Квантитативные ФЕ в псковских говорах // Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник. Тула: ТГУ, 1976. С. 100–108.

37. Названия частей тела в русско-немецком разговорнике 1607 г. // Севернорусские говоры. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Мещерский и А. С. Герд. Л.: ЛГУ, 1975. С. 110–118 (в соавт. с О. С. Мжельской).

38. Из словообразования псковских говоров // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Межвузовский научный сборник. Петрозаводск, 1976. С. 21–29 (в соавт. с О. С. Мжельской).

39. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1976. Редактор словарных статей: *в – вздыхание*. С. 8–160.

1977

40. Слова, называющие черты характера человека и особенности его психического склада в русско-немецком разговорнике Т. Фенне (1607 г.) // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: ЛГУ, 1977. С. 122–132 (в соавт. с О. С. Мжелской).

41. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1977. *Выносливость – выразиться, де – дерзость* (составление словарных статей). С. 42–47, 170–191.

1978

42. Фразеологические единицы, выражающие понятие «бездельничать» (на материале псковских говоров) // Вопросы стилистики. Вып. 14. Саратов: СГУ, 1978. С. 100–112.

43. Темпоральные фразеологические единицы в псковских говорах // Русская лексикология: Сб. статей. Калинин, 1978. С. 148–158.

44. *Ни грана — ни грамма* // Русская речь. 1978. № 6. С. 158–160.

45. Прямое и переносное значение цветообозначений во фразеологических единицах русского и болгарского языков // Материалы третьей научной конференции болгарских аспирантов, обучающихся в СССР. Москва, июнь, 1978. София, 1978 (в соавт. с С. Войновой).

1979

46. Из псковской фразеологии // Псковские говоры. Л.: ЛГУ, 1979. С. 103–106.

47. Фразеологические единицы, отражающие умственные способности человека (на материале псковских говоров) // Проблемы русской фразеологии: респ. сб. Тула: ТГУ, 1979. С. 97–103.

48. Устойчивые сочетания, связанные с обрядами, в псковских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л.: ЛГУ, 1979. С. 118–125.

49. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. Л.: ЛГУ, 1979. Автор словарных статей: *вонёлый – воронько*. С. 145–158.

50. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. Л.: ЛГУ, 1979. В составе редколлегии.

51. Псковские говоры: Сб. науч. трудов. Л.: ЛГУ, 1979. Редактор (со-редакторы: Б. Л. Богородский, С. М. Глускина, Л. Я. Костючук).

52. Севернорусские говоры. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л.: ЛГУ, 1979. В составе редколлегии.

1980

53. Пространственные ФЕ в псковских говорах // Лексика и фразеология севернорусских говоров: Сб. науч. тр. Вологда: ВГПИ, 1980. С. 127–131.

54. К вопросу о фразеологических ареалах // Проблемы филологических исследований: Информационные материалы IX научно-методической сессии по филологическим наукам. Л.: ЛГУ, 1980. С. 30–31.

1981

55. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 112 с.

56. Об ареальном описании фразеологических вариантов // Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. С. 83–88.

57. Лексика и фразеология «Моления Даниила Заточника». Л.: ЛГУ, 1981. *Баба – бо, повозь – погинути* (составление словарных статей). С. 15–20, 147.

1982

58. Словарь автобиографической трилогии М. Горького Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1982. *За* (составление словарных статей). С. 47–50.

59. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1982. Редактор (соредакторы: Л. С. Ковтун, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепня, О. И. Трофимкина, Г. В. Крылова).

1983

60. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1983. В составе редколлегии.

1984

61. Словарь автобиографической трилогии М. Горького Вып. 4. Л.: ЛГУ, 1984. *Мы – мысль, начал – наяву* (составление словарных статей). С. 240–243, 296–309.

62. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 4. Л.: ЛГУ, 1984. Редактор (соредакторы: Л. С. Ковтун, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепня, О. И. Трофимкина, Г. В. Крылова).

63. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 6. Л.: ЛГУ, 1984. Редактор словарных статей: *вьенот – глуши́нник*. С. 108–194.

64. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 6. Л.: ЛГУ, 1984. В составе редколлегии.

65. Севернорусские говоры. Вып. 4 / Отв. ред. А. С. Герд, В. В. Колесов. Л.: ЛГУ, 1984. В составе редколлегии.

1985

66. О деривации фразеологических единиц в русских народных говорах // Деривация и история языка: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Пермь, 1985. С. 119–121.

67. Народная псковская фразеология как исторический источник // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. Псков, 1985. С. 32.

68. Структурное и семантическое своеобразие фразеологизмов одной модели // Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка. Челябинск: ЧГПИ, 1985. С. 115–118.

1986

69. Диалектная и диалектно-просторечная лексика в романе В. Липатова «Житие Ванюшки Мурзина, или любовь в Старо-Короткине» // Литературный язык и народная речь. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1986. С. 97–106 (в соавт. с М. В. Патраковым).

70. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1986. Автор словарных статей: *огорчаться – одеться, одеяло – озеро, пест – плесень*. С. 124–137, 240–254 (в соавт. с О. Л. Рублевой).

71. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1986. Редактор (соредакторы: Л. С. Ковтун, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепня, О. И. Трофимкина, Г. В. Крылова).

72. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 7. Л.: ЛГУ, 1986. В составе редколлегии.

1987

73. Из опыта сопоставления русской и индонезийской фразеологии // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1987. Вып. 1. С. 66–70 (в соавт. с А. Салимом).

74. Отражение системности фразеологии в словаре фразеологических терминов // Фразеологизм и его лексикографическая разработка: Тезисы докладов международной научной конференции. Минск: Наука и техника, 1987. С. 141–144 (в соавт. с В. Д. Бояркиной, А. Б. Новиковым, Л. М. Рязановским, Н. В. Соколовой).

75. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Рецензия // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1987. Вып. 4. С. 102–104 (в соавт. с Н. Г. Арзумановой, О. С. Мжельской).

1988

76. Фразеосемантическая группа «работать, трудиться» в русских говорах // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тезисы докладов к республиканскому координационному совещанию. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 93–95.

77. Писательская лексикография как метод изучения художественной речи // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1988. Вып. 3. С. 44–54 (в соавт. с П. А. Дмитриевым, Л. С. Ковтун, Г. В. Крыловой, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепней, О. И. Трофимкиной).

78. Проблема структурности фразеологического значения // Фразеологическое значение в языке и речи. Челябинск: ЧГПИ, 1988. С. 17–32 (в соавт. с А. М. Чепасовой).

79. Диалектная и диалектно-просторечная лексика в романе В. Липатова «Житие Ванюшки Мурзина, или любовь в Старо-Короткине» (статья вторая) // Литературный язык и народная речь. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1988. С. 93–99 (в соавт. с М. В. Патраковым).

1989

80. Лексические варианты фразеологизмов в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 5 / Отв. ред. А. С. Герд. Л.: ЛГУ, 1989. С. 182–187.

81. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1989. В составе редколлегии.

1990

82. Парадигматические отношения русских и польских «маринизмов» // Slavica Wratislaviensia. XLIX. Wrocław, 1990. С. 33–42 (в соавт. с И. Дашчиньской).

83. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 6. Л.: ЛГУ, 1990. Автор словарных статей: *совет – сообразить, стаскивать – строптивость, убавлять – узреть, хаживать – ходуном*. С. 9–19, 50–69, 173–192, 233–243.

84. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 6. Том I–II. Редактор. Л.: ЛГУ, 1990 (соредакторы: Л. С. Ковтун, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепня, О. И. Трофимкина, Г. В. Крылова).

85. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 8. Л.: ЛГУ, 1990. Автор словарных статей: *зүвен – гум*. С. 73–86.

86. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 8. Л., 1990. В составе редколлегии.

87. Русская диалектология: Учеб. пособие / Под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. (в соавт. с Л. В. Капорулиной, В. В. Колесовым, В. И. Трубинским, О. А. Черепановой).

1991

88. Из псковско-белорусских фразеологических параллелей // Псковские говоры и их окружение. Псков: ПГПИ, 1991. С. 89–94.

89. Специфика словарной статьи в «Псковском областном словаре» // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. 1991. Вып. 1. С. 43–48 (в соавт. с О. С. Мжельской).

90. Методические указания по курсу «Современный русский язык: лексикология, лексикография, словообразование». СПб., 1991. 40 с. (в соавт. с О. С. Мжельской и Д. М. Поцепней).

1992

91. ФЕ, выражающие понятие «исчезнуть, пропасть» в русских народных говорах // Проблемы фразеологии и фразеографии. Тезисы докладов. Махачкала, 1992. С. 145–146.

92. Фразеологические единицы с соматическим компонентом, характеризующие человека, в индонезийском и русском языках // Филологические науки. 1992. № 1. С. 94–95 (в соавт. с А. Салимом).

93. Rosyjska i polska frazeologia marynistyczna ze slownikiem. Slupsk, 1992. 337 с. (в соавт. с И. Дашчиньской).

1993

94. Из псковской фразеологии (*ерши морозить*) // Вопросы теории и истории языка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина СПб.: СПбГУ, 1993. С. 165–167.

95. Вопросы теории и истории языка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина СПб.: СПбГУ, 1993. В составе редколлегии (соредакторы: С. С. Волков, П. А. Дмитриев, Д. М. Поцепня).

1994

96. Фразеосемантическая группа «плакать» в псковских говорах // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел: ОГПИ, 1994. С. 56–57.

97. Фразеологические единицы, выражающие понятие «очень стараться, прилагать все усилия», в русских народных говорах // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. Псков: ПГПИ, 1994. С. 44–45.

98. Диалектная фразеология и ее формирование на базе лексики народной речи: Дис. в форме науч. доклада на соискание ученой степени докт. филол. наук. СПб., 1994.

99. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 9. СПб.: СПбГУ, 1994. Автор словарных статей: *демикотон – депутатка, драбильня – драться*. С. 20–31, 192–200.

100. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 9. СПб.: СПбГУ, 1994. В составе редколлегии.

101. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 10. СПб.: СПбГУ, 1994. Редактор словарных статей: *ё – ель, жар – жюрька*. С. 102–126, 161–280.

102. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 10. СПб.: СПбГУ, 1994. В составе редколлегии.

1995

103. Эстетика народной речи // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 6 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1995. С. 64–66.

104. Фразеологические единицы, отражающие благосостояние человека, в псковских говорах // Псковские говоры и их носители (лингво-географический аспект). Псков: ПГПИ, 1995. С. 76–80.

105. Взаимодействие литературного языка и диалекта в области фразеологии // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры: Тезисы докладов. Оломоуц, 1995. С. 29–30.

106. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 11. СПб.: СПбГУ, 1995. Автор словарных статей: *заболевание – завесочка, залив – заломыга*. С. 27–68, 293–310.

107. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 11. СПб.: СПбГУ, 1995. В составе редколлегии.

108. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 6. СПб.: СПбГУ, 1995. В составе редколлегии.

1996

109. Отражение религиозных представлений в диалектной фразеологии // *Tezy referatów międzynarodowego symposium naukowego / Pod. red. W. Chlebny i St. Kochmana*. Opole, 1996. С. 72–73.

110. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 1996. Редактор словарных статей: *запорошить – заткаться*. С. 6–185.

111. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 1996. В составе редколлегии.

112. Международный симпозиум по славянской фразеологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 1996. Вып. 2. С. 129–130.

113. Проблемы фразеологической семантики. Коллективная монография / Под ред. проф. Г. А. Лилич. СПб.: СПбГУ, 1996. (в соавт. с А. К. Бирихом, С. С. Волковым, Н. М. Кабановой, М. Ю. Котовой, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. И. Селиверстовой, Л. И. Степановой).

1997

114. Отражение религиозных представлений в диалектной фразеологии // *Frazeologia a religia: Problemy frazeologii europejskiej*. II / Red. A. Lewicki. Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 1997. С. 237–241.

115. ФЕ, характеризующие физическое здоровье человека в русских говорах // *Русские говоры: История и современное состояние: Тезисы докладов*. Новгород: НовГУ, 1997. С. 41.

1998

116. Слово *Библия* и библейские выражения в народных говорах // *Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 16–22 марта 1998 г. Вып. 6: Лексика и фразеология*. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 49–52.

117. Фразеосемантическая группа «жадность – скупость» в русских говорах // *Greifswalder Beiträge zur Slawistik*. III. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 1998. S. 39–41.

118. *Две досточки, две drankи...* // *Лексическая и грамматическая семантика. Материалы республиканской научной конференции*. Белгород: БелГУ, 1998. С. 85–86.

119. Из народной фразеологии // *Славистический сборник: в честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева* / Под ред. Г. И. Сафронова, Г. А. Лилич. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 170–173.

120. Expressing the category of locality in Russian and German proverbs and sayings // *Europhras-97. Phraseology and Paremiology*. Bratislava, 1998. P. 179–182. (в соавт. с Л. М. Рязановским).

1999

121. Фразеологическая оценка физического здоровья в народной речи // *Ars Philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65 Geburtstag*. Heidelberg, 1999. P. 407–410.

122. Об одной группе глаголов в печорских говорах // *Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 7* / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 40–44.

123. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 7 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 1999. В составе редколлегии.

124. Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, 15–22 марта 1999 г., Санкт-Петербург. Вып. 9: Лексикология. Лексикография. Фразеология. Часть 1–2. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1999. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

125. Методические указания по курсу «Современный русский язык: лексикология, лексикография, словообразование». Планы занятий и учебные задания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1999. (в соавт. с О. С. Мжельской и Д. М. Поцепней).

2000

126. Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 11: Лексикология и лексикография. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

127. Лексикология, лексикография, словообразование (отделение русского языка и литературы) // Кафедра русского языка: Учебные программы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 89–97.

128. Актуальные процессы в словарном составе русского языка: Спецкурс // Кафедра русского языка: Учебные программы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 259–264 (в соавт. с И. С. Лутовиновой, Д. М. Поцепней, М. А. Тарасовой).

129. Слово и фразеологизм в языке и речи: Спецсеминар // Кафедра русского языка: Учебные программы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 325–327 (в соавт. с И. С. Лутовиновой).

2001

130. О лексикографической разработке устойчивых сравнений (из выступления на конференции) // Псковские говоры (Псковский областной словарь и проблемы региональной лексикографии). Псков: ПГПИ, 2001. С. 90–93.

131. Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 20: Секция лексикология и лексикография. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

2002

132. Материалы XXXI Всероссийская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Лексикология и лексикография. Часть 1–2. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

133. Лексикология, фразеология, лексикография: Хрестоматия и учебные задания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002 (в соавт. с И. С. Лутовиновой, Д. М. Поцепней, М. А. Тарасовой и др.).

2003

134. Мотивирующий признак и семантика фразеологических единиц // Псковские говоры: синхрония и диахрония: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Л. Я. Костючук. Псков: ПГПИ, 2003. С. 91–95.

135. Новые экспрессивные средства в диалектной речи // Современные языковые процессы: Межвузовский сб. / Отв. ред. П. А. Дмитриев и др. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 28–32.

136. Этические и эстетические оценки в речи псковичей // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). В 2-х тт. Т. 2. М.: Московский государственный университет печати, 2003. С. 230–234 (в соавт. с Д. М. Поцепней).

137. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 13. СПб.: СПбГУ, 2003. Автор словарных статей: *игла – идти, исподтульца – иссякнуть*. С. 154–176, 320–335.

138. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 13. СПб.: СПбГУ, 2003. В составе редколлегии.

139. Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2-х тт. Т. 1: *Аблемай – оцуня*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. Автор словарных статей: *виска – выспрашивать, мег – месячной, омулёвка – осмонуть*. С. 74–123, 412–418, 521–532.

140. Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2-х тт. Т. 1: *Аблемай – оцуня*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. Редактор.

141. Материалы XXXII международной филологической конференции 11–15 марта 2003 г. Вып. 16: Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

2004

142. *Подбери бубнилки* // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 470–474.

143. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 14. СПб.: СПбГУ, 2004. Автор словарных статей: *кэбки – ки́точка*. С. 92–125.

144. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 14. СПб.: СПбГУ, 2004. Редактор словарных статей: *ка́рька – квашóшник*. С. 29–84.

145. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 14. СПб.: СПбГУ, 2004. В составе редколлегии.

146. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. Автор словарных статей: *корбна – корсачиха*. С. 278–284.

147. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. В составе редколлегии.

148. Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными (2 редакция). Раздел: Фразеология // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 13–16 (в соавт. с Л. Я. Костючук).

149. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16. СПб.: СПбГУ, 2004. Автор словарных статей: *круг – круёбина*. С. 208–223.

150. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16. СПб.: СПбГУ, 2004. В составе редколлегии.

151. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 8 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2004. В составе редколлегии.

2005

152. Лексика крестьянского труда как база народной фразеологии // *Frazeologické štúdie*. IV. Editori Milada Jankovičová, Jozef. Mlacek, Jana Skladaná. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej. Akadémie vied, 2005. С. 110–113.

153. Юмор в народной фразеологии // *Грани слова*. Сб. научных статей к 65-летию профессора В. М. Мокиенко. М.: Эллис Лак, 2005. С. 80–82.

154. Лексика и фразеология колдовства // *Ogród nauk filologicznych: księga jubileuszowa poświęcona profesorowi Stanisławowi Kochmanowi*. Opole: Wydawn. Uniwersytetu Opolskiego, 2005. С. 237–240.

155. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 17. СПб.: СПбГУ, 2005. В составе редколлегии.

156. Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Редактор.

2006

157. Глаголы речи в печорских говорах // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006*. СПб.: Наука, 2006. С. 161–170.

158. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск (рецензия) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб.: Наука, 2006. С. 386–389.

159. *Ероха-воха и ни перчинки* в автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 3 / Под ред. Д. М. Поцепни. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 244–246.

160. *На бору хлеба достанет* // Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом аспектах / Под ред. Г. А. Шигановой. Челябинск: Изд. Челябинского гос. пед. ун-та, 2006. С. 337–338.

161. *Три метра сухостю* // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. М.; Кострома: Костромской гос. ун-т, 2006. С. 609–611.

162. Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. 8, 9. Лексикография (русско-славянский цикл). 13–18 марта, Санкт-Петербург. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

163. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18. СПб.: СПбГУ, 2006. Редактор словарных статей: *мамЫкаться – мглой, мѡсечка – мотáжничать*. С. 5–85, 376–408.

164. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18. СПб.: СПбГУ, 2006. В составе редколлегии.

165. Памяти друзей // Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников / Отв. ред. А. С. Герд, Н. К. Жакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

2007

166. Любовь, брак, семья в народной фразеологии // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków* / red. nauk. Wojciech Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. С. 95–98.

167. Фразеологическая оценка внешности человека (толстяки в народной фразеологии) // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI конгресса МАПРЯЛ. Т. 2. София: Heron Press, 2007. С. 157–159.

168. Фразеологическая группа «никуда не годный, ничтожный» в русских говорах // Славянская фразеология и прагматика. Загреб: Загребский университет, 2007. С. 338–341.

169. Отражение нравственного самосознания в народной фразеологии // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии / Под ред. Л. Я. Костючук. Псков: ПГПУ, 2007. С. 65–68.

2008

170. Воспоминания об экспедициях // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 9 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 303–311.

171. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 9 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2008. В составе редколлегии.

172. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 19. СПб.: СПбГУ, 2008. Автор словарных статей: *нажáловаться – найтíть*. С. 393–422.

173. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 19. СПб.: СПбГУ, 2008. Редактор словарных статей: *мочá – на*. С. 5–194.

174. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 19. СПб.: СПбГУ, 2008. В составе редколлегии.

175. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 20. СПб.: СПбГУ, 2008. Автор словарных статей: *наточíть – начúхаться*. С. 360–429.

176. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 20. СПб.: СПбГУ, 2008. Редактор словарных статей: *напомина́ние – наря́нка*. С. 152–248.

177. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 20. СПб.: СПбГУ, 2008. В составе редколлегии.

2009

178. Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Материалы секций XXXVIII Международной филологической конференции 11–16 марта 2009 г., Санкт-Петербург. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. Редактор (соредактор И. С. Лутовинова).

179. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 21. СПб.: СПбГУ, 2009. Автор словарных статей: *низ – нисце́пляне*. С. 315–339.

180. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 21. СПб.: СПбГУ, 2009. Редактор словарных статей: *наяви́ – неплóхо*. С. 5–187.

181. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 21. СПб.: СПбГУ, 2009. В составе редколлегии.

182. Фразеологические словари // Лексикография русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации /

Под ред. проф. Д. М. Поцепни. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 486–528.

183. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 10 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2009. В составе редколлегии.

2010

184. Кто такая «базарная баба»? // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Орел: Орловский гос. ун-т, 2010. С. 11.

185. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 11 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2010. В составе редколлегии.

2011

186. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 22. СПб.: СПбГУ, 2011. Редактор словарных статей: *обёр – обчислить*. С. 294–444.

187. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 22. СПб.: СПбГУ, 2011. В составе редколлегии.

2012

188. Лексико-фразеологическое поле воровства в русских говорах // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Н. В. Большакова. В 2-х ч. Ч. 1. Псков: ПГПУ, 2012. С. 170–174.

189. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 23. СПб.: Изд. СПбГУ, 2012. Автор словарных статей: *одён – озерявка, омазурить – омятый*. С. 68–94, 204–210.

190. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 23. СПб.: Изд. СПбГУ, 2012. Редактор словарных статей: *он – осилить*. С. 210–371.

191. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 23. СПб.: Изд. СПбГУ, 2012. В составе редколлегии.

192. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 12 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2012. В составе редколлегии.

2013

193. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 24. СПб.: Изд. СПбГУ, 2013. Автор словарных статей: *отёк – отложиться*. С. 69–123.

194. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 24. СПб.: Изд. СПбГУ, 2013. Редактор словарных статей: *отвешать – отдыргивать, отлбжка – отсюля*. С. 5–69, 124–269.

195. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 24. СПб.: Изд. СПбГУ, 2013. В составе редколлегии.

196. Фразеологические словари // Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка». СПб.: С.-Петербургский гос. университет, 2013. С. 511–554.

2014

197. Из народной фразеологии // *Frazeologia a przekład / redakcja naukowa Wojciech Chlebda*. Opole: Wyd. Uniwersytet Opolski, 2014. P. 409–411.

198. Описание фразеологии в «Псковском областном словаре с историческими данными» // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приёмшева. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 123–124.

199. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 25. СПб.: Изд. СПбГУ, 2014. Автор словарных статей: *nárina¹ – náca²*. С. 115–137.

200. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 25. СПб.: Изд. СПбГУ, 2014. Редактор словарных статей: *nádatъ – narílka*. С. 5–115.

201. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 25. СПб.: Изд. СПбГУ, 2014. В составе редколлегии.

202. Крылатые слова // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта С. И. Монахов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 155.

203. Перифраза // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта С. И. Монахов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 261–262.

204. Пословицы и поговорки // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта С. И. Монахов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 275–276.

205. Фразеография // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта С. И. Монахов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 485–486.

206. Фразеологические словари // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. Руководитель проекта: С. И. Богданов; организационное обеспечение проекта С. И. Монахов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 487–488.

207. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 13 / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: СПбГУ, 2014. В составе редколлегии.

2015

208. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 14 / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: СПбГУ, 2015. В составе редколлегии.

2016

209. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 26. СПб.: СПбГУ, 2016. Автор словарных статей: *перестрочить* – *перетягивать*, *плеуха* – *плишница*, *плотка*¹ – *плотью*, *площадный* – *пнуть*. С. 5–19, 288–299, 307–321, 321–340.

210. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 26. СПб., 2016. Редактор словарных статей: *пиалка* – *плакующий*, *плат* – *платяшник*, *плен* – *плетяшек*. С. 141–218, 230–249, 267–288.

211. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 26. СПб., 2016. В составе редколлегии.

212. Отражение погодных явлений в зеркале народной фразеологии // Numerologia we frazeologii i paremiologii. Коллективная монография. Szczecin, 2017 (в соавт. с В. А. Медведевым, В. М. Мокиенко, Е. К. Николаевой, С. Г. Шулежковой, Х. Вальтером, А. В. Рачковской). С. 87–90.

213. Осенне-зимний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 15 / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 240–314 (в соавт. с Д. М. Поцепней, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой, О. И. Трофимкиной, А. Д. Есько-вой, И. С. Кукушкиной).

214. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 15 / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. В составе редколлегии.

2017

215. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. СПб.: СПбГУ, 2017. Автор словарных статей: *повёргнуть* – *повесьма*, *подбав* – *подвить*. С. 208–221, 403–430.

216. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. СПб.: СПбГУ, 2017. Редактор словарных статей: *по* – *побёчься*, *повой* – *погореть*. С. 103–146, 248–350.

217. Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными (3 редакция). Раздел: Фразеология // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 60–66 (в соавт. с Л. Я. Костючук).

218. Весенний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 16 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 262–279 (в соавт. с Д. М. Поцепней, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой, О. И. Трофимкиной, А. Д. Еськовой, И. С. Кукушкиной).

219. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 16 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2017. В составе редколлегии.

220. Первый год блокады // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Вып. 10. СПбГУ, 2017. С 110–116.

221. Отражение погодных явлений в зеркале народной фразеологии // Numerologia we frazeologii i paremiologii. Red. naukowa: E. Komorowska, J. Ignatowicz-Skowrońska, A. Krzanowska, H. Walter. Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2017. S. 87–90.

2018

222. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 17 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2018. В составе редколлегии.

2019

223. Севернорусские говоры: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 18 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2019. В составе редколлегии.

2020

224. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 28. СПб.: СПбГУ, 2020. Автор словарных статей: *подобáбовик – подойтíсь*.

225. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 28. СПб.: СПбГУ, 2020. Редактор словарных статей: *подебóжить – подмя́ться*.

О ней

1. Профессор Людмила Александровна Ивашко. СПб.: СПбГУ, 1998. 71 с.

2. Людмила Александровна Ивашко // Профессора Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 277–245.

3. Ивашко Людмила Александровна // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. к 155-летию кафедры русского языка (1849–2004). СПб.: СПбГУ, 2005. С. 196–205.

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА (1939–2020)

24 мая 2020 г. скончалась Заслуженный деятель науки Республики Карелия, глубокий знаток и необыкновенный энтузиаст народной речевой культуры Северо-Запада, один из редакторов «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК), организатор диалектологического и лингвокраеведческого направления кафедры русского языка ПетрГУ, автор монографии «История родного края в народном слове» и «Сло-

варя экстенциальных лексических единиц в русских говорах», с рюкзаком за плечами объездивший и исходивший в великом походе за живым словом вместе с несколькими поколениями студентов множество экспедиционных дорог и тропинок Беломорского, Медвежьегорского, Прионежского, Пудожского районов Любовь Петровна Михайлова.

Всегда грустно, когда уходят настоящие, живые духом и сердцем ученые, с характером, волей, своим мнением и потрясающей любовью к настоящей науке.

Л. П. Михайлова родилась 3 июля 1939 г. в семье крестьян-колхозников в д. Артем Любытинского района Новгородской области. В 1961 г. окончила историко-филологический факультет Новгородского педагогического института и работала в Крестецкой средней школе Новгородской области учителем русского языка, литературы, истории и немецкого языка. В 1964–1966 гг. ассистент кафедры русского языка Новгородского педагогического института, затем аспирантка кафедры русского языка Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (научный

руководитель — профессор Б. Л. Богородский). В 1970 г. Любовь Петровна защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах». После аспирантуры была направлена в Череповецкий педагогический институт. Ученое звание доцента с 1975 г.

В 1976 г. прошла по конкурсу в Карельский педагогический институт на должность доцента кафедры русского языка. В 1979–82 гг. декан, 1982–88 гг. — заместитель декана филологического факультета Карельского пединститута.

Со студенческих лет Любовь Петровна Михайлова участвовала в диалектологических экспедициях по сбору материала для «Диалектологического атласа русского языка», затем — для областных словарных картотек сначала в Тверской, Новгородской, Вологодской областях, а с 1977 г. — в Карелии. Большую роль в формировании научного интереса к русской диалектологии и региональной лексикологии сыграли совместные экспедиции с исследователем новгородских говоров В. П. Строговой. В общей сложности под руководством Л. П. Михайловой проведено более 50 экспедиций, собран значительный по объему лексический материал для «Новгородского областного словаря», «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», при этом зафиксированы многие сотни топонимов, фольклорные тексты. В течение 35 лет (с 1970 г.) участвовала в работе над «Словарем русских говоров Карелии» (главный редактор — профессор СПбГУ А. С. Герд) как руководитель группы диалектологов кафедры русского языка Карельского пединститута, как автор сотен словарных статей (по буквам Л, М, О, Т, Ш–Я), как редактор отрезка Т–Я в VI томе. Читала курсы русской диалектологии и историко-лингвистического цикла (старославянский язык, историческая грамматика, история русского литературного языка), работала спецкурсы по региональной русской лексикологии и ономастике, лингвистическому краеведению, по вопросам славяно-финских языковых контактов, активно используя материалы русских говоров Карелии, устанавливая происхождение многих диа-

лектных слов, а в ряде случаев пересматривая существующие этимологии.

Более 35 лет Любовь Петровна руководила проблемной группой «Лингвистическое краеведение», под ее руководством выполнены десятки дипломных работ, подготовлены многие студенческие публикации. С 1999 г. руководит аспирантами, среди ее учеников — кандидаты филологических наук А. В. Приображенский, Е. А. Пюльзю, Е. Р. Гусева. Возглавляемая ею группа диалектологов кафедры русского языка Карельского пединститута (с 2013 г. — Петрозаводского университета) работала над осуществлением таких общероссийских программ, как «Лексический атлас русских народных говоров» (под руководством Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Института славяноведения, Москва — с 1985 г.), Всероссийское научное и культурно-просветительское добровольное общество «Энциклопедия российских деревень» (головной вуз — Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова, Москва — с 1989), «Топонимия Карелии» (совместно с Институтом языка, литературы и истории КНЦ РАН, Петрозаводск). В течение многих лет была заведующим лабораторией лингвокраеведения и языковой экологии при кафедре русского языка ПетрГУ, регулярно оказывала помощь школам Карелии в работе по лингвокраеведению. Основной научный интерес — проблемы формирования лексического состава русских говоров Карелии, взаимодействия славянских и прибалтийско-финских языков на лексическом уровне. Ежегодно выступала с докладами на межвузовских научных конференциях. Опубликовала более 300 работ.

За многолетний добросовестный труд Л. П. Михайлова награждена званием «Заслуженный деятель науки РК» (1996), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2006), Почетными грамотами Совета Министров КАССР, Министерства просвещения РСФСР, Министерства общего и профессионального образования РФ, администрации г. Петрозаводска.

Самый авторитетный в Карелии ученый-диалектолог, уникальный человек, замечательный лектор и педагог, который умел рассказать доступно, просто и интересно об очень сложном, понять каждого человека и легко войти с ним в эмоциональный контакт...

Невосполнимая утрата...

Коллеги, друзья, ученики

Когда уходит человек, пересекший 80-летний рубеж, окруженный всеобщим признанием и отягченный всевозможными регалиями, некрологи обычно превращаются в потоки пустоватых славословий. С Любовью Петровной Михайловой все иначе. Этот маститый лингвист-энтузиаст с очень прямой и цельной натурой наживал врагов до конца жизни, потому что непрофессионализм и недобросовестное отношение к делу всегда вызывали у Любви Петровны неприятие, активное сопротивление в желании сбросить то, что ей было в науке особенно дорого.

Нападки на Л. П. Михайлову иногда переходили все границы не только академической, но и человеческой благопристойности, и это был знак ее победы. Безупречным аргументам ученого, знающего, как устроены и какими путями развиваются диалекты, и помнящего множество текстов на русских говорах Карелии, одному из авторов известных всей России и за ее рубежом диалектных словарей, дилетантам нечего было противопоставить.

Трудолюбие Любви Петровны, в 2006 году награжденной медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, не знало пределов и всегда служило примером для молодого поколения ученых и студентов. Она давно создала себе имя в науке, являясь автором более 300 трудов в области диалектологии и истории русского языка, имеющих не только теоретическое, но и прикладное значение, и без этого огромного многолетнего вклада Любви Петровны в нашу науку трудно представить развитие русской диалектологии на протяжении последних десятилетий.

Любовь Петровна, истинный подвижник филологии, со своей уникальной эрудицией, точностью лингвистических методов и страстностью полемиста, ушла от нас в День славянской письменности и культуры, не исчерпав своего творческого потенциала, будучи полна новых творческих замыслов. Заполнить оставшуюся пустоту будет чрезвычайно трудно. Коллеги и ученики Любове Петровны Михайловой скорбят о потере Наставника, Друга и Учителя.

Н. В. Патронева

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА. БИБЛИОГРАФИЯ

1966

1. Префиксальная синонимия глаголов в новгородских говорах // Третья научно-теоретическая конференция преподавателей и студентов. Новгород: Новгород. гос. пед. ин-т, 1966. С. 63–64.

1968

2. О двух льноводческих терминах в новгородских говорах (*горсть* и *волокно*) // Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1968. Ч. II. С. 105–106.

3. О взаимодействии диалектно-профессиональной и общенародной лексики (на материале новгородских говоров) // XXI Герценовские чтения. Филологические науки. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1968. С. 44–45.

1969

4. Полисемантические термины в новгородской льноводческой лексике // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-Западного объединения кафедр русского языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 260–262.

5. Синонимические отношения в льнопрядильной и ткацкой терминологии новгородских говоров // XXII Герценовские чтения. Филологические науки. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 65–67.

1970

6. О географическом распространении льнопрядильной и ткацкой лексики, отмеченной в новгородских говорах // XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. С. 93–95.

7. Природа Прионежья в народной терминологии // XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. С. 246–248 (в соавт. с Б. В. Ермолиным).

8. Географическое распространение новгородской лексики льнообработки, прядения и ткачества // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 460. Филологический сборник. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. С. 349–357.

9. К истории названий тканей в новгородских говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Череповец, 1970. С. 142–146.

10. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 24 с.

1971

11. Тематические группы новгородской льноводческой лексики // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 407. Грамматика и лексика русского языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1971. С. 294–312.

12. Межвузовская конференция по изучению говоров Севера и Северо-Запада // Научные доклады высшей школы. Серия филологических наук. 1971. № 1. С. 103–105 (в соавт. с Ю. И. Чайкиной).

1972

13. Эмоционально-экспрессивная лексика в составе народной терминологии (на материале лексики ткачества новгородских говоров) // Слово в лексико-семантической системе языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1972. С. 91–92.

1973

14. Из наблюдений над лексикой ткачества в новгородских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, 25–28 сентября 1973). М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1973. С. 163–165.

15. О некоторых особенностях русской речи вепсов (Бабаевский район Вологодской области) // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка» (Ереван, 2–5 октября 1973). М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1973. С. 117–119.

1975

16. Названия продуктов обработки льна в новгородских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Гомель, 9–12 сентября 1975). М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1975. С. 207–209.

17. Слова *кужель* и *куделя* в новгородских говорах // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда: ВГПИ, 1975. С. 200–206.

18. Из истории развития ткацкой терминологии в новгородских говорах (*мот—моток—мотушка*) // Севернорусские говоры. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Мещерский и А. С. Герд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 103–110.

1976

19. Названия тканей в новгородских говорах // Лексика севернорусских говоров / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда: ВГПИ, 1976. С. 61–76.

1979

20. Из истории текстильной лексики новгородских говоров (названия мер длины тканей) // Севернорусские говоры. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 83–87.

1980

21. К истории лексики русских говоров Карелии (по данным деловой письменности XV–XVII вв.) // Лексика и фразеология севернорусских говоров / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда: ВГПИ, 1980. С. 94–100.

1981

22. Термины подсечно-огневого земледелия в русских говорах Карелии и местных памятниках письменности // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск: Карел. филиал АН СССР, 1981. С. 47–50.

1982

23. Структурные особенности русской микропонимии на территории Карелии (Беломорский, Медвежьегорский, Пудожский районы) // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы ее изучения в высшей и средней школе. Череповец: ЧГПИ, 1982. С. 23–24.

24. Развитие познавательных мотивов учебной деятельности студентов на занятиях по региональной лексикологии // Формирование личности учителя в системе учебно-воспитательного процесса в педагогическом вузе. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1982. С. 190–191.

25. О подготовке студентов к проведению занятий по лингвистическому краеведению // Проблемы формирования профессиональных навыков и умений в процессе обучения в педвузе. Архангельск, 1982. С. 97–99.

1983

26. Из истории русской сельскохозяйственной терминологии на территории Карелии // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Вологда: ВГПИ, 1983. С. 164–165.

27. Отражение эстетических представлений народа в лексике говора // Эстетические категории и формирование гармонического человека. Петрозаводск: КГПИ, 1983. С. 54–56.

1984

28. Земледельческая лексика в русских говорах Карелии // Эволюция лексической системы севернорусских говоров / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда: ВГПИ, 1984. С. 73–83.

29. Указательные слова с начальным э- в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Севернорусские говоры. Вып. 4 / Отв. ред. А. С. Герд, В. В. Колесов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 40–57 (в соавт. с Н. А. Черкасовой).

1985

30. Лексические связи русских говоров Карелии со среднерусскими диалектами // Среднерусские говоры. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. С. 123–131.

31. Развитие грамматической структуры топонимов на территории Карелии // Проблемы русской ономастики / Отв. ред. Л. Я. Маловицкий. Вологда: ВГПИ, 1985. С. 51–61.

32. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // Советская этнография. 1985. № 6. С. 28–37 (в соавт. с А. С. Гердом, И. С. Лутовиновой, Т. В. Рождественской).

33. Своеобразие народно-поэтической лексики Карельского Поморья (*ярл — ярлук*) // Язык русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1985. С. 95–104.

1986

34. Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении: Межвуз. сб. / Отв. ред. В. В. Колесов. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1986. С. 76–88.

35. Наименования народных игр и танцев в севернорусских говорах // Лексика и грамматика севернорусских говоров / Отв. ред. В. И. Чернов. Киров: Киров. гос. пед. ин-т, 1986. С. 139–146.

1988

36. Некоторые средства создания комического в малых жанрах фольклора: По материалам экспедиций // Язык русского фольклора. Петрозаводск: ПетрГУ, 1988. С. 114–121.

37. Архаические элементы в лексике говоров Севера и Северо-Запада // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 60–68.

1989

38. Лингвистическое краеведение в системе подготовки учителя русского языка // Исторические названия — памятники культуры. М.: Наука, 1989. С. 56–57.

39. К вопросу о древнейших языковых контактах славянского и прибалтийско-финского населения // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР, 1989. С. 24–25.

40. Краеведческая работа по русскому языку как составная часть воспитательной работы в школе // Педагогическое наследие Н. К. Крупской и проблемы современной школы. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1989. С. 74–75.

41. Из опыта работы проблемной группы «Лингвистическое краеведение» на филологическом факультете // Проблемы совершенствования подготовки учительских кадров в университетах. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1989. Ч. II. С. 23–25.

42. Местная лексика в документах Олонецкой приказной избы // Севернорусские говоры. Вып. 5. / Отв. ред. А. С. Герд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 94–102.

1990

43. К проблеме взаимодействия славянских и прибалтийско-финских языков // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Археография и книжность. Лингвистическое изучение Европейского севера. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1990. Ч. 2. С. 127–129.

44. Основные направления лингвокраеведческой работы в школе // Совершенствование форм и методов учебно-воспитательного процесса в школе и вузе. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1990. Ч. 2. С. 83–86.

45. Выполнение контрольной работы по диалектологии: Методические рекомендации для студентов 1 курса: учебно-методическое пособие. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1990. 29 с. (в соавт. с Л. А. Вороновой).

1991

46. Русские архаические элементы в топонимии Карелии // Исторические названия — памятники культуры. В 3 вып. М.: Советский фонд культуры, АН СССР, 1991. Вып. 2. С. 109.

47. Ландшафтная топонимия Карельского Поморья // Историческая география ландшафтов: Теоретические проблемы и региональные исследования. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1991. С. 150–151.

48. Микропонимия как отражение хозяйственного уклада старой деревни // Методика и опыт сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 247–249.

49. Из истории антропонимии Карелии (на материале памятников письменности) // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Вологда: ВГПИ, 1991. С. 80–87 (в соавт. с И. А. Кюршуновой).

50. Вопросы интернационального воспитания на занятиях кружка лингвистического краеведения (из опыта работы) // У истоков дружбы народов: Опыт интернационального воспитания школьников Карелии / Под ред. Н. М. Конжиева. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1991. С. 59–67.

1992

51. Лингвистическое краеведение в системе филологической подготовки студентов // Проблемы педагогического образования. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1992. С. 59–60.

52. К характеристике топонимии Карельского Поморья (с. Колежма Беломорского р-на) // Центральночернозёмная деревня: история и современность. М.: Энциклопедия российских деревень, 1992. С. 134–137.

53. Воспитательные возможности лингвистического краеведения // Взаимосвязь обучения и воспитания на уроках русского языка: Межвуз. сб. / Под ред. Т. К. Донской. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1992. С. 120–130.

1993

54. Лексическая интерференция в русских говорах Карелии и прибалтийско-финских языках // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск: Версо, 1993. С. 67–75.

55. Обжа // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. С. 12–18.

56. Фараоны, девятые люди и другие жители Карелии // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. С. 69–76.

57. Детский фольклор и формирование языковой личности // Народная педагогика воспитания детей, подростков и молодежи: Материалы VII Виноградовских чтений. Екатеринбург, 1993. Ч. II. С. 207–209.

58. Общие топоосновы в гидронимии Карелии и бассейна реки Оки (*ver-, *vir-, *vor-, *var-) // Деревня Центральной России: история и современность. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993. С. 64–67.

1994

59. О сравнительном диалектном словаре зоны разноязычных контактов (На материале говора Водлозерья Карелии) // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел: ОГНИ, 1994. С. 129–130.

60. Древние славянские элементы в топонимии Карелии // Проблемы региональной ономастики. Київ: Ін-т укр. мови, 1994. С. 63–65.

61. Обработка льна и конопли. Прядение. Ткачество // Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. I. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 173–190 (в соавт. с Ю. П. Чумаковой).

62. Отбор лексики с мертвыми префиксами ко-, ша-, че- для Лексического атласа русских народных говоров и полевая практика // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 1992. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 130–135.

63. «Места» и «земли» Соловецкого монастыря на севере Карелии (волость Кереть, 16–17 вв.) // Центральночернозёмная деревня: история и современность. Ч. I. Язык. Культура. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 73–76.

1995

64. Говор Водлозерья как источник изучения истории края // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1995. С. 216–225.

65. Ландшафтная топонимия Карельского Поморья // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1995. С. 28–37.

66. Бытовая лексика в историко-географическом аспекте (слова с корнем *ver-) // Севернорусские говоры. Вып. 6 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. С. 36–43.

1996

67. К поэтике народного слова // Проблемы поэтики языка и литературы. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1996. С. 81–84.

68. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. Ласега – лесовой (составление словарных статей). С. 98–117.

69. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. Могеть – мошок (составление словарных статей). С. 243–267.

1997

70. Отражение древнейших языковых контактов в лексике севернорусских говоров // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1997. С. 81–82.

71. О взаимодействии прибалтийско-финских и славянских языков («кисть руки») // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Межвуз. сб. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1997. С. 146–151.

72. Региональный компонент в подготовке учителя-филолога // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Межвуз. сб. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1997. С. 202–205.

73. Говор села Суйсарь Прионежского района Карелии (1980–1990 гг.) // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 264–271.

74. Словарь говора села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 272–294.

75. Суйсара говорят // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 22–24, 89–90, 114–118, 129–130, 153–156.

76. Предисловие // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 5–8 (в соавт. с Н. Н. Мамонтовой и В. П. Орфинским).

77. Лексика Заонежья на общерусском фоне // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной русской культуры Русского Севера «Рябининские чтения». Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 1997. С. 212–216.

1998

78. Группы лексики с приставками ко-, че-, ша- в русских говорах (материалы конференции) // Семантика языковых единиц Т. I. М.: СпортАкадем Пресс, 1998. С. 181–184.

1999

78. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. От – отдюжить (составление словарных статей). С. 268–292.

79. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. Отлагать – отохкаться (составление словарных статей). С. 303–314.

81. Внутрорегиональные лексические различия русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 7 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 11–22.

2000

82. Названия руки в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 68–69.

83. Реализация потенциальных слов в речи сказителя // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера («Рябининские чтения-99»). Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2000. С. 228–232.

2001

84. Зоны проникновения неславянской лексики в русские говоры Карелии // «Своё» и «чужое» в культуре народов Европейского севера / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 112–114.

85. Актуализация семантической антонимии при образовании слова (конь дородный) // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Вторые Жуковские чтения. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 162–163.

86. Живое водлозерское слово // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2001. С. 295–300.

87. Лексика русских говоров Карелии на славянском и прибалтийско-финском фоне // Русская историческая филология: Проблемы и перспективы. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. С. 192–198.

88. Некоторые аспекты лингвокраеведческой работы в школе // Русская историческая филология. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. С. 390–395 (в соавт. с И. А. Кюршуновой).

89. Фольклорное слово в отношении к диалектной лексической системе // Язык и поэтика фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 118–122.

90. Лексическая интерференция русского и прибалтийско-финских языков (лексика подсечного земледелия) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2001. С. 105–109.

91. Топонимическое отражение архаической лексики на территории Новгородской земли // Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции 13–15 ноября 2001 года. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 3–5.

92. Некоторые вопросы диалектной лексикографии (слова с начальными элементами ша-, ше-, шо-) // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. С. 84–86 (в соавт. с Т. Е. Рутт).

2002

93. Название подсеки (русско-финское языковое взаимодействие) // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 220–226.

94. Контрастивное сравнение лексико-семантических комплексов славянских и прибалтийско-финских языков в этимологизации диалектной лексики // Русская диалектная этимология. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 44–47.

95. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 5. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. Свадеблянин – свачкать (сопоставление словарных статей). С. 648–650.

2003

96. Этимологизация региональной лексики (словообразовательный аспект) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера («Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск: Петрозаводск Острова, 2003. С. 316–318.

97. Этноисторический компонент в фольклорном слове // Евгений Владимирович Гиппиус. К 100-летию со дня рождения. Петрозаводск, 2003. С. 50–53.

98. Лексико-семантический комплекс с корнем *-лыг-/-лг-* и его вариантами в русских говорах // Псковские говоры: Синхрония, диахрония. Межвуз. сб. науч. раб. Псков: ПГПИ, 2003. С. 196–205.

99. Псковские следы в лексике говоров Обонежья // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Международная научная конференция: В 2 т. М.: Мос. гос. ун-т печати, 2003. Т. 2. С. 198–203.

2004

100. Лексикализация фонетических явлений субстратного происхождения // Проблемы современной русской диалектологии. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова, 2004. С. 104–105.

101. О проекте комплексного словаря одного населенного пункта // Слово. Словарь. Словесность. СПб.: Сага, 2004. С. 302–306 (в соавт. с А. В. Приображенским).

102. К вопросу системного описания лексических вариантов в диалектных словарях // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития

русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 484–487.

103. Переход фонетических вариантов в самостоятельные слова // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. К 80-летию Ф. П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2004. С. 197–205.

104. Прибалтийско-финский компонент в русском слове // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.). Труды и материалы / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. С. 148–149.

105. История края в народном слове. Русские говоры Карелии: Монография. Петрозаводск: КГПУ. 2004. 288 с.

106. Изменение внешнего облика русского слова в условиях этнических контактов // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. С. 130–140.

107. Лексикализация перехода $e > 'a$ в контексте прибалтийско-финского субстрата // XXXIII Международная филологическая конференция. Вып. 5. История русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. Ч. 1. С. 31–35.

108. О славяно-финских языковых контактах на топонимическом уровне (*Вяртсиля*) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 437–438.

109. Текст Новгородской летописи глазами историка и лингвиста (замечания А. И. Попова на полях памятника) // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси: Межвуз. сб. науч. работ / Отв. ред. С. Н. Смольников. Вологда, 2004. Вып. 2. С. 145–164.

110. Параметры контрастивного сравнения лексики славянских и прибалтийско-финских языков (гнездо с корнем **ver-*) // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 96–103.

111. К вопросу о начальном *кя-* в лексике севернорусских говоров // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. Вып. 8. / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 6–22.

2005

112. Иноэтнический компонент в севернорусской речи // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова) / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2005. С. 126–128.

113. Ономастические свидетельства древнейших славяно-финских контактов (**ver-* ~ **väär-*) // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 121–123.

114. Прибалтийско-финские компоненты в структуре диалектного слова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 130–133.

115. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 6 / Отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова; гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Свита – свопеть (составление словарных статей). С. 13–19.

116. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 6 / Отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова; гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Трава – тряхунок (составление словарных статей). С. 502–528.

117. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 6 / Отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова; гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Шаба – шчокать (составление словарных статей). С. 811–923.

118. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 6 / Отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова; гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Щадиться – щупки (составление словарных статей). С. 923–934 (в соавт. с Н. А. Черкасовой).

119. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 6 / Отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова; гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Яблоко – ящурка (составление словарных статей). С. 945–971.

120. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 6 / Отв. ред. И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова; гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Таба – ящурка (редактирование). С. 433–971.

121. Курс региональной лексикологии на филологических факультетах как компонент лингвоэкологического образования // IV научно-методическая конференция «Экология и образование: региональные аспекты». Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 34–36.

122. Изменение звукового облика слова в зоне этноязыкового контактирования // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. С. 361–366.

123. Реализация интенциональной значимости элементов прибалтийско-финской системы в русском языке // Русский язык: история, диалекты, современность. Вып. 6 / Отв. ред. Л. Ф. Колосов. М.: МГОУ, 2005. С. 196–202.

2006

124. Реализация национально-регионального компонента в курсе «Русский язык» // Методические рекомендации по реализации национально-регионального компонента Государственного образовательного стандарта общего образования в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия / Сост.: А. Н. Морозов, Н. Ю. Григорьевская. Петрозаводск, 2006. С. 8–9.

125. Взаимообмен интенциональными фонетическими признаками в границах слова (на примере русского и прибалтийско-финских языков) // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 110-летию со дня рождения Н. П. Гринковой): Материалы Всероссийской научной конференции 15–17 ноября 2005 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 253–257.

126. Славянское семантическое пространство лексического комплекса **ver-* во взаимодействии с прибалтийско-финскими языками // Научные традиции славистики и актуальные вопросы современного русского языка: Материалы международной научной конференции языковедов, посвященной 100-летию со дня рождения профессора С. В. Фроловой (27–29 июня 2006 г.). Самара: Изд-во СГПУ, 2006. С. 105–109.

127. Деэтимологизация русской лексики как следствие полиэтнических контактов // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Вып. 11: Русская диалектология / Отв. ред. В. И. Трубинский: В 2-х ч. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. Ч. 2. С. 7–10.

128. Лексические варианты, различающиеся начальными звуками // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2006. С. 276–281.

129. Экстенциональные варианты корневых и префиксальных морфем в составе русской лексики говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 129–131.

130. Краеведческая работа по русскому языку в условиях полиэт- нических контактов как компонент лингвоэкологического образова- ния // Современная языковая ситуация и совершенствование подготов- ки учителей-словесников: Материалы VI Всероссийской научно- практической конференции / Под ред. проф. О. В. Загоровской. В 2-х ч. Во- ронеж: Научная книга, 2006. Ч. 2. С. 164–169.

131. Иноязычное влияние на префиксальную систему севернорус- ских говоров // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной кон- ференции. Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2006 г. / Отв. ред. В. А. Козы- рев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 44–47.

2007

132. Прибалтийско-финское воздействие на лексику псковских го- воров // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии: Межвуз. сб. науч. трудов. Псков: ПГПУ, 2007. С. 151–164.

133. Вологодская лексика в контексте прибалтийско-финского суб- страта // Русская культура нового столетия: Проблемы сохранения и ис- пользования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г. В. Судаков, сост. С. А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 795–801.

134. Семантические пересечения славянской и прибалтийско-фин- ской лексики с корнем **ver-* // Славянские языки и культура. Языко- вые средства и способы кодирования культурных знаний: Материалы Международной научной конференции (Тула, Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 17–19 мая 2007 г.). Тула, 2007. Т. II. С. 149–152.

135. Лексика с протезой в отношении к слову и варианту // Грамма- тические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию проф. А. М. Иорданского: материалы седьмой международной конфе- ренции. Владимир: ВГПУ, 2007. С. 198–202.

136. Сокровищница севернорусской народной культуры в словес- ном выражении // Рябининские чтения-2007: материалы V научной кон- ференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозав- водск: Изд-во ГИАЭМЗ «Кижичи», 2007. С. 239–240.

137. Балтизмы в лексике севернорусских говоров // Язык и межкуль- турные коммуникации: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Д. Старичёнок. Минск: БГПУ, 2007. С. 111–113.

138. Документы Кижского восстания 1769–1771 гг. как историко- лексикологический источник // «Единым письмен употреблением па- мяти подкрепляется вечность»: Сб. науч. трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. А. Малышева. СПб.: Наука, 2007. С. 276–283.

139. Что за чудо — и молвить, и речь! (Из воспоминаний диалектолога — сборщика слов) // Север. 2007. № 3–4. С. 180–183.

140. Живое водлозерское слово // Север. 2007. № 3–4. С. 184–186.

141. Картина народной жизни и костромское слово в исследованиях Н. С. Ганцовской // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. 2007. Т. 13. Специальный выпуск. С. 8–13.

142. Ареальная характеристика лексики с экстенциальными признаками // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2007. С. 62–69.

143. Ложный префикс в диалектной лексике // Альманах современной науки и образования. В 3 ч. Ч. 3. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. Тамбов: Грамота, 2007. С. 142–144.

144. Лексикализованные фонетические варианты в областных словарях и диалектная этимология // Семантика. Функционирование. Текст: Международный межвузовский сборник научных трудов. Киров: ВятГУ, 2007. С. 262–267.

145. К вопросу об исконности некоторых префиксов в составе лексики севернорусских говоров // Язык и культура: Материалы научной конференции, посвященной юбилею Л. В. Савельевой. Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 186–190.

146. Древние компоненты в названиях географических объектов Верхней Руси и Европейского Севера // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра филол. наук проф. Е. Н. Поляковой (Пермь, 27–29 ноября 2007 г.) / Сост. О. В. Гордеева; отв. ред. Т. А. Сироткина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. С. 188–192.

2008

147. Особенности префиксальной системы русских говоров, обусловленные прибалтийско-финским влиянием // Севернорусские говоры. Вып. 9 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 55–69.

148. Семантическая зона 'защита' в составе славянского лексического комплекса с исходным корнем **ver-* // Русское слово: литературный язык и народные говоры: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 25–27 октября 2007 г.) / Отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 250–262.

149. Лексикализация несистемных фонетических явлений в вологодских говорах // Говоры Вологодского края: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 29–40.

150. Русская лексика с признаками экстенциального характера в области согласных // Альманах современной науки и образования. № 2(9): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 3 ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2008. С. 96–100.

151. Поиск этимологии с опорой на экстенциальные признаки диалектного слова // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О. Н. Трубачева), Алупка, 25–30 сентября 2008 г. Киев; М.: Фонд им. О. Н. Трубачева «Славянский мир», 2008. С. 102–106.

152. Диалектные варианты общерусских префиксов и вопросы этимологизации // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: ВГПУ, 2008. Ч. 2. С. 224–231.

153. Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах (мена в ~ б) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2008. С. 404–413.

2009

154. Подготовка студентов к сбору и обработке диалектных материалов // Современные способы сбора диалектного материала и проблемы его представления: Материалы международного семинара. СПб.: Северная Звезда, 2009. С. 56–61 (в соавт. с И. А. Кюршуновой, А. В. Приображенским).

155. О слове *бузбóрок* и его родственных связях // Севернорусские говоры. Вып. 10 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. С. 205–209.

156. К вопросу о происхождении названий болот в севернорусских говорах (*дрям* ~ *рям*) // Культурное и природное наследие Европейского Севера: Сборник / Сост. П. С. Журавлев и др.; отв. ред.: Е. М. Терехин, Е. Ф. Шатковская. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 371–377.

157. Экстенциальные лексико-фонетические варианты в новгородских говорах // Слово и текст: история, культура, этнос: Сб. науч. тр. памяти Л. Я. Петровой. Сыктывкар: СыктГУ, 2009. С. 117–123.

158. Состав и принципы построения «Словаря экстенциальных лексико-фонетических вариантов в русских говорах» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 482–486.

159. Прибалтийско-финский компонент в русской диалектной фразеологии // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ, 2009. С. 190–192.

160. К вопросу о степени влияния фонетической системы прибалтийско-финских языков на русскую лексику // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы Международной науч.-практ. конф., 19–20 ноября 2009 г. / Отв. ред.: О. А. Александрова, О. С. Макаров. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 51–55.

161. Преобразованный анлаут и этимологизация диалектного слова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Под ред. Е. Л. Резович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 173–174.

162. Качество собранного материала и вопросы составления диалектных словарей // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: Материалы научно-практического семинара, г. Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 95–103.

163. Комплексный анализ диалектного текста: учебно-методическое пособие // Петрозаводск: Изд-во «КГПА», 2009. 96 с.: ил. + Карты (2 л.).

2010

164. Изменение анлаута в диалектной лексике и вопросы этимологизации // Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада: Сб. статей памяти Л. Я. Петровой / Редкол.: В. Л. Васильев (редактор-составитель), А. В. Жуков, Н. Н. Вихрова. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. С. 69–76.

165. О степени влияния иноязычной фонетической системы на русскую лексику Севера и Северо-Запада // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 11 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 34–49.

166. Памятник письменной культуры Заонежья 30-х гг. XX века (дневник крестьянина) // «Маргиналии-2010: границы культуры и текста». Каргополь (Архангельская обл. России), 25–26 сентября 2010 г. Тезисы докладов международной конференции / редактор, составитель, совместно с А. Г. Кравецким, М. Ю. Михеев. М.: Изд-во МГУ, 2010. (в соавт. с В. П. Ершовым). С. 1–166.

167. Комплекс признаков внешнего воздействия на облик русского слова в зоне полиэтнических контактов // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы вто-

рой международной научной конференции 25–26 февраля 2010 г.: Электронная книга. СПб.: ГПА, 2010. С. 355–359.

168. О картографировании экстенциальных лексических вариантов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2010. С. 93–101 (в соавт. с А. А. Поповым).

169. О признаках диалектной лексики, обусловленных воздействием иноязычной системы // Русская устная речь. Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 181–189.

170. Степень семантической устойчивости несистемных вариантов в русских говорах // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. Вып. 6. Иваново: ИванГУ, 2010. С. 128–133.

171. О слове несистемных лексико-фонетических вариантов в русских говорах // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Отв. ред. Т. С. Садова; Русская диалектология / Отв. ред. В. И. Трубинский: Материалы XXXIX Международной филологической конференции, 15–20 марта 2010 г., С.-Петербург. СПб.: Филологический факультет, 2010. С. 112–115.

172. Иноязычное воздействие на русскую лексику пермских говоров // Проблемы динамической лингвистики: материалы Международной конф., посвящ. 80-летию Л. Н. Мурзина. Пермь, 2010. С. 137–141.

173. Системообразующие возможности экстенциального варианта русского слова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2010. Ч. 5. С. 100–105.

174. Экстенциальный вариант слова в отношении к лексической системе диалекта // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: материалы Международной научной конференции (Псков, 22–24 апреля 2010 г.) / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. Псков: ПГПУ, 2010. Т. 1. С. 129–134.

175. Русская народная речь в полиэтническом пространстве // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 2. С. 27–31.

176. Экстенциальный вариант слова как результат этноязыкового взаимодействия // Язык как система и деятельность — 2: материалы Международной научной конференции. Ростов н/Д.: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 2010. С. 242–243.

177. О междиалектной вариантности фразеологических единиц (*блынды бить* ~ *лынды бить*) // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах: сб. науч. ст. Орел: ОГУ, 2010. С. 153–156.

178. Экстенциальные фонетические варианты в русских говорах как фактор преобразования лексической системы // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. Вып. 1 / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kiijastus / Издательство Тартуского университета, 2010. С. 148–164.

179. Этноязыковые контакты на Севере России и лингвистическое краеведение Воспитание духовности и любви к Отечеству: наука, образование, культура, религия: К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 90-летию Республики Карелия и Году Учителя / Авт.-сост. Н. Н. Дубинина. Петрозаводск: АУ РК «Издательский дом «Карелия», 2010. С. 33–34.

180. Этнические контакты на севере России сквозь призму русского слова // IV научная конференция «Краеведческие чтения», 16–17 февраля 2010 г., Петрозаводск, Национальная библиотека РК, ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010 [<http://library.karelia.ru/files/3953.pdf>]. Дата обращения: 23.05.2020.

2011

181. Каргополь и Пудож — зона этноязыковых контактов // *Культура Поонежья X–XI веков: общерусские черты и региональные особенности: материалы XI Каргопольской научной конференции (18–22 августа 2010 г.)* / Науч. ред. и сост. И. В. Онучина, Н. И. Решетников. Каргополь, 2011. С. 291–296.

182. «Соломенные» места в России // «И нежный вкус родимой речи...»: Сб. науч. трудов, посвященный юбилею Л. А. Климковой / Отв. ред. Е. Ю. Любова. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 352–356.

183. Живое и исчезающее кенозерское слово // *Кенозерские чтения — 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сб. материалов IV научно-практической конференции* / Сост. М. Н. Мелютин; отв. ред. Е. Ф. Шатковская; ФГУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2011. С. 208–213 (в соавт. с О. Н. Пономаревой-Руновой).

184. Этимологическое гнездо с экстенциальными единицами как результат межэтнических контактов // *Язык и межкультурная коммуникация: Материалы Второй Международной научно-практической кон-*

ференции, 19–20 мая 2011 г. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. Т. 1. С. 22–24.

185. Историческое и культурное наследие в беломорском народном слове // Беломорье: нить времен: материалы Форума, Беломорск, 24–26 сентября 2010 г. Петрозаводск: Verso, 2011. С. 44–53.

186. Русское слово в соприкосновении с неродственными языками // Актуальные проблемы науки, практики и вероисповеданий на современном этапе: сб. материалов Седьмой заочной междунаро. науч.-практ. конф. 21 марта 2011 г. / Под ред. проф. А. Н. Попова. Вып. 1. Красноярск, 2011. С. 130–135.

187. К ареальной характеристике лексических единиц с меной согласных *г ~ д ~ б* // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2011. С. 57–69.

188. Алгоритм выявления экстенциальных лексических единиц в русских говорах // Стратегии исследования языковых единиц: Сб. статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 54–58.

189. Модификация русского слова в соседстве с неродственными языками // Язык, ментальность, текст в современной русистике. I congreso internacional de ruschstica “Lengua, visiyñ delmundo y texto”. Granada: Universidad de Granada, 2011. С. 49.

190. Модификация русского слова в соседстве с неродственными языками // Lengua Rusa, Vision del Mundo y Texto (Russian Language, World View and Text) [Электронный документ]. Granada: Universidad de Granada, 2011. С. 245–252.

191. Система устойчивых элементов прибалтийско-финских языков в русских говорах как признак языкового союза на Северо-Западе России // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов, Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2011. С. 505.

192. Экстенциальная лексическая парадигма в составе русской диалектной макросистемы // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Памяти В. И. Трубинского: Материалы секций XL Международной филологической конференции, 14–19 марта 2011 г. СПб.: Филологический факультет, 2011. С. 96–102.

193. Преобразование приставки *об-* в русских говорах // Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 80-летию со дня рождения А. Н. Тихонова, Елец, 17–18 ноября 2011 г.: в 2 ч. / Отв. ред. В. И. Казарина. Елец: ЕГУ, 2011. Ч. 2. С. 159–166.

194. Лексикографическое представление экстенциальных лексических единиц русских говоров // Славянская диалектная лексикография: материалы конференции. СПб.: Наука, 2011. С. 70–71.

195. Изменение структуры русского слова под влиянием неродственных языков (*ta-* > *a-*) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2011. Ч. 7. С. 235–243.

196. Белорусская лексика с протезой *a-* в контексте межъязыковой коммуникации // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты узаемадзеяння. Мінск: БДПУ, 2011. С. 178–179.

2012

197. Лингвокраеведческая работа в системе воспитания учителя-филолога в Карельской государственной педагогической академии // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва—Владимир, 27–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. С. 223–226.

198. Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (*o* > *a*) // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 12 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 218–249.

199. Замечания А. И. Попова к тексту Новгородской летописи (в помощь молодому историку) // Историческое краеведение в Карелии: учебное пособие / Под ред. Л. Н. Юсуповой. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 252–261.

200. Изменение внешнего облика южнорусского слова под влиянием неродственных языков // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы. Ставрополь: СГУ, 2012. С. 174–182.

201. О некоторых внешних факторах изменения облика русского слова (одесский *páрусник* и др.) // В. И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ. Луганск—Москва: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2012. Ч. 6. С. 215–232.

202. Пути выявления диалектных лексических единиц нерегулярного характера // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л. М. Орлова, Волгоград, 15–17 февраля 2012 / Под общ. редакцией профессора Е. В. Брысиной. Волгоград: Перемена, 2012. С. 27–32.

203. Лексикализация нерегулярных фонетических явлений в говорах Костромской группы (*κ'* ~ *т'*) // Национально-культурный и ко-

гнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы международной научно-практической конференции (Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / Под науч. ред. А. М. Мелерович. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 254–256.

204. К этимологии слов с предкорневым компонентом *ва-* (*вагаль*, *вайма*, *вакора*) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2-х ч. / Ред. кол. Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. I. С. 196–198.

205. О происхождении региональной русской лексики Карелии // Краеведческие чтения-2012. Петрозаводск, 2012. С. 11–13 [<http://library.karelia.ru/files/3957.pdf>]. Дата обращения 23.05.2020.

206. К этимологии некоторых псковских слов (*вóшерно* и др.) // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции (26–28 апреля 2012 г.). В 2-х ч. Ч. I. Псков: ПсковГУ, 2012. С. 35–39.

207. Незакономерные преобразования русского слова как результат этноязыковых контактов // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек, сознание, коммуникация, интернет. Варшава: Варшавский университет, 2012. С. 955–963.

208. Лексическая единица экстенциального характера в отношении к исходному слову и варианту // Когнитивная лингвистика и языковая система: тезисы докладов Международной научной конференции 15–17 октября 2012 г. Махачкала, 2012. С. 82–83.

209. Особенности вариантов исконно русского слова в зоне контактов с неродственными языками // Актуальные проблемы русской диалектологии: тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. О. Е. Кармакова. М.: ИРЯ РАН, 2012. С. 112–114.

210. Лексические единицы экстенциального характера в говорах Вологодской области // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. Н. Ильина, Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2012. Ч. 10. С. 223–228.

211. Основные направления лингвокраеведческой работы // К истокам: Вестник Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 10–13.

212. Этнические контакты на Севере России сквозь призму русского слова // К истокам: Вестник Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 14–18.

213. О диалектологической практике студентов II курса // К истокам: вестник Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 55–69.

214. Фольклорные материалы // К истокам: вестник Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 69–74.

215. «Хорили в шóде дýбу ловить» // К истокам: вестник Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. С. 75–77.

216. О некоторых особенностях работы с региональными словарями (рекомендации студентам) // К истокам: вестник Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 77–79.

217. Несистемные лексические единицы в памятниках письменности // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию И.И. Срезневского (1812–1880). Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2012. С. 253–258.

218. О лексике д. Водлы // Монахова А.С. Дивная Водла-земля. М.: ООО «Вариант», 2012. С. 703–706.

2013

219. Лексикографическое представление экстенциальных лексических единиц русских говоров // Диалектная лексика. 2013 / Отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 233–238.

220. Костромская диалектно-профессиональная лексика на общерусском фоне // Родное слово и костромской край: Сб. статей / Отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 362–367.

221. О направлениях работы по лингвистическому краеведению в условиях Карелии // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва—Омск, 13–17 мая 2013 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 413–418.

222. Лексика водлинского говора на фоне русской диалектной макросистемы (по материалам книги Монаховой А.С. «Дивная Водла-земля») // Краеведческие чтения — 2013: материалы VII Международной научной конференции 14–15 февраля 2013 г. Петрозаводск, 2013. С. 22–29 [<http://library.karelia.ru/files/3952.pdf>]. Дата обращения 23.05.2020.

223. Тюркский след в лексике севернорусских говоров (*чезьовина*) // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2013. № 1. С. 71–75.

224. Слово *чезьовина* в ареальных и этимологических связях // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 394–406.

225. Нерегулярные лексические единицы экстенциального характера в тверских говорах // Проблемы региональной лингвистики: Памяти доктора филологических наук, Почётного профессора Тверского государственного университета Т. В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 148–150.

226. «Образное хождение»: о почитании икон на Русском Севере (заметки лингвиста) // Святые и святыни Обонежья: материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения — 2013», посв. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 г.) / Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 181–186.

227. О причастности прибалтийско-финских языков к системным изменениям в исконной русской лексике говоров Обонежья // Славянский мир: общность и многообразие. 1150-летие славянской письменности. Международная конференция: Тезисы докладов. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 179–182.

228. (Рецензия) Живая костромская речь // Ганцовская Н. С. Меткое костромское слово: хрестоматия. Кострома: Кн. клуб «Книговек»; Терра, 2013. С. 6.

229. Культурный ландшафт Северо-Западного Приладожья XVI в. по топонимическим данным // Зеленый пояс Фенноскандии: материалы международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 6–12 октября 2013 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 51–52.

230. Cultural landscape of the 16th century Northwestern Priladozhje according to toponymic data // Зеленый пояс Фенноскандии: материалы международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 6–12 октября 2013 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 52–53.

231. Вопросы разграничения фонетических явлений исконного и экстенциального характера в русских говорах (протеза) // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения. К 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного семинара

(Петрозаводск, ПетрГУ, 19–20 сентября 2013 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 55–59.

232. Об источниках этнокультурного словаря русских говоров Карелии // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения. К 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного семинара (Петрозаводск, ПетрГУ, 19–20 сентября 2013 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 59–62 (в соавт. с Т. Е. Рутт).

233. Об этнических истоках региональной русской лексики Карелии (слова со значением ‘морось’, ‘моросить’) // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2013. С. 50–55.

234. Некоторые особенности изучения курса русской диалектологии в вузах Карелии // Междисциплинарные аспекты диалога культур: Статьи и материалы Международного научного форума «Междисциплинарные аспекты диалога культур» (10–11 октября 2013 г.). СПб.: Издательство Государственной полярной академии, 2013. С. 82–86.

235. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, ООО «Вариант», 2013. 352 с.

236. Заонежский говор периода коллективизации (по данным дневника Т. П. Ананьина) // Кижский вестник. Вып. 14. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 163–185 (в соавт. с К. А. Ефимовой).

237. Картина жизни заонежского крестьянина по лексическим данным (по материалам дневника Т. П. Ананьина) // Кижский вестник. Вып. 14. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 186–195 (в соавт. с К. А. Ефимовой).

238. Заонежское слово в ареальных связях // Кижский вестник. Вып. 14. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 196–202.

2014

239. Состав и принципы построения этнокультурного словаря русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 13 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 3–16 (в соавт. с Т. Е. Рутт).

240. Лексикализация перехода [o] > [a] в русских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 13 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 118–136.

241. Экстенциальный компонент в устойчивых сочетаниях русских говоров // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия «Филологические науки». 2014. № 77. Ма-

териалы международного симпозиума «Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы» (Шестые Жуковские чтения). Великий Новгород: НовГУ, 2014. С. 227–230.

242. Лексика заонежских сказок в записях А. А. Шахматова и материалы Словаря русских народных говоров (сходство и различие) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А. А. Шахматова / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 187–188.

243. Ценностные характеристики материалов конкурса «Край родной — родное слово» // «Краеведческие чтения — 2014»: Материалы VIII научной конференции (13–14 февраля 2014 г., Петрозаводск). С. 14–21 [<http://library.karelia.ru/files/619.pdf>]. Дата обращения 23.05.2020. (в соавт. с Е. А. Илгуновой).

244. Экстенциальные лексические единицы в смоленских говорах // Русский язык в современном мире: Сб. статей по итогам научно-практической конференции (22 мая 2014 г.) / В. Н. Селедцова, Н. В. Бубнова. Смоленск: Изд-во «Свиток», 2014. С. 198–205.

245. Возможности использования экстенциальных лексических единиц при составлении карт «Лексического атласа русских народных говоров» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 527–536.

246. Лексические варианты с экстенциальными признаками как объект лексикографии // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — культура — образование: материалы VI Всерос. науч. конф., Иваново, 27–28 февраля 2014 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 119–126.

247. Исполнители закона и нарушители порядка в Карелии XVII в. (по данным памятников письменности) // Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержание образования: Доклады Международной научной конференции. Петрозаводск: СФ РПА Минюста России, 2014. С. 25–26.

248. Финно-угорские элементы в русской диалектной лексике // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня / Редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2014. С. 60–62.

249. Историко-краеведческий аспект изучения топонимии Выгозерья (по данным Национального архива РК) // Восьмые всероссийские краеведческие чтения. М.: ИЦ «Краеведение», 2014. (в соавт. с А. В. Приображенским).

250. Представление процессов этноязыкового взаимодействия в «Словаре экстенциальных лексических единиц» // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции / Отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 114–115.

251. *Обудоха* (Поиск этимологии загадочного русского слова в лингвистическом пространстве Карелии) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 167–171.

2015

252. Экстенциальные и исконные фонетические диалектизмы в русских говорах // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 г.: Избранные труды. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 278–288.

253. О необходимости изучения вопросов славяно-финского взаимодействия студентами-филологами // Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития»: Материалы международного форума (Петрозаводск, 9–13 декабря 2014 г.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. С. 186–198.

254. О словаре вологодских говоров // Слово и образ в культуре Русского Севера: Сборник научных трудов. Вологда: ВГУ, 2014. С. 66–68.

255. Лексика с признаками внешнего языкового воздействия в Костромской группе говоров // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 144–149.

256. К проблеме славяно-финского симбиоза (по данным топонимии и лексики Русского Севера) // «Свое» и «чужое» в культуре = “Our” and “Alien” in Culture: материалы X Международной научной конференции (г. Петрозаводск, 16–17 марта 2015) / Под ред. Н. Г. Урванцевой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 101–104.

257. О степени устойчивости экстенциальных лексических единиц // XLIV Международная филологическая научная конференция, 10–15 марта 2015 г. СПб.: СПбГУ, 2015 [<http://conference-spbu.ru/conference/30/reports/2607>]. Дата обращения 23.05.2020. С. 1.

258. Экстенциальная лексика русских говоров как своеобразный код этнокультурного взаимодействия // XI Конгресс антропологов и этнологов России: Контакты и взаимодействия культур: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Головнёв. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 195.

259. *Люди странные, ветреные* // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф., 17–18 окт. 2014 г. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 338–341.

260. Русское слово в полиэтническом пространстве Карелии // Рябининские чтения — 2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2015. С. 554–557.

261. Поиск этимологии диалектных слов с опорой на признаки иноструктурного языкового воздействия // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 178–180.

262. Аспекты описания экстенциальных лексических единиц в диалектном словаре // Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции / Отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 131–132.

263. Следы древнейших славяно-финских контактов в топонимии и географической лексике // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (к 100-летию серии «Россия. Полное географическое описание нашего отечества»): Материалы V междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. Ч. I. С. 201–204.

264. Названия полотенца в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 391–398.

265. Формальное варьирование в пределах экстенциальной лексической макросистемы // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С. 345–348.

266. Этногенетический код в русском слове и типы диалектных лексических различий // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 1 ноября 2015 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 143–145.

267. Аспекты описания экстенциальных лексических единиц в диалектном словаре // Современные проблемы лексикографии: материалы

конференции / Отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 131–132.

268. Живая костромская речь (Рецензия) // Ганцовская Н. С. Меткое костромское слово. 2-е изд. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. С. 170–171.

269. Лексика Заонежья с фонетическими признаками субстратного происхождения в фольклорных записях А. А. Шахматова // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: Сб. докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции (16–19 сентября 2015 г., г. Петрозаводск) / Отв. ред. Н. В. Патроева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 38–41.

270. Экстенциальные элементы в лексике русских говоров Карелии на общерусском фоне (эпентеза) // Carelica. 2015. 1 (13) [<http://carelica.petrstu.ru>]. Дата обращения 23.05.2020 (в соавт. с С. В. Передерниным). С. 13–22.

271. Край родной — родное слово: учебное пособие / сост. Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский, Е. Р. Гусева, Е. А. Илгунова. Петрозаводск: Изд-во ИАЦ, 2015.

2016

272. Вербальный код иноэтнического воздействия на бытовую и устнопоэтическую речь жителей Русского Севера // Кенозерские чтения–2015: «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»: Сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е. Ф. Шатковская; сост. М. Н. Мелютин. Архангельск, 2016. С. 151–158.

273. Из опыта взаимодействия вуза с краеведами региона: на примере деятельности Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Петрозаводского государственного университета // Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва—Воронеж, 15–19 мая 2015 г.) / Отв. ред. В. Ф. Козлов; сост. А. Г. Смирнова. М.; Воронеж, 2016. С. 901–905 (в соавт. с Т. Е. Рутт).

274. Лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии Петрозаводского государственного университета — школам Карелии // Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва—Воронеж, 15–19 мая 2015 г.) / Отв. ред. В. Ф. Козлов; сост. А. Г. Смирнова. М.; Воронеж, 2016. С. 906–910 (в соавт. с А. В. Приображенским).

275. О влиянии иноструктурных языков на формирование лексики псковских говоров // Шестые Псковские региональные краеведческие чтения (Печоры. 9–11 октября 2015 г.). М.; Псков, 2016. С. 102–109.

276. Русское слово в зоне этнических контактов [Электронный ресурс]: научное электронное издание. Часть I. Анлаут. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 102 с.

277. Русское слово в зоне этнических контактов [Электронный ресурс]: научное электронное издание. Часть II. Мена звуков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 106 с.

278. Из древнейшей юридической лексики (по материалам новгородских берестяных грамот) // Диалектное и литературное слово. История и современность: Сб. статей в честь Антонины Васильевны Клевцовой / редколл.: В. И. Заика (редактор-составитель), В. Г. Дидковская, Г. Н. Гиржева. Великий Новгород, 2016. С. 108–112.

279. К вопросу о лексикографическом представлении диалектных местоимений // Диалектное и литературное слово. История и современность: Сб. статей в честь Антонины Васильевны Клевцовой / редколл.: В. И. Заика (редактор-составитель), В. Г. Дидковская, Г. Н. Гиржева. Великий Новгород, 2016. С. 22–28 (в соавт. с Е. Р. Гусевой).

280. О степени устойчивости экстенциальных лексических единиц в системе говора // Финно-угорская мозаика: Сб. статей к юбилею Иры Ивановны Муллонен. STUDIA NORDICA I / Отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2016. С. 105–116.

281. Выражение эмоций сквозь призму местоименных слов в русских говорах Карелии // Краеведческие чтения: материалы X научной конференции (11–12 февраля 2016 г.) / Нац. б-ка Респ. Карелия; сост. П. Н. Соловьева. Петрозаводск, 2016. С. 202–206 (в соавт. с Е. Р. Гусевой).

282. Названия наклонного бревенчатого настила в крестьянском хозяйственном комплексе // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 366–375.

283. Способы представления лексико-фонетических вариантов в словарях (к вопросу о статусе экстенциальной лексической единицы) // Диалектная лексика-2016 (К 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 296–314.

284. Хозяйственно-экономическая лексика в писцовых материалах Ярославской земли XVI века // Ярославский текст в пространстве диалога культур: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ярославль, 13–15 апреля 2016 г.) / Отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 25–31.

285. Из антропонимии Ярославского Правобережья // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супру-

на; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас—Саров: Интерконтакт, 2016. С. 133–137.

286. Исторически обусловленные фонетические противопоставления (на примере диалектно-профессиональной лексики) // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край: Сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 202–209.

287. Диалектные тексты как основа комплексного обследования населенных пунктов // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край: Сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 546–550.

288. Модификация русской лексики в полиэтнической зоне (слова с начальными плавными) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 7-2 (160). Ноябрь, 2016. С. 70–77.

289. Виды иноэтнического воздействия на русское слово в региональных лексических системах // Севернорусские говоры. Вып. 15: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 44–58.

290. О работе над «Словарем русских говоров Карелии и сопредельных областей» под руководством А. С. Герда // Севернорусские говоры. Вып. 15: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 13–20.

2017

291. От А. А. Шахматова до А. С. Герда (о развитии диалектной лексикографии Карелии) // Краеведческие чтения: материалы XI научной конференции (16–17 февраля 2017 г.) / Сост. П. Н. Соловьева. Петрозаводск, 2017. С. 217–223.

292. Источник изучения региональной культуры и языка («Словарь говоров Костромского Заволжья Н. С. Ганцовской») // Вестник Костромского гос. ун-та. Т. 23. Специальный выпуск. Кострома, 2017. С. 117–121.

293. О возможностях разграничения исходного слова и экстенциальной лексической единицы // Севернорусские говоры. Вып. 16: Межвуз. сб. / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 32–47.

294. Совмещение исконных и экстенциальных признаков в этимологически родственных словах // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: Сб. статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / Отв. ред. Е. П. Осипова. Рязань, 2017. С. 307–312.

295. Вопрос о лексико-фонетических вариантах в диалектных словарях // Ученые записки Новгородского государственного университета. Великий Новгород, 2017. № 3 (11). С. 19.

296. Псковская лексика сквозь призму этнических контактов // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). В 2 ч. / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: ЛОГОС, 2017. Ч. 2. С. 72–80.

297. К поиску этимологии загадочного новгородского слова (*тмэ-на*) // Диалектный словарь как лингвистический ресурс (К 25-летию Новгородского областного словаря). Программа межвузовской научной конференции с аннотациями докладов 18–20 мая 2017 г. Великий Новгород, 2017. С. 36–37.

298. Лексика природы беломорских говоров в контексте этноязыкового взаимодействия // Международная и межрегиональная сопряженность охраняемых природных территорий Европейского Севера: материалы международной научно-практической конференции, проводившейся 13–17 ноября 2017 г. Научное электронное издание. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2017. С. 95–98.

299. Ученый, просветитель, организатор науки: Заседание, посвященное памяти А. С. Герда (1936–2016) // Научный электронный журнал CARELICA. № 2 / 2017 (18). Петрозаводск: ПетрГУ, 2017. С. 54–70 (в соавт. с Е. Р. Гусевой).

300. Название пескаря в русских говорах (сведения по вопросу Л383 Программы «Лексического атласа русских народных говоров») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 397–412.

301. Заонежский говор периода коллективизации // Дневник заонежского бондаря: памятник крестьянской письменной культуры 30-х гг. XX в. / расшифровка текста: В. П. Ершов, коммент.: В. П. Ершов, И. В. Мельников. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 281–308 (в соавт. с К. А. Ефимовой).

302. Картина жизни заонежского крестьянина по лексическим данным // Дневник заонежского бондаря: памятник крестьянской письменной культуры 30-х гг. XX в. / расшифровка текста: В. П. Ершов, коммент.: В. П. Ершов, И. В. Мельников. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 309–318 (в соавт. с К. А. Ефимовой).

303. Заонежское слово в ареальных связях // Дневник заонежского бондаря: памятник крестьянской письменной культуры 30-х гг. XX в. /

расшифровка текста: В. П. Ершов, коммент.: В. П. Ершов, И. В. Мельников. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 319–326.

304. Незаконномерные изменения внешнего облика лексики говоров Беломорья // Научный электронный журнал CARELICA. № 2 / 2017 (18). Петрозаводск: ПетрГУ, 2017. С. 1–8.

2018

305. Лексика правонарушения в документах Олонецкой приказной избы // История охраны правопорядка и безопасности в Карелии: от истоков до современности: Краеведческие чтения: материалы XII научной конференции (14–15 февраля 2018 г.) / Сост. В. А. Ягодкина. Петрозаводск, 2018. С. 41–47 [http://library.karelia.ru/media/kraeved_chten2018/38/index.html]. Дата обращения 23.05.2020.

306. Лоция Белого моря 1930 г. как источник изучения системы номинации гидрообъектов Европейского Севера // Вопросы географии / Русское географическое общество. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики / В. М. Котляков, А. В. Барандеев, Р. А. Агеева, А. А. Герцен. М.: Кодекс, 2018. С. 135–143.

307. Ярославская лексика в контексте этнокультурного взаимодействия // Ярославский текст в пространстве диалога культур: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, 10–11 апреля 2018 г.) / Сост. и отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 212–216.

308. Лексико-фонетические варианты в системе диалектных лексических различий // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск): в 2 ч. / Науч. ред. Н. В. Патрова; предисл. Н. В. Патровой и О. В. Никитина. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. Ч. I. С. 261–264.

309. Беломорье как объект исторического, этнокультурного и ареального исследования сквозь призму языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 6 (175). Сентябрь. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. С. 109–112.

310. Метаморфозы русского слова в условиях этнических контактов // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 169–171.

311. Системный характер воздействия иноструктурных языков на русское слово // Севернорусские говоры. Вып. 17 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 46–58.

312. К поиску этимологии необычного русского слова в этноконтактной зоне Карельского Поморья (*прихохотье*) // Вестник Костром-

ского государственного университета. Т. 24. № 3, июль–сентябрь. Кострома, 2018. С. 186–190.

313. Лексикализация незакономерных фонетических явлений в оренбургских говорах // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: В 2 ч. материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22–24 ноября 2018 г. / Сост. и науч. ред. П. А. Якимов. Оренбург: Оренбургская книга, 2018. Ч. 1. С. 42–46.

314. Лексикографическое представление русских говоров Беломорья в конце XIX – начале XXI вв. // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития (к 70-летию выхода 1-го тома «Словаря современного русского литературного языка»)», 3–5 октября 2018 г. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 279–287.

315. Материалы к словарю деловых документов Беломорья XIX – начала XX вв. // Научный электронный журнал CARELICA. № 2 / 2018 (20). Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. С. 19–51.

316. Лексико-фонетические варианты с незакономерной меной согласных [ж] и [ш] // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / Отв. ред. С. А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 294–304.

317. Лексика правонарушения в документах Олонецкой приказной избы // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Периодическое научно-исследовательское издание. Вып. 9 (69). Петрозаводск, 2018. С. 1–8.

2019

318. Этнокультурный код в региональной системе речевой коммуникации носителей разноструктурных языков // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: Сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред.: М. Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 481–482.

319. Процессы воздействия агглютинативных языков на русское слово // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции, 23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград / Гл. ред.: Е. В. Брысина, В. И. Супрун. Волгоград: Фортекс, 2019. С. 109–114.

320. A little-known hand-written document for studying the linguistic space of the White Sea [Малоизвестный рукописный источник изучения лингвистического пространства Беломорья] // *Norwegian Journal of*

development of the International Science. No 32. Vol. 2. Oslo, Norway, 2019. Pp. 33–41 (в соавт. с В. П. Ершовым).

321. «Сказ о Беломорье» К. П. Гемп как памятник истории и культуры поморов // Краеведческие чтения: материалы XIII республиканской научной конференции с международным участием (13–14 февраля 2019 г.) / Сост. В. А. Ягодкина. Петрозаводск, 2019. С. 67–75.

322. К этимологии слов *кумора*, *кумороть*, *кумоворот* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / Редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 214–216.

323. Деловые документы 30–50-х гг. XX века как источник изучения топонимии Карельского Поморья // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород: Печатный двор, 2019. С. 138–142 (в соавт. с А. В. Приображенским).

324. Заонежье в лингвогеографическом представлении (по данным 1-го тома Лексического атласа русских народных говоров «Растительный мир») / Рябининские чтения — 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск: КНЦ РАН, 2019. С. 581–583.

325. Прибалтийско-финский фонетический компонент в лексике говоров Заонежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 38–43.

326. Лингвистические свидетельства взаимодействия русского и прибалтийско-финских языков // Аннотации докладов научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность», Петрозаводск 24–25 октября 2019 г. Петрозаводск, 2019. С. 31–32.

327. Модифицированная лексика беломорских говоров (по данным диалектных словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 583–592.

328. Формальные изменения русского слова в карельском, вепском и саамских диалектах // Севернорусские говоры. Вып. 18 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 13–28.

2020

329. Этноязыковые контакты на территории Карелии в трудах по лексикографии и лингвогеографии // Краеведческие чтения. Материалы XIV научной конференции (19–20 февраля 2020 г.). Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2020. С. 74–77.

330. Из истории оленеводческой лексики на севере Карелии (по данным Национального архива РК) // Краеведческие чтения. Материалы XIV научной конференции (19–20 февраля 2020 г.). Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2020. (в соавт. с А. В. Приображенским). С. 67–73.

331. Разноформленные варианты общего названия птицы в отношениях исконного родства // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 576–583 (в соавт. с А. В. Приображенским).

Рецензии на работы Л. П. Михайловой

1. *Мызников С. А.* Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, ООО «Вариант», 2013. 352 с. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3. Серия Гуманитарные исследования. С. 183–187.

2. *Тарланов З. К.* Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных лексических единиц // Русская речь. 2015. № 2. С. 122–124.

3. *Шаповал В. В.* Рецензия на словарь Л. П. Михайловой «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» (Петрозаводск: Карельская государственная педагогическая академия; М.: Вариант, 2013. 352 с. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 128–130.

4. *Варбот Ж. Ж.* Рецензия на кн.: Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах / Л. П. Михайлова. Москва: Издательство КГПА, 2013. 352 с. // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 283–286.

Научное издание
СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ
Выпуск 19

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано в печать 29.10.2020. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25.575. Тираж экз. Заказ №

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
<https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел./факс: +7(812)235-15-86